РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ (РУДН)
ИНСТИТУТ СОВРЕМЕННЫХ ЯЗЫКОВ,
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И МИГРАЦИЙ (ИСЯМКИМ)

V ФИРСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

СОВРЕМЕННЫЕ ЯЗЫКИ, КОММУНИКАЦИЯ И МИГРАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Материалы докладов и сообщений
Международной
научно-практической конференции

Москва, 20–21 октября 2021 г.

Москва
Российский университет дружбы народов
2021

УДК 80/81:372.881.1:378.147(063)
ББК -9*81.2+80/84
П99

Утверждено
РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов

Председатель организационного комитета –
директор научно-образовательного Института современных языков,
межкультурной коммуникации и миграций
к.ф.н., доцент *С.А. Москвичева*

Члены организацинного комитета:
к.ф.н., доцент кафедры иностранных языков филологического факультета *А.С. Борисова;*
к.ф.н., доцент кафедры иностранных языков филологического факультета *М.А. Бородина;*
к.ф.н., доцент кафедры иностранных языков филологического факультета *Л.Н. Гишкаева*;
к.ф.н., доцент кафедры иностранных языков филологического факультета *Н.В. Дубинина;*
к.ф.н., доцент кафедры иностранных языков филологического факультета *Н.М. Дугалич;*
к.ф.н., доцент кафедры иностранных языков филологического факультета *М.Е. Куприянова;*
к.полит.н., доцент кафедры иностранных языков филологического факультета *Д.В. Накисбаев*;
к.ф.н., ст.преп. кафедры иностранных языков филологического факультета *А.В. Игнатенко;*
ст.преп. кафедры иностранных языков филологического факультета *А.А. Борзенкова;*
ст. преп. кафедры иностранных языков филологического факультета *А.Д. Левшиц*

П99 **V Фирсовские чтения. Современные языки, коммуникация и миграция в условиях глобализации** : материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции. Москва, 20–21 октября 2021 г. – Москва : РУДН, 2021. – 564 с. : ил.

ISBN 978-5-209-10982-2

© Оформление. Российский университет дружбы народов, 2021

Звукобуквенный стандарт слова китайского языка путунхуа как эпохальное событие в истории развития китайской цивилизации

Алексахин А.Н.

(Россия, Москва)

После принятия в КНР в 1958 г. закона о проекте «Пиньинь цзыму фанъань» (Проект создания алфавита и записи слов китайского языка буквами китайского алфавита) китайские иероглифы для всего мира заговорили звуками пекинской речи. Слова китайского языка путунхуа (государственный язык КНР) по определённым правилам орфографии записываются 57 буквами китайского алфавита. Буквы китайского алфавита разработаны на основе латинских букв, поэтому их называют «китаизированными буквами». Как и в алфавитах других языков китаизированные буквы обозначают согласные и гласные фонемы китайского языка путунхуа. 59 фонем обозначены 57 буквами. Китайский алфавит близок к идеальному, в котором каждая фонема обозначается отдельной буквой. Как подчёркивает один из основных языковедов, участвовавших в разработке проекта записи слов китайского языка буквами, Чжоу Югуан 周有光 (1906–2017), которого в Китае называют «Отцом китайского алфавита» (拼音字母之父), главным принципом создания китайского алфавита является фонематичность звуков речи.

В Китае сложилась уникальная социолингвистическая ситуация, обозначаемая формулой «Один язык — две письменности» (一语双文). Слова китайского языка в словарях параллельно записываются двумя видами письменностей: традиционной иероглифической и

инновационной буквенной. Письменность, обозначающая значение центральной единицы языка — слова, типологически определяется как идеографическая, а письменность, обозначающая звучание слова, — как фонографическая. Качественное различие двух видов письменностей демонстрируется через скачкообразное различие количества их знаков для записи 68 тысяч слов и выражений в «Современном нормативном словаре китайского языка» (现代汉语标准词典). Указанное количество слов и выражений параллельно записаны 13000 иероглифов и 57 буквами. Таким образом слова китайского языка наряду с иероглифическим обрели звукобуквенный стандарт. Звукобуквенный стандарт слов китайского языка путунхуа проник во все поры социолингвистической жизни современного Китая, он признан международным сообществом в качестве официального стандарта обозначения имён собственных китайского языка. Взаимодействие звукобуквенного (вспомогательного) и иероглифического (основного) стандарта слова обеспечивает функционирование китайского интернета на китайском языке. Закономерно, что по оценке китайских учёных инженерной академии (сделано к 50 годовщине опубликования Проекта китайского алфавита), разработка звукобуквенного стандарта слова и лазерная технология книгопечатания в 20 в. для Китая по своему научно-техническому значению уступает только успешному испытанию атомной и водородной бомбы и запуску искусственного спутника Земли.

На научном симпозиуме, проведённом Министерством образования КНР по случаю 60 годовщины опубликования Проекта китайского алфавита, определяется, что это событие является эпохальным в истории развития китайской цивилизации, и оно стало возможным благодаря

политической воли высшего руководства КПК в сочетании с гениальностью творчества китайских языковедов.

Слово «Творитель» в арабском химическом дискурсе

Аль-Авад А.Р.

(Россия, Москва)

Алхимия в арабских источниках предстает не только как деятельность по изготовлению эликсиров, но и как широкое видение мира, со своей логикой, целями и причинами. Это видение отсылает читателей к далекому прошлому, к александрийскому герметизу или Гермесу Трисмегисту, как философскому натурфилософскому течению, большая часть которого истолковано в письмах Джабира ибн Хайяна, средневекового алхимика известного благодаря своим алхимическим воззрениям, создателем ртутно-серной теории происхождения металлов. Герметическое учение распространилось в сочинениях алхимиков в начале первого века нашей эры, а затем во множестве современных исследованиях.

Алхимия не только стремится к истолкованию существующих правил в мире, но и стремится контролировать их. Алхимик в действительности имитирует космические законы и стремится изменить свойства реально-чувственного мира вещей, например, как это происходит с металлами. Отсюда выражение, которое арабские переводчики придумали для описания александрийского алхимического искусства: *алсинаа* الصنعة, которое в своей семантической структуре фиксируется у Фуата Сезгина, специалиста в области арабско-исламской культуре, и означало чистую алхимию, в отличие от того, что химия

означала лабораторные эксперименты нацеленные на обман и колдовство. Человеком, занимающимся этим искусством называли аль-саании или الصانع . Слово на русский язык переводится как «создатель или творитель». «Наименование алхимика создателям имеет сходные характеристики с выражением функций первопричины в управлении жизненным процессом». [:2008 جابر بن حيان8].

Арабские алхимики нередко сравнивали алхимию с языком: язык это не только образная схожесть, но и внутренний состав вещи, который выражает важнейшие ее сущности. Язык это не результат человеческого согласия, а самостоятельная сущность.

Если для реализации смысла в выражении непременно наличие нескольких букв, а для образования последовательной полезной речи требуется минимальная организация слов, то таким же образом свойства простых предметов и их состав образуют эликсиры. Настоящая наука о языке и есть «алхимия слова»

Алхимия не останавливается на этом. Ученые-алхимики считают, что ее суть это мудрость الحكمة поэтому всегда стремятся довести человека до высшей степени истинного познания и настоящего вдохновения. Такая способность управлять таинственными силами и сущностями достигает своего совершенства в «науке о творении». Твориртель (создатель) или الصانع в состоянии творить чудеса в своем искусстве и ускорять некоторые процессы. Имитируя законы природы человек в состоянии творить все. Этот пункт свидетельствует о высокой степени воздействие древних тайных наук на арабскую алхимию и в частности на науку о весах и творении, которая быстро развивалась в арабской средневековой культуре.

Алхимия как термин в настоящее время используется для различения современной химии от старой таинственной натурфилософской науки способное дать земное существование.

Взгляд алхимиков на мир заключается в том, что они не считают его медитативным плодом научно-суфийского вдохновения, происходящего в душе человека отделенного от мира. А наоборот: они полагают, что второе рождение происходит именно с помощью исследования процессов этого мира и его материи. Человек — микрокосмос — в алхимии согласно Джабиру ибн Хайяну это средний мир или العالم الاوسط. Он находит себя в нем через открытие индивидуальных законов или же они переплетаются в нем в другой уровень сознания и бытия.

В джабировских трактатах объяснение природных законов, превращение металлов, развитие мышления — это три содержательных стороны алхимии

Джабир ибе Хайян открывает природные законы через такую науку, как «Наука о весах»علم الموازين, которая, прежде всего, имела своей целью познать универсальный закон, который можно будет применить на практике в работах Творителя в лабораториях. Медицина и фармакология считались наилучшими областями для использования принципов науки о весах на основе свойствах металлов, что было связано с применением способа лечения болезней и приготовления необходимого лекарства или эликсира для лечения..

В средние века медицина была тесно связана с алхимическим искусством. Поэтому часто можно было встретить слова как «мастерство», «искусства» или «мудрец» для обозначения сути работы алхимика или медика. Приведем несколько высказываний средневековых врачей относительно этого слова: «Если мудрецу удалось излечить болезнь едой нежели лекарством, то ему уготовано счастье»; «Он усердно старался излечить болезни, прилежно вникал в загадки медицинского искусства, к раскрытию ее фактов и секретов»; «Чтение многих мудрых книг, и следование их тайного искусства полезно для каждого мудреца»[8-7 :2000 الحاوي]. Например в работах

средневекового алхимика Рази (Разеса) слово «химия» вообще не употребляется. Названия всех работ по алхимии он именует словом *творением.* Например, в трактате «Китаб шараф ас-синаа» («Книга о благородстве искусства алхимии» — كتاب شرف الصناعة —), оно было заменено словом *синаа (صناعة)* или *сана* из. араб. языка *(صنعة)*, что означает творение, ремесло, искусство. Алхимические трактаты Джафара ас-Садыка также не исключение: «Книга относительно наук об искусстве и благородном камне». Другая работа по химическому искусству относится хорезмийскому алхимику Абдул Хакима ал-Хорезми «Сущность искусства и помощь работникам» (عين الصنعة وعون الصنعة). Очевидно, что слово *химия* по своему происхождению имеет оттенки к изменению некоторых свойств вещей и вмешательству со стороны человека в жизненный процесс. Парацельс, европейский врач и алхимик, который жил позже пишет: «Чтение еще никого не сделало врачом». Он считал, что «не существует не одного ученого способного научить его своему искусству и, что медицина есть искусство, которое требует практики»[Гартман 1997: 61].

Еще одно уникальное значение слова «мудрость» дает Джабир ибн Хайян. Он утверждает, что алхимию, которую классифицируют как одну из семи практических наук не содержит помимо общих сведений в области металлов и красок, а все, другие знания, помогают достижению мира до совершенства и, которые могут быть удостоены звания «конец или итог мудрости» نهاية الحكمة. Нужно заметить, что алхимики выделяли семь основных наук, которые подчинялись законам о весах: медицина, алхимия, наука о свойствах, наука о талисманах, наука о природе, наука о творении и использование высот.

Слово *синаа* еще может встречаться как самостоятельное отрасль знания (علم الصناعة) т.е. «наука о творении» . «Китаб фи анна синаат ал-кимийа синаа акраб

ила л-вуджуж мин ал-мумтани (كتاب في ان صناعة الكيمياء اقرب книга о том, что искусства алхимии стоит ближе к действительности, чем к невозможности — الى الوجود من الممتنع).

Очевидно, что в некоторых случаях слово «творение» синонимично слову «мудрость» или из араб. язык ал –хикма (الحكمة), которое тем самым близко по значению к слову «химия». «Китаб сирр ал-хукама ва хийалихим» (Книга о тайнах мудрецов и их ухищрениях- — كتاب سر الحكماء وحيلهم). К одной из книг Джабира были написаны следующие комментарии: «Что касается книги, которая называется «Кита баш-шавахид», то она содержит выдержки из загадочных высказываний мудрецов (فيه خلاصة من اقوال الحكماء)».

Что касается изготовления эликсиров, то оно было центральным понятием в алхимическом искусстве, и слово во многом сходно с процессом *творения.* Об этом свидетельствуют наименования, которые встречаются в арабских трактатах средневековой алхимии. Одна из важнейших работ Джабира получила у него название «Изготовление великого эликсира» (تدبير الاكسير العظيم).

Все науки это абсолютно естественные феномены, которые можно интерпретировать с помощью закона о весах и свойств вещей . Арабские ученые не раз подчеркивали, что даже магия это подлинная реальность. «Люди не верят в это, но это есть результат простого естественного развития, причины которого обычно неизвестны, так как невидимы. Но если мы достигнем знания о весах, которые управляют вещами, мы будем в состоянии использовать эти магические отношения в нашей жизни» [31 :2008 جابر]

В итоге можно подчеркнуть, что используемый метод в арабской средневековой науке о творении свидетельствует о понимании того, что человеческое сознание способно понять реальность и изменить ее. Оно ведет к практическому знанию и связыванию алхимии с наукой о языке. Важнейшим достижением алхимии в арабской культуре было не только установление всеобщего теоретического

метода, но и в то же время прояснение лабораторных экспериментов, где будут раскрыты высшие факты. Идея и лексема *«творения»* в средние века влекла за собой страх, особенно в кругах, где господствовали важнейшие религиозные доктрины. Но на самом деле это слово было связано с алхимическими символическими выражениями, которые были направлены на духовное усовершенствование взглядов внутри творителя, которое приведет его к его новому рождению.

Литература

Баранов Х. К. Арабско-русский словарь [Текст] / ок. 42000 слов / Х.Л. Баранеов. — 7-е изд., стереотип. — М.: Рус. Яз., 1989. — 928с.

Гартман, Ф. Жизнь Парацельса и сущность его учения; Медицина. Космология. Антропология. Пневматология. Магия и колдовство. Алхимия и астрология. Философия и теософия / Пер. с англи. В.С. Зуевой и др. — М.: Новый Акрополь, 1997. 288 с .

Каримов, У.И. Неизвестное сочинение ар-Рази «Книга тайны тайн». Ташкент, 1957, 186 с.

ابي بكر محمد بن زكريا الرازي الطبيب المتوفي سنة 313ه. الحاوي في الطب. مراجعة وتصحيح: د. محمد محمد اسماعيل. ط. 1 بيروت — لبنان: منشورات محمد علي بيضون لنشر كتب السنة والجماعة. 3945 ص.

بن جيان, جابر. مجموعة مصنفات في الخيمياء والاكسير الاعظم .دراسة وتقديم: بيبير لوري. جبيل — لبنان:دار ومكتبة بيبلون, 2008, 485 ص.

The Role of Pronouns in Olympic Games Discourse 2020: Corpus Assisted Critical Discourse Analysis

Alchaabawi S., Balandina E.S.

(Iraq, Baghdad; Russia, Chelyabinsk)

Media discourse refers to interactions that take place through a broadcast platform, whether spoken or written, in which the discourse is oriented to a non-present reader, listener, or viewer [Barzin & Samiei 2013: 200]. Nowadays, media discourse attracts a lot of scientists as it reflects the state of modern society and highlights the main trends of its development. In our research, we decided to concentrate attention on the analysis of the media discourse of Olympic Games 2020. The relevance of this study is explained by the controversial nature of the Games as they were to be organized in the time of pandemic COVID-19. As a result, there were a lot of discussions and debates concerning their postponement and the effect of pandemic on the general perception of Olympic Games 2020-2021. The given article aims to demonstrate the role of pronouns in Olympic Games discourse 2020, to highlight the peculiarities of their usage, and to state the functions fulfilled by them.

To analyse the general characteristics of Olympic discourse 2020, we have chosen the samples from the British newspapers 'The Independent', 'The Guardian', 'The Telegraph', and 'The Daily Mirror'. In our study, 64 articles published within the period March 2020 — July 2020 were collected from these prominent newspapers: The Independence (21 articles), The Guardian (19 articles), The Telegraph (15 articles), The Daily Mirror (9 articles). Therefore, we got the corpus that consists of 40710 tokens. From our point of view, the selected number of articles allows us to construct a representative foundation for the analysis as it sticks to such important points as sampling, balance,

and representativeness. The current study investigates the collected material by methods of corpus-assisted critical discourse analysis. As one of the main points that corpus discourse analysis deals with is connected with the word frequency, we made our mind to present here the most numerous groups of pronouns, their frequency distribution, and functions in relation to critical discourse analysis.

The most frequent pronoun in the analysed discourse is ‘it’ with frequency 328. This pronoun was commonly used in the studied texts to refer to a thing (56 cases), organization (43 cases), quality (24 cases), decision (31 cases), an event (78 cases), and a place (45 cases). Moreover, it performed the functions of a sentence subject and an object, therefore, we need to distinguish the usage of personal and object pronoun ‘it’.

• The pronoun 'it’ refers to a decision and takes the subject position: ***It*** *will depend on the WHO to make a call with respect to international travel and the places that should be avoided.*

• The pronoun 'it' stands for an organization International Olympic Committee and takes the position of an object: *Bach said there was no "Plan B", but the IOC has built up reserves of about £700m in case a Games is lost, and which would enable* ***it*** *to still support international sports federations and national Olympic committees.*

It is interesting to note that this pronoun was commonly used by the authors to introduce the aggregated representational strategy in order to give the impression of research and scientific credibility while presenting the statistics:

• ***It*** (=postponement) *will cause hundreds of millions of pounds' worth of claims from broadcasters, advertisers, sponsors, and hotels.*

The dummy usage of the pronoun ‘it’ was also applied in the analysed discourse for the purpose of antonymised representation that allowed to summon up arguments that are easy to dismiss:

• ***It*** *is reported to be a difficult decision, but the IOC and IPC have a duty of care towards athletes which they have not exercised.*

The second pronoun according to the frequency is ‘we’, that occurs 272 times in the studied corpus. The usage of the pronoun ‘we’ can be quite slippery in the media discourse. In the collected corpus it is was generally used for several reasons:

• by a writer or a speaker to reduce or avoid the subjective tone of the opinion or statement expressed in the speech;

• by an official representative of any organization or a government as a means of formal address.

In the discourse under consideration, we can find several examples of these kinds. In the sentence *“…said Ms. Hashimoto in response to a question in parliament. "**We** are doing all we can to ensure that the Games go ahead as planned.” we come across*… the pronoun ‘we’ is used in a formal speech by an official representative. Ms. Hashimoto is known to be the President of the Tokyo 2020 Organizing Committee. So by these words, she applied the pronoun 'we' to fulfil functionalized representation strategy to speak on behalf of the Japanese government.

The next example illustrates the usage of the pronoun ‘we’ to avoid a subjective or personal tone. In the sentence “*A spokeswoman for Team GB said*: *"It’s too early to tell at the moment but **we**’re in contact with our stakeholders and will of course update in due course once we know more”* a spokeswoman refers to the pronoun to express herself as a representative of the Team GB. Therefore, we can tell that here the pronoun fulfills the function of collectivized representational strategy when the person refers himself/ herself to the whole society or a group of people.

The third frequent pronoun is ‘I’ (226 cases). Within the analysed articles, it generally functions to express personal beliefs, attitudes, opinions, as well as ideas:

• Belief: … said Pound *"The parameters going forward have not been determined, but the Games are not going to start on July 24. That much **I** know.*

• Opinion: *Takahashi said: "**I** don't think the games could be cancelled, it'd be a delay.*

Its frequency can be explained by the fact that various people were asked to express their vision on the situation connected with the postponement of the Olympic Games. As their words were directly taken by the press we can come across different instances of direct quotations, where the pronoun 'I' fulfilled the functions of personalized and individualized representational strategies.

The next pronoun with the frequency 129 is 'they'. In most cases, it stands to refer to an event (22 cases), people in general (26 cases), athletes (44 cases), official representatives of various organizations and government (37 cases):

• Event (Olympic Games): *The British Olympic Association also warned… to withdraw the entire British team from the Olympics if **they** were not postponed.*

• Official representatives: *"We've had incredible support from the government over many, many years for high-performance sport so I would very much hope that **they** understand the challenges that we're all facing…".*

The second group of frequent pronouns is represented by possessive ones: 'their' (124 cases), 'his' (67 cases), 'her' (54 cases), 'our' (62 cases), 'its' (53 cases) and 'my' (49 cases). It is interesting to point here that among personal pronouns 'we' and 'I' dominate, while their counterparts in the group of possessive pronouns don't take the leading positions. Instead, we can see that the highest frequency in this group belongs to 'their'. It can be explained by the fact that within the corpus there are a lot of cases of various types of quotations (direct, selective, paraphrase, assertion, and presupposition) where the official representatives, sportsmen, and other people expressed their personal opinion by means of pronouns 'we' and 'I'. At the same time, their speech

was directed to the society and the frequent usage of the pronoun 'their' referred to the interests of various groups of people involved in the Olympic Games organization.

• *The Australian Olympic Committee has also already told **their** athletes to prepare for a postponement until 2021, while Canada's Olympic and Paralympic committee announced their withdrawal if the games were staged this summer.*

The last group of frequent pronouns constitutes the objective pronouns 'them' (51 cases), 'us' (36 cases), 'her' (10 cases). The domination of 'them' and 'us' is also explained by the desire of the official speakers to attract the attention of the audience to some important issues connected with pandemic and decisions that are taken for the benefit of society. The example below serves to proves this idea:

• *We're determined to provide journalism that helps each of **us** better understand the world, and take actions that challenge, unite, and inspire change — in times of crisis and beyond.*

In conclusion, we can state that pronouns constitute the group of the most frequent tokens in the studied corpus. They serve not only to substitute the nouns or noun groups in order to avoid repetitions but also have a wide range of usage possibilities. The most interesting cases are met within the personal pronouns that can possess various meanings. Moreover, they serve to illustrate different representational strategies that the authors of the articles apply. The frequent use of the possessive pronoun 'their' and object pronouns 'them', 'us' align the readers alongside or against particular ideas connected with the Games postponement. The authors refer to them to evoke the ideas expressed in the media discourse as being ideas of the whole society and thus create the collective otherness opposed to those who don't agree with them.

So, we can conclude that the overall analysis of pronouns by means of corpus-assisted critical discourse analysis allows the researchers to understand deeper their linguistic peculiarities and functions.

References

Barzin F., Samiei A. The Role of Media Discourse in Diplomatic Behavior // *International Journal of Business and Social Science.* 2013. Vol. 4 No. 17. P. 200-205.

Leech G. *A Glossary of English Grammar*. Edinburgh University Press, 2006.

Прагматические мотивы устойчивых языковых структур в лингвопоэтике

Антонова Е.Н., Ершов В.И.

(Россия, Москва)

Лингвопоэтическое учение направлено на исследование художественного стихотворчества в корреляционной взаимосвязи прагматики и эстетики. Дискурсивные особенности поэтического пространства таковы, что создаются благоприятные условия для формирования устойчивых языковых конструкций, разнородных по структуре и семантике.

Практика, обоснование действительности и смысловая адекватность являются компонентами прагматизма, представляющего собой неотъемлемую часть стихотворчества. Прагматические мотивы, или эмпирические факторы деятельностной реализации, фиксируются в устойчивых языковых структурах, функционирующих в поэтическом дискурсе [Антонова 2020: 71–78]. Так, фразеологизмы и паремии, отражающие вечные темы с позитивной прагматикой — любви, дружбы, жизни, свободы — находят лингвопоэтическое выражение в соответствии с мотивационной таксономией, то есть, по справедливому замечанию О.В. Ломакиной, «с одной стороны, происходит рассмотрение языковых единиц в аксиологическом аспекте, с другой — определяется ценностная составляющая текстов» [Ломакина 2021: 97].

В поэтическом корпусе Национального корпуса русского языка (НКРЯ: https://ruscorpora.ru/new/search-poetic.html) особый прагматический статус имеет лексема «любовь», что подтверждают статистические данные — всего фиксируется 6277 документов и 8626 вхождений (не считая однокоренных слов и дериватов). Мотивационные принципы устанавливаются исходя из семантики устойчивых языковых единиц с данным концептом в структуре и особенностей контекста, отражающего коннотации и ассоциативно-вербальные потенциал [Антонова 2018: 199–203]. Приведем примеры мотивационно-таксономической прагматики.

1. Высшее проявление чувств: *«Но я скажу, не тратя лишних слов, // Он* ***по уши влюбиться*** *был готов…»* (Д.С. Мережковский. Вера («Недавно рецензент довольно жёлчный...») (1890)).

2. Указание на предмет обожания: *«****Дама сердца*** *перескажет // всем дела твои // и другому перевяжет // перевязь любви»* (Эллис (Л.Л. Кобылинский). Три обета («В день Марии, в час рассвета...») [Beauseant, 1] (1905–1913)).

3. Изображение чувственного наполнения с использованием ассоциаций: *«Ели качаются; губит мне сердце* ***любовное Пламя****. // Сентябрь 1913»* (Н.С. Позняков. Энкиклика («Пламя любовное сердце мне губит; качаются Ели...») (1913)).

4. Опредмечивание чувства, характеристика воздействия на человека (часто при включении магического элемента): *«Но почему, почему // Этому — зелень, // Этому радость —* ***любовное зелье****, // Мне же — // Лишний вагон муки веселье?»* (А.И. Безыменский. Весенняя прелюдия («Мне говорят: весна... и солнце пышет горном…») (1923)).

5. Противоречия и препятствия в проявлении чувств: *«Потому что они* ***не пара****, // А весь мир хуже, чем нехорош»* (Н.И. Глазков. «Так всегда бывает вначале...» [Объяснение

любви, 2] (1977)). Устойчивое сочетание слов «не пара» встречается в 35 документах, 39 вхождениях в НКРЯ.

Когнитивные возможности концепта «любовь» в художественном пространстве внимательно изучены О.В. Евтушенко [Евтушенко 2010: 210–284].

Функционально-мотивационный аспект устойчивых структур в поэтическом дискурсе специфическим образом отражается в прагматике дружбы. Данная лексема в НКРЯ фиксируется в 340 документах, 383 вхождениях.

1. Изображение приоритета дружбы среди проявлений межличностных отношений: *«**Не в службу, а в дружбу** // Кругом колосится земля»* (М.А. Светлов. Площадь Дзержинского («Бессонная ночь. Человек…») (1930)). Устойчивая единица «не в службу, а в дружбу» встречается в 3 документах, 3 вхождениях в НКРЯ.

2. Качественная характеристика в понимании дружбы как типа отношений между людьми: *«Вышел чернее тучи. // Стал **не-разлей-вода**. // В мире радужном и текучем // так бы и жил всегда»* (М.Н. Айзенберг. «Вышел чернее тучи...» (2011)). Наблюдается графическое отклонение устойчивого сочетания слов от лексикографически зафиксированного варианта.

3. Количественная характеристика в понимании дружбы как типа отношений между людьми: *«Мой **старый друг** сейчас ко мне пришел — // Мы были с ним три месяца в разлуке»* (М. Волин. Свиданье друзей («Дракон на кровле в ярости и муке...») (1987)). С выделенной устойчивой структурой в НКРЯ найдено 69 документов, 82 вхождения.

4. Изображение дружбы как сокращения дистанции в отношениях между людьми: *«Не бойся, глупый, не отстану: // Вот так на **дружеской ноге** // Придем и к бабушке Яге»* (В.Ф. Ходасевич. «Доволен я своей судьбой...» (1923.06.10)).

5. Изображение степени дружеских отношений: *«У меня был **закадычный друг**. // Протасевич Жорж»*

(И.В. Елагин. Память («Вглядываюсь, дверь туда открыв...») (1976–1982)). С выделенной единицей найдено 6 документов, 6 вхождений в НКРЯ.

6. Соотношение дружбы с жизненными этапами человека: *«Я знаю, если б не случиться // Разлуке, горшей из разлук, // Я мог бы тем одним гордиться, // Что это был мой* ***первый друг****»* (А.Т. Твардовский. Друг детства («И дружбы долг, и честь, и совесть...») [За далью — даль, 9] (1950-1960)). С данной устойчивой единицей найдено 11 документов, 11 вхождений в НКРЯ.

Прагматика жизни в различных утверждающих мотивах отражается в поэтическом дискурсе в том числе при участии устойчивых языковых конструкций. С лексемой «жизнь» обнаружено 10020 документов, 13837 вхождений в НКРЯ.

1. Аллегорическое наименование жизни: *«То, о чем не скажешь толком, // То, чего не объяснить, // То, на чем порвется* ***нить // Жизни****»* (И.В. Одоевцева. «Это молоточек память...» (1961)). С данной единицей найдено 8 документов, 8 вхождений в НКРЯ.

2. Эмпирическая трактовка человеческого бытия: *«Миновали годы детства, // Возмужал мой Гайавата; // Игры юности беспечной, // Стариков* ***житейский опыт****, // Труд, охотничьи сноровки — // Все постиг он, все изведал»* (И.А. Бунин. Песня о Гайавате. IV. Гайавата и Мэджекивис («Миновали годы детства...») (1903)).

3. Измерение реалий существующего мира посредством концептуального представления жизни: *«****Длиною в жизнь*** *любая из дорог. // Скажите, что такое русский Бог? // “Конечно, я // приеду”»* (Б.Б. Рыжий. «В России расстаются навсегда...» (1996)).

4. Корреляционные связи жизни и дороги (данный параметр логически дополняет прагматику предыдущего аспекта): *«Звени как бубен, сияй как радуга, // любимой песней живи в сердцах, //* ***Дорога жизни****, родная Ладога, //*

оруженосец города — бойца!» (О.Ф. Берггольц. Морякам-ладожцам («Споем, друзья, споем себе на радость...») (1942)). С устойчивой стуркутурой в НКРЯ найдено 5 документов, 5 вхождений.

5. Фиксация жизнеутверждающего мотива в продолжении человеческого пути: *«Залетная птица печенку когтит, // но, как говорится, впишите в актив, // что* ***жизнь продолжается*** *ради // пометки в отдельной тетради»* (М.Н. Айзенберг. «Вместительный шорох присутственных мест...» (2000)). Найдено 10 документов, 10 вхождений в НКРЯ с представленной устойчивой структурой.

6. Противостояние смерти как утверждение ценности жизни: *«В загривок шпагу наискось продену // И уцелею* ***всем смертям назло****, — // И пусть из-за барьера на арену // Глядят контрабандисты тяжело»* (А.П. Межиров. Прощание с Кармен («Мы встретимся? / Быть может... Но не скоро...») (1951)). Всего зафиксировано 2 документа, 2 вхождения в НКРЯ с устойчивой единицей.

В прагматике устойчивых структур как «языковых знаков», участвующих в формировании «смыслов культуры» [Ковшова 2021], отражается становление поведенческих установок общества, ценностной парадигмы эпохи, особенно если речь идет о поэтическом дискурсе.

Лингвопоэтическое представление свободы в дискурсивных условиях представляется в том числе при включении прагматики устойчивых структур. Лексема «свобода» фигурирует в НКРЯ в 851 документах, имея 1001 вхождение. Устойчивые структуры с данным концептом чаще представлены в виде предикативных единиц, поэтому их значительно больше фиксируется в прозе в виде паремий. Говоря непосредственно о лингвопоэтических единицах, то во многих случаях они представляют собой конструкции «существительное + существительное с предлогом».

1. Вербализация и имплицитная персонификация концепта «слово» при участии заявленного мотива: *«Вот*

она, почва праха, ***свобода слова,*** *// Проводы друга»* (А.А. Сопровский. «Вот она, почва праха, свобода слова...» (1979)). Всего 3 документа, 3 вхождения в НКРЯ с данной языковой единицей.

2. Представление свободы в качестве конкретизатора какой-либо онтологической сферы (часто при участии абстрактных понятий): *«****Свобода выбора****… **Свобода воли**… // А если всем определяет роли // Сам Саваоф на огненном престоле?»* (И.В. Чиннов. «Окружена публичными домами...» (1982)).

3. Экзистенциальное изображение духа посредством проявлений свободы: *«За чужие грехи // и чужое отсутствие меры, // Все опять низводя до себя, //* ***дух свободы*** *кляня: // Против старой Любви, // ради новой немыслимой Веры, // Ради нового рабства…»* (Н.М. Коржавин. Последний язычник («Гордость,/мысль,/красота — / все об этом давно отгрустили...») (1970)). С данной устойчивой структурой в НКРЯ найдено 13 документов, 15 вхождений.

В настоящей работе в качестве примера были представлены некоторые прагматические мотивы функционирования языковых единиц устойчивого характера в пределах заявленного концептуального диапазона — ряда понятий, характеризующих позитивные вечные темы. Данное исследование способствует развитию дискурсивно-прагматического учения, определяет семантическую ориентированность устойчивых языковых структур в поэтическом тексте, способствует углублению представлений о назначении фразеологизмов и паремий в художественном дискурсе.

Литература

Антонова Е.Н. Аксиологический компонент в дискурсе поэтической фразеологии // *Полипарадигмальные контексты фразеологии в*

XXI веке. Материалы международной научной конференции. 2018. С. 199–203.
Антонова Е.Н. Фразеолого-паремиологический аспект языковой личности в синхронии лингвокультуры // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2020. Т. 17. № 1. С. 71–78.
Евтушенко О.В. *Художественная речь как инструмент познания*. М.: Языки славянской культуры, 2010. 552 с.
Ковшова М.Л. Языковой знак в обретении смыслов культуры // *Когнитивные исследования языка*. 2021. № 2 (45). С. 71–85.
Ломакина О.В. Изучение пословиц в русле ценностной парадигмы: методология исследования и критерии выделения оценочности // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки*. 2021. Т. 7. № 1. С. 97–107.

Портрет армянского мигранта в стране приема: эмотивно-коммуникативный аспект

Анумян К.С., Карабулатова И.С.

(Россия, Москва)

В конце XX — начале XXI вв. выдающийся ученый В.И. Шаховский (смотри труды с 1969 г. по настоящее время) разработал первую в истории российского языкознания лингвистическую теорию эмоций, в основе которой лежит единая методология категоризации эмоций в лексико-семантической системе языка.

Лингвистическая теория эмоций стала результатом взаимовлияния философской и психологической парадигм. В рамках эмотивного подхода к языку эмоция понимается как форма аксиологического отражения действительности, а психологическое переживание эмоций — как особый психический пласт, надстраивающийся над познавательным образом.

Наибольший интерес — согласно концепции В.И. Шаховского — для лингвистической теории эмоций представляют:

• динамика языкового кода;

• развитие и реализация скрытых возможностей языкового кода;

• эмоциональная специфика речи в разных условиях общения;

• механизмы распознавания чужих эмоций и управления собственными эмоциями в процессе коммуникации;

• согласование эмоций в актах межличностного, институционального и межкультурного общения.

«Методологический аспект категории эмотивности, — пишет В. Шаховский, — заключается в том, что она может служить ключом к анализу внутренней формы слова (языка), а через нее — ключом к анализу человека» [Шаховский 1987: 237].

По мнению ученого, «лингвистика эмоций исходит из того, что человек является активным отражающим субъектом, его язык — средством отражения, а эмоции — формой отражения оценочного отношения к миру, то есть формой его семантической интерпретации. С этой точки зрения эмоции человека являются архиважным компонентом так называемого человеческого фактора в языке» [там же].

Миграционные процессы в период глобализации и миграционных потоков становятся неотъемлемой частью нашей действительности. Следовательно, исследования в данной области становятся все актуальными и востребованными. Следует отметить, что миграционный цикл начинается с момента принятия решения о миграции (этап потенциальной миграции) и заканчивается либо ассимиляцией и аккультурацией мигранта в принимающей стране, либо реэмиграцией в страну происхождения [Karabulatova, Vorontsov 2020].

Анализ эмпирического материала нами проводится на основе вышеуказанной концепции В.И. Шаховского, опираясь, в частности, на «эмоциональную специфику речи в разных условиях общения», и «согласование эмоций в актах межличностного, институционального и межкультурного общения». Следовательно, «эмоция — не только обязательная составляющая процесса познания действительности, которая мотивирует и направляет, но и является ключевой темой в межкультурной прагматике» [Анумян 2021: 392]. Для иллюстрации приведем некоторые примеры из текстов мигрантоориентированного дискурса:

«… первые два дня я была в состоянии глубокого шока: там *(в Ереване — А.К., К.И.)* правда невероятно красиво, все эти горы вокруг, подъемы и спуски в центр и обратно, цветы и деревья. Но стоит чуть опустить взгляд — и вот они, атрибуты Москвы 20-летней давности: окурки на дорогах, пустые пачки, бутылки, фантики. В моей голове до сих пор не укладывается, *как можно мусорить (выделено нами — А.К., К.И.)* в таком красивом городе прямо себе под ноги». [https://peopletalk.ru/article/temnaya-storona-erevana-k-chemu-nado-byt-gotovym/]. В данном примере мигрант испытывает удивление в соотношении с возмущением и негодованием.

«У многих армян Россия ассоциируется исключительно с Москвой. Если я говорю местным, что я из Челябинска, они сперва *удивляются (выделено нами — А.К., К.И.)*, а потом начинают рассказывать, что они либо сами там раньше жили или были проездом, или его родственники до сих пор живут в Челябинске. Я проводил эксперимент и говорил, что я из Новосибирска, Омска или Краснодара. И каждый уважающий себя таксист обязательно скажет, что либо жил там, либо там его родня живёт. Отчасти это может быть и правдой. Население Армении — около трёх миллионов человек, а армянская диаспора по всему миру — ещё 15 миллионов людей. Порядка 2,5 миллиона из них живёт в России», — отмечает мигрант из Челябинска Дмитрий

Скрыпкин [https://74.ru/text/world/2019/02/25/65983961/]. В приведенном же примере мигрант испытывает удивление+негодование, удивление+возмущение, удивление+изумление и удивление+одобрение.

Галина Савенчук пишет: «Переехать на ПМЖ в Армению выгодно еще и по той причине, что здесь присутствуют столь привычные для россиян 4 времени года с красивой, морозной зимой и знойным летом. При низком уровне жизни в стране сравнительно высокая оплата труда, позволяющая комфортное проживание. Армения характеризуется достаточным уровнем медицины и образования, что создает эмигрантам идеальные условия для постоянной жизни в яркой и *удивительной (выделено нами — А.К., К.И.)* кавказской стране» [https://internationalwealth.info/residence-permit-abroad/relocate-to-permanent-residence-in-armenia-country-information-for-immigrants/]. Здесь же автор выражает удивление в соотношении с одобрением и восхищением.

Предложенная нами классификация эмоции *удивления* по способам выражения в соотношении с положительными и отрицательными эмоциями может быть представлена нижеследующим образом и выражена с помощью стационаров (от термина А.М. Пешковского (1956) «стационарные предложения»), фразеологических единиц, междометий и др.:

1. удивление и положительные эмоции:

1.1. радость, восторг:

О счастье! Чудно! Голубчик! Боже мой, какое счастье! Чудеса! Батюшки! Как хорошо-то! и др.

1.2. восхищение, одобрение:

Ай-яй-яй! [Какой прекрасный вечер был!]. [Какой замечательный у вас сад!] *Ай да ну! Во чудо-то! Круто!.. Так вы и пишете?*

1.3. изумление:
Ай да! Вон что! Кто бы мог подумать! Как?.. кто?.. где?
2. удивление и отрицательные эмоции:
2.1. возмущение:
Виданное ли дело?! Быть не может! Как же не знает?
2.2. раздражение, гнев:
Да что ж это такое?! Как так? Ах, боже мой, боже мой!
2.3. испуг, страх:
Ой, это вы?! Дева Мария! Может ли это быть! Мать родная! Мать-царица! Свят-свят! Какой кошмар! Господи боже!
2.4. разочарование, негодование, досада:
Боже мой! Ах! Вот это новость!

Следует также отметить, что новостные тексты, которые содержат социально-культурные, коммуникативные, когнитивные, эмотивные и психологические параметры, имеют довольно большое влияние на формирование общественного мнения.

Таким образом, собранный и проанализированный эмпирический материал, насчитывающий 202 единицы, показал, что отрицательных способов выражений больше (130 примеров, или 64,3%), чем положительных (72 примера, или 35,6%) (ср.: Нушикян 1986, Вежбицкая 1996 и др.). Эмоции, в частности, эмоция *удивления*, представляет собой весомую часть в коммуникации, поэтому все подходы к пониманию коммуникации помогают в понимании такого сложного психолингвистического явления, как *удивление*.

Литература

Анумян К.С. *Существующие подходы к рассмотрению эмоции удивление.* Лингводидактика и лингвистика в вузе: традиционные и инновационные подходы. Сборник научных статей по материалам

III Международной научно-практической конференции. Ярославль, 14–15 мая, 2021.
Karabulatova I. S., Vorontsov K.V. *Digital Linguistical Migrationology and Monitoring of the Potentially Dangerous Texts on Migration*. Migration bridges in Eurasia: new approaches to the formation of migration policy on behalf of the sustainable development: Proceedings of the XI International Scientific and Practical Forum (Moscow, December 5–6, 2019). Moscow: Econ-Inform, 2020.
Нушикян Э.А. *Типология интонации эмоциональной речи*. Киев-Одесса: Главное изд-во издательского объединения «Вища школа», 1986.
Шаховский В.И. *Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка*. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987.

Лексические особенности дидактического дискурса (на материале формулировок учебных заданий по немецкому языку как иностранному)

Балабанова Т.Н., Балабанов В.Б.

(Республика Беларусь, Могилёв)

Дидактический дискурс направлен на получение и передачу информации в естественных речевых условиях и обучении навыкам общения на иностранном языке. При этом «педагогический дискурс раскрывается как вид институционального общения в определенных статусно-ролевых рамках. По форме его принято относить к институциональному типу дискурса, а по содержанию — к личностно ориентированному типу дискурса» [Балабанова 2019: 51]. Суть коммуникативной ситуации заключается в интерактивности, т.е. в умении адекватно пользоваться языком. «Коммуникативная стратегия заставляет говорящего соответственно организовывать речь, подбирать необходимые языковые средства и факты подавать их в определенном освещении» [Балабанова, Старостина 2021: 114]. «Дидактический дискурс предполагает использование

специфических коммуникативных стратегий для передачи учебной информации с целью изменения мировоззренческих установок, отношения к реалиям» [Балабанова, Грушецкая 2019: 56]. Исходя из этого, все формулировки заданий, являясь моделью речевой деятельности, должны строиться с учетом коммуникативных потребностей обучающихся, быть четко и понятно сформулированными. Необходимо учитывать такие дидактические принципы как научность, проблемность, ориентация на практическую деятельность, доступность, систематичность, последовательность, преемственность, лингвистическое взросление, наглядность, не забывая, при этом, про образовательные, воспитательные и развивающие цели.

В нашей работе рассматривались формулировки заданий в учебниках для обучающихся со стартовым уровнем знаний, но для разных возрастных групп (школьников и взрослых). Необходимо отметить, что все формулировки в рассмотренных нами учебниках аутентичны, и каждая решает какую-либо коммуникативную ситуацию, что, несомненно, является очень важной чертой, подчеркивающей связь материала с реальной жизнью.

При этом, мы отмечаем, что многие формулировки заданий в разных учебниках повторяют по содержанию одни и те же фреймы (термин М. Минского, обозначает иерархическую структуру для представления знаний в некоторой стереотипной ситуации). Для того, чтобы повторяющаяся формулировка соответствовала требованиям естественно дискурса, на разных этапах авторы моделируют необычные ситуации с учётом интересов, коммуникативных потребностей и возраста реципиента.

Учитывая то, что в реальной ситуации общения собеседники не часто используют длинный монолог, то для реализации коммуникации наиболее встречающейся формой является диалог. Это подтверждается обилием формулировок заданий направленных на формирование навыков

аудирования и говорения, т.е. на выполнение основных коммуникативных задач: услышать собеседника и ответить ему. Например, в учебниках, предназначенных для младших школьников, начинающих изучать немецкий язык, преобладают формулировки заданий, направленные на формирование навыков аудирования и диалогической речи, выраженных такими заданиями как: Hört, Fragt, Antwortet, Spielt.

При изучении учебников по немецкому языку, ориентированных на более взрослую аудиторию, следует отметить, что они содержат больше заданий на формирование грамматических навыков и навыков построения монологического высказывания, например, Ergänzen Sie das Verb im Präsens, Präteritum; Erzählen Sie; Berichten Sie; а такие задания как: Hören Sie; Fragen Sie; Antworten Sie; Dieskutieren Sie встречаются несколько реже, чем в формулировках заданий учебников, предназначенных для младших школьников.

Особое внимание заслуживают формулировки заданий с опорой на графические изображения. Обилие текстового контента, а тем более иноязычного, затрудняет восприятие, понимание и, соответственно, запоминание новых лексических единиц, т.к. информация представлена только письменными знаками в определенном наборе, поэтому важную роль в построении заданий в учебниках играют паралингвистические средства, как, например, самостоятельные носители информации (всевозможные изображения, картинки, рисунки, фотографии, схемы, таблицы), так и средства, которые вносят дополнительные семантические и экспрессивные оттенки в содержание текста (шрифтовое варьирование, рубрикация текста, иконические знаки и др.) [Балабанова, Грушецкая 2020: 7–10]. Отдельно следует подчеркнуть, что именно в немецком языке уже исходно используются паралингвистические средства,

выраженные в такой графической особенности как написание всех существительных с заглавной буквы.

Использование в заданиях графических изображений в комбинации с аутентичными речевыми клише позволяют, с одной стороны, обратить на себя внимание, вызвать интерес обучающихся к предлагаемой информации и, с другой стороны, легче ее усвоить. Использование при этом типовых фраз-клише «является весьма полезным, поскольку позволяет запоминать готовые словосочетания или даже целые предложения» [Балабанов, Балабанова 2018: 53], что очень важно для соотнесения речи с невербальной информацией в учебном издании. Поскольку наглядность в сочетании с текстом устанавливает наиболее прочные ассоциации между образом предмета и словом изучаемого языка, то подбор и размещение иллюстраций позволяет сконцентрировать основные лингвистические возможности текста, вызывая необходимую запоминаемость языкового материала, внедряя в сознание обучаемого не только конкретную тематику описываемых фактов, но и рациональное оперирование ими.

В нашем исследовании мы находим подтверждение тому, что языковые факты, опирающиеся на паралингвистические феномены, приобретают более глубокое осмысление. При этом, два компонента (задание и изображение) несут в равной мере смыслообразующую функцию. В результате иллюстрирование становится элементом текстообразования, и это явно прослеживается в заданиях учебников по иностранному языку, ведь язык визуализации — это международный язык, и в переводе он не нуждается. Опираясь при формулировке заданий на графические изображения, авторы стремятся отразить причины либо следствия событий, акцентировать внимание на ключевых моментах содержания, активизировать интеллектуально-познавательную деятельность обучающегося. Следует отметить, что большую часть

заданий иллюстрируют фотографии людей (знаменитых и нет), что способствует поддержанию диалога адресата и адресанта, придает ему «жизненности», ощущения соучастия в обсуждаемых ситуациях. Проанализировав лексический состав формулировок заданий рассматриваемых нами учебников, необходимо отметить, что авторы учебников в составлении формулировок заданий используют слова и выражения, семантически относящиеся к картинкам и графическим изображениям, либо непосредственно называя их (Bild, Tabelle Schema, Grafik), либо побуждая обучающихся к работе с ними (Ordnet zu; Ordnen Sie zu; Schaut genau).

Рассматривая лексические особенности формулировок заданий в учебниках по немецкому языку для младших школьников и взрослых, начинающих изучать язык, необходимо отметить наличие в них терминов. Например: das Verb, das Modalverb, das Hilfsverb, das Präsens, das Präteritum, das Perfekt, das Partizip, das Adjektiv, die Adjektivendung, der Komparativ, das Nomen, der Artikel, die Singularform, die Pluralform, der Akkusativ, der Nominativ, das Demonstrativpronomen, die Präposition. В данном случае можно наблюдать большую разницу между учебниками для школьников и учебниками для взрослых. Из всех вышеназванных терминов в первом случае встречается часто только слово das Verb, что говорит о преобладании коммуникативной направленности в данном случае. Все остальные термины мы находим в учебниках, ориентирующихся на взрослую аудиторию, где большой упор делается на формирование грамматических навыков. Это происходит, вероятно, потому, что взрослой аудитории, в отличие от детской, которая изучает язык преимущественно в игровой форме (мини-диалоги, опора на картинки, инсценировки и т.д.) недостаток грамматических навыков становится существенным барьером на пути

формирования не только языковой, но и речевой и социокультурной компетенции.

Таким образом, формулировка заданий в рамках дидактического дискурса на иностранном языке, несмотря на свою краткость и клишированность, является сложным текстовым образованием, подчеркивающим структурную, смысловую и функциональную целостность вербальных и невербальных элементов. Их главной задачей является воздействие на адресата (обучаемого), направленное не только на формирование его иноязычных компетенций, но и на его мировоззрение, ментальные процессы, социализацию, толерантность и открытость.

Литература

Балабанов В.Б., Балабанова Т.Н. О некоторых особенностях использования типовых фраз-образцов речевых ситуаций при интенсивном профессионально ориентированном обучении иностранному языку // *Актуальные вопросы права, образования и психологии*. Могилёв, 2018. С. 49–55.

Балабанова Т.Н. Педагогический дискурс как разновидность устной коммуникации // *Итоги научных исследований ученых МГУ имени А.А. Кулешова 2018 г.* / под ред. Е.К. Сычовой. Могилёв: МГУ, 2019. С. 50–51.

Балабанова Т.Н., Грушецкая Е.Н. Стратегии дидактического дискурса // *Теоретические и практические предпосылки подготовки полилингвальных специалистов в УВО*. Могилёв: МГУ, 2019. С. 55–57.

Балабанова Т.Н., Старостина А.М.Коммуникативные стратегии в образовательной среде // *Романовские чтения — XV*. Могилёв: МГУ, 2021. С. 114–115.

Балабанова Т.Н., Грушецкая Е.Н. Грамматические особенности задач-установок упражнений как дидактического дискурса (на материале немецкого языка) // *Філологічний часопис*. 2020. Вип. 1(15). С. 5–12.

Закон о демократической памяти в дискурсе испаноязычных СМИ

Балан Е.Г.

(Россия, Москва)

Закон о демократической памяти — это новый закон Правительства Испании, который призван дополнить закон об исторической памяти, принятый в 2007 году. Следует пояснить, почему Испания нуждается в подобном Законе спустя более 45 лет после завершения периода диктатуры в стране с 1939 по 1975 гг.

Диктатура прекратила существование со смертью Франсиско Франко в 1975 году. В течение нескольких лет перехода *la Transición española* (исп. Переход Испании к демократии) Испания стала конституционной монархией с демократическим Правительством и многопартийной системой. Однако в первые несколько лет после 1975 г. возникает *Pacto del olvido* (русск. Пакт о забвении), который обрел правовую основу в законе об амнистии от 1977 года. Особенность этого закона обусловлена тем, что политические партии выбрали путь *забвения* преступлений диктатуры, чтобы не провоцировать конфликты в обществе. Данный закон предусматривал замалчивание подлинных масштабов репрессий как в период Гражданской войны, так в период диктатуры. Исследовательница Каролин Бойд дала следующее определение: «<> переход к демократии в Испании фактически опирается на "пакт молчания", т.е. избежание конфронтации с теми, кто несет ответственность за установление диктатуры, и отказывает в признании жертв диктатуры».

К концу XX века такое положение утрачивает силу. С целью установить и найти останки репрессированных граждан возникают общественные организации. Например, в

2000 году основывается *Asociación para la Recuperación de la Memoria Histórica* (русск. Ассоциация по восстановлению исторической памяти), которая обнаруживает братские захоронения и выполняет эксгумацию жертв фалангистов в период после Гражданской войны [Messenger 2017: 54]. В 2007 Парламент одобряет закон, за принятие которого долгое время выступали общественные деятели: *Ley de memoria histórica* 52/2007 (Закон об исторической памяти). Среди положений Закона было признание возмещение государством ущерба потомкам репрессированных, переименование внутригородских топографических объектов — урбанонимов, демонтаж символов и памятников личного или коллективного возвеличивания военного восстания, Гражданской войны и репрессий диктатуры. После принятия закона мэрии населенных пунктов Испании переименовывают урбанонимы эпохи Франко. Тем не менее, этот процесс происходит не повсеместно.

Закон об исторической памяти 2007 года оказал влияние на процесс переосмысления истории. Однако он позволял неоднозначно трактовать некоторые положения. В испанском обществе появляется запрос на более актуальное регулирование.

Далее рассматриваются дискурс по теме закона о демократической памяти в таких новостных источниках как: «Público», «El Periódico», «El País», «La Vanguardia», «El Confidencial», «RTVE», «Onda Cero», «ABC», «elDiario».

В июле 2021 года принят закон о демократической памяти. Новый законопроект улучшен по сравнению с законом от 2007 года — «*el actual mejora la norma de 2007*». Бывшая первая заместитель председателя правительства Испании Кармен Кальво, под руководством которой разрабатывался новый проект, заявила, что закон сможет объединить граждан, что закон о правде и справедливости, о мире, который для испанцев установился много лет назад, теперь мир установиться и для жертв. Важно то, что закон

впервые осуждает военный переворот в июле 1936 года и франкистскую диктатуру, а также объявляет недействительными приговоры, вынесенные незаконными судами периода диктатуры.

С июля 2021 года испаноязычными СМИ публикуют статьи с громкими заголовками. Например: *Ley de Memoria Democrática, una oportunidad histórica* (русск. Закон о демократической памяти — новая историческая возможность), *La nueva ley de memoria anula las sentencias del franquismo* (русск. Новый закон о памяти отменяет приговоры режима Франко), *El Gobierno culmina la ley de memoria en plena ola de revisionismo histórico de la derecha* (русск. На фоне правого исторического ревизионизма Правительство завершило подготовку закона о памяти), *La ley de memoria promueve positivas mejoras en la relación con el pasado* (русск. Закон о памяти способствует положительным изменениям по отношению к прошлому), *El Gobierno aprueba la ley de Memoria Democrática que "condena y repudia" el golpe del 36 y el franquismo* (русск. Правительство приняло закон о демократической памяти, который "осуждает и отвергает" переворот 1936 года и франкизм).

Некоторые СМИ осветили основные положения закона о демократической памяти. Приведем примеры того, как будет функционировать закон: «*ley permitirá extinguir fundaciones*» — закон позволит ликвидировать фонды, подразумеваются фонды возвеличивающие лидеров диктатуры или разжигающие ненависть в обществе; «*punto de mucha relevancia es la futura resignificación del Valle de los Caídos* — важным моментом станет будущая трансформация Долины Павших; «*se retirarán símbolos, distinciones y títulos nobiliarios*» — будут отозваны символы, знаки отличия, а также дворянские титулы, которые были представлены приближенным Ф. Франко; создание банка ДНК, что позволит установить личности погибших — «*se habilitará un banco de ADN para facilitar las identificaciones de los*

desaparecidos»; внедрение в программы учебных заведений тем о истории и демократической памяти– «*promover el conocimiento de la historia y la memoria democrática, conceptos que asimismo se pretenden incorporar a los contenidos curriculares de los centros educativos*».

Один из ключевых моментов закона «*Uno de los puntos fuertes de la norma*» — это признание жертвами граждан, пострадавших в период с 1936 до принятия Конституции в 1978 г., как в самой Испании, так и за ее пределами. В законе отмечаются нацистские лагеря — статья №3 пункт 1c: «*Los españoles y españolas que sufrieron la confinación, torturas y, en muchos casos, la muerte en los campos de concentración nazis*». Однако СМИ подчеркивают, что система лагерей ГУЛАГ не упоминается, один из заголовков новости: «*La ley de Memoria Democrática obvia a las víctimas del estalinismo*» (русск. Закон о демократической памяти обходит жертв сталинизма.

Издание «El Confindecial» критикует Правительство в статье с заголовком «*¿Qué valor tiene la memoria democrática si no luchas contra las dictaduras del presente?*» (русск. Какую ценность имеет демократическая память, если не бороться с диктатурами нашего времени?) подчеркивая, что Испания не способна признать сегодняшний диктаторский режим в Кубе, и при этом одобряет подобный закон о памяти для испанцев. С другой стороны, председатель Ассоциации по восстановлению исторической памяти утверждает, согласно новому закону, государство ищет посредников вместо того, чтобы непосредственно помочь жертвам — «*el Estado <…> buscando intermediarios en lugar de atender directamente a las víctimas*».

Подводя итог, можно сделать вывод, что запрос гражданского общества Испании на осмысление событий Гражданской войны и диктатуры остается актуальным. Очевидно, СМИ продолжат активно освещать тему нового

закона о демократической памяти вплоть до его окончательного утверждения.

Литература

Ассман А. Забвение истории — одержимость историей. М.: Новое литературное обозрение. 2019, 552 с.

Messenger D. A. Contemporary Memory Politics in Catalonia: Europeanizing and Mobilizing the History of the Spanish Civil War // The Changing Place of Europe in Global Memory Cultures. Usable Pasts and Futures // 2017. PP. 49-62.

Ley de memoria histórica española. Ley 52/2007, 26.12. // URL: https://www.boe.es/boe/dias/2007/12/27/pdfs/A53410-53416.pdf (дата обращения: 19.09.2021).

Anteproyecto de Ley de Memoria Democrática // URL: https://www.mpr.gob.es/servicios/participacion/Documents/APL%20Memoria%20Democrática.pdf (дата обращения: 19.09.2021).

Número de calles dedicadas a Franco en España // URL: https://www.epdata.es/datos/numero-calles-dedicadas-franco-espana/505 (дата обращения: 18.09.2021).

Способы обозначения кратных чисел в древнекитайском языке

Банкова Л.Л.

(Россия, Москва)

Исследование обозначения кратных чисел в древнекитайском языке наряду с количественными, порядковыми, приблизительными и дробными числами входит в круг задач по изучению числовой квантитативности в диахроническом аспекте. Под древнекитайским (上古期 *shàng gǔ qī*) в настоящей работе понимается период развития китайского языка до III в. н. э. и охватывающий время правления династий Шан (商 *Shāng*), Чжоу (周 *Zhōu*) и Цинь (秦 *Qín*) [Bankova 2020].

Основное различие в обозначении кратности между древним периодом развития китайского языка и современным китайским языком заключается в том, что в последнем после количественного числительного обычно ставится показатель кратности 倍 *bèi*, чего не наблюдалось в древнекитайском периоде. Например, 百倍 *bǎibèi* ‘стократно’ записывалось в виде 百 *bǎi*, 千倍 *qiān bèi* ‘тысячекратно’ в виде 千 *qiān*, а 万倍 *wàn bèi* ‘в десять тысяч крат’ как 万 *wàn* [Jiang 2001: 61].

Еще одной особенностью древнекитайского обозначения кратности можно считать то обстоятельство, что запись 倍 *bèi* означала 一倍 *yībèi* ‘вдвое’ (без иероглифа 一 *yī* ‘один’) [Jiang 2001: 61; Tian, Zeng 2000: 100]. Иллюстрацией вышесказанного является следующий пример:

> 故用兵之法，十则围之，五则功之，倍则分之。 *Gù yòng bīng zhī fǎ, shí zé wéi zhī, wǔ zé gōng zhī, bèi zé fēn zhī.* Согласно методике ведения войны, если противник имеет десятикратное превосходство, то его нужно окружить и уничтожить; если противник имеет пятикратное превосходство, то его нужно яростно атаковать; если противник имеет двукратное преимущество в силе, то его нужно разделить и уничтожить. (《孙子•谋攻》 “*Sūnzi•Móu gōng*” «Сунь-цзы. Стратегия атаки»)

В приведенном примере 十 *shí* означает 十倍 ‘десятикратно’, 五 — 五倍 ‘пятикратно’, а 倍 *bèi* имеет значение 一倍 *yībèi* ‘вдвое’.

Таким образом, показатель кратности 倍 *bèi* употреблялся в одном конкретном случае и ориентиром для понимания служил контекст. Рассмотрим в качестве еще одного примера древнюю поговорку:

利不百，不变法；动不十，不易器。 *Jūn wén zhī, lì bù bǎi, bù biàn fǎ; dòng bù shí, bù yì qì*. Если выгода не в сто крат, то не меняй законы; если успех не десятикратный, то не меняй людей. (《商君书》 “*Shāng jūn shū*” «Книга правителя области Шан»).

В данном случае количественные числительные 十 *shí* ‘десять’ и 百 *bǎi* ‘сто’ передают кратность числа с соответствующими значениями ‘десятикратный’ и ‘стократный’.

Иногда показатель кратности 倍 *bèi* заменялся на 重 *chóng*: 十 重 *shí chòng* в значении 十 倍 *shí bèi* ‘десятикратный’; 百 重 *bǎi chòng* в значении 百 倍 *bǎibèi* ‘стократный’.

Также в древнекитайском языке существовали особые лексемы со значением кратности: 蓰 *xǐ* ‘пятикратный’ и 什 *shén* ‘десятикратный’, что в современном китайском языке соответствует 五倍 *wǔ bèi* и 十倍 *shí bèi* [Zhang 1997: 81].

Кроме того, для обозначения кратности использовался способ соположения двух количественных числительных, при котором первое было кратным числом, а второе — степенью кратности.

有神人二八… *Yǒu shén rén èr bā…* (о птице Би Фан, которая находится к востоку от) шестнадцати божеств и людей… (《山海经》 “*Shān hǎi jīng”* «Книга гор и морей»)

关山三五夜，客子忆秦川。 *Guān shān sān wǔ yè, kèzi yì Qinchuān.* Луна пятнадцатого числа отражается от горы Гуань, и люди, находящиеся в чужих краях, скучают по далекому родному городу Циньчуань (《关山月》 *“Guān shān yuè”* «Гуаньшаньюэ»)

三五客色满，四五妙华歇。 *Sān wǔ kèsè mǎn, sì wǔ miàohuá xiàn.* Каждые пятнадцать дней луна полная, а

когда доходит до двадцати дней, на ней не хватает кусочка, и она не круглая. (《中兴歌》 *“Zhōngxìng gē”* «Песня возрождения») (Источник: интернет-ресурс 诗词网 *Shīcí wǎng* ‘Поэтическая сеть’)

В вышеприведенном первом примере запись 二八 *èr bā* ‘два восемь’ означает ‘шестнадцать’, во втором и третьем примерах находящиеся рядом иероглифы 三五 *sān wǔ* ‘три пять’ означают ‘пятнадцать’, а 四五 *sì wǔ* ‘четыре пять’ во второй части третьего примера — ‘двадцать’. В новокитайском языке данный способ обозначения кратности уже не встречается [Tian, Zeng 2000: 100]. В современном периоде китайского языка подобное соположение числительных обозначает либо приблизительное количество (四五 *sì wǔ* ‘четыре-пять’), либо имеет иные значения (三五 *sān wǔ* ‘пятое марта; третий пятилетний план’).

В результате нашего исследования способов обозначении кратности числа в древнекитайском языке замечена та же особенность, что и при обозначении обыкновенной дроби в тот же период развития языка [Банкова 2021: 5]. Заключается она в том, что способов обозначения кратности числа в древнекитайском языке было больше по сравнению с современным периодом. Различные литературные памятники содержали различные способы записи кратных и дробных чисел. С развитием математической мысли в процессе исторического развития произошла их унификация и, как следствие, сокращение, что и отразилось в языке.

Литература

Банкова Л.Л. Способы обозначения обыкновенной дроби в древнекитайском языке // *Тезисы докладов межинститутской конференции «Востоковедные чтения 2021. Сочетаемость языковых единиц и языковые модели. Памяти З.М. Шаляпиной*

(1946-2020)». Москва, Институт востоковедения РАН, 14–15 апреля 2021 г. / Отв. ред. А.С. Зверев, сост. С.Д. Малышева. М.: Институт востоковедения РАН, 2021. С. 5.

Bankova L.L. Diachronical Research of the Chinese Numerals: the Problem of Periodization // *Current Issues in Modern Linguistics and Humanities. Сборник статей XII Всероссийской научно-методической конференции с международным участием.* Российский университет дружбы народов. Москва, 2020. С. 10–18.

姜育荣. 古代汉语数词的表数方法. 中学语文：教师版. 2001. 第 01 期. 页码： 60–61. Jiang Yurong. The Way of Expressing Numerals in Ancient Chinese. *Middle School Chinese: Teacher Edition*. 2001. Vol. 01. pp. 60–61.

田有成，曾鹿平. 近代汉语数词表示法. 延安大学学报（社会科学版）2000 年 9 月第 22 卷弟 3 期. 页码： 99–101. Tian Youcheng, Zeng Luping. The Numeral Expressions of Modern Chinese. *Journal of Yanan University (Social Science)*. 2000. Vol. 22. No 3. pp. 99–101.

张守军. 古代汉语数量词使用方法. 辽宁广播电视大学学报, 1997. 第 02 期. 页码： 77–81. Zhang Shoujun. The Use of Ancient Chinese Numerals and Quantifiers. *Journal of Liaoning Radio and Television University*. 1997. Vol. 02. pp. 77–81.

Тематическая группа *титулы знати/nobility titles* в английском и русском языках в словарях и текстах художественных произведений XIX века

Безкоровайная Г.Т., Гишкаева Л.Н.

(Россия, Москва)

Невозможно представить себе языковую картину мира русских и англичан в XIX веке без социального ранжирования, что объясняется историческими особенностями развития социума, как в Британии, так и в России этого периода. Именно поэтому исследование титулов знати представляет несомненный интерес.

Тематическая группа *титулы знати/nobility titles* входит в составе СП *дворянство/nobility*. В данной статье поставлена задача рассмотреть состав этой тематической группы с использованием данных этимологических и толковых словарей, а также сравнить функции этой группы в художественных текстах XIX века. При выполнении этой задачи использовались метод лексикографического анализа, семантического анализа, статистические методы. Тексты XIX века выбраны для исследования, так как именно этот период характеризуется идентичным для обеих стран расцветом аристократической культуры и литературы.

Как известно, титулы делятся на -королевские, аристократические, церковные. Нами рассмотрены титулы королевской семьи и аристократические. В состав королевских (аристократических) титулов в английском языке входят следующие*: king, queen, prince, princess, duke, duchess lord, lady, baron, marquise, viconte.* Анализ словарных данных показывает, что в Англии термины аристократии появляются еще в средневековье. Одним из таких древних титулов является лексема *knight,* которая к XIX веку начинает относиться к нетитулованному дворянству, вместе с лексемами *gentleman* и *esquire*. Не менее древними являются титулы *earl, king, lord, lady*. С точки зрения этимологии можно разделить лексемы знати на титулы германского и романского происхождения. К первой группе относятся лексемы *king, queen, earl, lord, lady…*Многие термины появились после нормандского завоевания и имеют старофранцузское или прямое латинское происхождение. Например, *count, duke, marquise, duchess, viscount, etc.*

В России появление титулов связано с эпохой Ивана Грозного, и древним является титул *князь* Этимология слова не вполне изучена, однако Даль полагает, что это слово восходит к немецким корням: *КНЯЗЬ м. (кон? конь? нормандское konung? как от Vicking витязь, от Pfenning пенязь?) начальник, властелин; владетель области,*

княжества; | почетное званье некоторых дворянских родов, от владетельных князей, или жалованных почетно”. И в этом смысле интересна параллель с происхождением английского *king*: “king (n.)a late Old English contraction of *cyning* "king, ruler" (also used as a title), from Proto-Germanic **kuningaz* (source also of Dutch *koning*, Old Norse *konungr*, Danish *konge*, Old Saxon and Old High German *kuning*, Middle High German *künic*, German *König*).” Общая семантика наблюдается в этих лексемах — номинация правителя, начальника и прочее. Однако в английском через древнеанглийский это слово обретает форму — *King*, а в русском — *князь* В отличие от английского *duke*, которое можно считать эквивалентом русского *князь*, которое не имеет градации, в русском языке существуют формы: *великий князь, светлейший князь*

Хронологически этот процесс начался с XII века. В «Своде законов Российской империи» написано, что принадлежность к дворянскому сословию «есть следствие, истекающее от качества и добродетели начальствующих в древности мужей, отличивших себя заслугами, чем, обращая самую службу в заслугу, приобретали потомству своему нарекание благородное. Благородными разумеются все те, кои от предков благородных рождены, или монархами сим достоинством пожалованы». С XIV в. дворяне за усердную службу стали получать землю. Так появился класс землевладельцев — помещиков. Таким образом, появление титулов как в Великобритании, так и в России связаны с проявлением доблести и смелости и получением расположения короля или царя, а также наделением собственностью. землей.

Итак, если в английском языке древнейшими являются титулы *King, lord, lady, knight*, то в русском — *князь, боярин, дворянин.*

С XIV в. дворяне за усердную службу стали получать землю., и появился класс землевладельцев — помещиков.

Однако началом титулования можно считать эпоху Петра первого и введение им табеля о рангах. Согласно историческим сведениям до введения табеля о рангах Петром I в XVIII веке в русском языке самым распространенным титулом остается князь России Великий *князь* (или княгиня) — дворянский титул членов царской семьи. *Княгиней* также называли жену князя, *княжич* (у славян) — сын князя, *княжна* — дочь князя. В русском языке российские три титула по порядку — *князь, граф, барон.* Среди князей наиболее престижны, конечно, Великие князья (члены царской фамилии), затем светлейшие князья (Лопухины, Волконские, Юрьевские, и т.д.), и «просто» князья.

В иерархии аристократических титулов есть похожесть: первые лица государства возглавляют список титулов, а королевские титулы включат в себя такие лексемы, как *царь-царица, принц-принцесса, граф-графиня, герцог-герцогиня* и соответствующие английские титулы. Однако, названия главных лиц монархических государств отличаются. Германская этимология *king* и греческая *царь* в русском языке. Появление титулов *knight* и *князь* относится к периоду древней истории стран. В английском языке титул *knight* используется до сих пор.

Особенным контекстом, реализующим значения лексем, является художественный текст, который представляет собой многогранное явление, созданное творческим воображением автора. Художественный текст, как известно, отражает отношение автора к реальности, использует современный автору язык. М.М. Бахтин считает, что «язык — живая конкретная среда, в которой живёт сознание художника слова» [Бахтин 1975: 104]. Художественный текст образует художественную картину мира при помощи языковых средств и отражает авторскую картину мира именно поэтому выбор титулов и их использование в романах викторианцев и русских писателей

XIX века продиктован не только экстралингвистическими причинами, но и интенцией художников слова. По Лотману художественный текст особым образом организованный механизм, обладающий способностью заключать в себе исключительно высоко сконцентрированную информацию. [Лотман, 1970:360].

Статистика показала, что в романе «Война и мир» лексема князь использована 1357 раз княгиня 163, граф 1309 раз. В произведении Герой нашего времени в новелле Княжна Мэри: княжна- 45, княгиня — 28.Лексемы *князь* и *граф* встречаются менее 10 раз в романе Гончаров «Обломов» и не встречается, например, в романе Тургенева «Отцы и дети».

В романах И.С. Тургенева и И. А. Гончарова встречается исконно русский титул *барин*, поскольку «лексемы дворянин и барин в конце концов оказываются жестко связаны со знатностью рождения, а также с обладанием имуществом и людьми, над которыми властвуют дворянин или барин» [Безкоровайная, 2016: 7].

Изучение использования тех или иных языковых единиц в условиях актуализации, в контекстах всегда позволяет глубже понять их семантику. Герои Л.Н. Толстого, М.Ю. Лермонтова, А.С. Пушкина, принадлежавшие к тому или иному рангу, титулу приобретают в тексте черты того образа, который рисует автор.

Знатность и принадлежность к высшему обществу отмечается в русском языке использованием титула с именем собственным, например: « *Вот княгиня Лиговская», — сказал Грушницкий, — и с нею дочь ее Мери, как она ее называет на английский манер. Они здесь только три дня*. [Княжна Мэри Лермонтов]

Многие произведения содержат титулы в названии: например, *Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди* А. С. Пушкин

В английской литературе титулованные персонажи встречаем в произведениях У. Теккерея, Чарльза Левера, Дины Марии Мьюлок Крейк и др. В тексте романе Ч.Левера *Lord Kilgobbin* использованы титулы *earl 78, duke 34, knight-50.*

Также, как и в русской, в английской викторианской литературе есть произведения, содержащие титулы в названии, например: заголовки романов Ч. Левера: *Lord Kilgobbin* (1872) *The Knight of Gwynne; a tale of the time of the union* (1847); пьес Оскара Уайльда*: The Duchess of Padua (1883) Lady Windermere's Fan (1892).*В романах классика английского реализма Ч. Диккенса высшие титулы встречаем реже, поскольку его произведения посвящены описанию жизни персонажей более низких титулов- *эсквайр, джентльмен*.

Реалистическое отражение действительности в современной модернистской и постмодернистской литературе XX–XXI вв. заменены психологическими описаниями чувств и внутренних мыслей и отношений персонажей. Если это роман о современности, то использование титулов и наименований знати там не встречается. Однако весьма распространены титулы в медиа и онлайн публикациях о современных знатных особах Великобритании.

На основании анализа лексем-титулов в английском и русском языках можно сделать следующие заключения:

1. Анализ состава и использования составляющих ТГ *титулы знати/nobility titles* позволяет найти как сходства, так и различия в НКМ.

2. В состав тематической группы в английском языке входят титулы, не характерные для ТГ русского языка. Например, *king, queen,* knight, *marquise, viscount; etc.*, Появление лексемы *knight* и *earl относится* к периоду древней истории стран. В английском языке титул рыцарь используется до сих пор;

3. По происхождению в английском языке титулы имеют германские корни, в средние века появляются заимствованные из старофранцузского языка. В русском языке этимология титулов связана с греческим и латинским языками.

4. В художественных текстах титулы используются очень широко, что объясняется экстралингвистическими причинам — социальной дифференциацией в обществе на основе материального статуса, а также происхождением того или иного человека — рожденный в знатной семье получает по наследству и все привилегии.

5. В русском языке средины XX века титулы практически перестают употребляться, поскольку русское дворянство перестало существовать в культурном и историческом пространстве. Титулы не использовались после революции 1917 года, при обращении. Не встречаются они и в современных произведениях, если это не исторический роман.

6. В английском языке титулы знати по-прежнему используются в разговорной речи и в медиадискурсе, поскольку титулы активно используются в государстве с конституционной монархией. В основном они употребляются в медиа текстах

Тематическая группы *титулы знати/nobility titles* в английском и русском языках представляют несомненный лингвистический и лингвокультурный интерес для понимания НКМ русских и англичан.

Литература

Бахтин М. Вопросы литературы и эстетика М.: Художественная литература 1975-809 с.

Безкоровайная Г.Т. Английская лексема gentleman и русская дворянин (барин) в художественном тексте XIX века .// Язык и литература в научном диалоге. Специальный выпуск: сборник научных статей. 2016. С. 6-11.

Лотман Ю. М..Структура художественного текста М. Искусство- 1970- 366 с.
Словарь Даля URL: https://www.slovardalja.net/ (дата обращения 12 10 2021)
Etymology Dictionary on line URL: https://www.etymonline.com/(дата обращения 12.10 2021

Representation of the onyms in social communication and different ways of conveying their meanings in target languages

Bekoeva I.D.

(South-Ossetia, Tskhinval)

Being an interdisciplinary field of linguistics, Onomastics unites cultural, historical, ethnographic knowledge and reflects ideas about the linguistic picture of the world of the particular people. The study deals with the identification of the lexical and semantic properties of ethnospecific theonyms and the ways of conveying the gender characteristics of the Ossetian theonym *Mady Mairæm* (lit. 'Mother Mary') by means of the English and Russian languages.

The translation aspect of the problem of interpreting theonyms by means of different target languages lies in the actualization of ethno- and sociocultural information, and this is precisely what determines the relevance of this study. The need to convey the semantic aspects of theonyms requires their accurate reproduction during translation, in compliance with all the norms of the target language. The process of translation of proper names or their borrowing differs from the transfer of common nouns by means of the target language, while the norms and methods of borrowing at different times and in different conditions could change [Superanskaya 2007: 141]. S. I. Vlakhov and S.P. Florin consider two ways of conveying ethnospecific language units —

translation in a broad sense and transcription, which involves the transfer of the phonetic component of a foreign language word via graphic means [Vlakhov 1980: 94]. However, translation and transcription are contrasted in the presentation of A. A. Reformatskiy, who believes that the translation itself seeks to make the unit "which is not ours", as much as possible "ours", while transcription presupposes the preservation of the "alien element" by means of "ours" [Reformatskiy 1972: 312]. A comparative study of possible options for translating theonyms allows us to study the mechanisms and patterns of the equivalent transfer of linguistic units and to identify the linguocultural features of their transfer by means of the target languages. The socio-political discourse of the Republic of South Ossetia, due to its ritualism, is characterized by the active implementation of sacral onyms, a special place among which is occupied by the Ossetian theonym *Mady Mairæm* 'Mother Mary' (literally)/ 'Mother of God'. There are two versions of the origin of this theonym: 1) *Mady Mairæm* became an element of the religious picture of the Ossetian world with the spread of Christianity among the Ossetians; 2) the cult of *Mady Mairæm* is one of the pre-Christian beliefs of the Alans-Ossetians, according to which the patron goddess of the symbolic house hearth occupied a significant place in the religious picture of the Alans. With the spread of Christianity this belief gave way to *Mother Mary*. The deep veneration and adoration of *Mady Mairæm* by the Ossetians are proved by the fact that in every village of Ossetia there was *Mady Mairæm* 'Mother Mary' shrine. Brought in by the early preaching and spread of Christianity, *Mady Mairam* is considered to be the patroness of women. The Mother of God performs the function of a fetish. Near the Ossetian villages there are large stones bearing the name of *Mady Mairæm* and they are included in the ritual scenario of specific rites and ceremonies, particularly weddings [Traditsionnyj Religioznyj Kalendar Osetin. Prazdniki V Cherede Budnikh Dney. Cominf.Org]. The newlywed woman was brought to the sanctuary of *Mady Mairæm* to pray for her

fertility [Miller Vs. Religioznye Verovaniya Osetin. Alaniyainform (Osinform.Org)]. After the wedding, the daughter-in-law was brought to the sanctuary of *Mady Mairæm*, which was located in every village, to ask for the gift of male offspring [Dzadziev 1994: 94]. Inclusion of this theonym in the religious and cultural picture of the world of the South Ossetians remains relevant even today. 847 representations of the theonym *Mady Mairæm* were identified as a result of a continuous sample of Internet texts presented on the social networks Facebook and Instagram, on the official websites of the news agencies RES, Sputnik South Ossetia. The lexico-semantic properties of this theonym suggest several translation possibilities. If *Mady Mairæm* is considered the equivalent of the Christian Mother of God, then the translation options will be 'Mother Mary (literally) / Mother of God'. This theonym can also be translated as 'Virgin Mary / Holy Mother / Theotokos / Holy Virgin Theotokos/ Our Lady /'.

28 августа <…> будет отмечаться Успение Пресвятой Богородицы — ***Майрæмкуадзæн.*** 'On August 28 <…> the Assumption of the Most Holy Theotokos — Mayræmkuadzæn will be celebrated' [Mady Majram — Odno Iz Samykh Drevnikh Bozhestv, Kotoromu Poklonyalis Alany Dnej. Cominf.Org]. In this fragment, the translation unit is the phrase Assumption of the Blessed Virgin Mary, given in a doublet combination with the Ossetian compound word *Mayræmkuadzæn* (Mairam 'Mary, kuadzæn 'Easter' is the nomination of the most significant holiday for Ossetians) [Dzadziev 1994: 78].

Мад Майрæм (мать Мария) <…> *имя Пресвятой Богородицы.* <…> *Mad Mairæm* (Mother Mary) <…> the name of the Most Holy Theotokos. <…> [Mady Majram — Odno Iz Samykh Drevnikh Bozhestv, Kotoromu Poklonyalis Alany Dnej — Url: Https// Http://Cominf.Org]. The ways of translating the theonym *Mady Mairæm* in the analyzed fragment are presented in three varieties at once — transliteration, transcription and explanatory translation.

In the view of some carriers of the Ossetian mentality, *Mady Mairam* is the embodiment of the masculine identity; it is a spirit, patronizing women, motherhood. The adapted version of *Mady Mairæm*, realizing the meaning of "deity who is the patron of motherhood, fertility", loses its feminine properties, in some cases realizing the masculine aspect of the deity and can be translated through transliteration *Мады Майрæм* 'Mady-Mairam' / 'Madæ-Mairam'. The South Ossetian religious beliefs should be considered as a complex characterized by a synthesis of pre-Christian beliefs with elements of the Christian faith, with its inherent ritual and ritualism. The choice of the ways of transmitting the theonym by means of the Russian and English languages is determined by the target audience as well. The transcriptional translation of the theonym can be adequately perceived by recipients if they are carriers of the Ossetian linguoculture, in the system of which *Mady Mairam* is presented as an independent ethnocultural entity characterized by double gender correlation. Loan translation of the theonym *Mady Mairæm* by means of a target language can lead to a loss of ethno-specific coloring.

References

Dzadziev, A.B., Dzutsev, Kh.V., Karaev, S.M. Etnografiya I Mifologiya Osetin [Ethnography and Myphology]. Vladikavkaz, 1994. — 283 P.

Miller Vs. Religioznye Verovaniya Osetin [Religious beliefs of the Ossetians] — Url: Https// Alaniyainform (Osinform.Org) (Access date 26.02.21)

Reformatskij A.A. Perevod Ili Transkriptsiya? [Translation or transcription] // Vostochno-Slavyanskaya Onomastika.M.,1972. P.311-333.

Superanskaya A. V., Staltmane V. E., Podolskaya N. V., Sultanov A. Kh. Teoriya I Metodika Onomasticheskikh Issledovanij [The theory and methods of Onomastic studies]. M.: Izdatelstvo Lki, 2007. — 256 P.

Vlakhov, S.I., Florin S.P. Neperevodimoe v Perevode. [Not translatable in Translation] M.: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 1980. — 343 p.

Traditsionnyj Religioznyj Kalendar Osetin. Prazdniki V Cherede Budnikh Dnej — Url: Https // Http://Cominf.Org/Node/1166527409 (Access date 26.02.21)

Mady Majram — Odno Iz Samykh Drevnikh Bozhestv, Kotoromu Poklonyalis Alany Dnej — Url: Https// Http://Cominf.Org/Node/1166527409 (Access date 26.02.21)

Когнитивные механизмы семантической адаптации заимствований в русском языке

Белов В.А.

(Россия, Череповец)

Введение

Для современного русского языка характерна большая открытость к иностранным словам, адаптация которых происходит поэтапно: в первую очередь стабилизуется фонетический и орфографический облик слова, а далее происходит грамматическое оформление, последним этапом становится семантическая адаптация, предполагающая включение нового слова в лексикон носителя языка. При этом сама семантическая адаптация имеет две стадии: первоначально заимствование включается в тематическую группу, а затем — в определенный синонимический ряд [Гончарова 2009; Маринова 2014]. С когнитивной точки зрения семантическая адаптации представляет собой процесс субкатегоризации, то есть включение нового слова в субкатегории (тематическую группу, синонимически ряд и пр.), что предполагает сравнение значения заимствования со значением подобных единиц (синонимов, единиц одного семантического поля) [Кубрякова 2004].

Методология исследования

В настоящей работе изучаются новые заимствования, семантическая адаптация которых не завершена и которые воспринимаются носителями языка как новые слова. Материалом послужили заимствования-имена существительные, появившиеся в русском языке с 2000-х

годов. Источниками информации стали несколько ресурсов: результаты психолингвистического эксперимента на толкование заимствований, данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ), публикации в современных средствах массовой информации, сведения словарей русского языка, статистические материалы поисковой системы «Яндекс».

В проведенном эксперименте приняло участие 106 человек, в основном студенты гуманитарных и негуманитарных специальностей в возрасте от 17 до 38 лет: в том числе 65 испытуемых женского пола, 16 испытуемых мужского пола, 25 не указали свой пол. Согласно заданию испытуемые получили задание — дать толкования предъявляемых слов. Для отбора стимулов использовались материалы «Словаря модных слов» В.И. Новикова [Новиков 2016] и НКРЯ: все стимулы эксперимента употребляются в корпусе.

Гипотеза исследования заключается в том, что семантическая адаптация заимствований, в том числе формирование их семантических связей, определяется логической и нелогической категоризацией, связанной с рациональным и эмоционально-образным восприятием действительности.

Результаты исследования

Представление результатов эксперимента разделено на три части в соответствии с разными типами заимствований, выделенными в работе [Котцова 2019].

Первая группа включает неологизмы, обозначающие новое явление. Примером такого заимствования является слово *роуминг*, которое достаточно распространено в современной речи. Частотность лексемы в газетном подкорпусе 1725 вхождений, а количество ежемесячных запросов в системе «Яндекс» составляет 82 тысячи.

Испытуемые в эксперименте часто давали различные реакции — толкования, содержащие гиперонимы: *плата* (11 реакций, 11 %), *ограничение* (9 реакций, 9 %), *тариф* (7 реакций, 7%), *связь* (7 реакций, 7 %) и другими.

(1) *Плата за телефонные услуги, когда звонишь из другой страны*.

Среди ответов испытуемых не представлены синонимические реакции. Анализ высказываний в корпусе показывает отсутствие полноценных синонимов у этого заимствования, а для контекстуальной связности используется повтор этого же слова (см. пример (2)), или гипероним (например, услуга, плата) (см. пример (3)).

(2) *Ранее операторы «большой четверки» назвали сроки отмены* ***роуминга*** *в России. Отмечалось, что «Вымпелком» начнет отмену* ***роуминга*** *20 августа, МТС — 30 августа, а «Мегафон» — 1 сентября. В компании Tele2 заявили, что выполнят все мероприятия по отмене внутрисетевого* ***роуминга*** *в установленный срок — до 31 августа* [НКРЯ: «gazeta.ru», 2018].

(3) *В ФАС бороться с внутрироссийским* ***роумингом*** *начали еще в 2010 году, когда выяснили, что эта* ***услуга*** *технически не обоснована в современных условиях* [НКРЯ: «Московский комсомолец», 2018].

Таким образом, при семантической адаптации у подобных заимствований хорошо развиты гиперонимические связи, однако синонимические отношения редуцированы.

Заимствования второй группы, заменяющие сочетание, более тесно интегрированы в семантические отношения. Рассмотрим это на примере слова *шопинг*. Оно заменяет оборот *поход по магазинам (покупками)*. Подобные сочетания стали наиболее частотными реакциями в эксперименте: *поход по магазинам* (19 реакций, 18 %), *поход за покупками* (10 реакций, 10 %), покупки в магазинах (4 реакции, 4 %). Среди ответов также отмечаются

синонимические реакции: *покупки* (8 реакций, 8%), *закупка* (3 реакции, 3 %).

В контексте возможны синонимические замены: например, в предложении (4) возможны замены *шопинг — покупки* с сохранением общего смысла высказывания.

(4) *Немаловажно также и упрощение самого процесса* ***шопинга [покупки]*** *— в идеале потребитель должен иметь возможность сделать* ***покупку [совершить шопинг]****, не покидая приложения* [НКРЯ: «lenta.ru», 2017].

Заимствования третьей группы дублируют существующие понятия: в языке употребляется синоним-эквивалент (назовем его мишенью). В нашем исследовании семантическая дублетность проявляется в том, что, во-первых, в эксперименте на толкование наиболее частотной реакцией на стимул-заимствование является исконное слово; во-вторых, заимствование оказывается привязано к слову-мишени и в любом контексте может быть заменено на синоним без модификации общего смысла.

Показательным примером здесь является слово *мани*, которое денотативно тождественно слову-мишени *деньги*. Отличия заимствования касаются коннотативных, эмотивных компонентов значения. Чаще всего оно употребляется для создания отрицательных эмоций, таких, как отвращение, презрение или зависть.

В подавляющем количестве случаев на стимул *мани* испытуемые дают реакцию-мишень *деньги* (100 реакций, 95 %). В высказываниях НКРЯ заимствование может заменяться на мишень (см. высказывание (5)). Также возможны односторонние замены (*мани* → *деньги*) в любом высказывании, где употребляется заимствование; см. предложение (6).

(5) *Пары, у которых достаточно* ***«мани»*** *в кармане, ездят за рубеж, в России берут уроки в элитных клубах; у кого денег нет — учатся в клубах попроще* [НКРЯ: «Комсомольская правда», 2001].

(6) — ***Мани [деньги]***, *— отвечаю. И для доходчивости тру большой палец руки об указательный. — А, ну дык это, сто баксов, — чешет голову водитель* [НКРЯ: «Комсомольская правда», 200].

Заимствования этого типа имеют ограниченные семантические связи, так как они оказываются привязаны к слову-мишени, что объясняется отсутствием сематических отличий от существующих слов.

Обсуждение результатов

Когнитивную основу семантической адаптации заимствований составляют два ключевых процесса. Логическая категоризация предполагает рациональное упорядочивание понятий в языковой картине мира; ее конкретными механизмами становятся развитие семантических отличий заимствований от существующих слов и формирование гиперонимических связей с единицами с более общим значением. Логическая категоризация является ведущей для первой и второй групп заимствований. Логическая категоризация ослаблена для адаптации заимствований третьей группы, так как дублирование понятий — избыточный с логоцентрической точки зрения процесс.

Для третьей группы заимствований доминирующей оказывается нелогическая категоризация, включающая когнитивные механизмы эмоционально-оценочного восприятия. В результате этого заимствованиям «приписывается» выражение той или иной эмоции. Мотивом заимствования в этом случае становится стремление носителя выразить свое отношение к понятиям, передать эмоции и оценить происходящее.

По мере семантической адаптации заимствование-дублет может постепенно утратить эмоциональную составляющую, но приобрести черты логической упорядоченности. Например, слово *френд* первоначально

выражало отрицательные эмоции презрения и/или отвращения, подчеркивая «ненастоящий» характер дружбы; см. высказывание (7), датированное 1994 годом.

(7) *Дружба в те годы не взвешивалась заранее, дружить было нормой, все, кроме считанных недрузей, были друзья (как во взвешенной-перевешенной, но до седых волос инфантильной Америке, где каждый знакомый — май* ***френд)*** [НКРЯ: А. Найман, 1994].

Однако постепенно оно приобретает и семантические отличия: наименование *френд* относят к «друзьям» в социальных сетях и Интернете (см. пример (8)).

(8) *В семье знакомых сыну 15 лет, а у него ни настоящего друга, ни любимой девушки. Только* ***френды*** *и подписчики* [НКРЯ: А. Дроботов, «Комсомольская правда», 2013].

Заключение

Проведенное исследование позволило подтвердить гипотезу, согласно которой семантическую адаптацию заимствований, в том числе формирование их семантических связей, определяет логическая и нелогическая категоризация, которые обуславливают конкретные когнитивные механизмы адаптации неологизмов.

В лексиконе носителя языка выделенные механизмы часто комбинируются. Так, заимствования третьей группы по мере употребления развивают логическую категоризацию и соответствующие механизмы адаптации.

Литература

Гончарова Е. *Динамические процессы в лексиконе языковой личности*: Автореф. дис... канд. филол. наук. Новосибирский государственный педагогический институт, 2009.

Котцова Е. Семантическая адаптация англицизмов-агнонимов в лексике русского языка // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2019. № 2. С. 139–146.

Кубрякова Е. *Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира.* М.: Языки славянской культуры, 2004.
Маринова Е. Освоение новых заимствований и сопутствующие процессы в русском языке начала XXI в. // *Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: Коллективная монография*. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014.С. 65–149.
Новиков В. *Словарь модных слов*. М.: Словари XXI века, 2016.

Отражение ценностных установок в паремиях тюркских народов Саяно-Алтая (на примере тувинских и хакасских пословиц о скупцах на евразийском паремиологическом фоне)[1]

Бредис М.А.

(Москва, Россия)

Пословичный фонд каждого народа содержит важные знания о национальной культуре, накапливаемые с незапамятных времён, и воспринимается как как мудрость прошлого. Являясь своеобразной компактной упаковкой опыта, пословицы доносят этот народный опыт до нашего времени, побуждая человека следовать заключённым в них ценностным установкам применительно к различным ситуациям [Бредис 2019: 70], при этом метафоры и бытовые реалии, как правило, придают пословицам национальный колорит [Пермяков, 1988: 21].

Пословицы тюрков Саяно-Алтая зафиксированы ещё в V-VIII вв. в древнейших письменных памятниках — на каменных стелах с орхоно-енисейскими руническими письменами. По мнению исследователей, ранние формы

[1] *Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00305.*

пословиц в этих памятниках цитируются с конкретной целью, в определённом контексте, «выполняют функцию освещения, подчёркивания, доказательства сути происходящего» [Рахматов 2021: 75].

Цель данной статьи заключается в проведении сопоставительного лингвокультурологического анализа пословиц тюрков Саяно-Алтая о скупцах на примере хакасских и тувинских пословиц на фоне их семантических аналогов из ряда различных языков (тюркской, монгольской, славянской и балтийской группы). Хакасские и тувинские пословицы подобраны методом выборки из двуязычных словарей: *Хыйға сöс. Сöспектер. Сиспектер паза таптырғастар = Мудрое слово. Хакасские пословицы, поговорки и загадки* / ГБНИУ РХ «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории»; сост. и ред.: У.Н. Кирбижекова, Ю.И. Чаптыкова, Н.С. Чистобаева (2021); Хакасско-русский словарь=Хакас-орыс сöстік (2006); *Пословицы и поговорки тувинского народа. Автор-составитель Б.К. Будуп* (2020); Тувинско-русский словарь: Около 22.000 слов / Под ред. Э. Р. Тенишева; Тувин. науч.-исслед. ин-т яз., литературы и истории (1968). Эквиваленты хакасских и тувинских пословиц для сопоставления взяты из авторитетных паремиологических сборников русского, русинского, польского, латышского, литовского, татарского, и монгольского языков.

В хакасских и тувинских пословицах прослеживается исключительно негативное отношение к скупости и скупцам. Слово «скупой» на хакасском и тувинском языках звучит одинаково «харам». Согласно «Толковому словарю русского языка» С.И. Ожегова, *скупой* — ‘чрезмерно, до жадности бережливый, избегающий расходов’ [Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. — 3-е изд., стереотипное исп. И доп. — М.: АЗЪ, 1995. — С. 716]. Основное качество скупца — страстное желание не давать ничего другим, он не

расстается ни с чем добровольно. Этим можно объяснить главную особенность его речи — частое слово «нет» в ответ на просьбу чем-нибудь поделиться: хакас. *Харам кізі хаӌан даа чоғыл тидір* (букв. Скупой всегда говорит «нет»); тув. *Хайыракан ижээн дээр, Харам кижи «чок» дээр* (букв. Медведь о берлоге думает, скупой человек говорит «нет»). Тувинская пословица расширяет структурно-семантическую модель *Скупой говорит нет* за счёт метафорического сравнения с медведем, у которого одна мысль — о берлоге, так и у скупца одна мысль — сказать «нет», ни в коем случае не дать. Эта же семантическая модель выражается русской пословицей *У скупа не у нета: и есть, да не выпросишь*, в которой поясняется, что «нет» скупого происходит от паталогического нежелания давать. Ещё ближе к хакасской и тувинской пословицам по семантической модели находятся польские пословицы: *U skąpego na końcu języka siedzi: niemasz* (У скупого на кончике языка: нет тебе); *Nie mam — skąpego słowo* (Нет — слово скупого); *Nie mam — u skąpego na języku* (Нет — у скупого на языке). Здесь словом «нет» переводятся польские *niemasz u nie mam* (*не имеешь* в смысле *не получишь*, *не имею*). Частичными семантическими эквивалентами хакасской и тувинской пословиц являются следующие: русинск. *У скупого усе пополудни* (У скупого всегда после обеда); польск. *U skąpego zawsze po obiedzie* (У скупого всегда после обеда). Ключевое понятие здесь — *после обеда*, то есть скупой никогда не угощает обедом. В этой пословице «нет» относится к еде. Латышские семантические эквиваленты пословицы как бы объясняют, почему у скупого всегда после обеда: латышск. *Skopam žēl pat paēst* (Скупому жаль самому поесть); *Tam jau roka trīc, otram dodot* (У него даже рука трясётся, когда другому давать).

Тувинская пословица также не рекомендует искать еду у скупого, расширяя смысл сравнением с лентяем: *Чалгаа*

кижиниң өөнде чарган ыяш чок, Чазый кижиниң өөнде аъш-чем чок (У лентяя не ищи дров, У скупого не ищи еды).

Другая пословица, дающая установку, осуждающую скупого, выражается семантической моделью *У скупого нет друзей*: тув. *Кадыг черге мал доктаавас, Харам кижээ эш доктаавас* (На голой земле скот не пасётся, У скупого друга не заведётся); *Харам кижээ эш доктаавас* (У скупого друга нет). Русская пословица выражает эту же семантику: *У богатого скупого (скупова) нет (несть) ни друга, ни сродника.* Сходная семантика у польской паремии: *Skąpego nie obieraj sobie za przyjaciela prawego* (Скупого не принимай за настоящего друга). Эту семантику расширяет монгольская пословица: *Харанхуй шөнө газар хол, харамч хүнд нөхөр хол* (В тёмную ночь дорога далека, скупому человеку друзья далеки). Эта паремия совмещает две образные картинки: далекая дорога в ночной тьме и одинокий скупец без друзей.

Ещё одна тувинская пословица сравнивает скупца и ленивого коня: *Харам кижээ эш ырак, Чоржаң аътка чер ырак* (Скупому друг далек, Ленивому коню путь далек). Эта же модель и образность наблюдаются в татарской и монгольской пословицах: тат. *Ленивому коню дорога кажется неблизкой, скупердяю друг кажется неблизким*; монг. *Хашин моринд газар хол, харамч хүнд нөхөр хол* (Ленивому коню путь далек, а скупому человеку друг далек). Сходство татарской, тувинской и монгольской пословиц объясняется контактными параллелями и тюрко-монгольской общностью языков. Исследователи полагают, что в монгольском языке имеется около 25% лексических и около 50% морфологических элементов, общих с тюркскими. Контакты же способствуют углублению сходства этих языков [Рассадин 2019: 21-22]. Языковые и культурные связи между соседствующими племенами — тюрками Тувы и носителями древнемонгольских диалектов — существовали еще в VI-VIII вв., во времена тюркских каганатов. В XIII в. Саяно-Алтайское нагорье было покорено монгольскими

завоевателями, и позднее в формировании тувинского народа участвовали некоторые монгольские племена [Татаринцев 1976: 4]. Так же близки монгольским по семантике и образности тувинские пословицы о скупых женщинах: *Харам кадай — өг чуду* (Скупая женщина юрту позорит); *Калбак кезек — от чуду, Харам кадай — өг чуду* (Толстое полено огонь гасит, скупая женщина юрту позорит). Монгольский эквивалент является полным по структуре и семантике: *Хагалаагүй түлээ галын буг, харамч авгай гэрийн буг* (Нерасколотое полено огонь погасит, скупая хозяйка дом осрамит).

Географическое соседство и общение народов Тувы и Монголии способствует культурно-языковому трансферу на приграничных территориях. Протяжённость современной общей границы составляет более 1300 км. Пять административных районов Республики Тыва граничат с четырьмя аймаками Монголии. На приграничных территориях Монголии проживает значительное количество монгольских тувинцев. Культурный-языковой трансфер объясняется и общим прошлым тувинцев и монголов, их кочевой культурой и повседневным общением.

Негативная оценка скупости и скупцов содержится в хакасских пословицах, отражающих модель *Добро супца пропадает*: *Харанған ниме харанға чітчең* (То, чем скупишься, незаметно пропадает); *Харамнин харанға күске тазыпча* (букв. У скупого незаметно всё мыши перетаскивают). Семантическая модель *Добро скупца пропадает* в русском языке находит отражение в русских пословицах: *У скупого больше пропадает*; *У скупого больше чего* (*больши чиваго*) *пропадает*; *У скупого больше чёрт берёт*. В последней паремии ключевой образ чёрта соответствует мышам из хакасской пословицы. Сходная модель прослеживается в татарских пословицах: *Добро скупца съедят крысы*; *У скупого богача добро гниёт*; *Добро скупца пойдёт прахом*. Балтийские эквиваленты этой

паремии также говорят о том, что богатство скупца бесполезно: латышск. *Taupa, taupa, pēc ne sunim, ne kaķim, ne pašam* (Копит, копит, а потом ни псу, ни коту, ни самому); *Sīkstulis un cūka der tikai pēc nāves* (Скупой и свинья годятся только после смерти); лит. *Šykštuolis krauna turtus, o nežino kam* (Скупой копит богатство, а неизвестно для кого).

Проведённый лингвокультурологический и аксиологический анализ хакасских и тувинских пословиц о скупцах дал возможность выявить общие с другими лингвокультурами и этноспецифические ключевые образы и ценностные предпочтения этих народов относительно скупости и скупцов. Хакасские и тувинские пословицы наиболее близки друг другу, что закономерно, поскольку оба языка принадлежат тюркской группе, а оба народа являются соседями. Выявилось также сходство семантических моделей и образов с монгольским языком, что объясняется и тюрко-монгольским родством, и контактным культурно-языковым трансфером. Одновременно сходство правил нравственности и поведения обеспечивают общность рассмотренных хакасских и тувинских пословиц с пословицами языков разных групп: монгольской, тюркской, славянской и балтийской. Результаты анализа могут быть использованы при составлении многоязычного словаря пословиц народов Саяно-Алтая с евразийскими параллелями.

Литература

Бредис М.А. *Человек и деньги: Очерки о пословицах русских и не только.* — СПб.: Петербургское востоковедение, 2019. — 296 с.

Пермяков, Г.Л. Основы структурной паремиологии / Г.Л. Пермяков // *Исследования по фольклору и мифологии Востока*. — М.: Наука, 1988. — 236 с.

Рассадин, В.И. *Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности* / Под ред. А. В. Дыбо. — СПб. : Нестор-История, 2019. — 620 с.

Рахматов, Й.Г. Эволюция и ранние формы народных пословиц в древнетюркских каменных надписях // *Материалы*

Международного симпозиума хакасского эпоса, VIII Международной научной конференции «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий», посвященной 300-летию открытия памятников енисейской письменности и Году хакасского эпоса в Республике Хакассия (23-25 сентября 2021 г.). — Абакан: Хакасссское книжное издательство имени В.М. Торосова, 2021. — С. 74-77.

Татаринцев, Б.И. *Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику*. — Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1976. — 132 с.

Оптика дискурса о будущем

Валуйцева И.И.

(Россия, Москва)

Социолингвистический подход к языку предполагает рассмотрение его функционирования в социуме во всем многообразии коммуникативных характеристик носителя языка. Как мы знаем, человек живет не только в настоящем или вспоминает прошлое, но и задумывается о будущем, причем не только своем, но и государства или человечества в целом. Напомним имена Герберта Уэллса, И.А. Ефремова, братьев Стругацких, Станислава Лемма и многих других.

Понятие «визионерство» в XXI веке получило интересное развитие, базирующееся на различных интерпретациях исходного латинского слова visio (visionis) — «видение».

В Толковом словаре Ушакова, в Словаре иностранных слов оно объясняется как склонность к галлюцинациям, фантастическим видениям, построению воздушных замков и т.д. и входит в обиход на рубеже XIX и XX веков. Визионерство также тесно связано с искусством, объясняет особый склад ума музыкантов, художников и т.д. Изначально данное понятие носило религиозный или мистический характер, синонимом которого представлялось

«ясновидение». То есть можно сказать, что в этих толкованиях на первый (и единственный) план выходит значение слова с ударением на втором слоге — «видЕние» — «*призрак, привидение, что-либо, возникшее в воображении, во сне*» [http://gramota.ru/slovari/].

Но в последние годы в толковании этого слова акцент переместился в прямом и переносном смысле в русском языке на первый слог — «вИдение» — «книжн. *способность воспринимать и оценивать окружающее каким-либо образом*» [http://gramota.ru/slovari/]. Визионерство понимается как одна из важнейших профессий будущего, в литературе описываются компетенции визионера. Визионерство с каждым годом охватывает все большее количество областей — от глобальных прогнозов в области политики, экономики отдельных стран и всего мира в целом до будущего химии, физики, архитектуры и т.д. В крупных западных корпорациях вводится специальная должность — Chief Visionary Officer (CVO). Основная задача визионера — предугадать основные тренды развития на будущее и убедительно показать аудитории правильность своего в**и**дения. Визионер должен выявить цель более высокого порядка для компании или ее бренда и добиться поддержки представленной идеи среди сотрудников компании.

В силу своей специфики визионерский дискурс представляет собой мультиканальную коммуникацию, поэтому для выявления его лингвистических особенностей нами были проанализированы материалы масштабного мероприятия — образовательного интенсива «Остров 10-22», выступления визионеров, сайты habr.ru, rbk.ru, sk.ru, и др.

Письменная визионерская языковая деятельность существует в виде статей и прогнозов. Их объем обычно составляет размер небольшой статьи в блоге, крайне редко можно встретить обширное исследование. В визионерских текстах ярко выражено отношение автора к сообщаемой информации. Визионерским статьям присуща смысловая

последовательность, содержательная и структурная завершенность. Визионерские тексты включают в себя неограниченный диапазон тем, так как прогнозирование актуально в абсолютно любой сфере деятельности.

Визионерский дискурс чаще представлен в устной форме изложения. Визионеры участвуют в конференциях, читают лекции, у них часто берут интервью. Устная речь визионеров структурирована, публичные выступления подкреплены красочными презентациями, что создает яркий образ будущего.

Проанализированный нами материал позволяет отметить следующие характерные особенности дискурса визионеров: высокая частотность а) маркеров модальности *(возможно, можно предположить, маловероятно, с высокой долей вероятности); б)* дискурсивных маркеров, отмечающих структуру дискурса, ментальные процессы визионера — *во-первых, во-вторых…, безусловно.* В выступлениях преобладает синтаксис разговорной речи, простые предложения. Спецификой визионеров является оригинальная комбинация слов в ключевых словосочетаниях: *комплекс сервисов, сообщество лидеров изменений, лаборатория полигонов практик будущего и др.*

На лексическом уровне в визионерском дискурсе наблюдаются использование следующих языковых и речевых средств:

1. неологизмов: *фреймворки* (структуры, на базе которых можно создать конечный продукт), *футурореликтовый, эко-вече;*

2. заимствований и калек: *софтовые и хардовые навыки*, *форсайт-группа, митап, тимлид, продакт;*

3. терминологии разных сфер деятельности (IT, медицина, экономика, инженерия, биология, когнитивные технологии, физика и т.д.);

4. разговорной речи: *удаленка, выгребет, стуча по клаве.*

Языковая деятельность визионеров метафорична. Метафора в визионерском дискурсе — не только прием визуализации, это, скорее, способ мышления экспертов, способ представления образов будущего. Метафора помогает визионерам передавать идеи, привлекать внимание аудитории, а также делает прогнозы о будущем более запоминающимися и яркими. Как писал Д. Болинджер «если предположить, что все мышление является метафорическим, тогда всегда найдется кто-нибудь, желающий помочь нам думать, подсказывая метафору, которая соответствует его взглядам, его постоянным представлениям о мире или временному стремлению к личному преимуществу» [Болинджер, 1987:32]. Одним из ярких примеров визионерского дискурса является цикл мероприятий Университета 20.35 — Образовательный интенсив «Остров 10-22», проводившийся в Сколково в 2019 г. В 2020 и 2021 гг. аналогичные мероприятия уже шли под названием «Архипелаг» (группа островов, расположенных близко друг к другу), что, безусловно, подразумевало расширение как программы, так и количества участников интенсива. Прибегнем к классификации метафор А.П.Чудинова, который выделяет, в частности природоморфные метафоры, когда «источниками метафорической экспансии…служат понятийные сферы «Мир животных», «Мир растений», «Мир неживой природы»» [Чудинов, 2008:136]. В данном случае применена метафора неживой природы, связанная с географическими объектами. Следует отметить, что этот тип метафоры широко используется в текстах визионеров: *пространство Острова, карта, траектория*, *пространство договоренности.* Метафора расширения, увеличения часто встречается в визионерском дискурсе: *институт развития, наращивание, акселераци, рост компетенции.* Последовательность *Остров — Архипелаг* предполагает следующий этап — *Материк,* имплицитно транслируя замыслы организаторов.

Не следует забывать и то, что метафора активно используется в НЛП. Милтон-модели, мета-модели, речевой рефрейминг [Бендлер, Гриндер, 1995] применяются в рассматриваемом нами дискурсе весьма успешно.

Литература

Бендлер Р., Гриндер Д. Рефрейминг: ориентация личнности с помощью речевых стратегий. Воронеж, НПО «Модек», 1995, 256 с.

Болинджер Д. Истина — проблема лингвистическая //Язык и моделирование социального взаимодействия. М., Прогресс, 1987, С.23-43

Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М., Флинта: Наука, 2008, 256 с.

http://gramota.ru/slovari/

http://2035.university

Соотношение конфликтного и интолерантного типов дискурса

Василенко Е.Н.

(Беларусь, Могилев)

Дискурсивное пространство включает различные типы дискурсов, которые сосуществуют в непрерывной связи и взаимодействии. При этом вопрос о типологии дискурсов остается в настоящее время открытым ввиду возможности различного основания их классификации. Основными критериями типологии дискурса в лингвистике являются модус, форма организации, социальные отношения участников, коммуникативная сфера (формат дискурса) и коммуникативная тональность [Василенко 2018: 12–15].

Коммуникативная тональность понимается как «эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения» [Карасик 2008: 99]. Типология коммуникативной

тональности, наряду с другими основаниями (одноплановость / многоплановость смыслов; заданность / открытость смыслов; серьезность / несерьезность общения; приоритет формы / содержания общения; конкретность / отвлеченность тематики), может строиться по критерию кооперативности / конфликтности общения [Карасик 2008].

Именно на этом основании выделяется один из самых распространенных в человеческом коммуникативном репертуаре конфликтный тип дискурса (ведь конфликты неизбежны, а важнейшей составляющей практически любого конфликтного взаимодействия является его речевая сторона). Под конфликтным дискурсом понимается такое речевое взаимодействие собеседников, иллокутивная доминанта которого характеризуется наличием столкновения коммуникативных целей, в результате которого участники дискурса испытывают различные эмоции (как правило, отрицательные), возникающие в ходе вербального воздействия друг на друга [Белоус 2008: 153].

Н. А. Белоус отмечает, что отличительной чертой конфликтного дискурса является наличие явной или скрытой не/осознанной агрессивности его участников, находящихся в состоянии противоборства и имеющих противоположные иллокутивные намерения. В основе конфликтогенного сознания коммуникантов лежат стереотипы, ориентация и предпочтения, тесно связанные с враждебностью, а семантической основой функционирования конфликтного дискурса являются языковые средства представления «враждебности» [Белоус 2008: 153], что сближает конфликтный дискурс с интолерантным дискурсом.

Интолерантный дискурс (дискурс вражды, враждебный дискурс, дискурс ненависти) является достаточно новым объектом гуманитарных исследований и в самом общем смысле понимается как тип дискурса, организующей которого выступает категория враждебности.

Когнитивными основаниями враждебности выступают категория чуждости и категория идентичности, представленные в сознании говорящего оппозицией *свой — чужой* (*мы — они*) и играющие важнейшую роль в определении человеком своего места в мире. Данные категории непосредственным образом связаны с этическими категориями *добро* и *зло*, а также *хорошо* и *плохо*, что обусловливает выделение оценочности в качестве одной из важнейших характеристик враждебного дискурса.

Интолерантный дискурс основан на социальных стереотипах и включает в себя разные способы манифестации враждебного отношения к социальным группам, выделяемым на основании различных, в первую очередь неотъемлемых (таких как происхождение, пол, возраст и т. п.), характеристик, в то время как конфликтный дискурс не привязан к какому-либо критерию выделения противостоящих субъектов.

Соотношение конфликтного и интолерантного типов дискурса наиболее ярко демонстрируется соотношением их вербальных составляющих — речевой агрессии и «языка вражды». «Язык вражды», понимаемый как совокупность языковых средств, выражающих негативное, основанное на стереотипах или предубеждениях, отношение к адресату — носителю ценностей, отличных от ценностей адресанта, и, как следствие, вербализующих тот или иной вид дискриминации или нетерпимости, всегда основан на стереотипах, направлен на определенную социальную группу, базируется на универсальной семиотической оппозиции *свой — чужой* и может иметь более «мягкий» характер, нежели вербальная агрессия [Василенко 2021а, Василенко 2021б].

Соотношение конфликтного и интолерантного типов дискурса в нашем понимании представлено на рисунке 1.

Рисунок 1. Соотношение интолерантного и конфликтного типов дискурса

Как следует из рисунка 1, интолерантный дискурс не эквивалентен конфликтному дискурсу: враждебность еще не есть агрессия. Областью пересечения указанных типов дискурса выступают межгрупповые конфликты, основанные на социальных стереотипах. При этом в сферу конфликтного дискурса попадают и другие типы конфликтов, а в сферу интолерантного дискурса — неконфликтные формы взаимодействия субъектов коммуникации, относящихся к разным социальным группам.

Таким образом, на основании коммуникативной тональности выделяется конфликтный тип дискурса, характеризующийся столкновением коммуникативных целей собеседников и базирующийся на категории враждебности, что сближает его с интолерантным дискурсом. В свою очередь, интолерантный дискурс основан на социальных стереотипах, носит оценочный характер, включает в себя вербальные и невербальные способы манифестации враждебного отношения к социальным группам, выделяемым на основании различных, в том числе

врожденных или неизменяемых характеристик, таких как происхождение, пол, возраст и др. Соотношение конфликтного и интолерантного типов дискурса сопоставимо с соотношением речевой агрессии и «языка вражды» как их важнейших компонентов.

Литература

Белоус Н. А. Функциональные особенности конфликтного дискурса // *Знание. Понимание. Умение*. 2008. № 4. С. 152–157.

Василенко Е. Н. «Язык вражды» как форма проявления конфликтов, основанных на стереотипах // *Труды БГТУ. Серия 4: Принт- и медиатехнологии*. 2021. №. 2 (249). С. 84–92.

Василенко Е. Н. *Языковые средства убеждения в политическом дискурсе*. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2018.

Василенко Е. «Язык вражды» как форма проявления социально-политического конфликта // *Коммуникация в эпоху протестов* / под ред. Х. Куссе. Берлин, 2021. С. 9–23.

Карасик В. И. Коммуникативная тональность // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2008. № 10. С. 99–109.

Региональный язык: опыт лингвистического активизма Кашубии

Васюков А.Д.

(Россия, Санкт-Петербург)

Кашубы — западнославянская миноритарная этническая группа, проживающая на территории Поморского воеводства Польши. В польском политическом и научном дискурсе кашубы традиционно рассматривались в качестве этнографической группы поляков, которые говорят на одном из самых специфических диалектов польского языка. Настоящий доклад представляет результаты собственной полевой работы автора среди кашубов в 2018–2021 гг. в рамках аспирантского исследования, посвященного

этнической идентичности и языковому активизму в сообществе.

Впервые кашубы стали выделяться как отдельная этническая группа лишь в переписи 2002. Тогда всего около 5,1 тыс. человек назвали свою национальность кашубской, при этом более 56 тыс. человек указало, что дома говорит по-кашубски. В 2011 году усовершенствованная методика переписи населения, которая в частности позволила респондентам указывать двойную этническую идентичность, привела к совершенно другим результатам. В 2011 г. кашубами себя назвало 233 тыс. чел, из которых более 16 тыс. (7% группы) считало себя исключительно кашубами, а остальные указали две этничности. Также 108 тыс. чел. заявило о владении кашубским языком [Narodowy Spis 2015: 70]. Данные результаты показывают сложную структуру предпочтений в этнической самоидентификации кашубов, для которой характерна бинарная (в основном кашубско-польская / польско-кашубская) модель этнического самоопределения. Однако уже эти данные показывают, что кашубы являются вторым по величине (после силезцев) меньшинством Польши, для которого характерна непольская, или альтернативная польской этническая идентичность.

В 2005 г. в Польше был принят закон «Об этнических, национальных меньшинствах и региональном языке», который присвоил кашубскому статус регионального в Польше. Сегодня гмины, в которых более 20% населения составляют кашубы, могут наделять кашубский язык рядом административных функций (język pomocnicy). Закон позволяет выделять финансирование на преподавание кашубского языка, делопроизводство на кашубском, установление двуязычных дорожных указателей [Bukowski 2016: 91]. Заметно стремление авторов Закона 2005 г. обеспечить минимум культурных прав группы и при этом избежать ее признания в качестве этнического меньшинства.

Согласно Закону, кашубы сегодня — это языковое региональное сообщество, такое определение перекочевало и в польский политический дискурс. Следует отметить, что наличие собственного регионального языка и отсутствие признания группы отдельным этническим меньшинством довольно болезненно осознается активистами. Так, известная кашубская журналистка критически оценивает нынешний юридический статус сообщества, считая его недостаточным:

«Наверное, какая-то дефиниция группы необходима… Но сегодня кашубы как кашубы не существуют. Есть только «сообщество, говорящее на региональном кашубском». ***(Т., кашубка, 31 г., Гданьск)***

Как показывают материалы нашей полевой работы, с 50-60-х гг. XX в. кашубы переживают процесс языкового сдвига, связанного с постепенным вытеснением кашубского языка польским из всех сфер общения, в том числе внутрисемейной. Наши информанты, описывая истории своих семей, последовательно указывали на ситуацию диглоссии, которая проявлялась в выстраивании специфической языковой иерархии в регионе, высшее место в которой занимал литературный польский, а подчиненное — кашубский.

«Мы в семье не говорили по-кашубски, но постоянно слышали, как мама говорила с тетей, бабушкой, соседками по-кашубски… Все время была такая установка, что… все это поколение считало, что обучение ребенка кашубскому его испортит». ***(Т., кашубка, 31 г., Гданьск)***

Опираясь на материалы интервью, мы можем заключить, что одну из главный ролей в языковой ассимиляции в Кашубии сыграла школа. Кашубский преподносился школой как нечто архаичное, как «неправильный польский», который не может быть частью жизни современного, образованного человека.

«Я в школе никогда не слышал кашубский. С нами всегда говорили по–польски. Но однажды… мы поехали на

*какую–то экскурсию… **и учитель заговорил с хозяином по–кашубски. Я был шокирован**, что он может говорить по–кашубски. Думаю, большинство учителей знали язык, но специально с нами не говорили». **(D., кашуб, 54 г., Картузы)***

Несмотря на то, что кашубский язык преподается в школах Поморского воеводства уже с начала 1990-х гг., даже молодые информанты делились схожими воспоминаниями: *«Наши школьные учителя говорили нам: «Не говорите по-кашубски в Гданьске. Иначе к вам отнесутся как к деревенщине». **(М., кашуб, 25 лет, Вейхерово)***

Языковому сдвигу среди кашубов значительно поспособствовал и низкий социальный престиж родного языка. Кашубы, составляющие большинство в нескольких центральнопоморских повятах, — преимущественно сельское население (64,6% проживает в сельской местности и лишь 35,4% — в городах). В единственном крупном городском центре региона — агломерации Труймясто (1 млн. жителей) — кашубы составляют абсолютное меньшинство. Согласно свидетельствам моих кашубских информантов, а также их польских супругов, коренные жители Кашубии традиционно считались поляками неграмотными, сельскими жителями, которые не способны приобщиться к высокой культуре.

*«В хлеве со свиньей можно было говорить по-кашубски… а чтобы ученый человек… этого себе невозможно было представить». **(К., кашуб, 36 л., Реда)**.*

Следовательно, низкий престиж кашубского влек за собой слабую языковую лояльность в сообществе. Владение кашубским не считалось достоинством. Согласно оценкам специалистов, сегодня кашубским языком владеет от 80% до 64,5% группы [Dołowy-Rybińska 2010: 52]. Как предполагает Я. Мордавский, по состоянию на 2005 г. лишь 80,9 тыс. чел. говорят по–кашубски ежедневно (14,2% от этнической группы) и еще 41 тыс. (7,3%) говорят часто. Большая же часть носителей языка прибегает к нему крайне редко или

почти никогда [Mordawski 2018: 46]. Скорее всего, даже такие цифры являются оптимистичными. В условиях прекращения межпоколенческой передачи кашубского языка этнические активисты все более возлагают надежды на школу. Институт, на который еще недавно возлагалась вина за языковую ассимиляцию, во многих местах исторической Кашубии уже сегодня часто остается единственным местом, где еще можно услышать родную речь.

«Наверное, если бы кашубский не изучался в школе, то у него бы не было ни единого шанса сохраниться». ***(В., кашубка, 56 л., Гданьск)***

Рис. 1. Урок кашубского языка в школе поселка Дземяны.
(Источник — полевой архив автора)

Признание кашубского языка региональным, а также внедрение его как предмета школьного образования актуализировало вопрос о его кодификации. Ведь издавать документы, устанавливать придорожные указатели и печатать школьные учебники желательно на каком-то

едином, понятном всем варианте языка. Так, кашубы, которые до конца XX в. говорили на десятках небольших локальных говорах [Popowska-Taborska 1980: 24] познакомились с таким явлением как «литературный кашубский язык». В основу стандартизированного варианта языка положен центральнокашубский диалект, на котором сегодня говорит большинство носителей языка. Однако попытки сконструировать единый общепринятый вариант языка наталкивается на многочисленную критику со стороны членов речевого сообщества.

«В школе этот язык уже литературный. Когда мы его слышим, мы чувствуем какую-то неправду… Мы немного смеемся с этого, это такой искусственный язык… Они насильно стараются его осовременить». ***(R., кашуб, 51 г., Ястарня)***

Нам удалось пообщаться с активистами языкового строительства в Кашубии: филологами, учителями, писателями и журналистами, — все они признают «искусственный» характер литературного языка, однако преподносят это как неизбежное явление, с которым необходимо свыкнуться:

«Да, диалекты сильно отличаются. Кашубский, можно сказать, такой… искусственный язык. Ну… не совсем естественный. Если я говорю на литературном кашубском с человеком из деревни, который, возможно, впервые столкнулся с литературным языком, то для него, конечно, это будет странным… Сильно отличается от диалектов, но надо было найти компромисс. Трудно найти компромисс, который удовлетворил бы всех. Это невозможно… Поэтому мы берем слова из разных диалектов…» ***(H., кашубка, 37 л., Гданьск)***

В ходе полевой работы мы зафиксировали дискуссию, которая разгорается в сообществе, связанную с возможностью выработки отдельных литературных стандартов для разных диалектных групп кашубского языка.

Некоторые активисты даже разработали собственные алфавиты, на которых сегодня уже печатаются книги и словари.

Литература

Bukowski Z. Prawny status języka regionalnego w Polsce na przykładzie języka kaszubskiego // *Studia z Zakresu Prawa, Administracji i Zarządzania*, 2016. Nr. 9. S. 89– 108.

Dołowy– Rybińska N. Odwracanie Zmiany Językowej Na Kaszubach *// Studia Socjologiczne*, 2010. №3 (198). S. 47– 76.

Mordawski J. *Geografia Kaszub*. Gdańsk: ZKP, 2018.

Narodowy Spis Powszechny Ludności i Mnieszkań 2011. *Struktura narodowo-etniczna, językowa i wyznaniowa ludności Polski*. Warszawa: Główny urząd statystyczny, 2015.

Popowska-Taborska H. *Kaszubszczyzna. Zarys dziejów*. Warszawa: PWN, 1980.

Миграция как контекст идентификационных установок в медийном пространстве

Викулова Л.Г., Герасимова С.А.

(Россия, Москва)

Серебренникова Е.Ф.

(Россия, Иркутск)

Современная антропоцентрически ориентированная лингвистика ставит вопрос о социальной интерпретации языка на уровне анализа дискурсивных формаций как информационно-семиотическом и прагмариторическом способе, ведущей практике социального взаимодействия путем моделирования его параметров и свойств при порождении и усвоении социально значимых смыслов.

В условиях информационного общества происходит цивилизационный сдвиг, меняется коммуникативное

пространство, в рамках которого *человек социальный* постепенно трансформируется в *человека медийного*, процессы жизнедеятельности которого как члена общества в значительной мере определяются и формируются содержанием СМИ. К таким процессам все чаще обращается миграционная медиалингвистика — наука об отражении постоянного или временного процесса трансформации языка участников миграционного процесса [Желтухина 2019: 6].

В динамике современной культуры феномен миграции составляет одно из пространств межкультурной коммуникации, контекст которого интенсифицирует идентификационные установки носителей разных лингвокультур. Аксиологическая параметризация миграции осуществляется в координатах медийной картины мира и национальной аксиосферы, имеющей как индивидуально-личностное, так и коллективное измерения [Викулова и др. 2019: 206–216].

Обратимся к дискурсивным структурам репрезентации мнения и оценки, ориентирующих интерпретацию феномена миграции в аксиологических идентификационных установках. С появлением социальных сетей роль данного вида структур особенно актуальна в плане создания образа мигранта, который определяет отношение принимающего общества к приезжим [Wood, Russel 2002: 5].

Наиболее распространенным средством номинации и идентификации является знак «гастарбайтер», за которым стоит достаточно насыщенная структура понимания и оценки. В этой номинации перекрещиваются два взгляда, два мнения: «дискриминирующий» взгляд на человека и взгляд более объективный, видящий суть и причину статуса человека как «приезжего рабочего». Термин получил в России широкое распространение в повседневном общении и прессе с конца 90-х гг., как правило, с негативной окраской. Одним из недавних новообразований является гендерный дериват «гастарбайтерша» с явной ироничной коннотацией,

как это можно проследить в проекте телеканала «Домашний» — «Гастарбайтерши» (2017 г.):

Невероятные, шокирующие, драматичные женские судьбы трудовых мигранток с Ближнего Востока, экзотичной Азии или даже Африки и Латинской Америки. Они — прозрачные люди, словно из стекла. Молчаливые маникюрши, незаметные продавщицы, терпеливые официантки, безликие уборщицы. О них не принято говорить. Да, и вообще замечать. Про них не снимали кино, не писали книг. Не личности — функция! Подметать дворы, готовить, раскладывать овощи в супермаркете... Но если остановиться, задуматься, разобраться, вглядеться в их лица — можно разглядеть настоящую драму, достойную сериала!

Как видим, исходную «шокирующую» идентификационную оппозицию (женщины, трудовые мигрантки / *прозрачные люди, безликие, не личности — функция)* предлагается преодолеть на основе приведения к общему, равному и «истинностному» уровню идентификации человека — уровню личности, женщины, жизни и судьбы.

В аналитической статье «СМИ, этническая преступность и мигрантофобия» В. Шнирельман отмечает, что анти-иммигрантские настроения не в последнюю очередь обязаны алармистским рассуждениям российских журналистов об иммиграции и ее последствиях: о приезжих как разносчиках инфекций, захватчиках жилья и других социальных благ, преступниках, наркоторговцах, лояльных своим 'племенам' и 'кланам', и, наконец, террористах, а также резкой смене этнодемографической ситуации в пользу 'этнических общин' [Шнирельман 2007: URL].

В данном направлении усиления алармистского восприятия мигранта в медийном пространстве и одним из активных способов создания прагма-риторического эффекта

является метафоризация, основанная на конструировании образа иммигранта в ценностных параметрах других, более освоенных в социальном опыте явлений. Источниками для целевой метафоризации часто служат представления о феномене как бедствии, жизненной угрозе, криминальном мире, силовом захвате территории, погромах. Вместе с тем, противовесом данному направлению являются работы аналитиков, рассматривающих феномен миграции не с точки зрения мифологизации, но с точки зрения объективного видения данного явления современности, как это представлено в работе И.С. Метелева [2010], в которой автор подчеркивает универсальный характер феномена «человека мигрирующего», раскрывает содержание основных понятий миграционного опыта, анализируя фактор миграции.

Предметная сфера *миграция* в целом отличается полифонией позиций-голосов, отражающих 'жесткую' тональность 'голоса народа', коренных жителей и «голоса мигрантов» (*люди на пределе, бесправность, жестокая эксплуатация*). В полилоге позиций превалирует обвинительная модальность посредством указания на 'виновников' данной ситуации (*не защищают ни местные власти, ни депутаты разных уровней/ эксплуатация со стороны нанимателей*). В медийном пространстве слышатся и голоса тех, кто приобрел в мигранте друга или члена семьи, незаменимого работника или квалифицированного специалиста. В данном случае можно говорить о существовании и намечающемся преодолении *этнокультурного диссонанса*, обусловленного категорией инаковости, когда 'чужой' выступает как объективно 'иной' — представитель нерусской культуры, проявляющейся в виде коммуникативного дискомфорта, вызванного различиями у коммуникантов в ценностях, манере поведения, языковых стратегиях, принятых в

контактирующих этнических сообществах [Кулагина 2012: 4-5].

Подчеркнем факт полифоничности точек зрения в медийных дискурсах о миграции и мигрантах, диагностирующих состояние данной предметной сферы как аттрактивного центра для современного общества:

- прослеживается мнение о неизбежности феномена миграции и критичности его «давления» на общество в современных условиях:

Президент фонда «Миграция XXI век» Вячеслав Поставнин**:**

Миграцию остановить нельзя <…> Первое — это огромное демографическое давление так называемых стран третьего мира. Таджикистан, кстати говоря, постоянно выбрасывает на рынок труда десятки, сотни тысяч людей каждый год. Это страна, которая еще до 2050 года будет производить все больше и больше этих трудовых ресурсов. Это и есть демографическое давление: то есть у них рынок труда слишком маленький для того, чтобы обеспечить всех работой. То же самое показывает Киргизия, то же самое — Узбекистан. Эти процессы имеют глобальный характер: интернет и последние достижения в области коммуникаций сделали мир очень маленьким. [Развиваются IT-технологии, но никто не отменял необходимость уборки мусора: URL];

- уточняется позиция журналистов-аналитиков об изменениях в отношении местного населения и медиаторов к мигрантам:

Елена Серова, журналист «Радио России» (Россия, Санкт- Петербург):

На мой взгляд, в последнее время слово «мигрант» перестало раздражать и мгновенно вызывать негативное отношение слушателей, как это было хотя бы года два — три назад. Сейчас уже появилась некоторая заинтересованность и та самая толерантность, за которую так долго бились. На изменение ситуации я

надеюсь, повлияли и СМИ, которые стали более внимательно относиться к подаче информации, к своим «словам и выражениям», к освещению темы с разных сторон [Ко дню мигранта: URL].

- приводится позиция представителей мигрантов о путях преодоления негативного образа мигранта среди местного населения:

Ренат Каримов, руководитель Московского ЦК профсоюза трудящихся-мигрантов*:*

Не нужно искусственно создавать положительный образ мигранта, достаточно писать о них объективно — и тогда положительный, в общем, портрет мигрантов прояснится сам собой» [Ко Дню мигранта: URL].

Обоснованным в данном русле анализа можно считать общий вывод о том, что социокультурная динамика современного мира обостряет оценочную модализацию человека, делает особо значимыми ценности индивидуально-личностной и социокультурной идентичности, личного достоинства человека, успешного развития индивида и общества как ориентиров преодоления ситуаций неопределенности, что приводит к трансформациям в системе ценностей национальной аксиосферы. Социальный дискурс в медийном пространстве не только отражает, 'перехватывает' динамику данных трансформаций, но и конструирует ценностные позиции и ориентиры.

В настоящее время активно репрезентируется ряд дискурсивных структур, который возводит к концепту *толерантность*, включающий признак готовности к взаимодействию с *Другим*, привыкание к соседству с мигрантами, понимание причин миграции, сочувствия к мигрантам, ожидание пользы от миграции и мигрантов. Аттрактором ряда является знак *человек,* такой же, как и я, похожий на меня, а также квалификация мигранта как *иностранного работника*, способного к выполнению в том числе квалифицированной работы. Точка зрения

поддерживается такими ценностями, как гуманизм, прагматизм, объективность, эмпатия.

Актуальными направлениями дискурсивного мониторинга социального диалога в предметной области *миграция* следует считать исследование дискурсов, представляющих точки зрения *Другого* — мигранта, систематизацию способов и средств регулирования данного типа диалога, а также эволюцию в комбинаторике концептов-аксиологем, составляющих аксиосферу миграции как фрагмента медиареальности и динамического объекта индивидуальной и коллективной идентичности в современном обществе.

Литература

Викулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф., Герасимова С.А. Экстенсия концепта identité: от понятия к аксиологеме // Человек и его язык: диахрония и синхрония, новые идеи и подходы: Материалы XIX межд. конф. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. С. 206—216.

Желтухина М.Р. Миграционная медиалингвистика: конфликт vs кооперация в мультикультурной коммуникации // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики: монография. Пермь: ПНИУ, 2019. С. 5—21.

Кулагина О.А. Языковое портретирование «чужого» как способ передачи этнокультурного диссонанса во французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05. — М., 2012.

Метелев И.С. Феномен миграции (методология анализа и жизненный смысл): монография. — Омск: Издание Омского института (филиала) РГТЭУ, 2010. — 115 с.

Шнирельман В. СМИ, «этническая преступность» и мигрантофобия // Язык вражды против общества. — URL: http://www.polit.ru/research/2007/06/17/sova.html, свободный (Дата обращения 08.08.2016).

Wood N., Russel K. M. Media and Migration: Construction of Mobility and Difference. — London, New York: Routledge, 2002.

Источники

Ко дню мигранта: «Портрет» современного трудового мигранта в зеркале СМИ // Мигрант.ру. Форум переселенческих организаций.

Международное общественное движение содействия мигрантам и их объединениям. — URL: https://migrant.ru/ko-dnyu-migranta, свободный (Дата обращения 05.01.2021).
Развиваются IT-технологии, но никто не отменял необходимость уборки мусора. Глава фонда «Миграция XXI век» Вячеслав Поставнин в интервью «Ъ FM» (11.05.2016) // Радио «Ъ FM». — URL: https://www.kommersant.ru/doc/2983663, свободный (Дата обращения 05.01.2021).

Концепты ДОБРО и ЗЛО в текстах русских народных сказок

Воронцова Г.Н.

(Россия, Москва)

Широко распространенный в современной филологии термин *концепт* не имеет однозначной трактовки. Мы рассматриваем концепт в русле лингвокультурологического направления, ярким представителем которого был Ю.С. Степанов. Через описание концептосферы фольклорных текстов мы стремимся к описанию концептов культуры и постижению национальной специфики этноса. Цель исследования состоит в выявлении особенностей репрезентации концептов ДОБРО и ЗЛО в фольклорных текстах. Материалом исследования выступают 623 текста русских народных сказок из сборника «Народные русские сказки», составленного А.Н. Афанасьевым.

Выбор жанра сказки обусловлен тем, что это древний фольклорный жанр, который формирует систему ценностей народа и базовые концепты культуры этноса. К базовым концептам культуры относятся концепты ДОБРО и ЗЛО, традиционно рассматриваемые как дихотомия, что отражено в теоретических исследованиях [Бухарова 2008, Лотря 2004] и лингвоаксиологической методике ценностного шкалирования [Ломакина 2006]. Вслед за исследователями

З.Д. Поповой и И.А. Стерниным мы будем рассматривать концепт как полевую структуру [Попова, Стернин 2001: 60].

Рассматривая трактовку понятий ДОБРО и ЗЛО в толковых словарях, отметим, что в XX в. происходит трансформация понятия ДОБРО за счёт расширения лексического значения, что зафиксировано в «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова [ТСУ: 726] и «Словаре русского языка» А.П. Евгеньевой [МАС: 409]. Если В. И. Даль первым приводит «вещественное» значение лексемы *добро* — ‘имущество или достаток, стяжание, добришко, движимость’, а вторым — значение ‘благо, что честно и полезно, все чего требует от нас долг человека, гражданина, семьянина; противоположно худу и злу’ [ТСД: 1099-1100], то в XX в. первым становится «духовное» значение и в целом лексическое значение расширяется. Так в словаре Д. Н. Ушакова *добро*: «1. положительное начало в нравственности, ант. зло; 2. то, что хорошо, полезно, приятно; 3. доброе дело, добрые поступки. 4. личное имущество, пожитки; 5. дрянь, что-нибудь негодное» [ТСУ: 726]. В «Словаре русского языка» А.П. Евгеньевой находим омонимы, где в качестве отдельной единицы представлена лексема *добро* со значением «1. Хорошо. 2. част. Ладно, хорошо, пусть так и будет» [МАС, 1, 409]. В русских народных сказках лексема *добро* довольно часто встречается в этом значении: нами обнаружено 15 случаев употребления.

Рассмотрим толкования лексемы *зло* в этих же словарях.

«Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля определяет *зло* как «худое, лихое, худо, лихо; противоп. добро. Духовное начало двояко: умственное и нравственное; первое относится к истине, а противоположно ко лжи; второе к добру (благу) и к худу, ко злу. Всякое зло противно божескому порядку. В отвлеченном виде, зло олицетворяется духом тьмы» [ТСД: 1704]. В «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова зафиксированы следующие значения лексемы *зло*: «1. дурное, греховное,

вредное; ант. добро; 2. беда, напасть, несчастье; 3. злость, злое чувство, досада» [ТСУ: 1101]. МАС представляет лексему *зло* как многозначное слово: «1. Все дурное, плохое, вредное; противоположное добро. 2. Беда, несчастье, неприятность. 3. Злое чувство, гнев, досада» [МАС: 612].

Ядро концепта ДОБРО составляет лексема *добро*, дающая название всему концепту. В проанализированных нами текстах русских народных сказок больше 100 случаев употребления этой лексемы. При этом в большинстве случаев вербализации лексемы *добро* она употреблена в значении ‘имущество или достаток’, что с позиций рассмотрения дихотомии ДОБРО — ЗЛО представляет меньший интерес, несмотря на смысловую связь этого значения с развившимся позже абстрактным значением лексемы. «Вещественное» значение лексемы *добро* актуализируется в частотной (31 случай употребления) для концовки русских народных сказок фольклорной фразеологической единице *жить-поживать да* ***добра*** *наживать.*

К средствам репрезентации концепта ДОБРО можно отнести и ФЕ ***добро*** *пожаловать*, являющуюся приветственной формулой: ***Добро пожаловать****, небывалый гость!* («Три царства — медное, серебряное и золотое»)

Добра герои русских сказок *желают*, причем *от чистого сердца*, в периферию концепта ДОБРО входят семы *забота, усердие* и *старание*, заключающиеся в значении лексемы *радеть*: *Возьми нас,* ***добрых*** *молодцев, к себе на службу; будем тебе* ***радеть*** *и* ***добра желать от чистого сердца*** («Вещий сон»).

Лексема *добрый* входит в приядерную зону концепта ДОБРО и является одним из самых ярких репрезентантов. В русских народных сказках эпитет *добрый* определяет чаще всего *молодца* (более 150 случаев употребления) или *коня* (74 случая употребления).

Одно из самых популярных обращений в русской народной сказке — *добрый человек* (35 случаев употребления), оно обычно используется при приветствии или при просьбе о помощи: *«Здорово, **добрый человек**!» **Черт** аж поморщился, как солдат обозвал его **добрым человеком*** («Беглый солдат и черт»). Из примера, представленного выше, мы видим, что лексема *черт* входит в периферию концепта добро, что подтверждается и примерами из «Сказки о злой жене»: *Я **добрый черт**, я тебе богатство дам: станут по чужим домам вселяться, а ты меня словом гони да деньги греби*; *<…> хочет **чертенка** в яму опустить. Закричал тот матом, замолился и говорит: <...> Я тебе **добро сделаю**!* Следовательно, лексема *черт* находится в зоне пересечения периферий концептов ДОБРО и ЗЛО.

Выражение *люди добрые* встречается в русских народных сказках, но является менее распространённым. В отличие от выражения *добрый человек*, оно употребляется одинаково часто как обращение и как субъект действия: ***Люди добрые** землю пашут, а ты без просыпу спишь!* («Две доли»)

Таким образом, приядерную зону концепта ДОБРО формируют следующие лексемы: *счастье, помощь, милостивый, правда, добрый, радость, веселье.* Периферия концепта ДОБРО формируется морфологически разнородными репрезентантами: *верный, сладко, ласковый, радоваться, товарищ, услужливый, счастливый, поп, человек, молодец, слово, люди, хозяева, слава, посоветовать, жертвовать, мужик, старик.*

Ядро концепта ЗЛО составляет лексема *зло*: ***Мачеха злится** пуще прежнего и всем женихам отвечает: «Не выдам меньшой прежде старших!», а проводя женихов, **побоями вымещает зло** на Василисе* («Василиса Прекрасная»); *Был у меня, бабуся, Финист ясен сокол,*

цветные перышки; ***сестры*** *мои ему* ***зло*** *сделали* («Перышко Финиста ясна сокола»).

Приведённые выше примеры иллюстрируют то, что субъектом, творящим *зло*, в текстах сказок в большинстве случаев является женщина. Вхождение в структуру концепта ЗЛО лексем-номинантов *мать, мачеха, баба, жена, нянюшка, девица, девушки, сестрицы, сестры, дочери* подтверждается их частотной сочетаемостью с лексемой *злой*. Примечательно, что герои мужского пола гораздо реже получают в текстах русских народных сказок такую характеристику. Зло *вымещают, делают, творят, принимают, причиняют* и *просят не попомнить*.

Приядерную зону концепта ЗЛО формируют синонимы и дериваты лексемы *зло*: *злой, беда, месть, злоба, злодей, горе, злость, злиться, озлобиться*. Периферия концепта ЗЛО формируется морфологически разнородными репрезентантами: *зависть, смерть, убийство, убить, гнев, худо, кривда, плутоватый, черт, завидовать, худой, жена, мачеха, сестра, ведьма, баба, люди, вороги, змей, волк, птица, дух, бесёнок, совет, девица, сестрица, бес, мать, нянюшка, дядька, король, хитрость*.

Пример из сказки «Слепцы» показывает, что в периферию концепта ЗЛО входит лексема *рад*, тесно связанная с лексемой *радость*, входящей в периферию концепта ДОБРО: *Разгорелось у мужика сердце,* ***рад*** *всякое* ***зло*** *ему сделать* <…>. Таким образом, постепенно намечается зона пересечения периферий рассматриваемых концептов.

Соседство ядерных лексем *добро* и *зло*, их сочетаемость со схожими глаголами *рассчитаться, считаться* одновременно указывают на наличие зоны пересечения в структурах этих концептов и на важность оппозиции ДОБРО — ЗЛО в фольклорном тексте: *Теперь за* ***зло*** *мы рассчитались; давай* ***добром*** *считаться* («Морской царь и Василиса Премудрая»).

Лексема *злой* — яркий репрезентант концепта ЗЛО. При рассмотрении функционирования этой лексемы в текстах русских народных сказок необходимо отметить несколько важных аспектов.

Во-первых, лексема *злой*, как было отмечено выше, в сказках часто определяет персонажей-женщин: *мать, мачеху, бабу, жену, нянюшку, девицу, девушку, сестриц, сестёр, дочерей*, включая эти лексемы в периферию концепта ЗЛО: *Как злая* ***баба*** *в ямище упала, нам просто житья не стало!..* («Сказка о злой жене»); *Сгубила нас злая* ***нянюшка****, скинула с меня драгоценное платье — нарядила в него свою дочку…* («Царевна — сера утица»); *Жил-был брат с сестрой; у брата была злая* ***жена****, сгубила сестру наговорами* («Косоручка»); *Злые, видно, были* ***девушки*** *— большие* ***сестрицы*** <…> («Перышко Финиста ясна сокола»).

Во-вторых, лексема *злой* в самом заглавии «Сказки о **злой** жене» репрезентует концепт ЗЛО, а также актуализирует и закрепляет компонент *жена* в структуре концепта ЗЛО.

В-третьих, одним из самых частотных в текстах русских народных сказок является употребление лексемы *злой* в **устойчивом выражении** ***злой*** *смерти предать: Я королевна Елена Прекрасная, а достал меня Иван-царевич, которого вы* ***злой смерти предали*** («Сказка об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке»)*; <…> все царство повоевано, около стольного города стоит рать-сила несметная, грозит все огнем пожечь, самого царя* ***злой смерти предать*** («Волшебный конь»).

Отметим, что самым известным контекстом употребления этого выражения вне народных сказок является евангельская «Притча о злых виноградарях». В современных словарях встречаем только толкование фразеологического сочетания *предать смерти*, но для текстов русских народных сказок актуальными являются формы ***злой*** *смерти предать*, *не миновать* ***злой*** *смерти*,

благодаря чему лексема *смерть* занимает важное место в периферии концепта ЗЛО.

В текстах русских народных сказок встречаются пословицы, содержащие в своём составе лексемы *добро* и *зло*. Соединение этих двух слов в рамках одного высказывания подчеркивает важность концептуальной дихотомии ДОБРО-ЗЛО в фольклорной картине мира русского народа: *Видно тебя, Верлиока, не учили сызмала пословице: делай* ***добро*** *— не кайся, а делай* ***зло*** *— сподевайся* (ожидай мести — Г.В.)! («Верлиока»)

Добро и *зло* в текстах русских народных сказок встречаются не только в пословицах, но и в загадках. Так, в сказке «Царевна, разрешающая загадки» Иван-дурак загадывает две загадки: *Ехал я к вам, вижу на дороге* ***добро****, в* ***добре****-то* ***добро*** *же, я взял* ***добро****-то да* ***добром*** *из* ***добра*** *и выгнал;* ***добро*** *от* ***добра*** *и из* ***добра*** *убежало. <…> Ехал я к вам, на дороге вижу* ***зло****, взял его да* ***злом*** *и ударил,* ***зло*** *от* ***зла*** *и умерло*. Лексемы-отгадки *хлеб, лошадь* и *змея, копьё* также входят в периферию концептов ДОБРО и ЗЛО соответственно.

Таким образом, концепты ДОБРО и ЗЛО являются для сказочного дискурса смыслообразующими. В русских народных сказках эти концепты обнаруживают национальную специфику. Так, в структуру концепта ЗЛО входит несравнимо больше лексем, обозначающих лиц женского пола, чем лексем, обозначающих лиц мужского пола. Кроме того, большое количество лексем, обозначающих лиц мужского пола, входит в структуру концепта ДОБРО. Существует зона пересечения периферий концептов ДОБРО и ЗЛО, в которую включаются лексемы, входящие одновременно в структуру обоих концептов. Также в русских народных сказках встречаются пословицы и загадки, содержащие в своём составе лексемы *добро* и *зло*, что подчеркивает важность концептуальной дихотомии ДОБРО — ЗЛО в русской фольклорной картине мира.

Литература

Бухарова Г.Х. Этические параметры «добро» — «зло» в мифопоэтической модели мира // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2008. № 12. С. 17–29.

Ломакина О.В. *Фразеология народных драм Л. Н. Толстого: состав и особенности употребления*: Дис. на … канд. филол. наук: 10.02.01. Белгород, 2006.

Лотря Л.В. *Концептуальная оппозиция «добро-зло» в этноязыковой картине мира (на материале русского и чувашского языков)*: Автореф. дис. на … канд. филол. наук: 10.02.20. Чебоксары, 2004.

Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. М.: Эксмо, 2008.

Попова, З.Д., Стернин, И.А. *Очерки по когнитивной лингвистике*. Воронеж: ВГУ, 2001.

Список использованных словарей

Даль В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка*: в 4-х т. Т. 1. А-З / Под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ. М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 1998. 912 с.

Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П.Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985-1988. (МАС)

Толковый словарь русского языка: в 4-х т. Т. 1 / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: ТЕРРА, 1996. 824 с.

Слово и фразеологизм в китайском языке: лингвокультурологические и аксиологические аспекты

Воропаев Н.Н.

(Россия, Москва)

Китайский язык (КЯ) очень богат разного рода фразеологизмами. Изучающему его иностранцу порой кажется, что их нескончаемое количество. Разумеется, что в разговорной речи обычных людей они не так широко употребляются. Но в других стилях без них не обходится ни один текст, ни одна речь. Да и в разговорной речи

образованных людей фразеологические единицы (ФЕ) возникают очень часто.

При наличии общего обозначения всех устойчивых словосочетаний *шуюй* или *'готовое/знакомое речение'* (熟语) обычно в КЯ выделяют три основных типа фразеологизмов: *чэнъюй, сехоуюй* и *гуаньюнъюй*. Однако эти типы выделены чисто по формальным признакам: *чэнъюи* или *'готовые выражения'* (成语) — это в основном 4-х сложные ФЕ, и обычно имеющие источник, одни *чэнъюи* нетрудно понять по иероглифам, а для понимания смысла других необходимо изучить источник и исторический прецедент; *гуаньюнъюи* или *'привычные выражения'* (惯用语) — это обычно 3-х сложные устойчивые словосочетания, построенные по нормам современного разговорного языка; *сехоуюи* — это составные ФЕ (歇后语 *'выражения-намёки'* — двучленные речения, в которых первый член представляет собой иносказание (譬喻), а второй — раскрытие иносказания (解答), в связи с чем такие речения часто именуются «недоговорками-иносказаниями» (譬喻解答式的歇后语, букв. *'недоговорки в форме иносказание — раскрытие'*). Есть ещё в сфере китайской фразеологии такие обозначения как 格言 *'афоризм'*, 谚语 *'пословица'*, *俗语 'поговорка, популярное речение'*.

На самом деле фразеология КЯ намного разнообразнее. Полагаем, что как раз лингвокультурологические и аксиологические аспекты могут помочь описать и разобраться во всём многообразии китайской фразеологии, оптимизировать её изучение.

Самыми употребительными являются фразеологизмы *чэнъюй*. В художественной прозе многие из них часто выражают образ действия и оформляются частицей *дэ* (地). Таких выражений огромное количество, и изучающий КЯ иностранец просто физически не может запомнить и выучить

их все. В этом и нет, полагаем, большой необходимости, здесь важно определить приоритеты. Считаем, что очень важно разделять все *чэнъюи* и прочие ФЕ на просто характеризующие/описывающие (ситуацию, деятеля и т.д.) и аксиологические. Под просто характеризующими мы имеем в виду такие ФЕ, которые состоят из 4-х морфем/иероглифов и значение которых человек, знающий основные значения большого количества обособленных морфем КЯ, может легко понять, соединяя смыслы составляющих их морфем, например: 不甘示弱 ‘не признавать себя хуже других, не сдаваться, не отступать’, 抛在脑后 ‘выкинуть из головы, отбросить мысли о.., постараться забыть, не думать (о чем-л.)’, 心烦意乱 ‘на душе беспокойство, в мыслях хаос (обр. в знач.: неспокойный, мятущийся; мятежная душа)’, 固执己见 ‘упрямо гнуть свою линию, упорствовать в своём (ошибочном) мнении’, 蒙混过关 ‘пройти безнаказанно, улизнуть, выйти сухим из воды’, 绞尽脑汁 ‘досл. выжимать мозги; образ. напрягать мозги, ломать голову (над чем-либо)’, 浓情蜜意 ‘в очень близких, нежных отношениях’. Такого рода *чэнъюи* можно не заучивать в большом количестве, достаточно научиться их понимать при чтении текстов или при восприятии речи на слух. Для этого необходимо постоянно увеличивать свой словарный запас в виде обособленных морфем и периодически освежать в памяти все их основные значения.

Куда более важными и достойными заучивания, полагаем, являются аксиологические *чэнъюи*, которые связаны с историческими и литературными сюжетами, например: 高山流水 ‘высокие горы, текущие воды’ (о прекрасной выразительной музыке или понимании друг друга; задушевные друзья, душевная близость, по рассказу из «Ле-цзы» о музыканте Боя (伯牙), слушая которого, Чжун Цзыци (钟子期) угадывал, когда, играя на цине, тот

представлял себе горы, а когда реки), 桃园结义 ‘дать клятву верности в персиковом саду’ (по преданию, в конце Ханьской эпохи такую клятву дали друг другу Лю Бэй, Гуань Юй и Чжан Фэй и стали названными братьями; образно в значении: стать названными братьями, побрататься, совместно строить планы) [Воропаев 2018].

Ведь тщательно изучив такие языковые единицы, иностранец может получить важную информацию об истории, философии и культуре Китая, приобретая таким образом важные культурные и аксиологические знания о китайских ценностях, особенностях национального характера. Исходя из этого, мы предлагаем выделять особый вид ФЕ — прецедентные фразеологические единицы (ПФЕ). Под такими единицами предлагаем понимать культурно и аксиологически ценные единицы языка независимо от их формы. Некоторые такие единицы в КЯ внешне выглядят как обычные слова. Следует отметить, что многие из таких ПФЕ относятся также к особому виду китайских выражений *дяньгу* (典故 *‘классические прецеденты’*). *Дяньгу* — это древние рассказы и известные выражения из определённых источников, упоминаемые в виде ПФЕ или цитируемые в поэзии и прозе. Этот термин мы используем как ключевой в формировании системы терминов для описания прецедентных феноменов китайскоязычного культурного пространства [Воропаев 2012]. Следует выделять два вида *дяньгу*: 事典 *‘дяньгу-сюжет/событие’* — разнообразные по форме выражения, которые в поэзии или прозе указывают на конкретную старинную историю или событие; 语典 *‘дяньгу-высказывание/выражение’* — слова или выражения из конкретных источников, цитируемые в поэзии и прозе.

По некоторым ПФЕ КЯ приходится производить двойную дешифровку из-за стилистических требований благозвучия и ритма КЯ, и это возможно только при наличии достаточного количества надёжных справочных источников

в электронном и бумажном виде. Покажем это на примере *дяньгу* 田真哭荆 *‘Тянь Чжэнь оплакивает баухинию’*. Краткое содержание прецедентной ситуации (ПС) таково. *Столичный житель Тянь Чжэнь делил имущество семьи со своими младшими братьями Тянь Цином и Тянь Гуаном. Они решили разрубить на три части росшее перед домом дерево баухинии. Но на следующий день обнаружили, что дерево засохло. Тянь Чжэнь изумился и сказал своим младшим братьям: «Дерево — это одно целое, услышав о том, что его хотят разделить, оно зачахло, получается дерево и то лучше нас». Братья прониклись, прочувствовали это сердцем, объединили имущество и стали жить в мире и согласии. Дерево тоже ожило. Позже эта история стала классическим прецедентом, а выражение 田家荆合 ‘Семью Тянь объединила баухиния’ означает мир и согласие между братьями* [Zhao 2014: 779].

Заказчик попросил нас выяснить первоисточник этой истории. И другая сложность в китайской прецедентной фразеологии — это существование множества вариантов обозначения многих ПС/*дяньгу* в языке. Например, в статье словаря [Zhao 2014] дан заглавный вариант 田家荆合 *‘Семью Тянь объединила баухиния’*, а данного нам заказчиком варианта 田真哭荆 *‘Тянь Чжэнь оплакивает баухинию’* не оказалось среди 16 прочих вариантов ПФЕ, данных в этом словаре по данной истории, представим их все: 分荆，荆花烂漫，荆花之喜，荆花紫，荆枝，荆株，三荆，三荆同株，三枝荆并，田家紫荆，田荆，田氏荆枝，田氏紫荆，谊重荆枝，紫荆，紫荆兄弟.

Словарь [Ошанин 1983–1984] выдал по этой истории следующие статьи:

分荆 *поделить терновый куст (обр. о разделе имущества между братьями. В эпоху Хань некий Тянь Чжэнь с братьями делили имущество, причём разрубили на*

три части даже терновый куст, росший перед домом. Куст засох. Братья раскаялись, стали опять жить вместе, и куст снова ожил) [Ошанин 1984: Том 3, 405].

荆树复生 *терновник оживает (обр. в знач.: сплотилась семья; по преданию три брата, разделив отцовское имущество, решили разделить и единственный терновник, росший перед домом, но он мгновенно засох, не пожелав расстаться с общим корнем. Братья снова объединились в одну семью, и терновник сразу же ожил)* [Ошанин 1983: Том 2, 1003].

Как видим, в этих статьях название дерева, росшего перед домом семьи Тянь, дано как *терновник*. Потому что иероглиф 荆 действительно означает *терновник; [колючий] кустарник; прутняк*.

И только более полные статьи на китайском сайте *Байду* по данному *дяньгу* дали полное название этого дерева 紫荆树 *‘дерево баухинии’*, что позволило нам сделать верный перевод [Байду 2021]. Также в первой статье словаря [Ошанин 1984] ошибочно написано, что дерево разрубили, хотя на самом деле братья только собирались это сделать. Составители словаря в своё время такого обилия источников не имели, и поэтому название дерева было дано неверно, так как во многих кратких обозначениях этой истории (ПФЕ) от полного названия растения 紫荆树 по нормам китайской стилистики остаётся только один иероглиф 荆 как представитель всего слова. Как видно из данных выше вариантов наименования данной ПС в КЯ есть множество ФЕ по форме выглядящих как обычное двусложное слово, но являющихся *дяньгу*, например, слово 紫荆, так как оно обладает следующими значениями: *1. дерево багрянник китайский (Cercis chinensis Bge.), баухиния 2. дерево баухинии как символ и обозначение истории о братьях Тянь*. И таких примеров предостаточно. Источник этой истории — 南朝梁吴均《续齐谐记·紫荆树》 (Рассказ «Баухиния» из

«Продолжения “Записок Ци Се”» литератора У Цзюня (469-520), жившего во времена династии Лян (502 — 557) эпохи Южных династий), мы смогли найти его благодаря бумажному словарю [Zhao 2014].

Как видно, в приведённой истории, как и во многих *дяньгу*, очень силён аксиологический компонент: история о братьях Тянь и по сей день напоминает о необходимости семейного единства, люди одобряют дружбу между братьями и до сих пор часто используют этот классический сюжет.

Можно сделать вывод, что многие слова и фразеологизмы в КЯ в рамках исследований прецедентных феноменов *дяньгу* обладают большим лингвокультурологическим и аксиологическим потенциалом, но из-за недостатка справочной литературы и из-за многообразия вариантов ФЕ-представителей *дяньгу* в дискурсе не всегда сразу удаётся всё интерпретировать верно, поэтому все эти явления и вопросы, полагаем, требуют дальнейшего изучения.

Литература

Байду. *Поисковая китайская система* https://zhidao.baidu.com/question/1804968760189371147.html — дата обращения 30.07.2021

Воропаев Н. Н. *Прецедентные имена в китайскоязычном дискурсе.* Дис… канд. филол. наук. М., Институт языкознания РАН, 2012.

Воропаев Н. Н. *Китай: имена на все времена. Прецедентные персонажи. Лингвокультурологический словарь-справочник для изучающих китайский язык, культуру, историю, литературу Китая* / Н. Н. Воропаев. — 2-е изд., испр. — М.: Издательство ВКН, 2018. — 384 с.

Ошанин И.М. *Большой китайско-русский словарь* под ред. И.М. Ошанина. Т. 1–4. М., 1983–1984.

Zhao 中国典故大辞典 / 赵应铎. — 上海：上海辞书出版社，2014 （汉语工具书大系） (*Большой словарь китайских дяньгу (классических прецедентов)* / Чжао Индуо. — Шанхай: Шанхайское лексикографическое издательство, 2014 (Большая серия справочников по китайскому языку, 1359 с.)

Динамика процессов миграции: дискуссия в Twitter

Габриелова Е.В., Максименко О.И.

(Россия, Москва)

Онлайн-дискуссии в микроблоге Twitter привлекают пристальное внимание лингвистов с момента появления платформы 15 лет назад, в 2006 г. Микроблог, исходно предназначенный для обмена сообщениями, с определенного момента расширил свой функционал, поскольку сообщения превратились из нейтрально-информационных в манипулятивные и даже мобилизационные. По мнению ряда исследователей, социальные медиа используются для сопровождения и отражения социально-политической напряженности в социуме, однако, одновременно с этим не выступают непосредственной стороной или причиной конфликта [Нигматуллина, Бодрунова 2017].

Twitter в разных странах мира нередко используется для выражения недовольства общества и мотивирования граждан на совершение активных действий. Микроблог реализует такие функции как распространение новостей путем размещения ссылок и ретвитов, информирование о происходящем с места событий, выражение собственного мнения относительно события, вовлечение в дискуссию [Penny, Dadas 2013: 6]. В Twitter участники дискуссии, как правило, эксплицитно выражают своё мнение и не стремятся скрывать отрицательную оценку событиям [Gabrielova, Maksimenko 2021].

Использование стандартных стилистических и синтаксических приемов (метафора, сравнение, эпитет, восклицание и пр.) в социальной сети нацелено на экспликацию оценки, в то время как ирония, кавычки, аллюзия, риторический вопрос чаще используются для

импликации оценки. Публикация личного мнения пользователями микроблога может также рассматриваться как прием манипулирования аудиторией и навязыванием собственной оценки событий с целью формирования определенного настроя в обществе.

В настоящее время одной из серьёзных проблем современного мирового сообщества является миграция. Различают временную, долгосрочную и постоянную миграцию. Причинами миграции принято считать экономические, военные и политические. Более благоприятные условия работы и высокий жизненный уровень, оккупация территорий ранее суверенных стран, ведение активных военных действий, бегство от политических, религиозных и других видов преследования вынуждает население мигрировать в другие государства. Многие страны по-разному относятся к потоку мигрантов. Правительство США, в частности, в 2017 г. при президенте Д. Трампе поставило цель ограничить поток мигрантов в страну, однако, запретительные меры не всегда оказываются эффективными, приводя к росту нелегальной миграции. Жители европейских стран придерживаются различных точек зрения на данный вопрос — от сочувствия беженцам с Ближнего Востока, региона, многие десятилетия находящегося в состоянии военных конфликтов, до резко антимигрантских настроений. Наиболее ярко разброс мнений представлен в микроблоге Twitter.

В ходе ранее проведённого анализа 100 англоязычных сообщений в микроблоге Twitter за февраль-июль 2017 г., когда вопрос миграции в очередной раз обострился, с тэгами #migration, #immigration, #migrants было установлено, что наибольшее количество сообщений (53%) подвергает критике современные миграционные процессы, как легальные, так и нелегальные. Лишь только треть сообщений пользователей (28%) выражают поддержку миграции [Gabrielova, Maksimenko 2021]

Число недовольных миграцией пользователей в Twitter велико и составляет более половины сообщений, собранных для анализа*:*

"The increase of population is always a challenge for a city to face" @NesreenBarwari on #migration http://www.citiestobe.com/article/a-glimpse-into-global-challenges-through-global-experts ... #CitiesToBe [anteverti @anteverti, 06.08.2017, Электронный ресурс]

Islam has conquered Italy without firing a shot! More than 5M jihadists have invaded Italy, 37% of the pop, is expected to be Foreigners [Amy Mek @AmyMek, 20.07.2017, Электронный ресурс]

Примеры демонстрируют выражение критики миграционных процессов пользователями средствами вопросительных конструкций, цитат, восклицаний, слов, относящихся к конфликтогенной лексике: "*restrict", "challenge", "invaded", "conquered".*

Сообщения, в которых пользователи выражают поддержку миграции, малочисленны:

We need #immigrants to keep Italian social welfare going — not just economics btw, but social care and quality of life for us all #migration [Marta Foresti @martaforesti, 22.07.2017, Электронный ресурс]

The United States was founded as, and continues to be, a country of immigrants from throughout the world/1 #DemPartyPlatform #Immigration [diane straub @didikins4life, 27.07.2017, Электронный ресурс]

It really is such a broad issue that I think in many ways we need to climb out of our heads and into our hearts. #Immigration [Susan Kiskis @susankiskis, 23.07.2017, Электронный ресурс]

What happened to "UNITED States of America The Melting Pot" this country was built through immigration. Everyone here is an immigrant other [Queenie B @BellaBrinks23, 23.07.2017, Электронный ресурс]

Примеры иллюстрируют поддержку миграции, как в Европе, так и в Америке, выраженную при помощи модального глагола *need*, оказывающего побудительное воздействие на адресата, инверсии "*it really is such a broad issue*", метафорой "*climb out of our heads and into our hearts*", суперграфемных средств "*UNITED*".

Дискуссии в микроблоге Twitter на тему миграции актуальны и сегодня. После прихода к власти в Афганистане движения «Талибан» (запрещенного в РФ) перед западными странами снова возникла угроза новой волны нелегальной миграции. Существуют опасения повторения 2015 г., когда Европа была вынуждена открыть двери для сирийцев после «арабской весны». Некоторые страны Евросоюза выразили протест в связи с заявлением о необходимости отказа от принудительной репатриации мигрантов в Афганистан и увеличения квоты на прием беженцев. Австрия, где осенью 2020 г. была произведена террористическая атака, сразу после трагических событий выступила за ужесточение миграционной политики. Тем временем, в Еврокомиссии заявили, что на текущий момент события в Афганистане не оказали влияния на миграционный поток в Европу, однако, в первой половине года на границах стран союза было зарегистрировано более 4 тыс. незаконных пересечений границы афганскими гражданами [Васильева 2021].

Стремительно развивающаяся ситуация в Афганистане и миграция афганских граждан в страны ЕС нашло отклик в онлайн дискуссии в микроблоге Twitter.

Europe must take the security threats that might arise from migration out of Afghanistan more seriously, EU Home Affairs Commissioner Ylva Johansson warns [Gary Buckley @myrddenbuckley, 07.10.2021]

#Afghanistan Why #Afghans only mention #France where they want to escape to ? We don't hear about #Spain #Italy #Belgium #Portugal #Germany #Albania & other #European countries part of #EU ! Where are they? Enough #Refugees

#migrants in #France ?#macron : Bear in mind! [JGurcel @yubette75, 19.08.2021]

Note @10DowningStreet I object to spending any money on #Afghans and #Migrants. You can ignore this now, but at the next GE you will regret that doing so [Jim T @docjmt, 02.09.2021]

Анализ примеров показывает негативное отношение граждан к миграции в страны ЕС. Модальные глаголы *must, can, will* подчёркивают желание граждан обратить внимание властей на сложившуюся ситуацию. Глагол *object* эксплицитно демонстрирует критику в адрес решений, принятых в поддержку миграции в страны Европы. Один из пользователей напрямую обращается к президенту Франции Макрону, используя императив *bear in mind.*

Количество примеров, иллюстрирующих поддержку миграционных процессов, крайне мало.

You should rather discuss illegal #Pushbacks than further walls in the #JHA. Dehumanising #migration of people that fled war from #Afghanistan is not helping #security but eroding trust in. Shame! on everyone that signed this letter [Charly Heberer @Charly_Mensuel, 08.10.2021]

Пользователь критикует ужесточение миграционной политики Советом по вопросам юстиции и внутренних дел. Критическое мнение выражено такими эпитетами как *illegal, eroding trust.* Восклицание *shame!* эксплицитно характеризует настрой пользователя по отношению к миграционной политике, проводимой ЕС.

Схожая реакция представлена не только в англоязычных твитах. Так, ситуация с мигрантами на границе Белоруссии и Польши, продолжающаяся уже несколько месяцев, характеризуется так:

Мігранти хотять жити в Європі, не працювати, отримувати субсидії, навязувати всім свої звичаї . До речі, польски прикордонники ще нікого не вбили. Як мігранти опинилися в Білорусі ?Їх привіз Бацько, хай з ними і возиться. [@nataliaugust, 28.09.2021]

To Joulea. Dwuletnia syryjska dziewczynka znaleziona w lesie. Zziębnięta, wychłodzona i głodna. Nie wiadomo, czy babcia, z którą została odnaleziona przeżyje. Nie wiadomo, jaki los ją czeka. To nasz XXI wiek. [@KasiaLazzeri, 7.10.2021]

Прямой негативной вербальной оценки в данном твите нет, однако, описание голодной замерзающей в лесу на границе сирийской девочки с констатацией факта, что это 21 век, однозначно позволяет определить, с одной стороны, негативную тональность твита, а с другой — сочувствие к происходящему.

Приведённые примеры демонстрируют желание граждан выражать своё мнение открыто, особенно, в случае если это критика и отрицательная оценка. Последний пример косвенно иллюстрирует поддержку мигрантов, так как в первую очередь цель твита состоит в выражении протеста принятым мерам по ограничению миграционного потока в страны ЕС. Таким образом, протест в Twitter выражается эксплицитно и микроблог продолжает выполнять функцию дискуссионной площадки для обмена оценками и мнениями пользователей.

Литература

Васильева М. Граница недоверия: В ЕС разгорелся спор о беженцах из Афганистана // *Известия*. 23 августа 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://iz.ru/1210211/mariia-vasileva/granitca-nedoveriia-v-es-razgorelsia-spor-o-bezhentcakh-iz-afganistana

Нигматуллина К.Р. Бодрунова С.С. Методика качественного анализа дискуссий в Twitter // *Медиаскоп. 2017. Вып. 1*. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mediascope.ru/2293 (дата обращения: 09.11.2017)

Gabrielova E., Maksimenko O. Implicit vs explicit evaluation: How English-speaking Twitter users discuss migration problems // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Vol. 25. N. 1. P. 105–124. doi: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-105-124

Penny J., Dadas C. (Re) Tweeting in the service of protest: Digital composition and circulation in the Occupy Wall Street movement // New Media Society. NY: Sage, 2013. 17 p.

Краткий анализ переводческих трансформаций поэтического произведения Габриэлы Мистраль «Печальный бог» в переводе Л. Кириллиной

Гарсия-Каселес К.К.

(Россия, Москва)

Перевод испаноязычных поэтических произведений представляется чрезвычайно важным направлением лингвистики, так как способствует расширению и диверцифицификации межкультурной коммуникации между российской и испаноязычной культурами. Перевод поэтических произведений является одним из сложнейших, но при этом один из самых интересных видов работ, выполняемых лингвистом-переводчиком.

Трудно себе представить более удивительную историю жизни и творчества писателя, поэта, дипломата, первой женщины-писательницы Латинской Америки — лауреата Нобелевской премии по литературе (1945г.) — Габриэлы Мистраль. Ее лирическая поэзия, вдохновленная глубокими чувствами, сделала ее имя символом духовных устремлений всего латиноамериканского мира.

Писательница, творчество которой 50 лет назад пользовалось невероятной популярностью, постепенно затмевалось новыми литературными направлениями и новыми именами. И, к сожалению, как это случается со многими выдающимися людьми, поэтическим творениям Г. Мистраль не удалось избежать ***«вуали забвения».*** Расцвет творчества писательницы приходится на 30-50гг. XXв., его отличает глубокая печаль, безисходность, поиск утешения, нежность, любовь к Богу, религиозная чувствительность.

В 2018 году выходит Антология поэтических произведений Габриэлы Мистраль «***Грустный Бог»*** в Центре Книги ВГБИЛ им. Рудомино.

В нашей статье мы, впервые, постарались дать краткий анализ трансформаций при переводе на русский язык поэтического произведения Габриэлы Мистраль «El Dios triste» (1922 г.), выполненного Л. Кириллиной «Печальный Бог» (2006 г.) — российским музыковедом, доктором искусствоведения, уделив особое внимание их лингвопрагматическому соответствию языку оригинала.

EL DIOS TRISTE
Mirando la alameda, de otoño lacerada,
la alameda profunda de vejez amarilla,
como cuando camino por la hierba segada
busco el rostro de Dios y palpo su mejilla.

Y en esta tarde lenta como une hebra de llanto
por la alameda de oro y de rojez yo siento
un Dios de otoño, un Dios sin ardor y sin canto
¡ y lo conozco triste, lleno de desaliento!

Y pienso que tal vez Aquel tremendo y fuerte
Señor, al que cantara de locura embriagada,
no existe, y que mi Padre que las mañana vierte
tiene la mano laxa, la mejilla cansada.

Se oye en su corazón un rumor de alameda
de otoño: el desgajarse de la suma tristeza.
Su mirada hacia mí como lágrima rueda
y esa mirada mystia me inclina la cabeza.

Y ensayo otra plegaria para este Dios doliente,
plegaria que del polvo del mundo no ha subido:
“Padre, nada te pido, pues te miro a la frente
y eres inmenso, ¡inmenso!, pero te hallas herido”.

Gabriela Mistral (1922)

ПЕЧАЛЬНЫЙ БОГ
Когда иду по роще в осенней позолоте,
по роще, погруженной в желтеющую старость,
то в зарослях засохших ищу я облик Бога,

к его щеке усталой перстами прикасаясь.

И в этот долгий вечер, похожий на стенанье,
в златобагряной роще мне предстает незримо
Бог осени — он кроток и погружен в молчанье,
и дышит обреченно в тоске невыразимой.

Мне кажется порою, что Тот, иной, суровый
Господь, воспетый в гимнах, экстазом вдохновленных —
никто, а он, Отец мой, в расслабленных ладонях
морщинистую щеку покоит утомленно.

В биенье его сердца я слышу шелест рощи
осенней, обреченной печали безотрадной.
А взгляд его сияет как чистый шарик слезный,
и я чело склоняю под этим тихим взглядом.

Страдающему Богу молитву сотворяю,
молитву, порожденную не бренною юдолью:
«Мне ничего не надо, Отец, я просто знаю:
ты вечен и велик — но ранен этой болью».

Лариса Кириллина (2006)

Поэтические переводы похожи на нити, объединяющие «лоскуты»-произведения различных культур в цельное полотно мировой литературы.

По словам С.Ф. Гончаренко — переводчика, испаниста, Члена-корреспондента Испанской Королевской Академии, эстетическая информация поэзии представляет собой сложный комплекс, который включает в себя:

- собственно эстетическую информацию;
- катартическую (противоречие между разными уровнями художественной структуры текста);
- гедонистическую (наслаждение, которое получает читатель от поэзии);
- аксиологическую (формирование у читателя картины мира Прекрасного);

- суггестивную (воздействует на подсознание читателя) [Гончаренко 2011].

Что же представляет собой поэтический перевод? Это, прежде всего, выражение смысловой и эстетической информации поэтического произведения на одном языке средствами другого языка, отображающей иностранную культурную традицию в сознании принимающей стороны.

Перевод поэтического произведения Г. Мистраль «Печальный Бог», выполненный Л. Кириллиной мы будем рассматривать через призму триединства «рифма-форма-содержание». В анализируемом переводе стихотворения рифма выступает в роли связующего звена, объединяющего форму и содержание, благодаря чему переводчик сохранил текстообразующую функцию произведения, соединив смысловую и художественную составляющие в единое целостное произведение. Хочется отметить, что в переводе Л. Кириллиной были сохранены строфы, и, где уместно, также был сохранен порядок слов. То есть, перевод был выполнен с сохранением структуры оригинала.

Интересным представляется, прежде всего, перевод самого названия произведения “El Dios triste”, эпитет **«triste»** — **«грустный»**, Л. Кириллина перевела как **«печальный»**. И несмотря на то, что оба эти эпитета иногда относят к синонимам, все же печаль — более сильная эмоция. И грусть и печаль -это эмоции, возникающие в ответ на восприятие утраты чего-либо важного, лично значимого. Когнитивно-трансляционная функция перевода названия данного поэтического текста у Л. Кириллиной более эмотивно окрашена. Так переводчик передал свою стилистику восприятия стихотворения в целом. Л. Кириллина старалась донести до читателя принимающей культуры самое главное — **чувства поэта**.

В литературоведении существует понятие *герменевтического круга*, тесно связанное с анализом и интерпретацией поэзии. Этот термин описывает феномен,

при котором переводчик формирует некое мнение о произведении, его понимание, и по мере дальнейшего анализа «подтягивает» трактовку и анализ произведения под это сформированное ожидание. Такой подход формирует глубокое понимание произведения, сопереживание с автором поэтического текста. Выявление глубинного смысла, формирование поэтической картины мира автора — является квинтэссенцией перевода поэтического произведения.

При переводе поэтического произведения Г.Мистраль “El Dios triste” Л. Кириллина использовала ряд ***грамматических*** *трансформаций* для сохранения адекватности передачи поэтического текста. Во второй строфе: *«…**y lo conozco triste...” «Бог осени…дышит обреченно в тоске невыразимой…»*** перевод дается не от первого лица, а от третьего, что обусловлено различиями в грамматике испанского и русского языков. В испанском языке довольно часто опускаются личные местоимения, поскольку глагольные формы дают читателю полную информацию о роде, числе и лице, в то время как в русском языке, личные местоимения чаще сохраняются. Для того, чтобы избежать повторов местоимений, переводчице пришлось поменять форму глагола, то есть произвести переводческую трансформацию, в данном случае ***грамматическую замену***.

Пожалуй, больше всего переводческих ***трансформаций в переводе*** наблюдаются в части ***лексической.*** В первой же строфе мы видим отличие оригинала «***Lacerada***», которое имеет значение ***«разорванный, опустошённый***», с «***осенней позолотой***» у автора перевода. Метафора “Lacerada” употребляется автором произведения уже в первом четверостишии, что задает тон всему произведению. И хотя «роща в осенней позолоте» и олицетворяет символ увядания, на наш взгляд, перевод получается менее эмоционально-окрашенным, чем оригинал. Усталость и угасание, переданные в оригинале

через цепочку *непрямых эпитетов* — «***зарослях засохших»/ «la hierba segada-скошенная…***», «***желтеющая старость»/ «vejez amarilla»,*** гораздо ярче и эмоциональнее прописаны у Габриэлы Мистраль.

Важным, на наш взгляд, представляется описание образа Бога в оригинале и в переводе. В русской литературе Бог — образец умиротворения, спокойствия — нечто недосягаемое в то время как у Габриэлы Мистраль *образ Бога очеловечен*, и говорит она с ним на равных ***(«busco el rostro de Dios y palpo su mejilla».*** Л. Кириллиной пришлось подобрать более нейтральный лексический аналог перевода (***облик… к его щеке прикасаясь***», чтобы приблизить стихотворение к литературной норме принимающей культуры. Ряд лексических трансформаций также произведен и в последней — самой эмоциональной строфе стихотворения. Переводчица заменяет повтор ***«inmenso, !inmenso!***»на, первый взгляд, синонимичные ему метафоры:***« ты вечен и велик***». Эпитеты, описывающие образ Господа гиперболизируются в переводе, согласно русской традиции. Здесь мы видим разное восприятие Бога, скорее всего на подсознательном уровне автора поэмы и переводчика. Очеловеченный Бог у Г.Мистраль — Человекобог в европейской культуре, и Богочеловек в евразийском философском сознании.

Подводя итог краткому анализу переводческих трансформаций, реализованных Л.Кириллиной при работе с поэтическим произведением Габриэлы Мистраль «Печальный Бог», нам представляется необходимым подчеркнуть, что автор перевода проделал большую творческую работу и стихотворение великой писательницы, поэтессы стало доступным и понятным читателю русского культурного пласта. Сравнивая различия испаноамериканской и российской культур, мы можем сделать вывод, что перевод был смягчен, избавлен от некоторого вызова, резкой экспрессии, которые присущи

оригиналу. Согласно «закону тесноты стихотворного ряда», слова в строке тесно взаимосвязаны, даже если они принадлежат разным фразам, ритмическим единством. Этот закон работает на расширение многозначности каждого слова, обозначает внутренние связи слов в строфе, но при этом отбрасывает семантическую согласованность в том виде, в котором мы видим ее в произведении прозаическом.

Основную цель переводчика- включить произведение на иностранном языке в литературную систему принимающего языка, Л.Кириллина, на наш взгляд, выполнила блестяще. Имя и творчество Габриэлы Мистраль навсегда останется в сердцах испаноамериканского и российского читателя.

Литература

Гончаренко Ф.С. *Поэтический перевод и перевод поэзии: константы и вариативность*. — М.: Самиздат, 2011

Жилин И.М. *Использование синонимии и вариантности языковых единиц при переводе // Тетради переводчика. Вып. 11*. — М.: Междунар. отношения, 1974.

Комиссаров В.Н. *Перевод и интерпретация //Тетради переводчика. Вып. 19*. — М., 1982.

Левицкая Т.Р., Фитерман А.М. *Почему нужны грамматические трансформации при переводе? // Тетради переводчика. Вып. 8*. — М.: Междунар. отношения, 1971.

Левицкая Т.Р., Фитерман А.М. *Чем вызываются лексические трансформации при переводе? // Тетради переводчика. Вып. 12*. — М.: Междунар. отношения, 1975.

Как россияне понимают текст информированного согласия на медицинское вмешательство

Глазанова Е.В., Руднева Е.В.

(Россия, Санкт-Петербург)

Как показали когнитивные и психолингвистические исследования, восприятие и понимание текста зависят от характеристик как самого текста, так и читателя. Построение ситуативной модели текста (т.е. о чем он) связано с опытом и ожиданиями конкретного человека [van Dijk, Kintsch 1983]. Между тем, за малым исключением [Кнутов и др. 2020], большинство исследований базируется на анализе именно текстов документов, а не того, как их понимают носители языка (см., напр., [Ткаченко 2016, Кучатов, Савельев 2018]). Более того, в существующих работах анализируются только законы, хотя в повседневной жизни мы сталкиваемся со многими другими официальными текстами. Один из них — информированное согласие на медицинское вмешательство.

Статья посвящена части результатов обработки данных, полученных в ходе опроса граждан РФ, проведенного в рамках проекта РНФ в СПбГУ № 19-18-00525 «Понятность официального русского языка: юридическая и лингвистическая проблематика». Респондентам нужно было ознакомиться с тремя документами (один из которых — информированное согласие) и ответить на вопросы анкеты в бумажной форме или он-лайн (анкета доступна по ссылке: https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSc_2ROAWyjS9v6WYgfQ6rt3iewKHUqFpCFnghydmHzO3QAejg/viewform). Был проведен качественный и статистический [с использованием Python v3.8, пакет статистического анализа https://pingouin-stats.org/] анализ ответов 399 человек.

За ответы на некоторые вопросы анкеты, преимущественно направленные на проверку понимания текста документа, ставились баллы. Ответы на все остальные вопросы были закодированы в виде текстовых переменных, отражающих стратегии ответа на вопрос, для статистического анализа которых использовались таблицы сопряженности, подсчитывался критерий Хи-квадрат, что позволило выделить значимые зависимости типов ответов от социальных параметров.

В данной статье на примере ответов на два вопроса (№6 и №7) мы рассмотрим следующие два аспекта: 1) как разные люди понимают в целом смысл документа; 2) какие стратегии ответа на вопрос предпочитают респонденты: вчитываются и анализируют текст документа, дают несодержательный, весьма формальный ответ или опираются на свой предыдущий жизненный опыт.

Вопрос №6 «Какой смысл Вы видите в подписании подобного документа?» был, как и все остальные вопросы анкеты, открытым, но для количественного анализа среди ответов респондентов были выделены четыре основные стратегии (в скобках указан процент от общего количества респондентов, давших ответ на данный вопрос): 1) обезопасить врача и медицинское учреждение, напр.: «*Застраховать стоматолога от претензий пациента в случае увеличения суммы лечения или в случае неудачи / нежелательных побочных эффектов*» (38%); 2) юридическая защита прав обеих сторон, напр.: «*закрепление условий на бумаге, подспорье в возможных конфликтах между врачом и пациентом*» (30%); 3) информирование об оказываемой медицинской помощи: «*документ важен для понимания этапов лечения, вариантов развития ситуации*» (14%); 4) критическое отношение к документу подобного типа в принципе: «*нет смысла*» (13%); 5% респондентов не ответили на данный вопрос.

Табл. 1. Смысл подписания информированного согласия (вопро
процентное распределение ответов в возрастных гр

	«Обезопасить»	«Юридическая защита обеих сторон»	«Информировать»	«Критическое отношение»	Не от
ет	27,2	25,9	28,4	13,6	4
ет	42,4	29,7	10,2	15,3	2
ет	40,6	30,1	5,3	15	9
60 лет	38,9	38,9	16,7	5,6	0

Как видно из Таблицы 1, менее критично в отношении документа настроены представители старшего поколения: из них одинаковое количество видят смысл документа и в том, чтобы обезопасить клинику, и в том, чтобы защитить обе стороны. Лишь для группы молодых оказалась более популярной версия «информировать». Люди среднего возраста наиболее подозрительно относятся к документу, считая, что его цель прежде всего — именно обезопасить клинику и врача. Различия типов ответа в зависимости от возрастной категории статистически значимы (p=0,0003).

Многие респонденты полагались на свой жизненный опыт и фоновые знания даже в тех случаях, когда в вопросе эксплицитно предлагалось отвечать именно по тексту. Возьмем для примера вопрос №7: «*Какие риски угрожают Вам как пациенту, если Вы даете согласие на лечение, предлагаемое по договору? Перечислите их, пожалуйста, дайте ссылку на пункт*». К этому вопросу наиболее полным ответом, который оценивался в 2 балла, было перечисление пунктов или цитирование их содержания, напр.: «2.7–2.9 + риски перелечивания ниже» (48 лет, высшее гуманитарное образование). Примеры ответов не по тексту (стереотипные суждения, мнения), демонстрирующие опору респондентов на свой жизненный опыт: «*Я мало что понимаю. Зачем это всё нужно, что я должен, что врач должен. Плюс мне открыто говорят, что лечение ненадёжно, может принести отрицательный результат или быть бессмысленным*» (18 лет, среднее общее); «*Смерть*» (20 лет, среднее специальное; «*Удаление зуба (это самое плохое!), боль после лечения, воспаление, аллергия, невозможность жевать еду в течение долгого времени*» (40 лет, высшее гуманитарное).

Табл. 2. Процентное распределение стратегий ответа на вопро
в группах респондентов в зависимости от во
и уровня образо

	По тексту	**По контексту**	**Формальный ответ**	**Не ответи**
ет (юношеский возраст)	81,2	6,2	6,2	6,2
лет (средний возраст 1	77,8	10,3	8,5	3,4
лет (средний возраст 2	63,6	16,7	6,8	12,9
60 лет (пожилой возраст)	62,9	28,6	2,9	5,7
образование	76,8	13,5	4,3	5,3
ненное высшее	90,3	6,5	1,6	1,6
специальное	52,9	22,9	8,6	15,7
общее	40	20	25,7	14,3

Из Таблицы 2 видно, что представители старшего поколения отвечают исходя из своего опыта чаще (28,6%), чем другие возрастные группы. Кроме того, они реже дают формальный ответ (2,9%). Молодые люди (17–22 лет и 23–35 лет), отвечая, в большинстве случаев опирались на текст (81,2% и 77,8% соответственно). Различия типов ответа в зависимости от возрастной категории оказались статистически значимы (p=0,0057).

Посмотрим на зависимость выбранной стратегии ответа от уровня образования (различия типов ответа статистически значимы (p=0,000). Люди с неоконченным высшим образованием (в основном студенты) в большинстве случаев отвечали по тексту (90,3% от всего числа ответов в данной возрастной категории); среди людей с высшим образованием таких ответов несколько меньше (76,8%), со средним специальным — чуть больше половины (52,9%), а со средним общим — уже меньше половины (40%). Для людей со средним общим образованием характернее стратегия формального ответа (25,7%), а также вообще отказ отвечать (пропуск вопроса, прочерк, «*я не знаю*», «*я не понимаю*» и т. д). Эти тенденции подтверждаются анализом ответов и на другие вопросы анкеты.

Как показывает статистическая обработка ответов на проанализированные два вопроса, выбор стратегии ответа зависит от образования и возраста респондентов (различия статистически значимы). В отсутствие навыков и опыта, необходимых для адекватной обработки текста, пытаясь ответить на вопрос по нему, люди обращаются к фоновым знаниям и представлениям, а также часто дают довольно формальный ответ. Эти стратегии в большей степени характерны для людей со средним уровнем образования. Респонденты с неоконченным высшим образованием (в основном студенты) как группа, выделенная и по возрасту, и по уровню образования чаще отвечают по тексту,

демонстрируя лучшие навыки его обработки. Представители старшего поколения более склонны давать ответ, полагаясь на свой опыт, а не на текст. При этом для них характерно большее доверие к документу, в котором они чаще видят юридическую защиту обеих сторон.

Таким образом, респонденты воспринимают и понимают текст документа по-разному, в т. ч. и общий смысл документа, его назначение, в различной степени полагаясь на фоновые знания; иногда они не способны разделять информацию, непосредственно содержащуюся в тексте, и представления, основанные на их предыдущем опыте. Часто за документом они видят дополнительные смыслы и иерархические отношения между медицинской организацией и пациентами.

Литература

van Dijk T. A., Kintsch W. *Strategies of Discourse Comprehension*. New York: Academic Pres, 1983.

Кнутов А.В., Плаксин С.М. и др. (ред.) *Сложность российских законов. Опыт синтаксического анализа*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020.

Кучаков Р., Савельев Д.А. *Сложность правовых актов в России: Лексическое и синтаксическое качество текстов*. Под редакцией Дмитрия Скугаревского (Серия «Аналитические записки по проблемам правоприменения»). СПб.: ИПП ЕУСПб, 2018. 20 с.

Ткаченко Н.В. *Статистический анализ федерального законодательства* [Электронный ресурс]. М., 2017. URL: https://csr.ru/wp-content/uploads/2017/02/Issledovanie_TSSR_statistika-po-zakonoproektam.pdf (дата обращения: 31.10.2018).

О понятиях «афоризация» и «афористичность» в связи с развитием теоретической афористики как лингвистической дисциплины

Глуханько Л.В.

(Республика Беларусь, Могилёв)

Со времен глубокой античности афоризмы представляли, как известно, предмет философского, а позднее, и филологического осмысления. В обиходной речи афоризмом называют любое краткое меткое изречение либо определённого автора, либо анонимного происхождения (в том числе фольклорного).

Только неразвитостью теоретических представлений об афоризме как тексте и как единице языка и речи (либо же только речи) можно объяснить то, что понятие афоризма в настоящее время крайне редко интерпретируется в терминах теории языка [Иванов 2019a; Иванов 2019b]. Не существует пока и общепринятого определения понятия «афоризм» [Иванов 2020]. Изучаются афоризмы в рамках различных лингвистических дисциплин — стилистики, фразеологии, а также в прикладном аспекте — лингвострановедении и др. Все подходы имеют как свои преимущества, так и недостатки.

Возникло и активно развивается отдельное направление научного знания об афоризмах — афористика, хотя его эпистемологический статус, предмет и задачи остаются недостаточно очерченными из-за крайне малого количества фундаментальных работ по общей теории и истории афоризма. Сам термин «афористика» зафиксирован только в 1970-гг. в значении «создание, собирание и изучение афоризмов». Однако широко распространено и другое определение понятия «афористика» — как совокупности афоризмов (определённого автора, данного народа,

фольклорного или литературного происхождения, некоторой эпохи и др.).

В целом афористику можно определить как совокупность разнообразных подходов к изучению афоризмов, которые, в свою очередь, отличаются неоднозначным и противоречивым пониманием внутри каждой из научных дисциплин и поддисциплин. Поэтому одной из важнейших задач афористики является уточнение её границ как науки, определение её предмета и задач, а также основных направлений изучения афоризмов. Актуальным является создание в рамках каждого направления (которое может являться составной частью определенной научной дисциплины или поддисциплины или находится на стыке дисциплин) терминологически и методологически непротиворечивого описания афоризмов.

Обращает на себя внимание дифференциация таких ключевых понятий, используемых при рассмотрении афоризма в различных дисциплинах, как «афоризация» и «афористичность».

Афоризация — это воплощение важной и оригинальной мысли в форме афоризма. Афоризация основывается на аллегории или же смысл афоризма выводится из прямых значений слов, которые являются его составными компонентами. Так, афоризация широко используется У. Шекспиром в лирических произведениях — сонетах, которые изобилуют афоризмами [Глуханько 2017].

Понятие «афористичность», в свою очередь, определяется либо самостоятельно, либо относительно понятий «афористический текст» и «афористический стиль».

Под понятием «афористичность», как правило, понимается либо насыщенность речи афоризмами, либо лаконичность, остроумие, образная выразительность, присущая обычно крылатым фразам, пословицам. В объём понятия «афористичность» также включается и определённая степень известности, воспроизводимости за

пределами авторского текста. В связи с этим существует также мнение, что «афористичность» — это качество не изначальное, а приобретаемое тем или иным высказыванием вместе с «крылатостью» — понятием, отождествляемым с массовой воспроизводимостью, чрезвычайной популярностью и пр. Бывает, однако, что высказывания утрачивают свою «крылатость», а значит, и «афористичность». Поэтому понятие «крылатости» не может интерпретироваться в строгих терминах лингвистики как тождественное понятию «афористичность». Соответственно, оппозиция «афористичность vs. неафористичность» (также, как и «афористический vs. неафористический») не может быть жёсткой.

Понятие «афористический текст» может иметь два толкования: во-первых, как отдельное, самостоятельное изречение, содержащее законченную и обобщённую мысль, а во-вторых, как текст, в котором содержатся афоризмы.

Понятие «афористический стиль» уже достаточно широко используется в лингвистике, хотя не является терминологически общепринятым. В справочниках XIX века (в частности, например, в энциклопедическом словаре Ф. Брокгауза и И. Ефрона) упоминалась так называемая «афористическая манера писания и речи», которая определялась как «сжатый, отрывистый способ выражения мыслей». Однако в современной филологии и лингвистике данный термин пока не приобрёл широкого распространения.

Следует заметить, что текст становится афористическим в процессе своей афоризации. Можно дифференцировать два способа афоризации текста: во-первых, употребление таких афоризмов, авторство которых не принадлежит говорящему или пишущему (пословицы, поговорки, крылатые выражения), а во-вторых, включение в текст таких афоризмов, которые принадлежат самому

говорящему или пишущему как способ и вербальное средство выражения обобщённой мысли.

Можно утверждать, что именно афоризация лежит в основе формирования афористического стиля. Например, во многих сонетах У. Шекспира употребляются афоризмы, что формирует такую особенность поэтического языка автора как «афористический стиль» [Глуханько 2019].

Таким образом, развитие афористики как научного направления во многом зависит от непротиворечивости толкования его основных понятий, среди которых ключевое место занимают два понятия — «афористичность» и «афоризация». Если понятие «афоризация» носит больше технический (операциональный) характер, то понятие «афористичность» имеет методологический (субстанциональный) характер, поскольку прямо и непосредственно соотносится с той или иной интерпретацией понятия «афоризм».

Литература

Глуханько Л.В. Афористические единицы в сонетах Уильяма Шекспира // *Філологічні студії*. 2017. Вип. 16. С. 311–317.

Глуханько Л.В. Semantic Variety of Aphorisms in William Shakespeare's Sonnets // *Романовские чтения — XIII* / под ред. А.С. Мельниковой. Могилёв: МГУ, 2019. С. 144–145.

Иванов Е.Е. Аспекты эмпирического понимания афоризма // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2019a. Т. 10. № 2. С. 381–401. DOI: https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401

Иванов Е.Е. О рекуррентности афористических единиц в современном русском языке // *Русистика*. 2019b. Т. 17. № 2. С. 157–170. DOI: https://www.doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157–170

Иванов Е.Е. Афоризм как объект лингвистики: основные признаки // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2020. Т. 11. № 4. С. 659–706. DOI: https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706

Влияние категории рода на восприятие мира носителями языка (на материале испанского языка)

Говорова Л.А.

(Россия, Москва)

Многими лингвистами уже давно было замечено, что определенные лексемы в различных языках зачастую принадлежат к одинаковым формам рода, как, например, слова *вода (agua)* и *огонь (fuego), ночь (noche)* и *день (día), земля (tierra)* и *небо (cielo), луна (luna)* и *солнце (sol),* где первое в группе относят к женскому, а второе — к мужскому роду соответственно. Такое распределение обнаруживается как в большинстве индоевропейских языков, так и у языков из других языковых семей, где сохранилась категория рода [Одинцов 1988: 16]. Объясняется это тем, что в народных сказаниях, легендах и мифах им приписывались характеристики живых существ, а также женское и мужское начала, следовательно, они неизбежно принадлежали к тому или иному роду [Иванова 1998: 71].

Интересно, что осознание родовой принадлежности слова во время языковой деятельности самими говорящими чаще всего не происходит, тем не менее, нам как лингвистам, процесс сопоставления и анализа лексем естественного или формального языка с его нормативной грамматикой, равно как и лексический анализ, позволяет прийти к определенным выводам. Так, например, анализируя простое предложение “La niña hablaba de Dios” (Девочка говорила о Боге), на ум неосознанно приходит существо женского пола, которое выражало в устной речи собственные идеи на определенную тему. В сознании носителей испанского языка инстинктивно происходит подразделение слова «девочка» к классу

женского рода, поскольку это то, как испанский язык в данном случае отражает реальность.

Для сравнения возьмем то же самое предложение, только на немецком языке “das Mädchen sprach von Gott”. В данном контексте при синтаксическом разборе предложения можно сказать: «подлежащее — *Mädchen*, выраженное существительным среднего рода; сказуемое, выраженное глаголом изъявительного наклонения в прошедшем времени…» и т.д. Другими словами, существительное «девочка» в немецком языке принадлежит уже к другой словоклассифицирующей грамматической категории, что часто вызывает недоумение у тех, кто приступает к его изучению.

Так или иначе, система правил и условностей иностранного языка будет сравниваться с системой родного языка, соответственно, будет казаться либо усложненной, либо упрощенной по отношению к уже знакомой. Равным образом и для носителей языков, где род распределяется по трем классам имен существительных (славянские языки, румынский, немецкий и др.), испанская система категорий, представляющая собой распределение слов и форм по двум классам часто кажется незамысловатой.

Также многими лингвистами отмечается, что люди, являющиеся носителями языков, в системах которых обнаруживается категория рода, более склонны к категориальному мышлению и восприятию действительности [Дзюба 2015: 61]. Тем не менее, процессы глобализации в современном мире, среди прочего, влияют и на то, что многие привычные нам рамки, категории и понятия активно пересматриваются или размываются, однако представители разных культур продолжают придерживаться уже знакомых им алгоритмов, моделей и шаблонов при построении собственных речевых образцов, изучении иностранных языков и взаимодействии в межкультурной среде.

Анализ того, как в испанском языке, в котором сохранилась категория рода, строятся предложения, включающие такие распространенные на данный момент англицизмы, заставляет задуматься о том, почему и насколько важна эта классифицирующая грамматическая категория, и прежде всего о том, насколько значительно её влияние на восприятие мира носителями испанского языка.

Перед тем как рассмотреть образцы речи, представляющие собой смесь испанского и английского языков, напомним, что категория рода в английском языке лексическая, в то время как в испанском языке она грамматическая и требует согласования определяемого слова с главным. Вследствие существования непосредственного влияния категории рода на восприятие мира различными народами, носители испанского языка, используя Spanglish в своей речи, нередко приписывают слову артикль, соответствующий роду слова в родном языке, а в отдельных случаях просто опускают его:

“No pierdas *el* time” (el tiempo);
“Hoy quiero darle play a *la* movie” (la película);
“No suelo llorar por *la* night” (la noche);
“Soñé con tocar *el* sky” (el cielo);
“Lo quiero para toda *la* life” (la vida);
“Estoy cansado, necesito *un* break” (un descanso);
“Tienes que apagar *el* phone” (el teléfono/celular);
“El artista cambió de *look*”;
“Se incluye el sistema de *Home Training*” (domesticación);
“Una lista completa de todos *los* emojis de WhatsApp” (los emoticonos).

Рассматривая приведенные примеры, можно обнаружить, что большинству англицизмов был приписан соответствующий артикль мужского или женского рода по аналогии с его родом в испанском языке.

Кроме того, наше внимание привлекла еще одна любопытная фраза из дискурса носителей пуэрто-риканского национального варианта испанского языка: “...Pero no tengo *mala* intention…”, поскольку здесь также наблюдается согласование английского существительного с испанским прилагательным женского рода, так как слово *намерение* (intención) в испанском языке принадлежит к женскому роду. Так, лингвистическим парадоксом могла бы стать ситуация, в которой носитель испанского языка не попытался бы руководствоваться уже известными ему категориями рода и использовал бы несоответствующий артикль с английским существительным или определяемое слово, не согласующееся в роде с главным.

При этом важно отметить, что некоторым неологизмам (в числе которых и англицизмы), в испанском языке могут присваиваться как женский, так и мужской род, в зависимости от того, с какой точки зрения рассматривается лексическая единица. Например, оба артикля встречаются у популярного заимствования из английского языка у испаноговорящей молодежи, лексемы “after party”, а также у наименования новой коронавирусной инфекции. Рассмотрим примеры употребления этих слов из интернет-статей:

> “…recomienda tercera dosis de la vacuna contra *el* Covid-19, pero solo para mayores de 65 años...”
> “Las vacunas pierden eficacia contra la infección pero siguen evitando *la* covid grave y la muerte...”
> “Rosalía en *el* 'after party' de la gala MET estrena el vestido de punto asimétrico que deseamos...”
> “Las fotos más exclusivas de *la* after-party de la Met Gala 2021...”

И если в случае названия вируса употребление обоих артиклей обосновано, поскольку *“el* covid” подразумевает *el virus* и “*la* covid” подразумевает *la enfermedad*, то наличие обоих родов в случае с англицизмом “after party” кажется

немотивированным ввиду того, что слово *fiesta* в испанском относится к женскому роду.

Так, несмотря на то, что в некоторых испаноязычных странах встречаются как разные лексемы для наименования одних и тех же слов, так и различная словоклассифицирующая грамматическая категория (род) у одних и тех же лексических единиц, носители испанского языка склонны мыслить категориями, навязанными им системой родного языка.

Известно, что при изучении нового языка в каждом человеке зарождается языковая личность. Отметим, что при использовании Spanglish, то есть, смеси английского и испанского языков, языковая личность чаще всего не изменяется и не переключается, а лишь немного трансформируется, при этом ориентируясь на родной язык и его сложившуюся систему, даже если в сравнении с английским языком она кажется усложненной. Именно поэтому мы приходим к выводу о том, что носители испанского языка инстинктивно выбирают и добавляют формы артикля к существительным-англицизмам, классифицируя английские существительные в соответствии с собственным, привычным, «испанским» видением мира.

Таким образом, принципы распределения слов по родам являются в какой-то степени отражением видения мира народа, формы его мышления. Интересно, что писал известный советский лингвист В. В. Виноградов по этому поводу: «У подавляющего большинства имен существительных, у тех, которые не обозначают лиц и животных, форма рода нам представляется немотивированной, бессодержательной. Она кажется пережитком давних эпох, остатком многоязыкового строя, когда в делении имен на грамматические классы отражалась свойственная той стадии мышления классификация вещей, лиц и явлений действительности» [Виноградов 2001: 79]. Вместе с тем влияние категории рода на восприятие мира

носителями испанского языка остается значительным, поскольку при речепроизводстве они все ещё опираются на усвоенные и прочно укоренившиеся категории, существующие в родном языке.

Литература

Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. — 4-е изд. — М.: Высшая школа, 2001. — 720 с.

Дзюба Е. В. Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании: монография / Е. В. Дзюба; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2015. — 286 с.

Иванова Т.А. Старославянский язык: Учебник. — 2-е изд., испр. и доп. — СПБ.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998. — 224 с.

Одинцов В. В. Лингвистические парадоксы: Кн. для учащихся ст. классов. — 3-е изд., испр. — М.: Просвещение, 1988.-172 с.: ил.

About Variations in Translation the Gerund from Russian into English in the Belles-Lettres

Golyakevich N.D.

(Republic of Belarus, Mogilev)

This article deals with the peculiarities of the translation of the gerund from English into Russian in the belles-lettres. This problem is not elucidated well enough in linguistic and translation literature, while when translating non-finite forms into Russian one can face some difficulties.

In the process of learning a foreign language, mastering grammar is very important to understand the text [Golyakevich, Zubry 2019]. Not knowing the specific of the English constructions, as a rule, leads to the misunderstanding of the meaning of the sentence. However, for translation, it would be important to have a comparative grammar of the English and Russian languages, which would help to choose the most appropriate grammatical form and syntactic structure for the

correct and accurate transfer of the corresponding English form and structure. The intercultural aspect of language acquisition is essential for quality linguistic education [Иванов 2008: 169]. The translation of non-finite forms of the verb, especially the gerund, causes numerous difficulties since in Russian there is no such form of the verb.

The verb in the grammatical structure of the English language occupies one of the main places, since it is a part of speech that names actions or represents a state, a manifestation of a sign, a change in a sign, etc. [Golyakevich, Zubry, Ivanov 2019]. Forms of the English verb are divided into finite and non-finite. The finite forms of the verb have three persons in the singular and plural in all tenses of the active and passive voice. In a sentence, they are always predicate and are always used in the presence of a subject, with which it agrees in person and number [Глуханько, Голякевич, Зубрий, Иванов 2017]. For example: *She claims* ***to have read*** *his diary. — Она заявляет,* ***что прочла*** *его дневник.* Non-finite forms of a verb differ from finite forms in way they do not have a category of person, number, tense and mood [Golyakevich, Pritychenko, Tarasova 2011].

The gerund is a non-finite form which is typical of the English verb system and absent in Russian. Like a noun, the gerund is used as a subject and it is usually translated as a verbal noun or the infinitive (***Your being so indifferent*** *irritates me a great deal. —* ***Ваше безразличие*** *очень сильно меня раздражает*); as an object it is often translated by a subordinate clause (*He denied* ***the message having been sent*** *by post. — Он отрицал,* ***что сообщение было отправлено*** *почтой*); the nominal part of the predicate is translated by the infinitive (*What he loves best in the world* ***is going to the theater****. — Больше всего в мире он* ***любит ходить в театр***) and it forms prepositional combinations that function as an attribute (*The doctor left three different medicines with the instructions* ***for giving them****. — Врач оставил три различных лекарств с инструкцией* ***по применению***) as adverbial modifiers it is

usually translated by Russian participle, very seldom by a noun with a preposition or a subordinate clause (***Dropping*** *them at last on his folded hat, he fixed his eyes on the curtain. — **Опустив** наконец бинокль на сложенный цилиндр, он обратил свой взор на занавес*).

The gerund is translated into Russian by the infinitive (*It is no use **discussing** it now, we must act. — Нет смысла **обсуждать** это сейчас, мы должны действовать*); a verbal noun (***The doing of morning exercises*** *was very good for me. — **Занятия утренней гимнастикой** было очень полезно для меня*) and a subordinate clause (*He had the feeling **of being watched**. — У него было такое чувство, **что за ним наблюдают***).

Most often the gerund is used after prepositions in the function of the prepositional object, an attribute, adverbial modifiers and the nominal part of the predicate. Without the preceding preposition, the gerund is used as part of the compound verbal predicate, as well as part of the compound nominal predicative, a subject and a direct object.

The gerund has functions similar to the infinitive, which also combines the characteristics of a verb with those of a noun. Most often, the gerund is used after prepositions. Since prepositions can only be combined with nouns or pronouns, every verb after the preposition takes the form of a gerund. After prepositions, the gerund is used in the function of a prepositional indirect object, an attribute, adverbial modifiers and the nominal part of the predicate.

The gerund in the function of a direct object is translated by an infinitive, a noun or a verb in a personal form as part of a subordinate clause (*I don't mind **doing** it for you. — Я не возражаю **сделать** это для вас*).

In the function of an attribute the gerund is used with various prepositions, but most often with the preposition *of***.** The gerund in the function of an attribute is translated into Russian by a noun in the genitive case, a noun with a preposition or an

indefinite form of the verb (*Ginnie took full advantage* ***of his having looked*** *up. — Джинни не преминула этим* ***воспользоваться***).

Gerund in the function of adverbial modifiers is always used with a preposition and is usually translated by a noun with a preposition, a perfect or non-perfect participle, or a verb in personal form as part of a subordinate clause (*Excuse me* ***for being late****. — Извините* ***за опоздание***).

A gerundial construction is a syntactical unit consisting of a nominal element (a noun or a pronoun) and a verbal element (a gerund). This construction is usually translated into Russian by a subordinate clause, the subject of which corresponds to the possessive pronoun or noun in the possessive or general case of the English gerundial construction, and the predicate corresponds to the gerund of this construction:

The nominal element of the construction can be expressed by:

A) a noun in the genitive case or a possessive pronoun denoting a living being (*We are looking forward to* ***Peter's*** *coming back. — Мы с нетерпением ожидаем возвращения* ***Пети****; They insisted on* ***my*** *staying with them. — Они настаивают на том, чтобы* ***я*** *остался с ними*);

B) a noun in the common case or a pronoun in the objective case. There is a growing tendency, especially in informal speech, to use a noun in the common case and a pronoun in the objective case to denote the doer of the action expressed by the gerund: (*She doesn't approve of her* ***son (him)*** *staying out late at night. — Она не одобряет то, что* ***её сын*** *допоздна гуляет*). But it is impossible to use the gerund in this construction when: when the nominal element consists of two or more nouns (*We insist on* ***the rich and poor*** *being treated alike. — Мы настаиваем на том, чтобы к* ***бедным и богатым*** *относились одинаково*); if the noun has a post-modifying attribute (*I can't think of* ***a man of talent*** *composing such music. — Я даже подумать не могу,* ***что талантливый человек*** *сочиняет подобную музыку*);

C) a noun in the common case or a possessive pronoun if the nominal element denotes a lifeless thing (*The carrying out of these plans depends on* ***the documents*** *being signed in time. — Реализация этих планов зависит от своевременного подписания* ***документов****; He insisted on* ***its*** *being delivered without delay. — Он настаивает на том, чтобы* ***это*** *доставили без задержки*);

D) a pronoun which has no category of case — *all*, *this*, *that*, *both*, *each*, *something*: (*I couldn't deny* ***both of them*** *having made a reasonable excuse. — Я не мог отрицать, что* ***они оба*** *предоставили разумное оправдание*).

Sometimes while translating a text the accent falls on the lexical aspect, first of all on the shades of meaning, but syntactic mistakes sometimes invisible, lead not only to stylistic mistakes, but also the misrepresentation of the meaning.

Литература

Глуханько Л.В., Голякевич Н.Д., Зубрий С.П., Иванов Е.Е. *Practical English Grammar: Verbals*. Могилёв: МГУ, 2017.

Иванов Е.Е. Качество лингвистического образования в Республике Беларусь (в аспекте межкультурной коммуникации) // *Проблемы качества образования в Белоруссии и России в контексте интеграционных процессов*: в 2 ч. М.: РАО, 2008. Ч. 1. С. 161–170.

Golyakevich N.D., Pritychenko N.G., Tarasova N.V. *Practical English Grammar: Non-Finite Forms of the Verb*. Могилёв: МГУ, 2011.

Golyakevich N.D., Zubry S.P. Practical English Grammar: Elementary Level. Могилёв: МГУ, 2019.

Golyakevich N.D., Zubry S.P., Ivanov E.E. *Practical English Grammar: Morphology*. Минск: РИВШ, 2019.

Концепт «Война» в современном медиадискурсе Донбасса

Горбачева Ю.В.

(ЛНР, Луганск)

В XXI веке возрос интерес ученых-лингвистов к изучению процессов в языке в тесной взаимосвязи с ментальностью и культурой. Актуальными лингвистическими направлениями являются изучение национальных языковых картин мира, концептосфер и культурного кода, спрятанного в системе и структурах текста. Наряду с этим, одним из направлений, вызывающих широкий интерес, является исследование дискурса. Существует несколько подходов к толкованию и исследованию дискурса, но важным является то, что дискурс связан со многими дисциплинами, в частности культурологией, психологией, социологией, этнографией. Соответственно, дискурс имеет глубокие связи с событийными аспектами, взаимодействием людей, механизмами сознания, человеческим опытом и определенной культурной средой.

Одним из основных понятий, на которые мы можем опираться при изучении языковой картины мира, является концепт, который имеет сложную многоплановую структуру. К базовым (универсальным) концептам, обладающим «экзистенциальной значимостью для всего человечества» [Александров 2010: 28], без сомнений, можно отнести концепт «война». Указывая на его универсальность, В.В. Волков отмечал, что данный концепт «представляет собой важный компонент культурного знания, он заключает в себе опыт познания этого сложного и неоднозначного феномена» [Волков 2011: 48].

Многие исследователи (Л.Н. Венекдитова, В.В. Волков, Е.А. Голубенко, Г.И. Зиатдинова, И.В. Дукальская, Л.Я. Брославская и др.) рассматривают концепт «война» как лингвокультурный, относя его при этом к таким, которые определяют жизнь человека, регулируют его повседневную жизнь. Так, по мнению Е.А. Голубенко, «такие концепты структурируют то, что воспринимается из окружающего мира, и то, как осознается полученная информация» [Голубенко 2017] .

Особую роль в моделировании концепта «война» играют контексты, представленные в средствах массовой информации (СМИ), которые наиболее быстро и активно реагируют на изменения в национальном сознании. Любые новые события и мировосприятие находят в них свое отражение, поэтому можно считать СМИ проявлением любой актуальной картины мира. В то же время СМИ является не только трансляцией изменение, но также и рычагом и толчком для изменения сознания.

Можно утверждать, что, анализ дискурса СМИ определенного региона, позволит детально исследовать концепт непосредственно в этом регионе.

В нашем исследовании мы сосредоточим своё внимание на медиадискурсе Донбасса.

В последние годы приоритетной темой СМИ Донбасса стали общественно-политические события, а именно военный конфликт, начавшийся в 2014 году. Война на Донбассе внесла значительные изменения в сознание людей, проживающих непосредственно на территории военных действий. В жизни людей прочно вошли понятия *война, оружие, обстрел* и др. Под влиянием военных действий изменилось мировосприятие людей, а соответственно и их языковая картина мира. Военная лексика динамично и резко ворвалась в мир жителей Донбасса. Проследить эти изменения мы можем на примере концепта «война».

Следует отметить, что до начала 2014 г. этот концепт был представлен асоциативно связанными с реалиями Великой Отечественной войны. Теперь же данный концепт трансформируется и наполняется новым содержанием, что обусловлено повседневно-бытовыми реалиями современного носителя русского языка, проживающего на Донбассе.

Материалом нашего исследования стали медиаконтексты интернет-изданий Донбасса, а именно: Миа Исток, Луганский информационный центр, XXI век, Голос Республики, Дебальцевские вести.

Исходя из анализа медиадискурса СМИ, наиболее часто для выражения концепта «война» употребляются следующие лексемы и сочетания: *война, боевые действия, военные действия*. Представим следующие примеры, найденных в изучаемых нами СМИ: «…до начала гражданской ***войны*** на Донбассе не являлся кадровым военным», «..президент РФ углубленно коснулся проблематики гражданской ***войны*** в Донбассе», «..в переговорах по урегулированию гражданской ***войны*** в Донбассе», «…обсудили работу СМИ в условиях гражданской ***войны***», «Кураторы Украины могут активизировать ***военные действия*** в Донбассе», «…когда происходили ***военные действия***, им было 10-11 лет», «Киевская власть планирует не прекращать, а расширять ***военные действия*** в Донбассе...», «…за пределами районов, где ведутся ***военные действия***», «…если Киев начнет ***боевые действия*** в Донбассе, это станет началом конца Украины», «В Донбассе могут активизировать ***боевые действия***…», «…украинские военные готовятся возобновить ***боевые действия***.» Таким образом, представленные слова и словесные конструкции составляют ядро исследуемого нами концепта. СМИ Донбасса довольно регулярно предоставляют краткие сводки и описания событий, происходящей на территории военных действий, поэтому ближнюю периферию концепта «война» составляют лексемы и лексические сочетания, тесно связанные с динамикой

актуальных событий и вовлеченных в них территории. Данный слой концепт «война» мы разделили на несколько микроконцептов. Первая понятийная группа — это наименование лиц, которые принимают непосредственное участие в боевых действиях с обеих сторон, а именно: *военнослужащие, боевики, солдаты, силовики, бойцы, солдаты, снайперы, защитники*. Рассмотрим примеры: «За неделю ***военнослужащие*** Народной милиции ЛНР доставили в прифронтовые районы республики более 10 тонн гумпомощи», «***Военнослужащие*** 59-й бригады ВСУ…», «…***боевики*** «Азова» и солдаты 95-й бригады ВСУ устроили перестрелку…», «Киевские ***силовики*** за минувшую неделю 21 раз нарушили режим прекращения огня». Следующая группа — противостоящая сторона: *ВСУ, украинские солдаты, украинская армия, украинская сторона, вооруженные формирования Украины*. Например: «потери ***ВСУ*** составили один погибший, пять раненых…», «***Украинские солдаты*** за минувшие сутки выпустили по ЛНР 95 мин.», «…плачевное состояние ***украинской армии***, которая не сможет провести такую сложную операцию», «Восстановление социально-экономических связей заблокировано ***украинской стороной***». Ещё один выделенный микроконцепт — это наименование/описание действий и событий, происходящих на территориях Донбасса: *открывали огонь, вести обстрел (обстрел вёлся), обстрелять, выпустить гранаты, стрелять в направлении, нанесли удар, сбросили самодельные взрывные устройства*. Реализацию этого микроконцепта находим в таких примерах: «Подразделения Народной милиции были вынуждены ***открывать ответный огонь***», «В районе Первомайска ***вёлся обстрел*** с позиций 3-го батальона 24-й бригады ВСУ», «ВСУ ***нанесли удар*** по Донецкому». Немаловажную часть концепта «война» составляет наименование орудий: *гранаты, мины, гранатометы, стрелковое оружие, миномет, взрывные устройства, противотанковые*

управляемые ракеты. Рассмотрим примеры: «…открыла прицельный огонь из крупнокалиберных ***минометов*** и ***стрелкового оружия***…», «…осуществили пять обстрелов нашей территории, применив 82-мм ***минометы***, ***гранатометы*** различных типов и ***стрелковое оружие***». Один из микроконцептов составляют обозначения территорий, пострадавшие от боевых действий: *окрестности, зона обстрела, пострадавшие территории*. Нам удалось найти следующие примеры: «В правительстве рассмотрели опрос о восстановлении ***пострадавших территорий***», «В 21.25 под обстрел попали ***окрестности*** Золотого-5.», «Киевские силовики за минувшую неделю 21 раз нарушили режим прекращения огня в зоне ответственности ЛНР. Одной из ***зон обстрела*** был Первомайск.». В медиадискурсе Донбасса наряду с описанием боевых действий, также описывают их последствия, соответственно их также можно объединить в микроконцепт: *жертвы, пострадавшие, повреждения инфраструктуры, места происшествий, последствия взрывов*. Например: «ЛНР располагает информацией о более двух тыс. ***жертв***, погибших и пропавших без вести…», «…по розыску захоронений лиц, ***пострадавших*** от украинской агрессии», «…опубликовали видео, на котором зафиксированы ***последствия взрывов*** от ударов украинских беспилотников.». Обстановка в зоне военного конфликта характеризуется также и попытками установить перемирие, разграничением территорий и др. Соответственно, дальнюю периферию нашего концепта образовывают такие категории: границы территорий и действия, направленные на погашение военного конфликта. Рассмотрим детальнее каждую из групп. Границы территорий: *линия разграничения, контрольно-пропускной пункт, въезд/выезд на подконтрольные территории* представлены такими примерами: «…зафиксировали работу шести украинских беспилотников ***у линии разграничения*** в Донбассе.», «По

новому режиму ***контрольно-пропускной пункт*** пропуска между ЛНР и Украиной....». И вторая категория — это действия, направленные на погашение военного конфликта: *попытки установить тишину, задействовать координационный механизм, призвать к перемирию*. Например: «Офицеры представительства ДНР в СЦКК попытались ***задействовать координационный механизм***, чтобы ***установить тишину***.», «…наконец-то удалось ***призвать*** украинскую сторону ***к перемирию***».

Таким образом, можем отметить, что концепт «война», актуализированный в медиадискурсе Донбасса интралингвальными факторами, имеет сложную структуру, которую можно разделить на разные понятийные категории, или микроконцепты. Также отметим, что наше исследование не исчерпывает полностью представленный концепт, а поэтому представляет возможности для более глубоких исследований, особенно в дискурсе региональных СМИ, которые являются ярким отражением развития и изменения концепта «война».

Литература

Александров О.А., Андреева О.А. Универсальные концепты в когнитивной системе человека // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2010. № 3(7). С. 26–29.

Волков В.В. Концепт «война» в русском языке и культуре // Челябинский гуманитарий. 2011. № 4 (17). С. 48–52.

Голубенко Е.А. Концепт «война» в современном английском языке [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-voyna-v-sovremennom-angliyskom-yazyke/viewer

Желтухина М.Р. Медиадискурс. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/mediadiskurs-1

The Representation of Flirtation in British and American Fiction from the Functional Pragmatic Perspective

Gromyko V.D., Pavlina S.Yu.

(Nizhny Novgorod, Russia)

Flirtation is traditionally viewed as a playful interaction between males and females which is tinged with some sensuality. Flirtation as a phenomenon is rather ambivalent since in a particular situation of flirtation people with the same goals and motivation but of different ages, social standing and in various locations tend to express their attitude in various ways. It means that their verbal and non-verbal behaviour is predetermined by social and cultural factors. So, the sociolinguistic approach to the analysis of flirtation as a communicative situation seems to be quite appropriate. In order to describe such statements from the functional perspective the term *pragmatic situation* is widely used. A pragmatic situation is a system of inter-connected factors which were created to have an impact on a recipient according to the communicative purpose of the speaker. Any kind of background knowledge, social norms, opinions and beliefs can be referred to as a pragmatic factor because they predetermine the meaning of the statement in a certain situational context.

The Russian scholar O. Issers assumes that a pragmatic situation is underpinned by speech strategies which include certain speech tactics. A speech strategy is an array of complex verbal acts which are employed in order to influence a person; it is a specific type of verbal behaviour, a set of speech acts aimed at achieving a particular communicative goal [Issers 1999].

The present research explores the strategies used in a situation of flirtation described in modern British and American fiction. The sample includes contexts representing the pragmatic situation of flirtation singled out from two novels: *The Devil*

Wears Prada by Lauren Weisberger and *The Flirting Games* by Stella Wilkinson. In *The Devil Wears Prada,* the main character Andrea, a promising journalist who started to work for a fashion magazine, meets a successful writer. Christian Collisnworth seems to be ten years older than Andrea, which means that their interaction is complicated not only by their different social standing but also by an age gap. In *The Flirting Games* two main characters, Ellie and Nate, are British seventeen-year-old school students, both belong to the middle class, which implies that in their case the interaction would not be impeded by any social factors.

The analysis of strategies used in the contexts of flirtation shows that self-presentation is the most common one. Self-presentation is a precondition of successful flirtation because the interlocutors aim at attracting each other's attention in order to encourage further communication. The strategy of self-presentation relies on some verbal as well as non-verbal elements: gestures, appearance and peculiarities of speech. The first aspect interlocutors assess is appearance. For instance, in the novel *The Devil wears Prada* Christian Collinsworth, a successful writer, is the one to initiate the situation of flirtation. Having appraised Christian's outfit, the female interlocutor realizes that they are from different walks of life: "His black blazer looked just as expensive and well cut, perhaps even custom-made to fit his average-size but inexplicably sexy frame, and it was his green eyes that commanded the most attention" [Weisberger 2003:86].

Another strategy which might be used in the context of flirtation is the strategy of control. Exercising this strategy, the participant is interested in having such an influence on his partner that eventually the partner does what the other wants. Unlike the strategy of self-presentation, the strategy of control is rarely used in a situation of flirtation because the verbal and non-verbal means to achieve dominance tend to be quite manipulative and even crude. Such means are inappropriate and ineffective for the

situation of flirtation since they cannot be a basis for a healthy relationship. In the sample the strategy of control is presented by isolated cases, therefore in this work the focus will be on the strategy of self-presentation analysis.

The examination of linguistic markers of self-presentation reveals the usage of the following tactics: self-praise, acclaim, enticement and irony. In some contacts a combination of tactics is employed.

In the pragmatic situation of flirtation Christian tries to impress his female interlocutor expanding on his accomplishments. It can be viewed as the implementation of the self-praise tactic.The tactic of self-praise used by Christian proved to be ineffective because Andrea was not interested in Christian's career and due to his excessive usage of the pronoun *I* Andrea considered the writer to be arrogant: "Mostly literary fiction so far, but *I*'m actually working on my first historical novel...It's a story told from the perspective of a young woman, about what it was like to live in this country during World War Two. *I'm still finishing* my research, transcribing interviews and things like that, but the little writing *I've done* so far has come along. *I think*... [Weisberger 2003:87]

From the pragmatic perspective the speech tactic of acclaim tends to be quite efficient. It is a form of praise, a deliberate exaggeration of some interlocutor's features. Acclaim is often used as a tool enabling people to create a good impression as it boosts people's ego and makes them feel good about themselves. As the saying goes people need appreciation beyond their family. In the sample contexts the tactic of acclaim is implemented by way of several rhetorical means. In *The Devil wears Prada* Christian asked rhetorical questions: "You sure do say what you think, don't you?" [Weisberger 2003:86]. Using this means Christian implied that Andrea was quite straight-forward, which, according to him, was a rare quality for the fashion industry. Another rhetorical means that Christian used is climax: "You were good enough to get a job at Runway, you sound bright and

articulate when you talk, and hell, you're a friend of mine" [Weisberger 2003:109]. In a climatic context the statement is arranged in such a way that each following part seems more important than the preceding one. In this example Christian not only paid a compliment but also highlighted the importance of having a friend like him, since such connections could be beneficial for Andrea. In *The Flirting Games* Elle also resorted to the tactic of acclaim when after the lesson with Nate she praised him using a hyperbole: "I've learned more in the last couple of hours than I have in four years of History classes!" [Wilkinson 2013:95]. It is rather obvious that Elle could not learn a four-year history program in a couple of hours, it was an exaggeration used in order to highlight how helpful Nate was. It is implied that Elle hopes that such an accomplished teacher would help her in the future.

The tactic of enticement also facilitates the implementation of self-presentation, since it allows the interlocutors to establish some contact and to underline that the initiator is looking forward to further communication. In a communicative situation one of the participants is more interested in establishing some contact; therefore, they spare no effort to attract their interlocutor's attention resorting to various means. The purpose is to make the interlocutor emotionally involved and get them to succumb to the enticement. In the sample contexts the characters resorted to different speech techniques in order to get their interlocutors to do what they wanted. For instance, Christian used nominative sentences to underline that Andrea should accept his invitation: "Nine o'clock... An editor from The Buzz, and a couple writers from The New Yorker. Good crowd." [Weisberger 2003:109]. Nominative sentences make the speech laconic and convincing, being used in succession in the context of flirtation they show that Christian is in control of the situation and is bound to achieve his goal. Another example of enticement is found in the speech behaviour of Nate, the character of the novel *Flirting Games*, who used intensifiers *serious* and *really* in order to persuade his

partner. Nate's speech abounds in exclamatory sentences, which is another way to impact the interlocutor: "I'm not going to bite you!" [Wilkinson 2013:74].

Another tactic used for the purposes of self-presentation is irony, which also includes self-irony. When interlocutors are ironic, it shows that they do not treat themselves and the communicative situation too seriously, which meshes with flirtation as a sort of a play between sexes. The linguistic means employed to express irony are manyfold. For example, Andrea used rhetorical questions when Christian greeted her in a way that seemed to her rather inappropriate and impolite: "Oh, and saying 'hey' makes you articulate, I guess?" [Weisberger 2003:86]. By using the question which requires no answer, Andrea wanted not only to tease Christian, but also to stand up for herself and make it clear that she would not tolerate such an arrogant attitude. Christian often employed hyperbole: "Is this the lovely Andrea Sachs whom I inadvertently terrified at Marshall's party?" [Weisberger 2003:109]. Christian noted that Andrea's reaction to his appearance at Marshall's party was far from positive. Indeed, Andrea was taken aback and wanted to get rid of Christian as soon as possible. Such a reaction was rather unexpected for him, since he was used to being admired by people, especially by women. Therefore, Christian was intrigued by a new acquaintance and in order to attract Andrea's attention he deliberately employed exaggeration to tease her, which proved to be quite effective in the situation of flirtation. In *The Flirting Games* at the beginning of her interaction with Nate, Elle was eager to distract the boy's attention from her friend because she was aware of his playful personality, and she did not want her friend to be mistreated. When Elle advised Nate to find somebody else, someone his own size, he retorted: "Someone my own size you say? And that would be you?" [Wilkinson 2013:12]. Nate resorted to a rhetorical question in order to hint that Elle's intention was not to protect her friend but to attract his attention. The next step was to address Elle in an extremely polite

way: “Miss Eleanor Parkhurst” [Wilkinson 2013:31]. Such excessive politeness implied that Nate was not taking Elle seriously or at least that was what he wanted her to believe.

To conclude, the situation of flirtation is based on some play when the parties try to attract each other’s attention by verbal as well as non-verbal means. The analysis of flirtation in the light of pragmatics reveals that the main strategy employed in the situation of flirtation is self-presentation, which is actualized by way of several tactics. From the pragmatic perspective the most efficient ones are the tactics of enticement, acclaim and irony, while self-praise seems to misfire.

References

Issers O.S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi. Omsk: Omskyi gosudastvennyi universitet, 1999.

Weisberger L. The Devil Wears Prada. 2003. Available from: https://www.bookform.net/lauren-weisberger/40104-the_devil_wears_prada.html [Accessed July 09, 2021].

Wilkinson S. The Flirting Games. 2013. Available from: https://full-english-books.net/english-books/full-book-the-flirting-games-the-flirting-series-young-adult-read-online [Accessed July 09, 2021].

Вводные упражнения на занятиях по английскому языку в высшей школе

Губич П.А.

(Республика Беларусь, Могилёв)

Одним из основных требований к занятию по иностранному языку являются целенаправленность, активность учащихся и многообразие использованных стимулов. Целенаправленность проявляется в достижении целей занятия через решение конкретных задач. Активность проявляется в вовлечении учащихся в речемыслительную деятельность. Многообразие использованных стимулов

вносит эффект новизны в занятие через использование наглядности и раздаточного материала (аудио и видео, различные изображения и др.). Эти требования закладывают основу построения занятия по иностранному языку [Мусаелян 2020: 39] и соответствуют такому значимому компоненту в реализации концепции качества лингвистического образования, как «личностно-ориентированная парадигма обучения» [Иванов 2008: 165].

Правильное начало занятия по английскому языку как основному иностранному в высшей школе задает нужный темп и создаёт атмосферу непринуждённого иноязычного общения. Важно заинтересовать студентов новой темой, а также вовлечь их в учебный процесс. В связи с этим, большинство учебных пособий по английскому языку включают в себя вводные секции, позволяющие правильно начать занятие.

Задания для вводной части занятия должны быть релевантными и аутентичными. Релевантность заключается в соотношении заданий из вводной части с темой занятия, а использование аутентичных материалов позволяет приблизиться к языковой среде изучаемого языка. Нередко вводные упражнения оказываются нерелевантными, что является препятствием для выстраивания последовательности занятия. Аутентичные материалы, в свою очередь, повышают интерес студентов, но лишь при условии, что они подобраны в соответствии с уровнем группы. Важно при этом максимально использовать те речевые навыки, которые выработаны у студентов в коммуникации на родном языке [Иванов 2012].

Существуют различные типы вводных упражнений. К наиболее распространённым относятся упражнения типа «*lead-in*». Упражнения данного типа содержат вводную информацию по заданной теме и являются т.н. «подводкой» к основной части занятия. Цель данных упражнений — мотивировать студентов, способствовать привлечению

внимания к данной теме, связать её с повседневной жизнью обучаемых. Такие задания нацелены на индивидуализацию обучения (на основе личного опыта, интересов и склонностей обучаемых) [Пушкарёва 2018: 271].

Рассмотрим упражнения типа «*lead-in*» на примере учебного пособия по английскому языку как основному иностранному, подготовленного Е.Н. Василенко, Е.Е. Ивановым, А.Н. Шестернёвой «English. Developing Speaking and Writing Skills» (2020) и допущенного Министерством образования Республики Беларусь для студентов учреждений высшего образования по специальности «Романо-германская филология». Пособие состоит из двух частей и включает в себя 5 разделов, в состав каждого из которых входит 15 тем. Каждый тематический раздел пособия включает упражнения на формирование и закрепление навыков и умений владения английской речью по данной теме. Все упражнения структурированы по секциям: *Lead-in, Topical vocabulary, Focus on idioms, Focus on reading, Focus on speaking, Focus on writing, Focus on listening* и *Project* [Василенко, Иванов, Шестернёва 2020].

Упражнения в секции *Lead-in* подразделяются на «условно-речевые» и «речевые». К условно-речевым относятся упражнения, направленные на тренировку языкового материала в условиях учебной коммуникации, имитирующей естественную. Речевые упражнения направлены на развитие умений говорения, аудирования, чтения и письма в ситуациях, максимально приближенных к реальным условиям, которые стимулируют самостоятельность и мотивированность обучаемого. Результат выполнения такого рода упражнений должен стимулировать у студентов готовность к неподготовленной иноязычной речи.

Одними из наиболее частотных условно-речевых упражнений в учебном пособии «English. Developing Speaking and Writing Skills» [Василенко, Иванов, Шестернёва

2020] являются упражнения типа: «согласитесь с данным утверждением», «опровергните высказывание» и др. Например: «*Agree or disagree with the quotes below and explain your point of view*» [Там же: 128], «*Agree or disagree with the following quote. Give your comment*» [Там же: 194]. Высказывания из данных упражнений, предложенные студентам, непосредственно связаны с темами занятий «*Human body: Functions*» и «*Healthcare system in Great Britain*».

Секция *Lead-in* в учебном пособии наполнена множеством речевых упражнений типа: «ответьте на вопросы и обсудите их с группой», «сравните изображения», «заполните анкету», «посмотрите видео и ответьте на вопросы», «догадайтесь о значении слов» и др. Используются упражнения игрового содержания, способствующие развитию лексических навыков. Например: «*Play a game Snowball in two groups. Name as many professions as you can. Use the topical vocabulary if necessary. Use the example*» [Там же: 8]. В данном случае перед изучением темы «*World of jobs*» студентам предлагается игровое упражнение, даётся пример выполнения упражнения (при возникновении трудностей студенты отсылаются к секции *Topical Vocabulary*, в которой представлен лексический минимум по теме). Занятие по теме «*Dangerous sports*» открывает упражнение на сопоставление изображений следующего содержания: «*a) Look at the pictures and express your feelings: are you scared? Are you interested? Are you eager to try? Or have you already tried any of the sports? b) Answer the questions and discuss the answers with your group*» [Там же: 31]. Студентам предлагается выразить своё мнение по заданной теме, поделиться собственным опытом, что способствует реализации личностно-ориентированного подхода к обучению. Тему «*Sport and Health*» открывает упражнение «*Do Health & Fitness Quiz. Will you pay attention to the results and alter your lifestyle?*» [там же: 8], которое личностно-

ориентировано и формирует мнение учащихся о новой теме в виде результата теста.

Помимо использования личностно-ориентированного подхода, вводные упражнения нацелены на укрепления межпредметных связей. Так в упражнениях «*Look at the pictures below. Which of them has not been taken in London? What makes you think so? What are the objects in the pictures?*» [Там же: 171] и «*Look at the picture. Can you recognize the street? What do you know about it? Would you consider working / living in this street?*» [Там же: 180] наряду с высказыванием личного мнения, студентам предлагается использовать знания, полученные ими из таких учебных дисциплин, как «История страны изучаемого языка» и «Страноведение». Укреплению межпредметных связей способствует упражнение «*Listen to bagpipe music. What images spring to your mind?»* [Там же: 130] в рамках темы «*Four nations, four countries*». Данное упражнение является своеобразной антиципацией к последующему тексту о культурных традициях Великобритании. В упражнении «*Look at the words in the picture. What do they mean?*» [Там же: 123] по теме «*Britain as it is*» студенты не только знакомятся со специфическим лексическим запасом британского варианта английского языка, но и развивают навыки «языковой догадки».

Помимо упражнений, направленных на развитие умений говорения, чтения и письма, в секцию *Lead-in* данного учебного пособия включены упражнения, направленные на развитие навыков аудирования. Например: «*Watch the video "What is a Disease" and answer the following questions using the topical vocabulary*» [Там же: 145]. После просмотра видео студентам предлагается ответить на вопросы, используя материал из секции *Topical Vocabulary*, в которой представлен лексический минимум по теме «Болезни».

Таким образом, роль вводных упражнений на занятиях по основному иностранному языку в высшей школе заключается в создании атмосферы непринуждённого иноязычного общения, в активизации речемыслительной деятельности студентов. Упражнения, представленные в секции *Lead-in* учебного пособия Е.Н. Василенко, Е.Е. Иванова, А.Н. Шестернёвой «English. Developing Speaking and Writing Skills» (2020) являются образцовыми с точки зрения как релевантности учебных задачам, так и требований аутентичности. Целенаправленность и многообразие использованных во вводных упражнениях стимулов повышает активность студентов на занятии по английскому языку как основному иностранному, что отвечает современным требованиям к качеству лингвистического образования.

Литература

Василенко Е.Н., Иванов Е.Е., Шестернёва А.Н. *Английский язык. Развитие навыков устной и письменной речи = English. Developing Speaking and Writing Skills: учебное пособие*: в 2 ч. Могилёв: МГУ, 2020. Ч. 1–2.

Иванов Е.Е. Качество лингвистического образования в Республике Беларусь (в аспекте межкультурной коммуникации) // *Проблемы качества образования в Белоруссии и России в контексте интеграционных процессов*: в 2 ч. М.: РАО, 2008. Ч. 1. С. 161–170.

Иванов Е.Е. Общность задач преподавания русского и иностранных языков белорусам (в аспекте межкультурной коммуникации) // *Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте*: сб. науч. ст. / под ред. Е.Е. Иванова. Могилёв: МГУ, 2012. С. 3–7.

Мусаелян И.Ф. Понятие «система упражнений» и попытки её усовершенствования в методике преподавания иностранных языков // *Современное педагогическое образование*. 2020. № 4. С. 3 –41.

Пушкарёва С.А. Индивидуальный подход как средство повышения мотивации общения на занятиях по иностранному языку // *Восточнославянские языки и литературы в европейском*

контексте — V: сб. науч. ст. / под ред. Е.Е. Иванова. Могилёв: МГУ, 2018. С. 270–272.

Negative Nancy vs Positive Polly: о проблеме отбора и методике преподавания устойчивых выражений с именем собственным в современном английском языке

Гумма О.А.

(Россия, Москва)

Современные тенденции обучения иностранному языку диктуют необходимость овладения обязательным минимумом языковых и речевых средств, требуемых для осуществления эффективной коммуникации. Однако понятие «минимума» претерпевает значительные изменения в последнее время в лингвистической науке, включая все большее количество лексических единиц, способствующих формированию и развитию иноязычной коммуникативной компетенции учащихся. В рамках изучения иностранного языка на продвинутом уровне (C1 и C2), в частности, при подготовке к международным экзаменам CAE и CPE, значительное внимание уделяется устойчивым выражениям, которые являются неотъемлемой частью знакомства с культурой страны изучаемого языка и тщательное изучение которых непосредственно влияет на развитие социокультурной компетенции студентов и выпускников вузов. В пособиях для подготовки к CPE представлены разделы *Idiom spot* и *Phrase spot*, в которых вводится до 10 идиоматических выражений в каждом разделе. Учебное пособие *English Idioms in Use (Advanced)* (Felicity O'Dell, Michael McCarthy) включает темы *Ancient Myths and history* (21) и *Literature* (23), содержащие фразеологизмы с

компонентом-антропонимом, а также задания открытого и закрытого типа на закрепление таких идиом (*answer the questions/complete each sentence with an idiom*).

Отдельный пласт фразеологии занимают устойчивые лексические единицы с компонентом-антропонимом, изучение которых является перспективным в связи с антропоцентрическим характером современной лингвистической науки и направленностью на формирование поликультурной языковой личности, способной успешно осуществлять общение на межкультурном уровне с учетом языковой и концептуальной картины миры. Роль таких устойчивых единиц обусловлена не только значительным влиянием на процесс коммуникации в целом, но и взаимодействием фразеологизмов в сознании человека, что формирует прагматический ментальный лексикон, опирающийся на перцептивный концепт [Lavrova, Nikulina 2020].

Поскольку изучение фразеологических единиц с ономастическим компонентом представляет набольшую трудность даже для студентов с высоким уровнем владения ИЯ (upper-intermediate и выше), рекомендуется уделять особое внимание таким идиомам в процессе обучения иностранному языку [Лаврова 2019]. Для этого преподавателю необходимо **определять** наличие у студентов глубоких фоновых знаний прецедентных текстов, способствующих быстрому и правильному распознаванию аллюзии к литературному герою, произведению, историческому событию, мифу и т.д., и формировать эти знания в случае их отсутствия; **отбирать** идиомы с учетом частотности их употребления, опираясь на корпусы (Oxford English Corpus, Corpus of Contemporary American English); **принимать во внимание** особенности семантики лексических единиц и, исходя из этого, делить их на лексико-семантические группы по категориальным признакам и внедрять в процесс обучения на разных этапах

для более качественного усвоения фразеологизмов; **грамотно разделять** интернациональные единицы, знакомые большинству изучающих английский язык, и уникальные (культурно-специфические) идиомы, возникшие и функционирующие в рамках одной лингвокультуры; **учитывать** проблему стереотипизации и стигматизации в обучении гендерно-маркированным фразеологическим единицам, исследовать концептуально-семантические признаки «женских» и «мужских» идиом в процессе обучения фразеологизмам такого типа; **исключать** изолированное изучение устойчивых единиц и деконтекстуализацию, предлагая современные и актуальные контексты употребления (фильмы, сериалы, книги, социальные сети) и способствуя мотивации использования идиом в речи посредством создания условий для естественной коммуникации.

Рассматривая феномен прецедентности в аспекте обучения фразеологизмам с антропонимическим компонентом, стоит упомянуть, что он непосредственно связан с явлением интертекстуальности, которая «вневременна и культурно значима» [Кузьмина 2011]. Понятие «прецедентный текст», введенное в лингвистическую науку Ю.Н. Карауловым, становится актуальным в процессе овладения такими группами единиц, как фразеологизмы с компонентом-антропонимом античного и мифологического происхождения; библеизмы с именем собственным; устойчивые единицы, содержащие имена персонажей литературных произведений и кино; бытовые фразеологические единицы (низкая степень прецедентности) [Караулов 1987].

Необходимо отметить, что наличие или отсутствие фоновых знаний коррелирует со степенью усвоения семантики антропонимического фразеологизма. Как правило, наименьшие трудности в понимании семантики ФЕ с именем собственным вызывают устойчивые выражения

мифологического происхождения. Это обусловлено тем, что данные единицы составляет часть общекультурного фонда знаний как носителей, так и не носителей английского языка: ср. *the bed of Procrustes, a Herculean task, the thread of Ariadne, a Pandora's box, to cut the Gordian knot.* Бытовые ФЕ (*Jack the Lad, aunt Sally, Jack and Jill*) и ФЕ библейского происхождения (*Naboth's vineyard, Benjamin's portion*) представляют наибольшие сложности для овладения в связи с возможной ограниченностью экстралингвистических знаний учащихся и многозначностью некоторых фразеологических антропонимов. Фразеологизмы, содержащие имена литературных персонажей и героев кинематографа (*Dolly Varden, Uriah Heep, Walter Mitty*), являются третьей по степени усвоения и распознавания группой и в среднем демонстрируют невысокие расхождения с упомянутыми выше двумя группами единиц, представляющими значительные трудности.

Вопрос отбора идиом с именем собственным непосредственно связан с лингвокультурологическим компонентом процесса овладения ИЯ, именно поэтому представляется необходимым учитывать принцип частотности в составлении списков устойчивых выражений для обучения лексической стороне речи. Так, преподавателю стоит опираться на популярные корпусы английского языка (COCA, OEC, BCET), где представлена исчерпывающая информация о контекстах и источниках употребления фразеологизма, а также представлен раздел frequency, обращая внимание на который преподавателю будет легче отбирать языковой материал.

Рассматривая интернациональные фразеологические единицы с общеизвестным широкому кругу людей прототипом антропонима, т.е. преимущественно мифологизмы (*Sisyphean labour, a sop to Cerberus, Augean stables*), следует обратить внимание на их стилистические особенности и степень «свободы» их употребления в

различных ситуациях общения. Так, преподавателем могут быть разработаны упражнения открытого типа с целью показать учащимся, что представленные идиомы могут быть использованы не только в контексте обсуждения мифов, но и в разговорном, официально-деловом, публицистическом, художественном стилях речи. В этом случае представляется возможным демонстрация наглядных контекстов употребления идиом, так как многие учащиеся являются визуалами по типу восприятия информации (опоры в виде картинок, таблиц, схем, видео, фрагменты из фильмов, где в речи героев используются фразеологизмы).

В качестве заданий учащимся могут быть предложены **cue cards**, мотивирующие к использованию фразеологических единиц в речи. Так, например, ролевая игра с четко обозначенной коммуникативной задачей будет эффективной на этапе применения (вывода в речь) в формировании лексического навыка (см. **Рис. 1**).

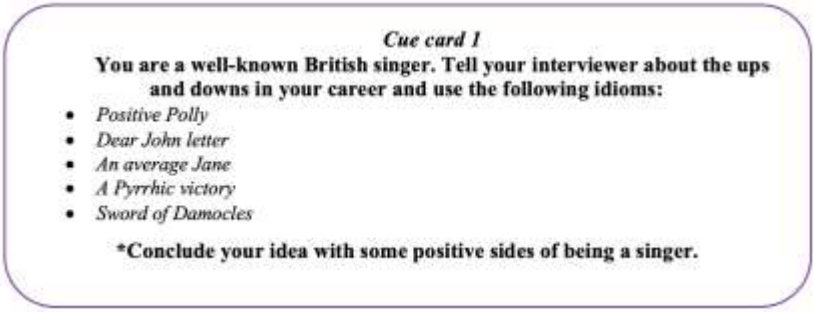

Рис. 1. Коммуникативное упражнение, содержащее ФЕ с компонентом-антропонимом

В процессе обучения идиомам с компонентом-антропонимом остро встает вопрос о гендерной стереотипизации, поэтому задания проблемного характера позволят учащимся активно выражать свои мысли посредством языка, а также реализовывать воспитательную цель в изучении ИЯ. Формулировка задания может быть

представлена следующим образом: «Read the extracts below (the material is taken from *The Guardian*) and point out the main issues raised in the text. What gender are the authors of these articles? Why do you think so? What other gender stereotypes can you name? (Here are some idioms you can use to answer the question: *Prince Charming, a Sisyphean labour, Jekyll and Hyde, an Achilles heel, Jack the Lad, weary Willie, plain Jane, negative Nancy*). Is it possible to break gender stereotypes in modern world? What should be done to make the situation better?» Студентам предлагается прочитать два аутентичных текста (*Lego still builds gender stereotypes*; *Must monsters always be male? Huge gender bias revealed in children's books*), содержащих информацию о мужских и женских стереотипах в современном обществе, а также обсудить поднятые автором вопросы и предложить возможные пути решения проблем.

Таким образом, стоит подчеркнуть, что изучение фразеологических единиц с ономастическим компонентом должно основываться не только на изучении формальных признаков, но и на детальной проработке структурно-семантических особенностей таких единиц, выявлении национально-культурных связей со страной изучаемого языка, на развитии умения «вписать» фразеологизм в определенный контекст общения. В случае недостатка или отсутствия у учащихся необходимых фоновых знаний следует обращаться к общеизвестным культурно-историческим контекстам, развивая социокультурную и социолингвистическую компетенции.

Литература

Караулов Ю. Н. *Русский язык и языковая личность.* М.: Изд-во ЛКИ, 1987.

Кузьмина Н.А. *Интертекстуальность и прецедентность как базовые когнитивные категории медиадискурса* // Электронный научный

журнал «Медиаскоп». Выпуск №1. 2011. Режим доступа: http://www.mediascope.ru/node/755
Lavrova, N. A. (2019). *The principled eclecticism approach to teaching English and its integration*
into the Russian system of education // Perspektivy nauki i obrazovania — Perspectives of Science and Education. 2019. T. 39. № 3. C. 423–431.
Lavrova N.A., Nikulina E.A. *Predictors of correct interpretation of English and Bulgarian idioms by Russian speakers //* Russian Journal of Linguistics. 2020. T. 24. № 4. C. 831–857.

Юмор в контексте диалога культур

Гуревич Т.М.

(Россия, Москва)

> Там, где один смеется, другой смеяться не будет. Причина этого может крыться в условиях исторического, социального, национального и личного порядка. Каждая эпоха и каждый народ обладает особым, специфичным для них чувством юмора и комического, которые иногда непонятны и недоступны для других эпох.
>
> *Пропп В.Я.*

Мы все являемся свидетелями того, как в последнее время всё больше повышается степень агрессии во многих сферах не только в каждой отдельно взятой стране, но и при общении представителей разных стран, различных культур. Несомненно, что необходимой и вполне естественной причиной возникновения симпатии и взаимопонимания является число успешных и эмоционально положительно окрашенных контактов между людьми, а сейчас ощущается явная нехватка отношений, основанных на проверенном временем доброжелательном расположении друг к другу. Важным элементом для создания положительного

отношения к партнеру является формирование межличностной аттракции, одним из важных элементов которой является адекватное восприятие элементов гелотогенной культуры, в условиях которой вырос этот человек. Смех и на Западе, и на Востоке всегда считался одной из основных черт, присущих человеку. Определение, данное монахом-бенедиктинцем из Санкт-Галленского монастыря Ноткером Немецким (950–1022): Homo est animal rationale mortale risus capax — «Человек есть существо разумное, смертное, способное смеяться», восходит к Аристотелю, утверждавшему, что «из всех живых существ только человеку свойственен смех».

Казалось бы, что именно смех способен помочь людям лучше понять друг друга, но отнюдь не всегда одно и то же явление или какой-то факт является поводом для смеха у двух разных людей. Тем более можно предположить наличие определенных трудностей в выстраивании гелотогенной коммуникации между представителями разных культур или разных социальных групп.

Ярким примером того, к чему может привести разное понимание смешного, является прошумевшая на весь мир коллизия с публикацией карикатуры на пророка Мухаммеда французским литературно-художественным еженедельным журналом политической сатиры Charlie Hebdo.

Для того, чтобы избежать подобных конфликтов и найти пути к взаимопониманию необходимо выяснить, как реагируют люди той или иной культуры на разные жизненные ситуации, что их веселит, а что вызывает неприятие и раздражение.

Нередко высказывание, в котором его автор видит лишь невинную шутку, не только не вызывает положительные эмоции того, кому эта шутка адресована, но и воспринимается им как акт агрессии, так как последний может увидеть в ней унижение и надругательство. Надо осознавать, что и у отдельно взятого человека, и у каждого

народа есть дорогие и святые для него вещи, шутки над которыми воспринимаются враждебно, как злонамеренное оскорбление. «Добродушие» японского юмора можно объяснить специфической деликатностью речевого поведения японцев — они всегда озабочены тем, чтобы не обидеть собеседника, позволить ему «сохранить лицо». Довольно давно вошедшее в их активный словарь слово «юмор» японцы употребляют, описывая ситуации, которые европейцы назвали бы не юмористическими, а комическими. Порожденный игрой ума язвительный и саркастический европейский юмор японцами воспринимается с трудом и зачастую они вежливо улыбаются, услышав нашу шутку, только потому, что люди вокруг смеются.

Моментов, которые, будучи смешными для нас, могут обидеть японцев, довольно немного, и они касаются, в основном, божественного происхождения императора. Себе же его подданные порой позволяют весьма нелицеприятные высказывания и шутки по поводу, например, ситуации в семье английского королевского дома в связи с появлением там Меган Маркл. Необходимо отметить, что в целом для речевого поведения японцев юмор не характерен. Они категорически не позволяют себе шутить и не воспринимают шутки иностранных партнеров, находясь в деловой обстановке, но много смеются, снимая стресс и позволяя себе расслабиться после работы, на очень принятых у них корпоративных вечеринках. Впрочем, иностранным партнерам надо воздержаться и, придя в определенное состояние, во время дружеского застолья с японцами не петь «летели наземь самураи под напором стали и огня», даже если внешний вид сотрапезников вызывает именно такие слова.

Очень часто то, над чем смеются японцы, то, что воспринимается ими как вполне нормальный юмор, кажется, например, европейцам пошлым, глуповатым и не смешным. Дело в том, например, что в национальной японской религии

синто, не табуировано (в отличие от христианства) всё, что имеет сексуальную окрашенность и мотивировку, поэтому японцы часто и непринужденно шутят именно о половых органах и сексе вообще. Эта на первый взгляд невинная привычка несколько лет назад возмутила монголов и привела к международному скандалу, в результате которого издатели японского юмористического журнала Coro Coro Comics были вынуждены принести официальные извинения посольству Монголии.

Конфликт был спровоцирован выходом выпуска этого журнала, в котором было помещено изображение Чингисхана с карикатурным фаллосом на лбу. Увидевшие этот журнал монголы сочли картинку оскорбительной и непростительной. В Токио около сотни монголов, проживающих в Японии, собрались у офиса издательства журнала, чтобы выразить свой протест. Дело в том, что японский юмор очень часто основывается на языковой игре, а богатство графических, лексико-грамматических, а в этом конкретном случае, и фонетических средств японского языка создают поистине неисчерпаемые возможности для юмора. По-японски «Чингисхан» пишется как «тингису хаан». Авторы картинки решили пошутить над тем, что «тингису» начинается так же, как сленговое слово «тин-тин», что в переводе означает «фаллос». В результате повтора первого слога получается «Тин-тин гисухаан». Для усиления комического эффекта на лбу основателя Монгольской империи разместили карикатурное изображение мужских гениталий.

Асасёрю Акинори — бывший профессиональный борец сумо, очень старого и популярного национального японского вида спорта, первый боец из Монголии, достигший высшего в сумо ранга — ёкодзуна, опубликовав картинку из этого журнала в своём твиттере, сопроводил её негодующей надписью: «Насмехаетесь над предками! Японцы без чести! Непростительно! Приносите извинения!». Если учитывать,

что именно «монголов в сумо сегодня больше, чем иностранцев из всех других стран, вместе взятых» [Иванов 2021: 231], и они играют весьма значительную роль в сумо XXI века, этот скандал имел серьёзный резонанс и в Японии, и в Монголии, где монгольские сумоисты пользуются большим уважением и очень популярны.

Люди, привыкшие считать, что согласно утверждению Ницше «смеяться — значит злорадствовать и не испытывать при этом угрызений совести» [Ницше, 2003: 186], не осознают и не в состоянии почувствовать, что в юморе другого человека может не быть язвительности, сарказма, грубости или враждебности. Японцы же любят просто посмеяться над двусмысленностью, возможностью понять что-то двояко, используя богатый потенциал японской языковой игры.

В современном обществе потребления у людей всё больше стала проявляться склонность к саморекламе, к хайпу, что можно заметить не только в соцсетях, но и в том, какие и как подаются шутки, которые становятся способом борьбы за внимание. Японцы же всегда избегали посторонних взглядов, стремились уйти от излишнего внимания окружающих. Похоже, эта тенденция продолжает оставаться и сейчас. Во всяком случае, японские шутки не являются проявлением собственной индивидуальности, инструментом привлечения к себе внимания, способом самоутверждения.

Впрочем, и в Японии не все и не всегда готовы посмеяться над тем, что «просто смешно». Весной этого года был уволен креативный директор Олимпиады Сасаки Хироси, предложивший идею во время церемонии открытия Игр на арену стадиона сбросить с парашютом известную пышными формами популярную японскую актрису-комика Ватанабэ Наоми, которая, по его замыслу, должна была спуститься с небес в образе «Олим-пиг» или олимпийской свинки. В его добродушных намерениях явно

просматривается присущая японцам любовь к языковой игре, в которую он, похоже, хотел вовлечь и владеющих английским языком: по-японски «олимпик» звучит как «оримпикку», что благодаря небольшой фонетической трансформации превращается в «оримпиггу», то есть Olympic pig для понимающих английский в японской транскрипции. Возможно, Сасаки Хироси предполагал вызвать ещё и ассоциацию с английской шутливой поговоркой pigs might fly — «бывает, и поросята летают». Получилась бы очень милая языковая шутка в японском стиле, основанная на двух языках. Но это предложение креативного директора было расценено как пример издевательства над женщинами, а его автор лишился своей должности. Осмелюсь предположить, что этого могло бы и не произойти, если бы креативная идея обсуждалась только японцами.

Литература

Гуревич Т.М. Японский HOMO RIDENS // *Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2017. № 1. С. 62—73.

Иванов О.В. *Знакомьтесь: сумо*. М.: ИД «Научная библиотека», 2021.

Ницше Ф. *Веселая наука*. М.: Наука, 2003.

Пропп В.Я. *Проблемы комизма и смеха*. СПб.: Алтейя, 1997.

Рыбин В.В. *Фонетика японского языка*. СПб.: 2013.

К вопросу о роли лексических прагматических маркеров в формировании образа «чужого» в период пандемии коронавируса (на материале американских СМИ)

Давтянц И.И.

(Россия, Ростов-на-Дону)

В современном мире, который оказался не готов к такому глобальному вызову как пандемия, как никогда обострились международные отношения. Страх, вызванный новой коронавирусной инфекцией, усилил антимиграционные настроения и недоверие к иностранцам, которых традиционно «принято» винить во всех бедах. Большинство стран закрыло свои границы, чтобы в прямом смысле защититься от беды, которая может прийти извне. При этом, СМИ, будучи основным источником информации, не столько сообщают о происходящих событиях, сколько способствуют обострению ситуации с целью привлечения более многочисленной аудитории. В настоящее время не вызывает сомнения тот факт, что именно СМИ оказывают большое влияние на формирование общественного мнения об иностранцах и таким образом поддерживают существующие стереотипы образа «чужого».

Особую значимость бинарная семантическая оппозиция «свой»-«чужой» приобрела в последние годы в США. Противостояние демократов и республиканцев, деятельность общественного протестного движения Black Lives Matter, борьба с пандемией коронавируса, ухудшение отношений с Россией и Китаем, вывод войск из Афганистана — все это нашло свое отражение в американской прессе, где для формирования образа «чужого» нередко прибегают к использованию лексических прагматических маркеров. Как справедливо отмечает Абкадырова И.Р., специфика изучения

оппозиции свой/чужой заключается именно в том, что "…её [оппозиции] компоненты выявляются в семантическом пространстве языка." [Абкадырова, И. Р. 2016: 26]

Следует отметить, что термин лексический прагматический маркер многими исследователями трактуется по-разному. Так Брюс Фрейзер рассматривает прагматические маркеры как широкий класс единиц, которые «…являются лингвистически закодированными подсказками, которые сигнализируют о потенциальных коммуникативных намерениях говорящего» [цит.по Обвинцева О. В. 2020: 129] и могут быть разделены на определенные подклассы. В качестве одного из подклассов он выделяет дискурсивные маркеры (коннекторы). Питер Фурко также рассматривает данный термин, как обобщающий для широкого ряда лингвистических единиц, которые как правило не меняют пропозициональное значение самого высказывания, но важны для организации и структурирования дискурса, а также для выражения отношения адресанта к содержанию высказывания и для облегчения понимания этого отношения адресатом» [Furko P. 2017: 2]

В более узком понимании прагматические маркеры также называются прагматическими частицами / выражениями / модификаторами, индексом иллокутивного воздействия, которые указывая на отношение говорящего к содержанию высказывания, не выступают в роли коннекторов. В нашей работе вслед за Е.А. Горло под *лексическими прагматическими маркерами* (ЛПМ) понимаются «лексические единицы-носители прагматического значения, то есть такие лексические единицы, которые отражают различные параметры позиционирования субъекта отправителя по отношению к отображаемым событиям, сущностям и / или к получателю» [Горло Е.А. 2013: 76].

Что касается ЛПМ, отражающих оппозицию «свой»- «чужой», то они активно используются представителями американских СМИ. Учитывая тот факт, что оппозиция «свой»- «чужой» может проявлять себя в самых разных сферах жизни общества, сосредоточим свое внимание на проблеме миграции через образ «чужого» в американских СМИ. Касаясь данной проблематики, представляется целесообразным в первую очередь рассмотреть отношения американских СМИ к той острой ситуации, которая сложилась на границе Мексики и США. Материалом для исследования послужили электронные статьи известных американских новостных каналов CNN и Fox News преимущественно за июль и август 2021г.

Как видно из фактологического материала, пограничные службы не справляются с тем потоком мигрантов, который пытается нелегально попасть в штаты. Многие мигранты, пользуясь послаблениями в законе, которые ввел Джо Байден, вновь и вновь штурмуют границу. Такие лексические прагматические маркеры (ЛПМ), как “**unprecedented** number”, “**illegally**”, “the **flow of migrants** (CNN), “**419% spike** in illegal border crossings” (Fox News), способствуют формированию негативного отношения к этому потоку, который как стихийное бедствие может снести все на своем пути.

Примечательно, что акценты, которые явно прослеживаются в представлении информации, в тех или иных американских СМИ значительно разнятся. Если в новостях, представленных CNN, во главу угла ставятся лишения, которые испытывают выходцы из Латинской Америки, которых зачастую называют “**asylum seekers”, “refugees”**, подчеркивая неопределенность и шаткость их бесправного положения, то для Fox News это скорее угроза, которую они несут для США. Опираясь на проведенное исследование, информацию, связанную с миграцией и описываемую в СМИ, можно разделить на несколько

тематических групп в зависимости от доминирующей проблематики. Для каждой тематической группы характерно использование специфических ЛПМ, обладающих тем или иным *прагматическим потенциалом*, под которым мы вслед за Карповской Н.В. понимаем "не только возможность актуализации в речи категориальных значений, присущих языковым единицам как элементам языковой системы, но и тех импликатур, которые могут проявиться при взаимодействии языка с речевой средой и способствовать достижению определенного прагматического эффекта.» [Карповская Н.В. 2014: 26]

Так при описании *ситуации на границе* в CNN высокой частичностью используются ЛПМ тяжелых условий, в которых мигранты пребывают, находясь под арестом на границе: " **dangerous conditions**", "in **squalid conditions**", "under **the threat of extortion, sexual assault**", "**overcrowded** facilities". Особое внимание уделяется детям, которые содержатся в ужасных условиях и разлучены с родителями: "**sleeping on the ground**", "**individual state of panic**".

В Fox News ситуация представлена под другим углом, где граница сравнивается с *последней линией защиты*, в бреши которой стремятся проникнуть террористы. Явно прослеживается *критика политики Д. Байдена*: "…if **our border is our first line of defense**, we're going **to lose** and this is **unsustainable**", "The **concern** about **who is trying** to enter the U.S.".

При этом политика Д. Байдена в отношении мигрантов расценивается CNN скорее положительно, чем отрицательно и характеризуется следующими ЛПМ: "**compassion**", " **less hostile**", "**a more humane vision**", тогда как политика Д.Трампа критикуется, как курс, который "has detained children for the **act of seeking safety**."

В отличии от CNN, где описывались лишения и *причины*, толкающие людей на миграцию ("**decimated economies", "extreme weather events and violence**", "**verge of**

starvation", "**desperate circumstances**"), в Fox News в большей степени уделяют внимание *катастрофическим последствиям*, которые влечет за собой "лояльная" политика Д. Байдена: "**calamities**", "**the mother of all epic fails**", "**mega-catastrophe**", "**immigration superhighway**", "**impending threats** at the **doorstep of our homeland**". В Fox News Д.Байдена практически обвиняют в пособничестве терроризму и наркоторговле: "**enabling war criminals to resume their terrorism**", "has **fueled a "devastating" flow in the deadly drug fentanyl**".

Говоря о миграции, невозможно обойти вниманием *проблему коронавируса*. В Fox News открытие Д.Байданом границ связывают с последующим *распространением коронавируса* по территории США: "**And now, as a result**… our **fellow citizens are getting sick**".

В то же время CNN при помощи ЛПМ акцентирует наше внимание на бедах, которые мигранты испытали и испытывают из-за ковида, ведь их делают *козлами отпущения*, обвиняя во всех грехах: "…**attempt to scapegoat immigrants**… as **being somehow to blame** for the resurgent pandemic". При этом оправдывается даже нежелание латиноамериканского сообщества вакцинироваться: "a **legitimate historic fear of being treated like guinea pigs**".

CNN указывает на то, что политика Д.Трампа (**"zero-tolerance" policy)** нарушала права мигрантов, как людей, причем дискриминации подвергались и те выходцы из стран Латинской Америки, которые уже являются гражданами США ("**systemic racism", "inequities**", "**biases deeply imbedded in the system**"). Fox News же называет мигрантов "**criminal illegal aliens**" и указывает на то, что они представляют собой "**serious threat to public safety**".

Не случайно Д. Трампа обвиняют в «демонизации» мигрантов и эмигрантов. В своих выступлениях он связывает с латиноамериканцами следующие стереотипы: это преступники, наркоторговцы, бедняки, убийцы, беженцы. В

свою очередь, Д. Байдан, осознавая прагматический потенциал термина **"alien" / "illegal alien"** отказывается от него в пользу **"undocumented individual" / "undocumented noncitizen"** "…since the long-standing **use of "alien"**… has been effectively used to **dehumanize** not only the undocumented, but actual American citizens." (CNN)

Как видно из проведенного исследования, два канала новостей, CNN и Fox News, поддерживающие две борющиеся партии, сознательно представляют одни и те же факты по-разному. При этом ЛПМ, которые сигнализируют нам об отношение субъекта отправителя к отображаемым событиям, широко используются американскими СМИ для формирования нужного мнения аудитории. Большое влияние на выбор того или иного лексического прагматического маркера оказывает его потенциал в плане эффективности воздействия на адресата.

Литература

Абкадырова И. Р. *Слова-реалии и их роль в процессе актуализации и моделирования мексиканского национального коммуникативного стиля (на материале современной прозы)*: *диссертация* ... кандидата Филологических наук: 10.02.05 [Место защиты: ФГБОУ ВО Воронежский государственный университет], 2016.- 227 с.

Горло Е. А. *К вопросу о лексических прагматических маркерах //* Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (25): в 2-х ч. Ч. II. С. 75-78

Карповская Н.В. *Прагматический потенциал языковых единиц в свете детерминации переводческих решений (на материале испанского языка): монография* / Н.В. Карповская. — 2-е издание. — ЮФУ. — Ростов-на-Дону: Издательство ЮФУ, 2014. — 208 с.

Обвинцева О. В. *Прагматические маркеры в англоязычном предвыборном дискурсе (на примере выступлений кандидатов на пост лидера Консервативной партии Великобритании)* / О. В. Обвинцева, Д. В. Питолин, Т. О. Обвинцева // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 124—140

Furko P. *Manipulative uses of pragmatic markers in political discourse* // Palgrave Communications. — 2017. — Vol. 3. — Article number 17054

Проблемы передачи реалий общественно-политической жизни в переводе

Джиоева В.П.

(Республика Южная Осетия, Цхинвал)

Проблемы перевода общественно-политической лексики, в частности особенности перевода единиц между разноструктурными языками, являются актуальными ввиду значимости языка общественно-политической сферы для функционирования системы государственной власти. Для перевода общественно-политической лексики с английского языка на осетинский применяются такие переводческие приёмы, как: транскрипция (воспроизведение не внешнего облика языковой единицы, а его звукового облика) или транслитерация (перевод иностранного слова, в данном случае, на осетинский язык путем воссоздания его графической формы); поиск эквивалента в языке перевода [Комиссаров 2001: 57]; калькирование; описательный перевод [Казакова 2001: 36], а также лексические и грамматические трансформации.

Слово, являющееся однозначным в исходном (к примеру, в английском) языке, может быть передано на язык перевода различными словами, например: *direct drive* ‘комкоммæ бастдзинад**’ (непосредственный привод); *direct tax* ‘комкоммæ** хъалон**’ (прямой налог); *direct coupling* ‘фæ**дылон баиугонд**’ (последовательное соединение’); *direct marketing* ‘с**ærмагонд маркетинг**’ (персонализированный маркетинг) [**https://www.gibraltar.gov.gi**]. Глагол *to recognize* на английском языке в большинстве случаев передает значение ‘базонын, растыл банымайын’ (узнать, признать) [**https://www.dictionary.com/browse/recognize**]. На осетинском языке диапазон контекстуальных значений**

этого глагола значительно шире и богаче, например: ***to recognize loyalty*** **‘**ænувыддзинадæн аргъ кæнын**’ (ценить преданность);** ***to recognize written characters*** **‘фыстытæ** равзарын**’ (распознавать письменные символы);** ***to recognize products*** **‘продукттæ** æсхорзæхджын кæнын**’ (отдавать должное, отмечать призами продукцию);** ***to*** *recognize officially* ‘æцæгыл банымайын’ **(**признавать**);** ***to*** *recognize record* ‘рекорд банымайын’ **(**засчитать рекорд**).** Таким образом, выбор адекватного перевода английского слова зависит от комбинации, в которую данное слово попадает с другим, или от расширенного контекста.

Особого внимания требуют многозначные слова, занимающие значительную часть лексического состава английского языка. Каждое многозначное слово имеет несколько соответствий в осетинском языке, нередко совершенно отличных друг от друга не только в лексическом, но и в синтаксическом плане. Переводя многозначное слово, переводчик отбирает все возможные способы перевода, а потом уже старается выбрать наиболее подходящий по контексту.

Многозначные слова доставляют серьезные неудобства при передаче на другой язык, и достоверность переведенного текста и правильность перевода зависят от компетентности и опытности переводящего: *the Bar* ‘цæвиттон, ныхдур, къæбæл, адвокатты коллеги’ (стандарт, барьер, стержень, коллегия адвокатов); *credit* ‘æууæнк, ном, бавæрд, архайджыты номхыгъд, бахыгъд, кредит’ (доверие, репутация, заслуга, список участников, зачет, кредит); *partisan* ‘партизан, фанатик, партийы минæвар’ (партизан, фанатик, сторонник партии); *justice* ‘рæстдзинад, барад’ (справедливость, правосудие, юстиция); *office* ‘бынат, хæслæвæрд, офис, куыст, дин, нысан’ (пост, должность, долг, офис, служа, обряд, знак); *actor* ‘артист, удгоймаг, бæрнлæг’ (актер, актор, личность, деятель); *customs* ‘дины æгъдæуттæ, илци, таможнæ’ (обычаи, пошлины, таможенное управление)

[https://www.gibraltar.gov.gi]. К примеру, рассмотрим употребление многозначного слова *back* в следующих контекстах: to kick-start back ‘йæхи бынатмæ æркæнын, сæндидзын кæнын’ (вернуть в нормальное русло); to bounce back ‘химæ æрцæуын’ (оправиться); to be backed ‘ныфсджын æсуын’ (получить гарантии); on the back of the guarantee ‘гарантийы æддыйæ’ (в дополнение к гарантии); on the collective political back ‘алкæмæй дæр æмткæй раппæлын’ (по общему политическому плечу; похвалить, поощрить) [https://www.gibraltar.gov.gi].

В следующем примере *on the back* возможно передать как ‘гарантийы æддыйæ’ (помимо, в дополнение к гарантии). Стилистический прием лексического повтора *EXACTLY… EXACTLY* помогает выделить значимость данного события для оратора и для аудитории, которой предназначена информация:

But right now, to have this facility ***on the back*** *of the guarantee we have secured, is EXACTLY what we needed and EXACTLY the confidence that our economy needed to see objectively ascribed to us.* ‘Фælæ еныр ацы бадзырды æрфыст Хицауадæй æххуысы гарантийы **æддыйæ** тынг цы хъуыд нæ фæстауæрцы, уый у’ (Но в данный момент подписание этого договора **в дополнение** к господдержке, которую мы получили, это именно то, в чем мы нуждались, именно эта гарантия была нужна нашей экономике) [https://www.gibraltar.gov.gi].

Использование слова *back* как существительного ‘фæсонтæ’ (спина) в переносном значении помогает распознать контекстуальное значение в соответствии с коммуникативной интенцией адресанта политики. В данном контексте *a slap* ***on*** *the* ***political back*** целесообразно перевести как фразеологизм *фæсонтæ æрхойын* (похлопать по спине) в значении ‘поблагодарить, похвалить’, что отвечает нормам языка перевода и позволяет в полной мере

вникнуть в эмоциональное состояние оратора и воспринять доносимую им информацию:

Given the state of international politics this day, we should permit ourselves a momentary slap ***on*** *the collective* ***political back*** *of this place for having had the ability and foresight to permit agreement to breakout when our nation has most needed it.* ‘Абоны æхсæнадæмон политикон уавæрмæ кæсгæйæ, махæн нæ бон у не ‘ппæты **фæсонтæ** дæр **æрхойæм,** кæй бамбæрстам рæстæгыл ацы бадзырд æрфыссын кæй хъæуы, уый’ (Учитывая состояние международной политики на сегодняшний день, мы можем позволить себе **похлопать** себя по **спине** за то, что мы проявили способность и дальновидность, подписав это соглашение в тот момент, когда наш народ нуждается в нем больше, чем когда-либо) [https://www.gibraltar.gov.gi].

Еще одной причиной ошибок и проблем перевода является несовпадение форм единственного и множественного числа в исходном языке и языке перевода. При этом значение слов меняется в зависимости от грамматической формы, например: *business/businesses* ‘бизнес, хъуыддаг/куыстуæттæ’ (бизнес, дело/предприятия); *money/monies* ‘æхца/æхцайы фæрæзтæ’ (деньги/денежные средства, суммы денег).

Единицы общественно-политической лексики, образованные аффиксальным способом, переводятся на осетинский язык при помощи одно-, двух- и многокомпонентных единиц, например: ***de****militarization* ‘демилитаризаци’ (демилитаризация, разоружение); ***de****globalization* ‘деглобализация’ (деглобализация); *nomin****ee*** ‘заказгæнæг, кандидат’ (номинант, претендент, кандидатура); *train****ee*** ‘практикант, стажер, ахуыргæнинаг’ (практикант, стажер, участник учебных мероприятий); *address****ee*** ‘адресат, райсæг’ (адресат, получатель); ***re****affirm* ‘ногæй æздзурын, ногæй фæдзæхсын’ (заявлять повторно, вновь подтвердить); ***re****consider* ‘ногæй æркæсын’ (пересматривать); ***re****assess*

‘ногæй саргъ кæнын’ (подвергать переоценке) (префикс ***re-*** передает повторное действие, пересмотр; на осетинский переводится посредством наречия ‘ногæй’); ***de****preciate* ‘аргъ фæкъаддæр кæнын’ (уменьшать ценность, обесцениваться).

Нередко устойчивые выражения требуют нейтрального, описательного перевода ввиду отсутствия соответствия в языке перевода, например: *Councilmember Melton also expressed their desire to serve politically from a young age, relaying a* ***“If not me, then who?” mentality*** *pushing him to run for Raleigh City Council in 2019* <…> ‘Æмбырды Уæнг Мелтон дæр æнувыддзинад равдыста политик суæвынмæ æвзонгæй фæстæмæ, **“мæнæй хуыздæр ничи æсарæхсдзæн” зæгъгæ**, хъуыды гæнгæйæ, æмæ Балийы Горæты Æмбырды уæнг ссис 2019 азы <…>’ (Член Совета Мелтон также выразил готовность служить в политике с раннего возраста, основываясь на **убеждении, что никто не сможет это делать лучше, чем он**’, что и побудило его баллотироваться в Городской Совет Бали в 2019 году <…>) [https://www.gibraltar.gov.gi].

Для полноценной и адекватной передачи общественно-политических реалий при переводе необходимо не только владеть языковыми навыками в исходном языке и языке перевода, но и принимать во внимание особенности менталитета, социальной организации той этнической общности, язык которой выступает инструментом коммуникации в общественно-политической сфере.

Литература

Казакова, Т. А. *Теория перевода*: (Лингвистические аспекты) / Т. А. Казакова.– СПб., 2001. — 320 с.

Комиссаров, В. Н. *Современное переводоведение*: учеб. Пособие / В. Н. Комиссаров — М.: Учебное пособие. ЭТС, 2001. — 424 с.

https://www.gibraltar.gov.gi [Электронный ресурс] Дата обращения: 16.12.2020

https://www.dictionary.com/browse/recognize [Электронный ресурс] Дата обращения: 19.12.2020

Сохранение идиостиля поэта в условиях эмиграции (на примере произведений Мануэля Альтолагирре)[2]

Дружков Я.М.

(Россия, Москва)

Мануэль Альтолагирре (Manuel Altolaguirre, 1905–1959) входит в число испанских поэтов Поколения 27 года (Generación del 27), многие из которых были вынуждены эмигрировать по причине Гражданской войны (1936–1939), преимущественно в страны Латинской Америки. Учитывая рост интереса к местным вариантам испанского языка в тот период [Catálogo de las lenguas indígenas nacionales, 2009], эмиграция из Испании стала одним из факторов взаимодействия двух культурных систем — испанской («пиренейской») и латиноамериканской.

Определяя идиостиль поэта как идиолект, отраженный в художественном тексте, представляется возможность установить алгоритм его сохранения (или трансформации) в условиях эмиграции.

Мануэль Альтолагирре родился юге Испании, в Малаге. Среди поэтов Поколения 27 года, наряду с Эмилио Прадосом (Emilio Prados, 1899–1962) и Хосе Марию Инохосой (José María Hinojosa, 1904-1936), Мануэля Альтолагирре относят к группе так называемых «малых поэтов» («poetas menores»). По мере появления новых исследований биографий и творчества этих поэтов, от подобной классификации все чаще отказываются [Díez de Revenga 2020: 42].

[2] *Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19–18–00429) в Институте языкознания РАН.*

Миграционная траектория Мануэля Альтолагирре, в отличие от большинства поэтов-эмигрантов его времени, весьма неравномерна и состоит из нескольких этапов. Перед тем как окончательно эмигрировать в Латинскую Америку в 1939, с 23-х лет он путешествует по странам Европы, живет в Англии и на Кубе.

Прежде всего необходимо сказать о его поэзии до эмиграции. Для Мануэля Альтолагирре поэзия — это не индивидуальный, а коллективный опыт, как говорят об этом Мачадо и Алейсандре [Llorente 1996: 166]. Это диалог между поэтом и остальным человечеством. Такое отношение к собственному творчеству прослеживается во всех его произведениях, вне зависимости от того, где они были написаны. Об этом свидетельствуют и постоянно появляющиеся риторические вопросы, и формы императива: *(...)* ***¿Volver al centro del alma? / ¿Romper espejos? ¿Pedir, / pedir a gritos la noche? / No mires*** *atrás, no mires. /* ***Mira*** *al sol y a las estrellas* (1959); Вернуться в центр души**?** / Разбить зеркала**?** Просить, / просить, крича, наступления ночи**?** / **Не оглядывайся, не смотри** / **Посмотри** на солнце и звезды (здесь и далее подстрочный пер. наш — Я.Д.).

Отмечают также определенную религиозность его поэтики и подражание Хуану де ла Крусу. В отличие от Эрнестины де Чампурсин, в чьем идиостиле явно наблюдается переход к личному религиозному переживанию в эмиграции [Uratsun 2008], данная черта была замечена в творчестве Мануэля Альтолагирре еще в его ранней поэзии [Díez de Revenga 2020: 56].

Лексически о его эмиграции говорит разве что редкое упоминание Мексиканских топонимов и типичная для поэтов-эмигрантов Поколения 27 года ностальгическое и печальное упоминание утраченной Испании: *No del oculto cristalino riego, / árboles del solar de* ***Ixtapalapa****, / encontraron frescor. Bajo la capa / de tierra fértil encontraron fuego.* (1955); не от скрытого кристального полива, / Деревья солнечной

Икстапалапы, / обрели прохладу. Под слоем / плодородной земли они нашли огонь. *Pero allí está, como un reptil, inmóvil: / es la tierra de nadie, **de mi España***; Но вот она, подобна рептилии, неподвижна: / ничья земля, **земля моей Испании**. (La tierra de nadie 1939).

Заметен переход от простой любовной лирики и природных метафор к экзистенциальным темам: *Cuando volví de acompañarte, / en el lugar de nuestro encuentro / me vi aislado, hecho luz;* когда я вернулся, проводив тебя, / на месте нашей встречи / я почувствовал себя одиноким, стал светом. (Historias fuera de mí, 1926); *Sólo sé que estoy en mí / y nunca sabré quién soy, / tampoco sé adónde voy / ni hasta cuándo estaré aquí* (1936): Я знаю только, что я в себе / и я никогда не узнаю, кто я, / и я не знаю, куда я иду / или как долго я здесь буду.

В плане жанра все его произведения можно отнести к романтизму. Авангардные формы встречаются лишь на заре его поэтического творчества (*El aliento del hombre empaña al río / y la mujer no existe, sólo lanas / por donde asoman caras femeninas. / **El perro lobo salta los maderos***; Дыхание мужчины обволакивает реку / и женщины не существует, только шерстяные клубки / средь которых выглядывают женские лица. / Собака-волк прыгает через брёвна).

В формате наблюдается переход от коротких стихотворений, часто в одну строфу, к более объемным и классическим форматам, вроде сонетов, романсов и других, содержащих классическую строфу «арте майор», что продиктовано тематикой и подтверждается его подражанием Хуану де ла Крусу: *(…) No es culminación lo que lamento. / Su culminar no causa la partida, / la causará, tal vez, su acabamiento.* (Fin de un amor, 1949).

В эмиграции поэтические приемы становятся еще более «традиционными»; значительно реже встречается несобственно-прямая речь, меньше односоставных предложений, образы становятся лаконичнее и менее

парадоксальными. Все чаще поэт прибегает к длинным синонимическим рядам, повторам, все чаще встречаются параллелизмы и анафоры: ***No hay muerte*** *ni principios. /* ***Sólo hay un mar*** *donde* ***estuvimos*** *y* ***estaremos****, /* ***un mar*** *de peces que son como nosotros, /* ***que vuelan cuando nacen****, /* ***que se hunden cuando mueren*** *(...)* (No hay muerte, 1946); **нет смерти** и нет начала. / Есть только **море**, где мы **были** и **будем**, / **Море** рыб, похожих на нас, / **Которые летают, когда рождаются**, / **Которые тонут, когда умирают** (...).

Можно сказать, что именно душевное состояние определяет тематическую связность произведений и, в конечном счете, обозначает мотивы и образы в разных сборниках, превращая всю лирику Мануэля Альтолагирре в автобиографию.

В этом смысле сложно представить эмиграцию Мануэля Альтолагирре и его взаимодействие с новыми культурными системами как основной фактор трансформации его идиостиля. Можно утверждать, что относительно экзистенциальная глубина его произведений позволяет поэту создать собственный языковой образ, не лишенный индивидуальности, но в то же время, не подверженный внешним неязыковым влияниям.

Такой способ сохранения идиостиля можно объяснить отсутствием необходимости в языковой рефлексии, которая заметна у других испанских поэтов-эмигрантов его времени. Кроме того, этому способствует и многочастная эмиграция поэта, а, следовательно, и невозможность основательной культурной аккомодации в относительно короткие сроки.

Литература

González del Pozo J. *El ser humano ante la soledad moderna en la poesía de Manuel Altolaguirre*. Alpha (Osorno), (41), 2015, pp. 235-249.

Llorente C. El pensamiento poético de Manuel Altolaguirre. Lenguaje y textos, 1996, 8, pp. 163-171.

Uratsun R. *Ernestina de Champourcín: una voz diferente en la Generación del 27*. Universidad de Navarra Hipertexto 7 Invierno 2008, pp. 18-37.
Díez de Revenga F.J. *La poesía de Manuel Altolaguirre, de principio a fin*. Anales de Literatura Española, núm. 33, 2020, pp. 41-64

Функции многоязычия в кино

Духовная Т.В.
(Россия, Краснодар)

Растущая тенденция к использованию многоязычия в кино является реакцией на все более глобализирующийся мир. Многоязычие в кино способно точно отражать социальные процессы, происходящие в обществе. Под многоязычным фильмом мы понимаем любой аудиовизуальный текст (сериал, художественный фильм, короткометражный фильм, документальный фильм и т.д.), содержащий дискурс на более, чем одном (живом, мертвом или искусственном) языке. К. О'Салливан классифицирует репрезентацию многоязычия в фильмах по шкале от «гомогенизации» (от греч. *ὁμογενής* – однородный) до «автоматического сопоставления» в зависимости от того, насколько аутентично в них представлены языки. Однако редко встречаются фильмы, абсолютно соответствующие этим двум категориям. Например, даже фильмы, в которых используют английский язык для иллюстрации диалога не англоговорящих персонажей в неанглоязычной среде, обычно содержат средства для репрезентации языковой, национальной, культурной принадлежности героев такие, как акценты или иностранные слова [O'Sullivan 2007]. Подобные средства указывают на присутствие в кинодискурсе чего-то или кого-то чужеродного и могут выступать в качестве примитивных маркеров «инаковости».

Существуют различные стратегии для представления многоязычия в кино. Например, стратегия «выборочного воспроизведения», которая относится к методам использования иностранных языков в фоновом шуме, уличных знаках или коротких эмоциональных восклицаниях, приветствиях и ритуалах общения; или стратегия «вербальной транспозиции», при которой персонажи используют непривычные синтаксические структуры или необычными лексическими средствами выражают свои мысли. Однако зачастую в многоязычных фильмах применяется стратегия «референтного ограничения», при которой структура киноповествования выстроена таким образом, чтобы минимизировать необходимость включения в нее более одного языка. Давление со стороны финансирующих организаций и дистрибьюторов фильмов часто приводит к ограничению многоязычия в кино. Многие подобные акторы неохотно участвуют в многоязычных проектах и часто просят свести до минимума присутствующее в фильмах языковое многообразие, поскольку полагают, что оно создает дополнительную нагрузку при восприятии и может отпугнуть аудиторию. К. О'Салливан отмечает, что это может привести к минимизации важности многоязычия в кино, где оно должно играть большую роль [O'Sullivan 2007]. Иными словами, стратегия референтного ограничения исключает присутствие нескольких языков в фильмах и может привести к большей гомогенизации кино в будущем.

Стратегия автоматического сопоставления же напротив предполагает использование персонажами языков в кинодискурсе, на которых говорили бы люди в соответствующей естественной обстановке. Многоязычные фильмы, в которых применяется именно такая стратегия, выступают в роли материала для анализа в большинстве исследований многоязычного кино. Однако, учитывая, что сценарии фильмов написаны так, чтобы напоминать устный

спонтанный дискурс [Sanz Ortega 2011], и тот факт, что многоязычные сценарии часто пишутся на одном языке, а затем соответствующие его части переводятся на другие языки, следует, что в многоязычном кинодискурсе цель стратегии автоматического сопоставления заключается в репрезентации реальности. В то время как посредством данной стратегии в кинодискурсе создается видимость аутентичного языкового ландшафта, функции используемых языков выходят за рамки лишь репрезентации реальности. Языковое многообразие в кино может выполнять самые разные функции.

Аутентичность, по-видимому, является одной из наиболее очевидных функций многоязычия в фильмах, вместе с тем оно может выступать важным инструментом для создания эстетических и повествовательных эффектов и заслуживает особого внимания при переводе. Многоязычие может внести свой вклад в развитие сюжета или создания особого стиля фильма. Точно так же, как язык является не просто системой звуков, слов и предложений, а выполняет множество символических функций, являясь маркером социальной идентичности или барометром отношений, наличие нескольких языков в кино играет много разных ролей. Иностранные языки в кинодискурсе отнюдь не являются просто «чертами экзотики», они часто могут выполнять диегетическую, эстетическую и политическую функции [Diaz Cintas 2011]. Они могут обозначать, например, географические и политические границы, культурные и личные характеристики различных персонажей, отстраненность и понимание или отсутствие такового между персонажами. Иностранный диалог не используется просто как украшение, обозначающее местоположение или национальность, но становится средством развития сюжета и характера в фильме «Вики Кристина Барселона» (реж. В. Аллен, 2008). Здесь использование двух основных языков, английского и

испанского, имеет большое значение в создании кинообразов и развитии сюжета. По словам С. де Монти в фильмах, посвященных персонажам-иммигрантам, многоязычие и, в частности, переключение между языками является ключевым элементом характеристики героев, потому что они часто символически используют языки для выражения своей идентичности [Monti 2016]. Однако символическое использование языка для обозначения идентичности используется и за пределами иммигрантского контекста. Например, в Каталонии, где большая часть коренного населения говорит на двух языках, и многие жители рассматривают использование каталонского или кастильского языка как ключевую составляющую своей идентичности.

К. О'Салливан, проводившая анализ киноленты «Бесславные ублюдки» (реж. К. Тарантино, 2009 г.), утверждает, что многоязычие функционирует как вербальный способ определения местоположения или изображения персонажа, как средство создания комического эффекта или саспенса, в конечном счете иллюстрирующие символические связи между языком, жизнью, смертью, властью [O'Sullivan 2007]. Де Бонис также отмечает, что многоязычие может способствовать развитию повествования, а также реалистичному представлению истории. Например, в «Секретный агент» (реж. А. Хичкок, 1936 г.) он наблюдает, как многоязычие функционирует в сочетании с другими семиотическими кодами, которые играют определенную роль в повышении эмоционального напряжения. Однако исследователь признает, что разные языки играют разные роли в фильме. Например, французский в отличии от немецкого используется здесь с целью создания путаницы, стремясь произвести слегка юмористический эффект. Согласно классификации де Бониса, многоязычие на экране, по-видимому, выполняет три

основные функции: реалистичная визуализация, конфликт и путаница [De Bonis 2013].

К. О'Салливан утверждает, что наличие многоязычия в тексте может побудить зрителей больше узнать о языке, культуре, истории [O'Sullivan 2007]. Демонстрация многоязычия в кинодискурсе может зависеть от статуса и власти языков в обществе, а также влиять на языковую политику или отражать ее. Хотя языки как абстрактные сущности не существуют в иерархиях ценностей, они как таковые функционируют в иерархиях власти. Данное явление наглядно в контексте каталонских фильмов, которым было запрещено использовать каталонский язык во время диктатуры Ф. Франко, и каталонское кино в течение многих десятилетий опосредовалось кастильским языком. Данный факт, как нам кажется, также указывает на то, что язык представляет собой мощный символ коллективной идентичности. Можно провести параллели между фильмами, снятыми в Испании, с использованием различных региональных испанских языков (каталонского, баскского и галисийского) и китайским многоязычным кино. Многоязычные фильмы в Китае появились только в последние годы, отчасти из-за политики китайского правительства по продвижению стандартного китайского языка, а не многих других местных языков и диалектов. Законы, принятые в 1956 году, гарантировали, что стандартный китайский станет официально принятым языком всей нации, в том числе в школах, на радио, в кино и песнях. Тем не менее, диалекты пережили ренессанс, и в последние несколько лет снимаются фильмы на диалектах, которые пользуются популярностью у зрителей за яркое и естественное изображение жизни широких масс. В 2000 году был принят закон, поощряющий использование стандартного разговорного и письменного китайского языка для радиовещания, фильмов и телевидения. Иностранные фильмы также теперь переводятся на местные китайские

диалекты и языки, которые их продвигают на ряду с программным обеспечением и онлайн-словарями. Таким образом, кинематографическое многоязычие в Китае способствует более широкому интересу к языкам, а также указывает на появление многоязычия в аудиовизуальной культуре как акте реабилитации языков в общественной жизни. Таким образом, представления языков могут не только отражать лингвополитическую ситуацию, но и влиять на нее.

В заключение следует отметить, что многоязычие выполняет в кинодискурсе различные диегетические функции: от структурирования повествования, влияния на изображение и развитие персонажей, до усиления эмоционального напряжения или комических эффектов, и недиегетические функции: воздействовать на восприятие языков и статус в обществе.

Литература

De Bonis G. Alfred Hitchcock presents: Multilingualism as a vehicle for... suspense. The Italian dubbing of Hitchcock's multilingual films // Linguistica Antverpiensia, New Series–Themes in Translation Studies. 2013. № 13. P. 169–192.

Díaz Cintas J. Dealing with multilingual films in audiovisual translation. Berlin, Peter Lang, 2011.

Monti S. Reconstructing, Reinterpreting, and Renarrating Code-switching in the Italian Dubbed Version of British and American Multilingual Films // *Altre Modernità: Rivista di studi letterari e culturali*. 2016. № 1. P. 68–91.

O'Sullivan C. Multilingualism at the multiplex: a new audience for screen translation? // *Linguistica Antverpiensia, New Series–Themes in Translation Studies.* 2007. № 6. P. 81–95.

Sanz Ortega E. Subtitling and the relevance of non-verbal information in polyglot films // *New Voices in Translation Studies.* 2011. № 7. P. 19–34.

Симулякр в экранном тексте: вербальный и невербальный уровни

Евграфова Ю.А.

(Россия, Москва)

Современную трактовку понятия «симулякр» сформулировал Ж. Бодрийяр. Он перенёс симулякры в сферу социальной реальности, которая порождает их путем симуляции — через производства и воспроизводства реального.

В данной работе ставилась цель рассмотреть особенности конструирования симулякра в сложном аудиовизуальном единстве экранного текста YouTube, в частности жанра ACMP, на вербальном и невербальном уровнях.

ACMP, или же автономная сенсорная меридиональная реакция (с англ. Autonomous sensory meridian response, ASMR) — это такая реакция, когда у зрителя-реципиента под воздействием изобразительного и звукового ряда возникают реальные тактильные ощущения. Наиболее популярным видом ACMP-видео является, так называемая, ролевая игра (role play), имитирующая ту или иную бытовую ситуацию и разговор со зрителем-реципиентом. В связи с тем, что прирост данных текстов в сети Интернет на платформе YouTube происходит постоянно, исследование было проведено на материале ACMP-видео, выложенных на популярном канале (2,11 млн. подписчиков) Gentle Whispering ASMR за сентябрь–октябрь 2021 года — всего 7 текстов [Gentle Whispering ASMR 2010: Электронный ресурс].

Все рассмотренные экранные тексты ACMP-ролевой игры основаны на ситуации из реальной действительности, будь то визит к врачу, встреча с подругой, покупка, продажа,

стрижка, спа процедуры, визит к косметологу и т.д. В центре кадра всегда ведущий, на заднем плане — тематически оформленная «сцена». Это позволяет зрителю с первых минут понять, какая, именно бытийная сфера задействована в игре.

Анализ текстов показал, что ведущим используются дейктические единицы (предметные, пространственные и временные), а также прилагательные, существительные и глаголы, относящиеся к тематическому полю текста. Также, в рассмотренных АСМР-видео используются визуальные единицы: движения ведущего, предметы, относящиеся к тематике ролевой игры, а также звуковые единицы: шёпот, постукивания, причмокивания, звуки от движений ведущего.

Между вербальными и невербальными единицами в рассмотренных текстах возникают семиотические связи, их сочетание симулирует реальность — зритель-реципиент испытывает определённые перцептивные ощущения от стимулов, реально не существующих. То есть у зрителя вызываются телесные ощущения от нереальных действий, конструируется симулякр.

Содержательно, симулякр в АСМР-видео — это квази телесный опыт и вызванные им ассоциации, выражающийся в тексте на вербальном и невербальном уровнях. Такой «объёмный» симулякр позволяет осуществлять комплексное воздействие на зрителя-реципиента с целью сокращения потерь информации, значимой для восприятия аудиовизуального сообщения, что увеличивает вероятность успешного влияния на его сознание.

Литература

Gentle Whispering ASMR. URL: https://youtube.com/user/GentleWhispering (дата обращения: 10.10.2021)

Идиоматика: лингвокультурологические и психолингвистические аспекты

Ерастова Д.А., Серикова И.А.

(Россия, Москва)

Язык и культура неразрывно связаны между собой. Они непрерывно взаимодействуют и оказывают влияние друг на друга. К основным функциям языка относятся кумулятивная и транслирующая функции, поскольку в языковых единицах закреплены различные концепты и культурные тенденции. Культура воплощается в языковых единицах; именно посредством языка опыт и особенности культуры накапливаются и передаются из поколения в поколение, тем самым формируя национальный менталитет.

Лингвокультурология — это отрасль языкознания, изучающая взаимодействие языка и культуры. Согласно В.Н. Телия, лингвокультурология исследует «прежде всего живые коммуникативные процессы и связь используемых в них языковых выражений с синхронно действующим менталитетом народа» [Телия 1996, с. 218]. Объектом изучения лингвокультурологии является наивная картина мира, поскольку она находит отражение в различных дискурсах. Центром культурной информации является система образов культуры, которая закреплена в семантике естественного языка. Лингвокультурология сосредоточена на изучении образных явлений языка, фразеологических оборотов, идиоматических единиц [Там же].

В различных актах коммуникации носители языка сталкиваются с обширным спектром устойчивых выражений: фразеологизмами, пословицами и поговорками, идиомами и крылатыми выражениями. Идиоматика любого языка выполняет определенные дискурсивные и коммуникативные функции. Идиомы — сложные знаки естественного языка с

особой формой и значением. Идиоматическим выражениям присущи прагматические и социокультурные особенности.

В своих основополагающих работах по лингвистике в середине XX века А.А. Реформатский выдвинул концепцию, согласно которой понятие «идиомы» относится ко всем устойчивым словосочетаниям. Более того, Александр Александрович предлагал обозначать этим термином «не только лексикализованные сочетания, ... но и отдельные слова, употребляемые в переносных значениях» [Реформатский 1967: с. 124–127].

Рассмотрим также определение, которое дает нам Андреас Ланглотц: «Идиоматическое выражение — институционализированная конструкция, состоящая из двух и более лексических конституентов, обладающая сложной идиосинкретичной структурой устойчивой формы и ограниченной сочетаемостью, выполняющую понятийную функцию и характеризующуюся семантически расширенным значением» [Ланглотц 2006, с. 5].

Все идиоматические выражения заключают в себе два уровня значений: буквальное (значение отдельных лексических единиц, входящих в состав идиомы) и непосредственно идиоматическое значение (переносное, переосмысленное). Чем больше расходятся буквальное и переносное значения идиомы, тем более абстрактным становится значение идиоматического выражения.

В основе формирования идиом лежат образные процессы, которые влияют на восприятие переносного значения: определенные элементы буквального значения накладываются на абстрактные понятия, тем самым подчеркивая когнитивную функцию идиоматики. Идиомы представляют собой не только языковое, но и мыслительное клише, устойчивую когнитивную схему объекта номинации [Савицкий 2006: с. 18].

В ментальном лексиконе носителя языка хранятся особые семантические структуры, воспринимаемые как

неделимые лексические единицы, позволяющие верно интерпретировать переносное значение идиомы. В традиционной психолингвистике процесс понимания идиомы приравнивается к процессу понимания слов. А. Ланглотц считает, что идиоматическое значение устойчивого выражения обрабатывается мозгом быстрее, чем если бы оно воспринималось в буквальном смысле [Ланглотц 2006: с. 21].

В исследовании, проведенном в 2021 году, было опрошено 34 ребенка-монолингва в возрасте от 4 до 7 лет. Детям было необходимо узнать идиоматическое выражение по картинке, подобрать верное, непрямое значение идиомы и продолжить короткий рассказ, употребив соответствующее устойчивое выражение. По результатам тестирования мы выявили, что устойчивое восприятие переносного значения идиом начинается ближе к пятилетнему возрасту у детей без психических нарушений.

В конце тестирования мы опросили каждого участника, откуда он знает данные выражения. Наиболее популярным ответом было: «слышу от взрослых». Также дети отвечали, что подобные идиомы употребляются в мультфильмах и книгах. При обработке результатов мы обратили внимание на то, что дети, воспитывающиеся в семьях, где совместно с детьми проживают бабушки и дедушки, получили большее количество правильных ответов по сравнению с другими опрошенными. Эта категория участников составляет около 20 % от общего числа опрошенных. Соответственно, можно судить о том, что активное использование идиоматических оборотов присуще именно старшему поколению, рожденным в 40-60-е годы прошлого века.

Данное исследование показывает, что освоение идиоматики родного языка дошкольниками происходит на основании общих закономерностей формирования лингвистических знаний ребенка, а также благодаря постепенному накоплению обиходного пассивного словаря, что отражается в обыденной картине мира детей. Изучение

же идиоматики в целом как отдельной дисциплины требует комплексного, междисциплинарного подхода.

Литература

Ерастова Д. А. Некоторые особенности детского дискурса / Д. А. Ерастова // Дискурсивные практики в современном мире: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 27 ноября 2020 года. — Москва, 2021. — С. 76-82.

Реформатский А. А. Введение в языковедение. — М.: 1967.

Савицкий В. М. Основы общей теории идиоматики. М.: Гнозис, 2006.

Телия В. Н. Русская фразеология:: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М., 1996.

Langlotz A. Idiomatic Creativity. A Cognitive-linguistic model of idiom-representation and idiom-variation in English. Basel: University of Basel, 2006.

Localization of foreign films by transferring the expressiveness of the movie titles (based on the material of English and Russian languages)

Ermolenko A.Yu.

(Russia, Kazan)

One of the most powerful influences on the viewer today is cinema. Cinema forms a person's thinking, awakens feelings and conveys the main idea of the author. The arrival of digitalization and the development of technologies have radically changed the form of consumption of film products. Now it is enough for a potential viewer to have access to the Internet and any device in order to watch a movie without leaving home. In addition, according to the International Institute for Marketing and Social Research in Germany, 37% of Russian residents in the first quarter of 2021 have already used a subscription to online

cinemas, which indicates a high demand for watching films [Electronic resource].

Abstract. The relevance of this study lies in the predominance of foreign movies in the Russian movie distribution, which leads to difficulties in the linguocultural localization of English-language movie titles in Russia. The object of this research was 150 movie titles in English and 150 in Russian. The aim of the research is to determine the translation tendency of movie titles with the preservation of semantic meaning and their expressiveness in English into the language of recipient linguistic culture. The article presents the results of the reasons for the localization of headings, the factors of difficulties in the translation process and the systematics of translation transformations by the method of modifying the pragmatic characteristics of the original with respect to localization. The most frequently used techniques for translating movie titles in the period from 2020 to the first quarter of 2021 have been identified.

Filmmonim is a concept created by Yu. N. Podymova in the work "The name of films in the structural-semantic and functional-pragmatic aspects" to determine the names of films. Being inextricably linked with the term title, the movie title becomes a concise expression of the author's primary idea [Podymova 2006: 205]. In order for the title of the movie to fully include the peculiarity and meaning of the film, the movie title goes through a process of localization.

Language localization is a detailed study of the chosen culture, where translation, and then adaptation of a product or service, becomes part of another country. That is, the *localization process* can be applied to the translation of movie titles, since they are the semantic center linking the storyline, genre characteristics, and ideological content of the movie. In addition, localization, first of all, studies the linguocultural space of a particular area and its target market.

There are several reasons for adapting movie titles. The first reason is *marketing*, as it plays an important role in the

successful promotion of cinema products. One of the brightest examples of marketing ploys was the film with the original title *"Public Enemies",* which was translated in Russian by *"Johnny D".* Russian-speaking viewers are not very familiar with the history of the American criminal of the 1930s. And yet, the translators managed to find a harmonious name that indicates the main character and is associated with the initials of the actor, since the main character of this motion picture is Johnny Depp.

The second reason is *cultural differences*, where the translation of the title fully reflects the cultural characteristics of the film in relation to the original culture. Another example of cultural peculiarities was the film *"Cinderella Man",* which was released in Russia under the name *"Knockdown".* The version of *"Nicknamed Cinderella"* according to the plot was not quite suitable for the Russian film distribution, because the viewer in Russia associates Cinderella with fairy tales, something childish, and Knockdown is associated with something strong, fighting, because this film was about a boxer who fought for the world champion belt.

The third reason is to awaken *interest in the audience*. Often, even before the release of the original film, the movie title comes out much earlier. In this case, the translator, hardly guessing about the complete understanding of the plot, begins to work with an abridged version of this film. An example of such a film is *"Inception"*, which translates into Russian as "*Beginning".* And yet, the translator, trying to be in time for the release of the film, resorted to translating "*Vnedrenie*", however, the film itself told about lucid dreams and the introduction of ideas into the brain of another person.

The main factor of difficulties for the translator is the *time period*. In different periods of time, the nation's self-awareness has undergone many changes about the right or wrong perception of the world.

The second factor is *censorship*. In the Soviet Union, at the state level, approval was carried out with each foreign and

domestic film title. Today in Russia there is age censorship and aesthetic principles that influence translation.

The third factor is the multiple *choice of methods and techniques* for adapting films. This often leads the translator to a difficult choice of one or another translation method. Such methods and techniques are considered to be translation transformations that deviate from dictionary correspondences during translation.

Comparing the original translation of the movie titles for Russian distribution (150) with the original (150) in the period from 2020 to the first quarter of 2021 and choosing the point of view of T.R. Levitskaya and A.M. Fiterman as a basis, we identified three types of translation transformations taking into account language localization [Levitskaya, Fiterman 1963: 264]:

Grammatical transformation (30%). The translator tries to completely match the translation of the heading with the original, resorting to grammatical substitutions, but without changing the heading lexically and syntactically. Through such techniques, a grammatical transformation is created: *permutations: "Fantasy Island", 2020 — "Ostrov fantazij", "Invisible Man", 2020 — "Chelovek — nevidimka", "Rogue Hostage", 2021 — "Zalozhnik-izgoj", "Dante's Hel", 2021 -" Ad Dante"," Kill Plan ", 2021 -" Plan ubijstva"; omission: "Spiral: From the Book of Saw", 2020 — "Pila: Spiral`", "I'm Thinking of Ending Things", 2020 — "Dumayu, kak vse zakonchit`", "Locked In", 2021 — "Zaperty`e", "Army of the Death", 2021 — "Armiya mertveczov"; Addendum: "I Still Believe", 2020 — "Ya veryu v lyubov`", "Playing God", 2021 — "Igra v Boga", "Jungle Cruise", 2021 — "Kruiz po dzhunglyam"; replacements: "Malignant", 2021 — " Zloe ", "Infinite", 2021 — " Beskonechnost`".*

Stylistic transformation (25%). There is a change in the figurative structure in order to obtain an expressive adequacy of the title. Through such techniques, a stylistic transformation is created: *synonymous substitutions: "All The Bright Places",*

2020 — "Vse radostnye mesta", "Force of Nature", 2020 — "Sila stihii", "Wrath of Man", 2021 — "Gnev chelovecheskij". This translation retains a pragmatic aspect; descriptive translation: "Superman: red Son", 2020 — "Supermen: krasnyj syn", "Shang-Chi and the Legend or the Ten Rings", 2021 — "SHan-CHi i legenda desyati kolec", "Mortal Combat", 2021 — "Motral Kombat"; compensation: "Bo Burnham: Inside", 2021 — "Bo Byornem: Doma", "Map of Tiny Perfect Things", 2021 — "Karta sovershennyh mgnovenij".

Lexical transformation (45%). There is a replacement of individual lexical units of the original heading with the lexical unit of the Russian heading. Through such techniques, lexical transformation is created: *replacement: "Arkansas", 2020 — "Kriminal'nye bossy", "Tom Clancy's Without Remorse", 2021 — "Bez zhalosti", "Safer at Home", 2021 — "Ubijstvo onlajn", "Day", 2021 — " Spasitel' "; concretization: "Songbird", 2020 — "Bird Ptica v kletke. Zarazhenie"," F9 ", 2021 -" Forsazh 9"; Addendum: "Jiu Jitsu", 2020 — "Dzhiu-dzhitsu: Bitva za Zemlyu", "Loud House", 2021 — "The Moj shumnyj dom: Fil'm", "Palm Springs", 2021 — "Zavisnut' v Palm Springe", "Lansky", 2021 — "Mejer Lanski"; generalization (reverse concretization): "Horse Girl", 2020 — " Naezdnica", "Sweet girl", 2021 — " Malyshka", "Spirit Untamed", 2021 — " Spirit Nepokornyj".*

As a result of our research, it was revealed that the most frequently used translation transformation in the Russian film distribution (2021 — first quarter of 2021) is lexical *transformation (45%).* The most commonly used techniques in translation are *substitution (37%), addition (28%), and descriptive translation (35%).*

In conclusion, undoubtedly, films produced in other countries require the localization of the movie title in order to maximize the concretization of the main idea. However, the exact content of the film does not always lead to the best translation, and the title created by the translators loses its connection with

the ideological event in the film during the translation process. The translator should establish in detail the content and stylistic techniques of the film material, taking into account the target audience.

Literature

Levickaya T.R., Fiterman A.M. Teoriya i praktika perevoda s anglijskogo yazyka na russkij. — M., 1963. 264 s.

Otchet GfK: rejting onlajn-kinoteatrov v Rossii za pervyj kvartal 2021 goda. — 2021 [Elektronnyj resurs]. Data obrashcheniya 14.09.2021: — URL: https://www.gfk.com/ru/insights/RU-20210427

Podymova Yu.N. Nazvaniya fil'mov v strukturno-semanticheskom i funkcional'no-pragmaticheskom aspektah: Dis. ... kand. filol. nauk. Majkop, 2006. 205 s.

Коммуникативные стратегии современного миграционного медиадискурса: проблемы и перспективы

Желтухина М.Р.

(Россия, Волгоград, Москва)

Исследование посвящено рассмотрению проблемы прагмалингвистического функционирования современного миграционного медиадискурса. Изучение миграционного медиадискурса проходит в рамках ***миграционной медиалингвистики*** как науки об отражении постоянного или временного процесса трансформации языка участников миграционного процесса, зависящего от пространственных, временных, мотивационных и социокультурных факторов, в массмедиа (печать, радио, телевидение, Интернет) [Желтухина 2019: 6].

Под воздействием глобализационных процессов, политических и экономических действий, локальных войн,

катастроф и эпидемий в мире наблюдается увеличение миграционных потоков с последующим созданием новых или обновленных многонациональных, мультикультурных и мультиязыковых сообществ, которые в процессе интеграции и языковом взаимодействии демонстрируют языковые трансформации как родного языка, так и второго языка. Речевые интеракции в миграционной коммуникации характеризуются упрощенностью языковых средств и набора коммуникативных стратегий. В процессе исследования установлено, что основными стратегиями современного миграционного медиадискурса выступают конфликтная и кооперативная стратегии.

Кооперативная стратегия отражает попытки интеграции мигрантов в новую лингвокультуру и принятия их представителями данной лингвокультуры [Моросанова, Нестерова, Суслова 2015]. Кооперативная стратегия призвана вызвать положительную реакцию адресата, эмпатию по отношению к мигрантам, поскольку им пришлось много страдать, чтобы выжить. Разновидностью кооперативной стратегии в иммиграционном медиадискурсе выступает туристическая кооперация.

Например, *Tourisme vs terrorisme* (La Russie d'aujourd'hui, 11.05.2011).

Отмечается специфический характер кооперативной стратегии, так как именно имиграционная культура насаждается представителям коренных народов, что при всей положительной коннотации приобретает угрожающие оттенки. Чаще всего это связано с утверждением доминирующего положения мусульман (в Европе), а также стремление получения доминирующего положения афроамериканцев (в США). Кооперативная стратегия в миграционном дискурсе проявляется также в затухании слухов путем предоставления подробной и ясной информации по соответствующей теме.

Например, *Tony Blair stamped on suggestions to move to the USA after his possible retirement from the office which he is believed to announce at the beginning of May* (The Observer, 04.03.2007).

Западные СМИ часто используют в качестве авторов опровержения слухов самих «героев» сообщений. В данном случае находящийся у власти премьер-министр Великобритании опровергает слух о своей вероятной смене места жительства, но при этом окончательно не подтверждает ожидаемую отставку, а указанные предполагаемые сроки ее объявления позволяют предположить постепенный процесс затухания слуха из-за потери его актуальности, что гармонизирует ситуацию, направлено на дальнейшее сотрудничество.

Конфликтная стратегия реализует возможности речевой агрессии как коммуникантов-мигрантов, так и коренных жителей определенной территории. Речевая агрессия как средство речевого воздействия адресанта в сфере равноправного сотрудничества, регулирующего деятельность адресата, в определенной мере свободного в выборе своих действий и поступающего в соответствии со своими потребностями [Желтухина 2003], реализуется в современном миграционном медиадискурсе с преобладанием милитарной метафоры, порождает грубую, оскорбительную, обидную миграционную медиакоммуникацию. Подобного рода речевая агрессия в массмедиа отражает проблему ксенофобии (межэтнической вражды) в современном мультикультурном обществе.

Под *медиаязыком межэтнической вражды* понимается любое публичное вербальное или невербальное действие в СМИ, способствующее возбуждению национальной и религиозной вражды [Ашнин, Желтухиниа 2012], реализующее конфликтную стратегию в миграционном медиадискурсе.

Конфликтная стратегия в миграционном медиадискурсе имеет множественную адресную направленность: 1) субъект,

подвергающийся агрессии; 2) читатель, слушатель, зритель, Интернет-пользователь, который может выступать субъектом агрессии, соучастником, разделяющим позицию медиаадресанта, а также нейтральным сторонним наблюдателем.

Конфликтная стратегия в миграционном медиадискурсе проявляется в упоминании этнической или религиозной группы или ее представителей как таковых в СМИ в унизительном или оскорбительном контексте, в утверждениях медиаадресата о моральных недостатках, криминальности той или иной этнической или религиозной группы, в создании негативного образа этнической или религиозной группы в сознании медиаадресата.

В результате анализа современных российских, английских, немецких и французских СМИ были отобраны и классифицированы высказывания с коннотацией враждебности по отношению к «чужим», к представителям других национальностей в России, Англии, Франции, Германии (Ашнин, Желтухиниа 2012; Желтухина, Бородина 2015а; б; Шустова 2018). Установлено, что наиболее релевантными оказываются высказывания, нацеленные на отрицание гражданства лиц иной этнической принадлежности / идентификации (высказывания, в которых выражаются открытые заявления о том, что обычаи и культура отдельных национальностей являются чуждыми и не имеют никакого отношения к культуре общенациональной, призванной изначально служить скрепляющим фактором для всех представителей этнокультурного пространства). Проведенное исследование позволяет говорить о том, что наиболее часто объектом критического отношения, транслируемого СМИ в современной Германии, Англии, Франции становятся люди именно мусульманского происхождения, поскольку они составляют большинство из всех проживающих соответственно в этих странах иммигрантов.

Следующими по релевантности выступают высказывания, создающие негативный образ иной этнической или религиозной группы посредством обращения к психологической аргументации, т.е. апелляции к чувствам, эмоциям адресата путем создания соответствующей тональности текстов, манипулирования культурными ценностями, этническими символами (напр., в нем. яз. *«Kopftuch» — головной платок, «Muezzin» — муэдзин* и т.п.), звучащими для представителей мусульманского этнокультурного сообщества вполне нейтрально, но приобретающими в восприятии адресата отрицательные коннотации. Например, *Weil sie Kopftuch tragen, sollen zwei Lehrerinnen nicht an Berliner Schulen angestellt worden sein (http://www.spiegel.de/lebenundlernen/job/a-1240719.html).*

Частотность высказываний, содержащих в себе призывы к дискриминации, в том числе в виде общих лозунгов, низкая, однако по силе воздействия на сознание адресата, манипуляционному потенциалу они наиболее деструктивны.

Установлено, что малопродуктивными являются следующие высказывания, содержащие обвинения в негативном влиянии той или иной этнической или религиозной группы на общество, государство; высказывания, утверждающие неполноценность той или иной этнической или религиозной группы как таковой; высказывания, указывающие на моральные недостатки представителей чужой этнической или религиозной группы; высказывания, призывающие не допустить закрепления в регионе мигрантов, принадлежащих к той или иной этнической или религиозной группе. Например, *Зачем России миллионы мигрантов?* (Экспресс-газета, 12.12.2012)

Вышесказанное позволяет заключить, что доминирование конфликтной стратегии в миграционном медиадискурсе через отражение межэтнической вражды в СМИ демонстрирует актуальность национального вопроса. Зафиксировано преобладание случаев применения конфликтной стратегии

медиавоздействия на адресата в миграционном медиадискурсе, направленных на принижение социального статуса и умаление достоинства иммигранта. Провозглашение необходимости сотрудничества и интеграции в миграционном медиадискурсе приобретает в результате конфликтный характер из-за нежелания принятия чужого в свои ряды, даже среди мигрантов. Формированию образа «чужого» в российских, английских, немецких и французских массмедиа в дихотомии «свой-чужой» в наибольшей степени способствует апелляция к эмоциональным чувствам адресата посредством фиксации в его сознании отрицательного образа определенных культурем и концептов, воплощающих в себе сущность и основные ценности иной лингвокультуры.

В качестве перспективы развития миграционного медиадискурса в XXI в. видятся следующие аспекты: продолжение доминирования конфликтной коммуникативной стратегии, проявление различных форм языковой агрессии, нетерпимости по отношению к «чужому», переключение дискриминационных кодов, открытые коммуникативные противостояния с мигрантами, особенно в сети Интернет.

Литература

Ашнин Е.С., Желтухина М.Р. Отражение межэтнической вражды в современном медиадискурсе // *Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики иностранного языка делового и профессионального общения*: мат-лы V Междунар. науч.-практ. конф. М.: РУДН, 2012. С. 103-104.

Желтухина М.Р. Миграционная медиалингвистика: конфликт vs кооперация в мультикультурной коммуникации // *Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики: монография* / С. В. Шустова, М. Р. Желтухина, М. В. Дружинина, Е. О. Зубарева, Е. В. Исаева, В. М. Костева, А. С. Черноусова; научн. ред. А. М. Аматов. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2019. С. 5–21.

Желтухина М.Р. *Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ:*

монография. М.: Ин-т языкоз. РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. 656 с.
Желтухина М.Р., Бородина С.Н. Грамматические средства воздействия слухов в русских и английских массмедиа // *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2015а. №2 (18). С. 65-74.
Желтухина М.Р., Бородина С.Н. Стратегии и тактики реализации слухов в иноязычных СМИ и прагматический аспект их воздействия // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2015б. №1 (96). С. 132-139.
Моросанова В.И., Нестерова А.А., Суслова Т.Ф. Факторы позитивной адаптации мигрантов: анализ теоретических подходов // *Психологический журнал*. 2015. Т. 36. № 5. С. 104−116.
Шустова С.В. Миграционная лингвистика и миграционный дискурс // *Теоретическая и прикладная лингвистика.* 2018. Т. 4. № 2. С. 114-125.

Когда спит койот и зачем слушать сову: заметки о мексиканской фразеологии

Журавлева Е.В.

(Россия, Москва)

Любой язык, как известно, на семантическом уровне имеет бесспорную связь с картиной мира того языкового сообщества, в котором он используется. Мексиканский национальный вариант испанского языка весьма неоднороден по своему составу, включает в себя как языковое наследие доколумбовой цивилизации и испытывает влияние тех процессов, которые происходят в мексиканском обществе на политическом, социальном, культурном и экономическом уровнях.

В свою очередь паремиологический или фразеологический фонд (в широком понимании) языка отражает мировидение и мировосприятие своего народа. Именно поэтому культурный компонент фразеологизма или

пословицы отражает национальную культуру в очень концентрированной форме, являясь по своей сути отражением исторической памяти, привычек, обычаев, суеверий, образа мыслей и концептуализации мира. Объективная реальность во фразеологических единицах представляется при помощи языка символов, тесно связанного с процессом метафоризации и содержит яркую субъективную окраску.

Если рассматривать мексиканский национальный вариант языка, то его корпус устойчивых лексических сочетаний, обладающих национально-культурной спецификой, можно разделить на две условные группы: диахронические по своему использованию слова, т.е. те, которые распространены несколько шире, чем собственно территория Мексики (регионализмы, в трактовке В.С. Виноградова) *(voz chocolate*, например), и синхронические собственно мексиканизмы, используемые только в испанском языке Мексики (*darse un apapacho* — слово "*apapacho*" из языка науатль, данное выражение служит для обозначения действия «обниматься», но не просто, а в качестве проявление особой симпатии или нежности).

Безусловно, особую и очень яркую национально-культурную специфику мексиканский национальный вариант получил благодаря влиянию автохтонных языков индейцев, в первую очередь ацтеков и их языка науатль (достаточно вспомнить слова, которые широко распространились в испанском языке: *tomate, aguacate, chocolate, cacahuete, jícara, tamal, petate, chicle, coyote, ocelote*). Считается, что науатль использовался практически на всей территории мексиканской империи, поэтому именно он больше остальных обогатил лексический состав мексиканского национального варианта испанского языка. Обычно подобные заимствования охватывают бытовую сферу жизни (дом и окружающая природа, привычки и обычаи). Встречаются они и в устойчивых выражениях, например:

Tener ojos de ***apipizca*** **—** так говорят о человеке с маленькими либо полуприкрытыми глазами, «*apipizca*» — это разновидность водоплавающей птицы, издающей пронзительные крики.

Cuando ***el tecolote*** *canta, el indio muere*: данная пословица основана на индейским суеверии о неблагоприятном предзнаменовании: стоит только услышать, как поет «*el tecolote*» (подвид сов), то это предвещает скорую смерть.

Cuando se revuelve el agua, cualquier ***ajolote*** *es bagre* — используется в ситуациях, когда малозначительный персонаж хочет выставить себя очень важным. «*Ajolote*» — эндемик Мексики, очень необычная по своим свойствам амфибия аксолотль, с которой связано множество индейских легенд, где она ассоциировалась с божеством.

Hacer de chivo ***los tamales*** — обманывать, вводить в заблуждение, наставлять рога и быть неверным; здесь используется лексическая единица «*tamal*», блюдо традиционной мексиканской кухни, особая лепешка из маисовой муки, завернутая в банановые или кукурузные листья.

¡Nadie se muere en la víspera excepto ***los guajolotes****!* Указанная пословица предостерегает от беспочвенного и преждевременного огорчения, подобно тому, как обычно делают «*los guajolotes*», индюки, являющиеся эндемичным для Мексики видом.

Echarse ***un coyotito***. В свое время в Мексике получили распространение небольшие подушечки, используемые для сна в путешествиях, которые в разговорной речи назывались «*coyotito*», поэтому данное выражение обозначает в настоящее время «сон после обеда», и здесь отражена народная наблюдательность: люди хотят прилечь и поспать после еды, подобно койоту, который обитает в Мексике, спит днем и ночью выходит на охоту. Однако, следует заметить, что само по себе слово «coyote» в переносном значении

служит для названия человека, который занимается изготовлением поддельных документов для незаконно прибывающих мигрантов и используется не только собственно в Мексике, но и в США, и в центральном регионе Латинской Америки.

*Al **nopal** se le van a ver sólo cuando tiene tunas*. Нопаль, как в Мексике называют разновидность кактуса опунции, недаром является одним из символов страны, его изображение даже присутствует на флаге и гербе. С ним связано множество легенд, его повсеместно используют в блюдах традиционной кухни вместе со сладкими плодами, которые называют «*tunas*». Отсюда и происходит значение пословицы, суть которой в том, что друзья рядом с нами только пока есть деньги, и они злоупотребляют этой ситуацией себе на пользу.

Бесспорно, в мексиканском национальном варианте испанского языка используются и паремии, не содержащие собственно заимствований из языков доколумбовой цивилизации, которые иллюстрируют национальный менталитет и культуру и обладают национальной спецификой в силу их распространения именно на указанной территории, например: «*Hasta a la mejor cocinera se le queman los frijoles», «Soy fresa, pero no para tu mermelada», «Al cabo la muerte es flaca y no va a poder conmigo», «A nadie le amarga un dulce aunque tenga otro en la boca*».

Наличие в пословицах экстралингвистической информации, окрашенной национально-культурным компонентом, их самобытность в качестве особой народной или разговорной мудрости, показывающей национальное самосознание и мировидение, придает им специфическую экспрессивность и особый колорит. При этом денотативные устойчивые выражения и пословицы с компонентом-названием предмета или явления национальной культуры, отражающие историю определенного народа, содержат богатый страноведческий материал, а образно-эмотивных

фразеологизмы и поговорки, основанные на мифологическом сознании, стереотипах и символах, содержат национально-культурную информацию в своей внутренней форме. Субъективность паремиологического наследия выражается в том, что подобные единицы языка возникают не столько для того, чтобы описать и зафиксировать окружающий мир, а для того, чтобы его интерпретировать и оценить на основе уже имеющихся представлений, т.е. основываются на ценностных установках и стереотипах, характеризующих ментальность народа и национальную культуру. Именно поэтому так интересно и необходимо исследовать все типы устойчивых выражений, являющихся хранилищем истории и культуры нации, для выявления этнотекстов, содержащих мнение национального сообщества о самом себе на основе оценочных суждений о настоящем и прошлом, традициях и верованиях, буднях и праздниках, которые являются маркерами для самоидентификации и определения «чужих» культурных кодов.

Литература

Máynez P. En torno al concepto y uso de “mexicanismos“. http://www.scielo.org.mx/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S0071-16752010000100009 (Дата последнего обращения: 12.10.2021)

Pérez Martínez H. El hablar lapidario, ensayo de paremiología mexicana. El Colegio de Michoacán, 1996.

Восприятие неологических процессов в лексическом поле концептосферы «COVID-19» носителями испанского и французского языков в условиях коммуникативных ситуаций публицистического дискурса и дискурса соцсетей

Зверева Е.В.

(Россия, Москва)

XXI век лингвисты называют эпохой неологизмов. Подобная «номинация» связана со стремительным ростом числа новых лексических единиц, отражающих эволюцию различных сфер общественного бытования. 2020 год, навсегда вписанный в историю как период глобального эпидемиологического кризиса, охватившего, без преувеличения, всю человеческую экосистему, кризиса не только санитарного, но, очевидно, кризиса, ставшего социальной и экономической катастрофой, безусловно, не только кардинальным образом изменит мир, но и станет рекордсменом в области генерирования новой лексики или обретения нового значения уже существующими лексемами. Весь этот период всё население планеты практически не говорит и не пишет не о чём ином, кроме как о ситуации вокруг COVID-19. В испанских соцсетях и СМИ появился новый термин-neocoronalengua, который говорит о рождении «неокоронаязыка», то есть целого лексического пласта, составляющего концептосферу лексико-семантического поля COVID.

В повседневной действительности крайне редко какой-либо новости из области медицины или науки удаётся пробить себе дорогу на первые полосы средств массовой информации, которые обычно находятся во власти новостей из политических и экономических сфер, спортивных сводок и сплетен из светской хроники. Если подобное происходит,

то такая новость может удержаться в топовых заголовках мировых изданий крайне непродолжительное время. В период пандемии новости из области медицины, вирусологии, эпидемиологии стали безусловными главными медийными темами, открывающими все теле-и радио-новостные программы, занимающими первое место среди поисковых запросов на таких платформах как Google и Wikipedia, оказывающимися наиболее читаемыми и обсуждаемыми в популярных социальных сетях (Twitter, Facebook и других).

Динамика языкового развития столь ощутима, что не оставляет равнодушных ни в кругу лингвистической общественности, ни в среде журналистов и публицистов, ни среди рядовых граждан, не имеющих в языке профессиональных интересов. Вспыхнувшая и развивающаяся пандемия COVID-19 явилась вызовом исследователям в различных областях науки, создав, одновременно, значительное количество фактического языкового материала, который должен послужить объектом лингвистических исследований.

Менталитет народа определяется принадлежностью к определенной культуре, следовательно, в каждой культуре существуют национально-специфические культурные значения, которые зафиксированы в языке, в нормах и правилах поведения, традициях и обычаях. Изучая национальный характер, ученые-лингвисты подчеркивают, прежде всего, значимость лексики. Будучи национально-специфичными, неологизмы через свое пространство реализуют те категории, которыми мыслят представители того или иного народа, и обозначают те границы, в которые они поставлены в момент восприятия и анализа окружающего мира.

В ходе исследования нами были проведено 60 интервью с носителями испанского и французского языков с использованием опросного листа по тематике, связанной с

речевыми применениями ими неологизмов лексического поля «Covid-19», а также по вопросам, определяющим их отношение к неологии и использованию её «продуктов» в рассматриваемых видах дискурса. Возраст информантов составил 22-65 лет, все информанты имеют высшее образование или являются студентами. Информанты были разделены на группы по 20 человек, согласно делению на возрастные категории, представленные в таблице ниже. Для полноты охвата были опрошены носители испанского языка из различных областей Испании и Франции, а также участники, представляющие страны Латинской Америки. Профессиональные лингвисты, переводчики и преподаватели намеренно не были включены в число опрашиваемых. Положительные ответы респондентов были отражены в таблице.

Таблица 1. Результаты опроса информ

	Носители (20-25 лет)	**Носители (26-40 лет)**	**Носите (40-65 л**
уете ли Вы «пандемические» змы в своём дискурсе в соцсетях или ных приложениях?	18	14	7
ли для Вас неологическая лексика истический дискурс более ающимся или мешает восприятию?	20	20	17
онник модернистских течений в языке и твуете языковое новаторство?	18	16	10
держиваетесь консервативных тенденций ете, что в языке достаточно ресурсов для ции и выражения экспрессии без того, бращаться к механизмам неологии?	2	4	10
е ли Вы необходимой графическую фиксацию новых лексем?	20	18	8

Полученные результаты позволили сделать вывод о том, что наименьшую степень восприимчивости к неологическим тенденциям демонстрируют представители старшего поколения. Только чуть больше 25% из этой группы используют в дискурсе неологизмы. Тем не менее, если суммировать ответы всех возрастных групп, то около 65% носителей включили в повседневный узус неологизмы, связанные с лексическим макрополем «Covid-19». 98% информантов отмечают положительный эффект присутствия неологической лексики в публицистическом дискурсе как фактор, способствующий более интенсивной степени восприятия информации. Ожидаемым является результат опроса старшей возрастной группы, которая с осторожностью оценивает возможность новаторства в языке, тем не менее 50% респондентов готовы согласиться с языковыми новообразованиями, а если суммировать ответы, то 75% акторов дискурса согласны поддержать «языковой модерн» и лишь четверть респондентов считают, что язык уже имеет сложившуюся систему номинативных и экспрессивных средств, за рамки которых выходить необязательно. Для двух младших возрастных групп доля «языковых консерваторов» составила 10%. «Узаконивание» прав лексических единиц в толковых словарях, семантическое расширение уже существующих дефиниций рассматривается как необходимое 100% носителей младшей возрастной группы, 90% средней и 40% старшей, при этом 75% пользователей языка положительно относятся к словарной кодификации и систематизации неологизмов. Таким образом, можно заключить, что общество положительно оценивает формирование индивидуальных речевых смыслов и языковых значений так же, как и расширение границ их функционирования. Большинство реципиентов или акторов коммуникативного акта полагает, что использование неологизмов с целью решения определенных коммуникативных задач и эмоционального

воздействия, обогащает дискурсивную реализацию, делает её более яркой и запоминающейся, придаёт оценочную модальность и дополнительные коннотации. Формирование новых значений и ассоциативно-смысловые преобразования уже существующих смыслов как результат взаимодействия коммуникантов с актуальным социальным коммуникативным контекстом являются неизбежным и позитивным следствием трансформации картины мира человеческим сознанием.

Также носители языка подтверждают сделанный нами в ходе анализа материала вывод о значительной формализации повседневного дискурса в настоящий период. Стиль общения в соцсетях и приложениях в значительной степени утратил разговорную окрашенность и перешёл в более формальный регистр. В сети для научных терминов появился термин **'trending topics'**. Приведём примеры записей из переписки пользователей Whatspp: «Desde que se declaró la situación de alarma por el brote de coronavirus, no salgo de casa **sin mi mascarilla, mis guantes y mi gel hidroalcohólico**» — С того момента, как был объявлен режим повышенной готовности в связи со вспышкой коронавируса, я не выхожу из дома без моей маски, моих перчаток и моего геля на водно-спиртовой основе; «Sabes, según **la OMS, el período de incubación** puede llegar a ser de 24 días, en los que existe **un alto riesgo de propagación comunitaria** por la **acción patógena del virus**» - Знаешь, ВОЗ говорит, что инкубационной период может составлять до 24 дней, в течение которых, учитывая патогенный характер вируса, существует высокий риск его распространения в общественной среде; «Si existe ese **positivo**, se podría llegar a cerrar la planta entera, para **higienizarla**» — если будет отмечен человек с положительным результатом, то весь этаж будет закрыт, чтобы подвергнуть его гигиенической обработке; «Se me rompio la uña en la mano **no dominante**» -у меня сломался ноготь на «недоминантной» руке, т.е. той, которую в период

эпидемии надо использовать, выходя за покупками (la que debemos utilizar al salir a comprar — объяснения из санитарной инструкции). Пользователи уже не говорят о необходимости соблюдать расстояние, но употребляют выражение «**distancia social**» (социальная дистанция). Лексема «**curva**» (кривая), которая до настоящего времени использовалась в таких контекстах как «las curvas del camino, del río o de la carretera» (повороты на дороге, изгибы реки) или «tener curvas de infarto» (кривая инфаркта), в сложившейся коммуникативной ситуации приобретает значение в контекстах пандемии как «necesitamos **aplanar la curva de contagios**» (нам необходимо вывести на плато кривую заражений). Estamos «**confinados**» (Мы в изоляции, вместо разговорного estamos encerrados (мы заперты). Лексемы «маска, перчатки» (mascarilla, guantes) зафиксированы в сложившемся узусе как «защитный набор» (**kits de protección**) или используются в виде акронима (**EPI - Equipo de Protección Individual** — комплект индивидуальной защиты): «No salgo sin mi **EP**I» (не выхожу без моего набора). Частотный узус фиксирует термин **vector (vector viral, vector del brote, vector de contagios**- вектор вируса, вспышки, заражений). Из переписки: «Mi jefe dice que van a aplicar **«las formas híbridas temporales**» (мой начальник говорит, что они думают использовать временные гибридные формы (речь идёт о различных мерах безопасности в офисе); «En cole de Nicolás rebajarán la distancia en las aulas para que vuelvan todos los alumnos en septiembre, los alumnos constituirán un "**grupo de convivencia estable**» (в школе у Николаса сократят дистанцию в классах, чтобы все ученики могли вернуться в сентябре, ученики составят «группу устойчивого сосуществования»). Эта переписка в неформальном контексте дружеской коммуникации приобретает формальную окрашенность ввиду использования медицинских и научно-технических терминов, которые становятся абсолютным трендом в любом

регистре общения (повседневный бытовой дискурс, социальные сети, публицистический дискурс СМИ).

Итак, само общество, инициировавшее «восстание» лексических единиц, активно воспринимает их в своём языковом сознании, приветствуя семантические и стилистические смещения и перераспределения смыслов. При этом, как показал проанализированный материал, языковая норма в испанском и французском дискурсе не вступает в противоречие с «подрывным» характером языковых инноваций. Отметим, что современное общество отличается значительным словотворческим потенциалом и желанием к восприятию и фиксации новаторской лексики как устойчивого языкового ресурса. Всё это создаёт динамичную и закономерную картину развития языка и дискурса, с интенсивно протекающими в них неологическими процессами.

The Image of a Horse in Russian and Chinese Proverbs and Sayings

Ivanishsheva O.N., Liang M.

(Russia, Murmansk)

The **relevance** of the research is due to the continuing desire of scientists to explore the linguistic picture of the world of a particular language as part of its culture, closely related to the traditions of the people and the language competence of a native speaker. The choice of zoonyms in this sense is not accidental, since languages traditionally use the semantic sphere "animals" as a basis for metaphorical understanding of the surrounding world, primarily man. The **novelty** of the study is due to the use of a cognitive-linguistic-cultural approach to study the prototypical structure of paremias. The **material of the study** is dictionaries

of proverbs and sayings of the Russian [Зимин 2020] and Chinese [陈君慧 2004] languages. 76 Russian and 38 Chinese proverbs and sayings were analyzed. The **purpose** of the work is to analyze the prototypical structure of Russian and Chinese proverbs and sayings with the keyword **horse**. The **aims** of the work are to analyze the prototypical structure of proverbs and sayings from the perspective of cognitive and linguoculturological approaches and to study the isomorphism and allomorphism of the studied language units. The **research methods** were the continuous sampling method, descriptive-analytical, cultural, comparative analysis.

The reason for choosing the animal *horse* for analysis is its significance in the material and spiritual life of a person. In the history of human civilization, the *horse* was used by man as a transportation tool, for military purposes and in agriculture as a draft force. In Russia, the horse played an important role in agriculture, and in China it was considered primarily a transportation tool and was widely used in war [Михайлова, И 2016: 172].

The analysis of the material in this paper is based on the idea of reconstructing the prototypical situation (the deep structure of proverbs and sayings), which determines the functions of these language units (cumulative-summarizing, metacommunicative and futurological). The idea of the binary structure of proverbs and sayings seems to be fundamental. In this study, the basis is not the surface structure of these language units, which has already been sufficiently developed in studies devoted to linguistic means of expressing contrast, but the deep structure.

This article considers three prototypical plots (Space, Values and Fate), which determine the image of an animal in different cultures and its place in human life (a riding animal and a draft force). The plots in this work are described in the framework of subject-shaped dominants. Subject-figurative

dominants are understood as subject realities (in this case, an animal *horse*) in the figurative system of proverbs and sayings. These realities are actualized in the image system in different thematic groups. In addition, isomorphism factors are described for each plot, that is, the presence of similarities in the perception of an animal in a given culture, which contributes to the metaphorization of its image. The facts of allomorphism are reflected in the figurative content of the language unit and are associated with the cultural and national characteristics of the studied languages.

The study of Chinese proverbs and sayings by scientists revealed the special importance of animals for the culture of China and, as a result, the special interest of scientists in Chinese proverbs and sayings about animals. In ancient China, animals were an important source of food, an object of worship, an instrument of war and played a vital role in life and production. Images of the animal world are found in 26.1 % of Chinese proverbs and sayings. At the same time, the *horse* takes the second place in terms of use after the *tiger*. The special cult role of the horse as an intermediary between its own and someone else's world (especially a white horse) is noted: *Human life is like a white horse skipping past a gap* [Решетнёва 2006: 41-45, 109].

The plot "Space" in the studied language material is represented by subject-figurative dominants in the thematic groups "Road" and "Labor": a galloping horse in Chinese culture (for example, *the Word is said – you can't catch up with four horses 一言既出驷马难追*; *The strength of a horse is checked by the road, and a person's heart is checked by time 路遥知马力, 日久见人心*; *A fast-galloping horse does not need to be driven with a whip, a ringing drum does not need to be beaten hard 快马不用鞭催，响鼓不用重锤*; *A good horse does not stop running, a good ox does not stop the plow 好马不停蹄，好牛不*

停犁; *Having looked at the mountains, to drive a horse 望山跑死马*, that is, what seems close turns out to be very far away), *a horse tired of work* in Russian culture (for example, *There was a horse, but it was ridden; A fast horse gets tired faster; A horse does not jump through force*). The horse animal performs different functions in the life of different peoples, which is reflected in the content of their cultural meanings: a riding animal (Chinese culture) and an animal for work (life support) (Russian culture). This is the allomorphism of the paremias of this plot. The isomorphism of these linguistic units is due to the place that the horse occupies as a pet in human economic activity.

The plot of "Values" is represented by the subject-figurative dominants in the thematic groups "Home" and "Work": the character of the horse in Chinese culture (for example, *a good horse does not eat the grass left behind 好马不吃回头草*, that is, purposeful people do not retreat) and the importance of the horse in the economy in Russian culture (for example, *A matter without an end – a mare without a tail; They do not buy a horse out of sight; A skinny horse is a bad owner*). In the formation of the plot of the "Value" of the studied cultures, a similarity is revealed, determined by the commonality of the social essence of a person: the importance of family, home, and work. The allomorphism of the paremias of the studied plot is due to the anthropomorphic / zoomorphic model of the people's thinking, that is, the emphasis is shifted either to the characteristics of a person (the owner is good or bad), or to the qualities of an animal (the horse is "hardworking" or lazy).

The plot "Fate" is represented by the subject-figurative dominants in the following thematic groups "Happiness", "Traditions", "Predictions": family traditions and understanding of *good / evil* in Chinese culture (for example, *a horse is not saddled with two saddles 一马不跨两鞍*, that is, a woman should not marry twice; *An old man has lost a horse, but who knows-*

maybe it's lucky 塞翁失马焉知非福, that is, there is no silver lining without good; *A horse rushes to the grass, a man-to his native land 人奔家乡马奔草*; *When a horse is on the edge of a precipice, it's too late to take the reins 临崖勒马收缰晚*, that is, it's difficult to correct the situation when things have gone far), *the unpredictability of fate and the accepted order* in Russian culture (for example, *Happiness is not a horse: you don't have luck on a straight road (you can't put a yoke on); They don't harness a horse from the tail; They don't put a horse behind a cart; Where a horse with a hoof, there is a cancer with a claw; Where a crooked [mare] will take out*). In this group, the national-specific component is most clearly represented, although the awareness of the impermanence of being is common to all cultures. But Russian proverbs are characterized by the idea of life as hard, which mainly reflects the peasant mentality. And the ways of love and friendship among the Chinese are often associated with the concept of fate and omens [Цзюй 2019: 5].

Thus, in Chinese and Russian proverbs and sayings, such character traits of the animal horse as speed, efficiency, experience (developed skill) are distinguished. The presence of allomorphism and isomorphism of the studied units is detected when analyzing the content of language models. The factors determining the similarity and difference in the representation of an animal in the paremiological picture of the world are material, ideological, cultural, national-specific factors: the belonging of the analyzed animal to a group of domestic animals, the attitude of the animal and its owner in the traditional attitude to nature as an animated being, the perception of the human world in harmony with nature and awareness of its place in society.

References

Зимин В. И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020.

Михайлова Ю. Н., И Ч. Культурные коннотации зоонимов в русской и китайской фразеологии // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 4 (157). С. 168–181.
Решетнёва У. Н. Этнопоэтика китайских пословиц и поговорок : дис. … канд. филол. наук. Омск, 2006.
Цзюй Ч. Семасиологическая структура паремий с компонентом-зоонимом в русском и китайском языках : дис. … канд. филол. наук. Челябинск, 2019. .
陈君慧. 谚语大全. 哈尔滨市道里区经纬街 26 号: 北方文艺出版社, 2004.

Метод синхронической дифференциации общего с другими языками vs. национального компонентов пословичного фонда языка[3]

Иванов Е.Е.

(Республика Беларусь, Могилёв)

При наличии обширной научной литературы, посвящённой национально-языковой и национально-культурной специфичности пословиц, только в сравнительно немногочисленных исследованиях национальный компонент выделяется на основе сопоставительного анализа (О.А. Артёмова, М.А. Бредис, В.И. Коваль, О.В. Ломакина, В.М. Мокиенко, Н.Ю. Нелюбова, Ю.А. Петрушевская и др.). В связи с этим удельный вес национального в пословичном фонде, как правило, неоправданно преувеличивается, что ведёт к ошибкам в определении как национально специфических тех единиц, которые есть также и в других языках, а во многих случаях являются результатом прямого иноязычного заимствования (что убедительно показано во многих работах В.М. Мокиенко на материале различных славянских языков). Такое стремление видеть национальное

[3] *Исследование проведено в рамках выполнения задания Государственной программы научных исследований 2021–2025 гг., № 20211335 (Беларусь).*

там, где его нет, приводит, в свою очередь, к существенным искажениям в описании национально-языковой картины мира. С другой стороны, недостаточно, как правило, исследуются в плане отражения национальной культуры общие с другими языками (интернациональные и универсальные) пословицы, которые в данном языке приобрели специфические форму и содержание — ассимилировались (стали национальными вариантами интернациональных, универсальных пословиц). Так, в белорусской лексикографии часто квалифицируются как национально-культурно маркированные такие пословицы, которые имеют аналоги в других языках, напр.: *Да пары збан ваду носіць <вушка адарвецца — збан паб'ецца>* [СБП: 61] = *The pitcher goes so long to the water / well / fountain until it breaks (*or *until its handle / neck breaks)* [EP: 287; УК: 39–40; PBS: 74]; *Поле бачыць, а лес чуе* [СБП: 120] = *Fields have eyes (*or *see) and wood / bush has ears (*or *listen)* [EP: 120; УК: 64] и т.п.

Национальный компонент пословичного фонда любого языка не ограничивается только единицами исконного происхождения. Так, значительно количество пословиц в современных европейских языках имеет весьма древнее происхождение, восходящее к образованию родственных языков либо к давним языковым контактам, проследить которые в большинстве случаев затруднительно, а часто и вовсе невозможно (этимологический и исторический анализ пословиц всегда субъективен). При этом состав национально специфических пословиц определяется, как правило, безотносительно фактов иных языков и лингвокультур, в том числе и родственных. Однако в своём большинстве пословичный фонд гораздо более интернационален, чем это обычно принято считать. Так, в составе наиболее активных пословиц белорусского языка [Ivanov 2002] употребляется не менее 70% единиц, общих с другими языками, прежде всего, с активными пословицами русского языка [Иванов 2015].

Большинство таких единиц давно ассимилировались в белорусском языке, приобрели в нём национально-языковую форму и даже национально-культурную семантику, благодаря отдельным компонентам своего лексического состава. В то же время многие иноязычные пословицы, которые калькировались в давнее время, воспринимаются современными носителями белорусского языка как исконные, однако отражают транснациональные (чужие для традиционной белорусской культуры) фрагменты языковой картины мира [Петрушэўская 2018].

Для объективного определения и описания в пословичном фонде национального компонента (специфического по отношению к иным языкам и лингвокультурам) можно предложить метод синхронической дифференциации, предполагающий синхроническую межъязыковую проекцию пословиц на широкий языковой и лингвокультурный материал, актуальный для современного носителя языка.

Метод синхронической дифференциации общего с другими языками / национального компонента в составе пословичного фонда языка является комплексным междисциплинарным методом, который основывается как на межъязыковом сопоставлении и структурно-семантическом моделировании (при определении национально-языковой специфики), так и на теории культурного трансфера, лингвокультурологическом и этнолингвистическом анализе (при определении национально-культурной специфики) [Мокиенко 2020; Бредис, Ломакина, Мокиенко 2020]. На этой основе представляется возможным разработать комплекс приёмов, позволяющих объективно идентифицировать как специфические (на фоне иных языков), так и общие с другими языками (интернациональные и универсальные) пословицы, установить и описать факты национальной культуры и способы их отражения в языковой и фоновой пословичной

семантике, в том числе в национальных вариантах интернациональных пословиц (обусловленных языковыми контактами и/или родством языков) и универсальных пословиц (не детерминированных ни родством, ни контактами языков).

Только при помощи метода синхронической дифференциации можно выявить национально специфический компонент (его объём, характер, способы маркирования) в составе таких пословиц, которые встречаются в большинстве европейских языков, но представлены в каждом языке в виде национально специфических вариантов, отражающих фрагменты национально-языковых картин мира, напр.: *All that glitters is not gold / silver / diamond* ‘Не всё, что блестит золото / серебро / бриллиант’ = *All is not flour that is white* ‘Не всё мука, что белого цвета’ = *We do not eat everything (*or *every bird) that is flying* ‘Мы не едим всё (каждую птицу), что летит’ = *All is not whalebone that is white* ‘Не всё кость кита, что белое’ [EP: 125; УК: 78 –79; BD: 56; EB: 15]; *Better one bird / pigeon / sparrow / in the hand / plate than two / ten / hundred in the air (*or *on the branch / fence / roof* etc.*)* ‘Лучше одна птичка / голубь / воробей в руке / в тарелке, чем две / десять / сотня в воздухе (на ветке / на заборе / на крыше и т.д.)’ = *Better a small bird (blue tit / magpie / sparrow etc.) in the hand than a larger bird (capercaillie / great grouse / crane / falcon / partridge / pigeon / stork* etc.*) in the air / skies / forest* etc. ‘Лучше маленькая птичка (лазоревка / сорока / воробей и др.) в руке, чем большая птица (глухарь / большой тетерев / журавль / сокол / куропатка / воробей / аист и др.) в воздухе / в небе / в лесу и т.д.’ = *Better a chicken / sparrow / thrush today than a bustard / capercaillie / gander tomorrow* ‘Лучше цыплёнок / воробей / дрозд / сегодня, чем дрофа / глухарь / гусь завтра’ = *Better an egg today than a hen tomorrow* ‘Лучше яйцо сегодня, чем курица завтра’ [EP: 194; УК: 62–64; PBS: 59–61; РБ: 66–67]; *Fields have eyes (*or see*) and wood / bush has*

*ears (*or listen*)* ‘Поля имеют глаза (видят), а дерево / куст имеет уши (слушает)’ = *The day has eyes and the night has ears* ‘День имеет глаза, а ночь имеет уши’ = *The sea listens (*or *has ears) and the wood sees* ‘Море слушает (имеет уши), а лес видит’ [ЕР: 120; УК: 64–65] и т.п.

Основная цель разработки нового метода — это показать, что национальный компонент пословичного фонда языка обусловлен в наибольшей степени не национально специфическими единицами (которых нет в других языках), а общими с другими языками (интернациональными и универсальными) единицами, которые приобрели в данном языке национально специфические варианты и стали отражать отдельными лексическими компонентами факты данной национальной культуры и определённого национального менталитета. Напр.: бел. *Бойся* ***быка*** *спераду,* ***каня*** *ззаду, а* ***дурня*** *— з усіх чатырох бакоў* = рус. *Берегись* ***козла*** *спереди,* ***лошади*** *— сзади, а* ***лихого человека*** *— со всех сторон* = укр. *Бійся* ***цапа*** *спереду,* ***коня****: сзаду, а* ***лихої людини*** *навкруги* = польск. ***Kozla*** *strzez sie z przodu,* ***konia*** *z tyhi, a* ***zlego czlowieka*** *z kazdej strony* = латыш. *Bisties azi no prieksas,* ***zirgu*** *— no pakajas, bet* ***Jaunu cilveku*** *po visam pusem* = нем. *Nehmt euch vor einem* ***Ochsen*** *vorn, vor einem* ***Esel*** *hinten und vor einem* ***Monch*** *auf alien Seiten in Acht* = фр. *II faut se garder du devant d’une femme, du derriere d’une mule, et d’un moine de tous cotes* [УК: 126]; бел. ***Ваўка*** *ногі кормяць* = рус. ***Волка*** *ноги кормят* = укр. ***Зайця*** *ноги носять,* ***вовка*** *ноги годують* = англ. *The* ***dog*** *that trots about finds a bone* = нем. *Ein* ***Wolf*** *im Schlaf fängt nie ein Schaf* = исп. ***Oveja*** *que anda, bocado halla* [УК: 131; BD: 25; ЕВ: 30; РБ: 27–28]; бел. *Два* ***мядзведзі*** *ў адным логавішчы ўжыцца не могуць* = рус. *Два* ***медведя*** *в одной берлоге не живут* = польск. *Dwa* ***koguty*** *na jednych nie zgodzą się śmieciach* = латыш. *Divi* ***kajci*** *vienā maisā nesatiek* = англ. *Two* ***sparrows*** *on one ear of corn make an ill agreement* = нем. *Zwei* ***Bären*** *vertragen sich nicht in einer Höhle* = исп. *Dos* ***gorriones*** *en una espiga hacen mala miga* = ит.

Non stanno bene due ***galli*** *in un pollaio* = фр. *Deux* ***chiens*** *à un os ne s'accordent pas* [УК: 149–150; BD: 32; РБ: 40]; бел. *У сваім стане і* ***прыстаў*** *цар* = польск. *W swoim domu* ***każdy*** *królem* = исп. *Mientras en* ***mi*** *casa estoy, rey* ***me*** *soy* = ит. *In casa sua* ***ciascuno*** *è re* = фр. *Tout* ***chien*** *est lion dans sa maison* [УК: 279–280]; бел. *Язык* ***Вільні*** *дапытае* = рус. *Язык до* ***Киева*** *доведёт* = укр. Язик і до **Кия** доведе = польск. *Język i do* ***Krakowa*** *doprowadzi* = исп. *Quien boca ha, a* ***Roma*** *va* = ит. *Chi lingua ha a* ***Roma*** *va* = фр. *Qui langue a, à Rome va* [УК: 303–304; РБ: 137].

Метод синхронической дифференциации специфического / общего (на фоне других языков) позволит максимально объективно устанавливать и описывать как национально-языковое, так и национально-культурное своеобразие пословиц, определять объём и характер не только специфических (на фоне других языков) единиц, но также и лингвокультурно ассимилированных интернациональных единиц, лингвокультурно маркированных универсальных единиц в составе пословичного фонда любого конкретного языка.

Сокращения

BD — *Belarussisches-Deutsch paremiologisches Wörterbuch*. Магілёў: МДУ, 2006.

ЕВ — *English-Belarusian Paremiological Dictionary*. Магілёў: МДУ, 2009.

РБ — *Русско-белорусский паремиологический словарь*. Могилёв: МГУ, 2007.

PBS — *Polsko-białoruski słownik paremiołogiczny*. Магілёў: МДУ, 2007.

СБП — Іванова С., Іваноў Я. *Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў*. Мінск: БФС, 1997.

УК — Петрушэўская Ю.А. *Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік*. Магілёў: МДУ, 2020.

ЕР — Paczolay G. *European Proverbs in 55 Languages, with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese*. Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997.

Литература

Бредис М.А., Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Русинская фразеология как пример культурно-языкового трансфера в славянских языках (на материале нумеративных единиц) // *Русин*. 2020. № 60. С. 198–212. DOI: https://www.doi.org/10.17223/18572685/60/12

Иванов Е.Е. Паремиологический минимум и основной паремиологический фонд // *Паремиология в дискурсе* / под ред. О.В. Ломакиной. М.: URSS: Ленанд, 2015. С. 48–66.

Мокиенко В.М. Лингвокультурологическая паремиология в европейской ретроспективе // *Перспективные направления современной лингвистики* / под ред. В.В. Воробьёва, Д.С. Скнарева, М.Л. Новиковой. М.: РУДН, 2020. С. 42–53.

Петрушэўская Ю.А. Нацыянальная адметнасць прыказкавага фонду беларускай мовы // *Учёные записки ВГУ имени П.М. Машерова*. 2018. Т. 27. С. 150–154.

Ivanov E.E. *Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian)*. Prague: RSS, 2002.

Коммуникативные приемы как часть психолингвистических тактик в политическом дискурсе

Игнатенко А.В., Дорофеева Е.А.

(Россия, Москва)

В данной работе исследуются коммуникативные приёмы как область психолингвистических тактик в политическом дискурсе на примере выступлений председателя КНР Си Цзиньпина. Тактика рассматривается как основа речевого воздействия на реципиента в рамках политического дискурса. В качестве базы для применения тактик выступают заведомо известные данные и цель — стратегия, на основе которой политический деятель выражает субъективную оценку затронутой темы, обращаясь к применению инструментов реализации для усиления

влияния на аудиторию, а именно когнитивным и языковым приёмам.

Цель настоящей работы — выявление особенностей применения коммуникативных приёмов в китаеязычном политическом дискурсе. Сопутствующими задачами стали описание характерных черт восприятия массами речи Си Цзиньпина, оценка успешности речи в соответствии с употреблёнными тактиками и стратегией, а также её количественный анализ на наличие характерных лексических единиц для эффективной передачи необходимых смыслов, совпадающих с тематикой речи.

Для выступления на Генеральной Ассамблее ООН председатель КНР выбрал общую стратегию театральности, которая отличается эмоциональностью высказывания, с тактиками побуждения и обещания, что обуславливается повесткой дня — борьба с COVID-19, в процессе которой ключевую роль играет сплочение стран всего мира и вклад каждой из них [Акопова 2013: 407]. Подтверждением этому являются использованные в речи когнитивные и языковые приёмы.

Когнитивные приёмы — инструменты речевого воздействия, в процессе которого когнитивная база адресата выступает в качестве основы для построения «модели мира» говорящего и последующего её внушения реципиенту [Ван, Ван 2018; Сунь, Калинин, Игнатенко 2021]. В рассматриваемой речи используется *приём обращения к общему опыту и знаниям* с целью демонстрации близости власти к народу и завоевания доверия. Примечательно, что данный приём используется в начале речи для подготовки слушателя к восприятию новой информации:

> 新冠肺炎疫情不会是人类面临的最后一次危机，我们必须做好携手迎接更多全球性挑战的准备。
>
> [Эпидемия новой коронной пневмонии не станет последним кризисом, с которым столкнулось

человечество, мы должны быть готовы объединить усилия для решения более глобальных проблем.]

Предложение усиливает воспринимаемость сказанного вкладываемым значением общей причастности всего мира к происходящему посредством существительного 人类, которое было использовано в тексте 12 раз, местоимения 我们, которое употреблялось 13 раз, а также второй синтагмы предложения. Также доказательством утверждения о вкладываемом значении является использование в тексте слова 世界, которое было употреблено 20 раз.

Языковые приёмы — лексические, стилистические и грамматические инструменты выражения личного мнения говорящего посредством изложения основного значения, связанного с подразумеваемым значением [Ван, Ван 2018: 135]. К лексическим приёмам влияния относится *номинация объектов и явлений*, а также *обращение к фразеологизмам*:

我们生活在一个互联互通、**休戚与共**的**地球村**里。
[Мы живём в глобальной деревне, где мы взаимосвязаны и разделяем счастье и горе.]

Определяемое словосочетание 地球村 применяется для номинации мирового сообщества как единого целого, а чэнъюй-определение 休戚与共 указывает на общность интересов и широкомасштабность происходящего.

Стилистические и грамматические приёмы используются для увеличения влияния преподносимой информации на адресата с последующим усилением акцентов на ключевые данные и их ослаблением касательно второстепенных [Ван, Ван 2018: 136]. В рассматриваемой речи к стилистическим приёмам относится употребление *антитезы*, *анафоры*, *сравнения, иронии,* а также упоминание *прецедентных феноменов*.

Антитеза и анафора используются с целью акцентирования внимания на действиях человечества и придания им негативной окраски посредством формирования советующих повторяющихся рядов в совокупности с контекстуальными антонимами:

> 人类不能再忽视大自然一次又一次的警告，沿着**只讲索取不讲投入、只讲发展不讲保护、只讲利用不讲修复**的老路走下去。
>
> [Человечество больше не может раз за разом игнорировать предупреждения природы и следовать старому пути: только требовать, но не вкладывать; только говорить о развитии, но не защищать; только использовать, но не восстанавливать.]

Сравнение и ирония в сумме образуют сатирический образ мирового сообщества, которое должным образом не принимает набирающую обороты экономическую глобализацию, воспринимая её как угрозу:

> 面对经济全球化大势，**像鸵鸟一样**把头埋在沙里假装视而不见，或**像堂吉诃德一样**挥舞长矛加以抵制，都违背了历史规律。
>
> [Сталкиваться с общей тенденцией экономической глобализации, зарывшись головой в песок, как страус, и притворившись закрывающим глаза, или размахивать копьем, как Дон Кихот, сопротивляясь — всё это нарушает законы истории.]

Посредством упоминания Второй Мировой войны как прецедентного феномена в данной речи проводится параллель с борьбой с COVID-19, которая требует подобного отношения:

> 75 年前，中国为赢得**世界反法西斯战争胜利**作出了历史性贡献，支持建立了联合国。今天，秉持同样的担当精神，中国积极投身国际抗疫合作。

[75 лет назад Китай внёс исторический вклад в победу в мировой антифашисткой войне и поддержал создание ООН. Сегодня, придерживаясь того же духа ответственности, Китай активно участвует в международном противоэпидемическом сотрудничестве.]

К грамматическим приёмам относится *инверсия* и *использование различных типов модальности*, что является основой теории системно-функциональной грамматики, которая рассматривает влияние подобных явлений на высказывания в повествовательных, вопросительных и побудительных предложениях в целом [Лу 2016: 50].

疫情终将**被**人类战胜，胜利必将属于世界人民！
[Эпидемия в итоге будет побеждена человечеством, и победа будет за народами мира!]

Пассив в приведённом выше предложении употреблён для заострения внимания на существительном 人类, то есть на общепричастности мирового сообщества к борьбе с COVID-19.

Что касается модальности, Ван Хунян и Чэнь Чуньсун, сравнивая политические выступления по типу, ориентации модальности и модальному значению, сделали вывод о том, что в большей или меньшей степени в них проявляются все 4 типа модальности, большинство модальных глаголов обозначают *обязанность и возможность* [Ван, Чэнь 2007: 23-24]. Это подтверждается следующими примерами из речи:

我们**不能**回避经济全球化带来的挑战，**必须**直面贫富差距、发展鸿沟等重大问题。
[Мы не можем избежать проблем, вызванных экономической глобализацией, мы должны решать такие серьёзные проблемы, как разрыв между богатыми и бедными и разрыв в развитии.]

人类**需要**一场自我革命，加快形成绿色发展方式和生活方式。

[Человечеству нужна самореволюция для ускорения формирования методов и образа жизни зелёного развития.]

Итак, результаты анализа приведённых примеров позволяют сделать вывод, что речь Си Цзиньпина на 75-й Генеральной Ассамблеи ООН была направлена на формирование у реципиентов чувства сопричастности всего мира к защите населения от COVID-19. Достижение этой цели сопровождалось использованием приёмов когнитивного и языкового характера, которые являются инструментами выбранных коммуникативных тактик и стратегии. Дополнительным доказательством данного утверждения являются результаты количественного анализа. В соответствии с употреблённой в речи стратегии театральности и тактиками убеждения и обещания речь считается успешной, так как данные составляющие политического дискурса характеризуются частым употреблением эмоционально-окрашенных слов и конструкций, что было доказано анализом, а значит, лучшим качеством донесения информации до адресатов и влиянием на них соответственно.

Литература

Акопова Д.Р. Стратегии и тактики политического дискурса // *Вестник Нижегородского университета им. Лобачевского*, 2013, №6 (1), с. 403-409.

Ван Сяоси, Ван Е. Тактики и приемы речевого воздействия в тексте выступления В.В. Путина на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // *Политическая лингвистика*, 2018, № 6 (72), с. 133-139.

Лу Тинтин. Политическая лингвистика в Китае: теория и основные направления // *Политическая лингвистика*, 2016, №5 (59), с. 46-55.

Сунь Ю., Калинин О.И., Игнатенко А.В. Использование индексов метафоричности для анализа речевого воздействия метафоры в текстах публичных выступлений политиков. Russian Journal of

Linguistics. 2021. T. 25. №1. C. 250-277. DOI: 0.22363/2687-0088-2021-25-1-250-277

习近平在第七十五届联合国大会一般性辩论上发表重要讲话// URL: https://www.163.com/news/article/FN5RBKVN000189FH.html (дата обращения 23.06.2021).

王红阳，程春松. 英语政治演讲和学术演讲的情态对比研究 // *外语与外语教学*. 2007 年第 5 期. 第 21 页-第 24.

Коммуникативные стратегии и тактики движения против гендерного неравенства в социальной сети Instagram

Илмаз-Леденева Т.О.

(Россия, Краснодар)

Интернет-коммуникация представляет собой новый феномен для исследования интерактивного общения. По мнению В.Ю. Лысковой, социальные сети, как продукт виртуальной коммуникации, объединяют участников общения и формируют межличностные связи [Лыскова 2014]. Различие пола или гендера как культурного фрейма часто влечет за собой социальные процессы неравенства [Ridgeway 2007].

Для реализации коммуникативной стратегии необходимо применение определенных тактик, которые обуславливают использование языковых средств [Паршина 2007].

Рассмотрим, как проявляются коммуникативные стратегии на примере социального движения в социальной сети Instagram. Весной 2021 года была убита девушка по имени Сара Эверард на улицах Лондона, что дало толчок новому движению. Под хештегом *#saraheverard* зафиксироно 46 500 публикаций в Instagram.

Интерес читателей к вопросу гендера привел к появлению специализированных гендерно-маркированных аккаунтов известных СМИ без аналога в печатном формате. Журнал New York Times в своем гендерно-маркированном аккаунте Instagram *nytgender*, опубликовал следующее сообщение: “If Sarah Everard’s death convinced many women in Britain that the police were failing to protect them…along with the arrest of a police officer over her killing, have led many to conclude that the police are an active threat. Women’s safety and freedom…can come only from much deeper social changes…”. В данном сообщении используется интерпретационно-информативная стратегия. Данная стратегия осуществляется при помощи тактики признания существования проблемы, что можно увидеть в первых же словах СМИ: “Sarah Everard’s death” и далее “the violent police action”; другая тактика интерпретационно-информативной стратегии — указание на путь решения проблемы, что подтверждается словами “ Women’s safety and freedom…come only from much deeper social changes”. Стратегия убеждения (агитации) и тактика призыва в ответах на публикацию:

> *rebecca_e_moller* Wow to the government’s response. Self incriminating. Say no more. Protect the women idiots!
> …
> *rrsmith596* This is like having the fox guarding the hen house… Police departments need to take a deep dive into their own hiring practices. Since they won't WE the people need to help them correct this.

Агитация явно проявляется в императиве “Protect the women”, а в выражении “WE the people need to help them correct this” делается акцент на местоимении «мы», происходит отождествление автора с остальными людьми, также это местоимение выделятся прописными буквами, что еще больше подчеркивает значимость народа. Стратегия

убеждения (аргументативная) и тактика обоснованных оценок:

> *leif_k_w* Policemen are statistically likelier than the general population to perpetrate domestic violence. Putting police in charge of addressing gender-based violence is clearly a flawed approach. Doesn't get much clearer than that

В комментарии происходит ссылка на статистические данные "statistically likelier" для подтверждения слов говорящего, однако сами цифры статистики и кем был выполнен подсчет не указано, что не может до конца служить в поддержку слов говорящего. Осознавая лишь частичную ссылку, автор в конце прибегает к убеждению, основанном на личностном восприятии "Doesn't get much clearer than that". Стратегия формирования эмоционального настроя адресата, с тактикой единения:

> *atlanticeffect* This is crazy but unfortunately highlights the fear and danger women face each time we are alone outside at night — since we were 10 years old. And that's in suburban America.

Автор употребляет местоимение "we" для обозначения вовлеченности в проблему всех представителей женского пола, что наглядно демонстрирует тактику единения, дважды упоминаются слова с темой «небезопасности» "fear", "danger", происходит постепенное нарастание эмоциональности, а конец предложения является кульминацией — женщины не только находятся в угнетении, но познают страх еще с детского возраста 10 лет.

Анонимная поддержка проявляется и в обезличенных аккаунтах — *zenerations.* В аккаунте опубликована карусель со специальными приложениями на телефоны в целях безопасности женщин. Косвенное обвинение представителей мужского пола в отсутствии безопасности женщин говорит о конативно-ориентированной стратегии, которая заключается

в формировании у получателя определенного отношения к речевому событию путем оценивания: “…women may not know of self-defense or helpful apps, and to help assuage them on their feelings of fear and discomfort...REMEMBER…victims shouldn't be blamed for their trauma caused by predators. #NotAllMen is simply a distraction, and we have provided ways for men to help women feel safer.” В данной публикации адресант использует стратегию формирования эмоционального настроя (“REMEMBER”, “victims shouldn't be blamed for their trauma caused by predators”), в данной стратегии присутствует тактика обращения к эмоциям и тактика единения (“we have provided ways for men to help women feel safer”). Затрагивание проблемы в публикации показывает равное сочувствие к женщинам и сопереживание к осуждаемым мужчинам, для чего используется хештег #NotAllMen в контексте поддержания «невиновных» представителей мужского пола в сложившейся ситуации поголовного обвинения мужчин (“Not all men is simply a distraction”). Сообщение, написанное, очевидно, женщиной изобилует такими лексемами, как “safe”, “piece”, “self-defense”, “fear,” “helpful”, “threatening” и только одна лексема агрессивного характера “predator” в адрес противоположного пола, используется для разграничения языковой картины мира мужчин и женщин. В речи присутствует убеждение подчинительного положения женщин и по семантическому значению языковых средств, и в когнитивном значении всего высказывания. В комментариях обнаруживается манипулятивная стратегия нападения с тактикой навешивания ярлыков и тактикой непрямых оскорблений, что видно в следующих высказываниях:

> *muskaaaan_t* You made freaking 9 pages for women to ensure their safety but just a page to ensure men have control over themselves...

Комментарий поделен на две контрастирующие части: в первой части, посвященной предостережению женщин, присутствует умаление значимости сообщения при помощи прилагательного “*freaking* 9 pages for women”, во второй части, адресованной контролю поведения мужчин, подчеркивается контраст при помощи наречия “*just* a page to ensure men”. Аргументативная стратегия убеждения и тактика контрастивного анализа:

> *me._._draw* If women are seriously get Afraid that a man is going to kidnap them for no reason if they leave the house…they either think they are way prettier than they really are or they just have some preconceived notion that all men rapists.

В комментарии наблюдается контрастивный характер противопоставления поведения мужчин и ожидания женщин, что строится на иронии и скрытом высмеивании опасения женщин: *похищают только красивых женщин и всем подряд беспокоиться не о чем.* Усмешка подчеркивает раздражение автора и призыв к прекращению обсуждения гипотетической опасности для женщин, что также высмеивается эпитетом “If women are *seriously* get afraid”. Интерпретационно-информативная стратегия и тактика акцентирования положительной информации:

> *antidepressed_ash* Thanks for this♡
> *victormediagrp* This is great

Стратегия формирования эмоционального настроя адресата, тактика обращения к эмоциям:

> *scared_shaniac* I don’t understand how so many men can blame a female victim because she “wasn’t prepared” or something, but then turn around and say “not all men!! Why can’t you give men a chance!” So which is it, do you want us to trust men or not?

Комментарий обладает тактикой обращения к эмоциям, которая выражается в восклицании после каждого предложения и ассоциативной связи “wasn’t prepared” — женщины-жертвы, а затем вводится контрастная ответная реакция мужчин на обвинения “not all men!!”. Происходит эмоциональная реакция обиды как со стороны потенциальных читателей мужчин (“#notallmen”), так и женщин. Далее идет отождествление автора с женщинами при помощи местоимения *“us”* и противопоставлении мужчинам “…do you want *us* to trust men or not?”. Комментарий носит конфликтный характер, что способствует вступлению в диалог других людей и разжиганию спора.

Аккаунт *Clerksofrbg* подписывает карикатурно выполненный лозунг-публикацию следующими словами: “Stop telling women to be careful and start telling men not to be a threat”. На самом изображении публикации размещен лозунг, в котором обнаруживается агитационная стратегия и тактика призыв: “This should never be normal”, изображающей ключи в руках женщин разных рас как орудие самозащиты. В предложении лексемы “careful” и “threat” выстроены в антонимичном значении для контраста: пассивные качества — женщинам, доминантные — мужчинам. Стратегия формирования эмоционального настроя воспроизводится как в тактике единения, так и наоборот — отрицании единства:

> *self_injury_support* So important to work towards a world where women don't feel afraid to walk home every night❤️‍🩹.

Данный комментарий не является полностью объективным, учитывается лишь одно возможное состояние женщин — страх, но в нем может быть отражена доля достоверности.

> *goosebumss* My cousin didn't know this was a thing. Men have no idea how we view the world.

Мы наблюдаем как автор ссылается на брата как представителя всего противоположного пола, что свидетельствовало бы о всеобщей неосведомленности. Данный прием повышает уровень самопрезентации.

Социальная сеть Instagram является рупором социальных проблем, которые проявляются в публикациях, хештегах и комментариях, которые демонстрируют определенные стратегии и тактики.

Литература

Ridgeway, C. L. Gender as a group process: Implications for the persistence of inequality. In The social psychology of gender, edited by S. J. Correll. New York: Elsevier, 2007

Лыскова В.Ю. Социальные сети: применение в образовании, формирование имиджа университета// Психолого-педагогический журнал Гаудеамус №2 (24), 2014.

Паршина О.Н. Российская политическая речь: Теория и практика. Москва: ЛКИ, 2007.

Лексико-семантическая группа «Традиционная одежда» в нигерийском варианте английского языка

Ильина Н.Ю., Келехсаева А.А.

(Россия, Москва)

Английский язык в Нигерии представляет собой вариант европейского языка в Тропической Африке, обладающий лингвокультурологической спецификой. Сложность гетерогенной языковой ситуации в стране заключается в том, что английский язык сосуществует и взаимодействует с автохтонными африканскими языками. К особенностям функционирования нигерийского английского языка относятся заимствования из местных африканских

языков, наибольшее количество которых относится к таким тематическим группам, как «флора и фауна», «еда, пища», «одежда». Примечательно, что 70% населения Нигерии приходится на три народа: хауса, йоруба и игбо, поэтому заимствования из этих языков являются самыми многочисленными.

На протяжении веков одежда африканцев является важным культурным кодом, подчеркивает национальную идентичность. Одежда рассказывает о племенной, религиозной принадлежности человека, отражает социальную ситуацию, личные предпочтения, а также уровень развития местной ткацкой, красильной, швейной промышленности [Денисова 2016: 36]. Европейская одежда у африканцев ассоциируется с элитой, получившей современное образование и поднявшейся на высокие ступени социальной лестницы. Многие африканцы носят традиционную одежду, которая подчеркивает их африканскую идентичность и приверженность традиции.

Одежда в Нигерии во многом уникальна. Этническое разнообразие прекрасно отражается в одежде нигерийцев, которые выделяются среди африканцев своими яркими, красочными нарядами.

Народ Йоруба известен своими изысканными нарядами. Одежда служит для демонстрации статуса и богатства. Для особых церемоний, таких как свадьба или похороны, надеваются особенно красивые наряды.

Agbada — это мужской национальный костюм, состоящий из сорочки, брюк и длинной рубахи свободного кроя, которые сшиты из одной ткани, с вышивкой на шее и на манжетах. Эта лексема используется на юге страны, заимствована из языка йоруба, в то время как на севере Нигерии для такого же наряда используется лексема *babariga* (заимствована из хауса).

Buba — слово из языка йоруба, переводится как блузка. Это женская одежда свободного покроя с длинными

рукавами и либо круглым, либо v-образным вырезом. На неофициальные мероприятия может носиться с брюками или юбкой, но в официальном контексте носится с юбкой из соответствующих материалов. Мужчины также могут носить бубу. Обычно мужчины носят *dashiki (дашики)*, основное отличие которого — это прямой вырез и свободный покрой, в то время как буба не такая свободная и у нее 2 других варианта выреза. Наряд из бубы и юбки с запахом является традиционным национальным костюмом во многих странах Западной Африки.

Iro — на языке йоруба — юбка с запахом. Это длинная прямоугольная юбка, которая обматывается вокруг талии и подкалывается в конце. Обычно носится с сочетающимся с ней головным убором в виде платка, который на языке йоруба называется *gele* (pronounced *geh-leh).* Весь наряд состоит из трех предметов: блузки буба, юбки иро и головного убора геле.

У йоруба принято, когда вся семья надевает одежду в одном стиле из одинаковой ткани на торжественные мероприятия, такие как свадьбы, похороны, праздники. Такой вариант одежды называется *aso ebi* — в переводе с йоруба *aso* — ткань, а *ebi* — семья.

В романе «Тайные жизни жен Баба Сеги» (2010) нигерийская писательница Лола Шонеин описывает характерный наряд для большой полигамной семьи, который члены семьи надевают на праздник:

... Baba Segi asked me to make aso ebi for the entire household. The neighbour's birthday was in two weeks' time and he wanted us all dressed in the same fabric from top to bottom [Shoneyin 2010: 67]. *Баба Сеги попросил меня сделать асо эби для всей семьи. День рождения соседа был через две недели, и он хотел, чтобы мы все были одеты в одну ткань сверху донизу.*

Аналогичный подбор нарядов в современной семье нигерийцев подмечает писательница Чимаманда Нгози

Адичи: *... he thought Kosi would not want to go to his friend Ahmed's child's christening party the next day. But in the morning Kosi laid out, on their bed, her blue lace long skirt, his blue Senegalese caftan, and in between, Buchi's flouncy blue velvet dress* [Adichie 2013: 465]. *…он думал, что Кози не захочет идти на крещение ребенка своего друга Ахмеда на следующий день. Но утром Кози выложила на их кровати свою синюю кружевную длинную юбку, свой синий сенегальский кафтан, а между ними — пушистое синее бархатное платье Бучи.*

Sokoto (хауса) **—** мужской костюм, состоящий из туники и брюк. Часто произносятся «shokoto». Словарь Игбоануси дает слудеющий пример: *The police tore and pulled out my traditional dress, agbada and sokoto, leaving me only with buba and pants* [Igboanusi 2002: 256]. *Полиция порвала и стащила с меня мою традиционную одежду, агбаду и сокото, оставив меня только с бубой и штанами.* Мужчины хауса носят традиционный головной убор, — круглую шапочку под названием *fula* (фула).

В Нигерии основными материалами в одежде является кружево, также именуемое *shain-shain aso oke* или *air conditioner aso oke* (ткут мужчины йоруба), жаккард, лен (для официальных кафтанов), сатин (официальная одежда).

I wanted to dress her in the finest asa oke so she could parade herself for my delight alone [Shoneyin 2010: 101]. *Я хотел одеть ее в лучшее асо оке, чтобы она могла выставить себя напоказ ради моего удовольствия.*

Предметы женской одежды включают в себя *buba, iro, gele и iborun или ipele* (шарф, который повязывается либо вокруг шеи, либо по диагонали через тело); мужской одежды: *buba, fula, sokoto, abeti-aja* (вид головного убора с длинными полями) и *agbada.*

Значимая нигерийская реалия из области предметов одежды — *wrapper (wrappa),* юбка с запахом — это цветная одежда, которая широко распространена среди женщин в

Западной Африке. Она издавна носится деревенскими женщинами как на официальных, так и неофициальных мероприятиях. Формальность юбки зависит от ткани, из которой она сшита. Сегодня это в основном домашняя одежда, которую носят как женщины, так и мужчины.

She paused to wipe her tears with her wrapper [Shoneyin 2010: 150]. *Она остановилась, чтобы вытереть слезы юбкой.*

Встречается фразеологизм *woman wrapper* — подкаблучник. *John is a woman wrapper. He hardly can say no to his wife* [Igboanusi 2002: 300]. *Джон подкаблучник. Он едва ли может отказать своей жене.*

В Нигерии широко распространен западноафриканский *kaftan/boubou (кафтан/бубу).* В Западной Африке кафтан *(*kaftan*/caftan)* — это женская или мужская роба, свободно летящее платье, надевается через голову. Во французском языке эта одежда называется бубу (boubou, произносится boo-boo). Это традиционный наряд во многих странах Западной Африки, который может надеваться как на официальные, так и неофициальные мероприятия.

Our source told us that it was because of the pregnancy that Aunty Lola always adorns different types of boubou or kaftan with kampala or tie and dye fabrics [Igboanusi 2002: 65]. *Наш источник рассказал нам, что именно из-за беременности тетя Лола всегда украшает различные виды бубу или кафтана кампалой или тканями, окрашенными техникой тай-дай.*

Gele (pronounced *geh-leh)* — это предмет традиционной нигерийской одежды, платок, который женщины различными способами повязывают на голову (другие лексемы wrap, head tie, headscarf, headgear).

She reached out to adjust her green headgear, worn low on her head, almost covering her eyebrows [Adichie 2007: 94]. *Она протянула руку, чтобы поправить свой зеленый головной убор, низко надетый на голову, почти закрывая брови.*

Iya Segi yanked her head-tie of her head and flung it across the room… [Shoneyin 2010: 12]. *Айя Сеги сдёрнула с головы свой головной убор и швырнула его через всю комнату…*

В романе «Кехинде» (1994) нигерийская писательница Бучи Эмечета перечисляет наряды, которые героиня демонстрировала своим гостям на вечеринке в Лондоне, устроенной по поводу отъезда ее супруга на родину в Нигерию. Вечеринка проходила в нигерийском стиле, когда преуспевшие в Европе африканцы стремились показать свое богатство, в том числе изобилие нарядов: *Kehinde did not disappoint her friends. In the course of the evening, she changed clothes ten times, as rich men's wives did in Nigeria, to advertise their wealth and boost the ego of the man of the house. Albert, who, like Kehinde, had grown up in Lagos, loved to look expensive* [Emecheta 1994: 37]. *Кехинде не разочаровала своих друзей. За вечер она десять раз переодевалась, как это делали жены богатых мужчин в Нигерии, чтобы рекламировать свое богатство и повышать эго мужчины в доме. Альберт, который, как и Кехинде, вырос в Лагосе, любил выглядеть дорого.*

Kehinde did not let Albert down. She treated her guests to the whole array of Nigerian traditional styles and fabrics, from guinea boubou to aso-oke iro and buba, to the Igbo lace blouse and George lappa, ending with the Igbo ceremonial costume of white otu-ogwu. This consisted of a cloth wound around her body beneath the armpits, leaving her shoulders bare. Precious coral beads adorned her neck, hair and ears [Emecheta 1994: 38]. *Кехинде не подвела Альберта. Она удивила своих гостей различными нигерийскими традиционными стилями и тканями, от гвинейского бубу до асо-ике и бубы, до кружевной блузки игбо и Джордж лаппы, заканчивая церемониальным костюмом игбо из белого оту-огву. Он состоял из ткани, обмотанной вокруг ее тела под подмышками, оставляющей ее плечи открытыми.*

Драгоценные коралловые бусы украшали ее шею, волосы и уши.

Великий писатель Нигерии Ч. Ачебе говорил, что африканские лидеры имеют «священные обязанности» и должны проявлять уважение к прошлому, в том числе и к художественному наследию Африки. Нигерийские лидеры почти всегда на международные мероприятия надевают традиционную одежду — длинные, в основном белые, богато отделанные вышивкой, в том числе и золотой нитью, агбады. Правительства, которые возглавляли эти руководители, назывались в народе *«Ijoba Alagbada»* (на языке йоруба — «правительство носящих агбаду»). Другие нигерийские лидеры предпочитали серые, голубые и синие агбады или туники — *бабарига* с брюками такого же цвета или черными. Часто они носили национальный головной убор — шапочку с вышивкой [Денисова 2016: 34].

Автохтонная лексика, именующая объекты природного мира, реалии повседневной жизни, этнографические реалии неразрывно связана с нигерийским предметным миром.

Литература

Денисова Т.С. Исламский экстремизм и проблемы насилия в Нигерии / Т.С. Денисова // Насилие и Терроризм. Гендерный аспект. — М.: Институт Африки РАН. — 2016.

Adichie Ch. N. Half of a Yellow Sun / Ch. Achebe. — L., NY., Toronto, Sydney: Harper Perennial, 2007. — 433 p.

Emecheta B. Second-Class Citizen / B. Emecheta. — Oxford: Heinemann, 1994. — 187 p.

Igboanusi H. Igbo English in the Nigerian Novel / H. Igboanusi. — Enicrownfit Publishers, 2002. — 136 p.

Shoneyin L. The Secret Lives of Baba Segi`s Wives / L. Shoneyin. — Serpents Tail, 2010. — 245 p.

Communicative Styles and Politeness Strategies of Response to Thanking in British and Persian Family Setting

Kameh Khosh N.

(Russia, Moscow)

In different communities, people speak different languages and use their languages in different approaches. These types of differences between the ways of applying different languages could cause the situation in which many difficulties shape through mutual understanding among people from different cultures and even create a number of serious disagreements in intercultural communications. Therefore, explaining the connections which exist between particular approaches of speaking and culture necessitates [Larina 2020].

Politeness is a main aspect of communication among people which assign to itself a great attention of scientists from various fields of sociolinguistics, pragmatics, discourse analysis and intercultural communication. Although the preliminary theories of politeness were focused mainly on politeness within a single culture but scientists in the field of politeness tended gradually to compare the forms and practices of politeness across cultures. Nevertheless Brown & Levinson's Theory of Politeness [1987] has been recognized as the most highlighted initiating point in intercultural and contrastive pragmatics, but this theory has received the objections because of its Western or Anglo bias and therefore cannot be considered as a universal theory which is applicable to all languages and all cultures [Leech and Larina 2014].

Watts [2003: 14] states that politeness is a concept that is basically constructed on culture. He believes that in contrary to universality of politeness, it is a phenomenon with culture-specific nature and there are different understandings and norms

of politeness among different cultures. From his perspective, these differences in politeness systems demonstrate differences in social relationships and values and people from different cultures do not constantly share ideas as to what is a polite act and what is an impolite act. In other expressions, politeness has its own cultural specificity in different cultures and due to different understandings and norms of politeness among cultures, the same verbal or non-verbal act of behaving politely in one culture may be understood as an impolite or disrespectful in another culture [Wierzbicka 2003].

In our analysis of family discourse, our main concentration has been on some speech acts consisting of *response to thanking* which obtained from eight described situations. These results are in complete harmony and consistency with our ethnographic observations as well as discovered differences in communicative styles and politeness strategies, applied in top-down and bottom-up contexts of British and Persian family setting.

Our analysis reveals that *response to thanking* among British and Persian families bear a number of significant differences in these two cultures. Our findings show that in British family, in top-down context, parents use positive politeness strategies and the communicative styles of *response to thanking* in this context between parents and children are shaped informal, short and simple as in the situations below, when the mother responds to thanking of her son for bringing him a glass of water (1-2) and when the father responds to thanking of his son for repairing the bike (3-4).

(1) That's OK. (mother to son)
(1) Sure. (mother to son)
(1) No problem. (father to son)
(1) No worries. (father to son)

Meanwhile, in bottom-up context between children and parents, British children with using positive politeness strategies shape also informal, short and simple communicative styles of

response to thanking as in the situations below, when the daughter responds to thanking of her father for giving him the salt at dinner table (5-6) when the daughter responds to thanking of her mother for babysitting her sibling (7-8) and when the son responds to thanking of his father for cleaning the garage (9-10).

(5) That's OK. (daughter to father)
(6) No problem. (daughter to father)
(7) It's OK. (daughter to mother)
(8) Glad to help. (daughter to mother)
(9) It's OK. (son to father)
(10) My pleasure. (son to father)

In Persian family in top-down context, we observe the same situation in which parents use positive politeness strategies and shape informal, short and simple communicative styles of *response to thanking* as in the situations below, when the mother responds to thanking of her son for giving him a glass of water (11) and when the father responds to thanking of his son for repairing the bike (12).

(11) That's OK. (mother to son)

خواهش میکنم.

khahesh mikonam.
(12) Welcome. (father to son)

خواهش میکنم.

khahesh mikonam.

On the contrary, in Persian family in bottom-up context, children with applying negative politeness strategies shape formal elaborately polite communicative styles as in the following situations, when the daughter responds to thanking of her father for passing him the salt at dinner table (13) when the daughter responds to thanking of her mother for babysitting her sibling (14) and when the son responds to thanking of his father for cleaning the garage (15).

(13) You're very welcome. (daughter to father)

خواهش میکنم.

khahesh mikonam.

(14) Don’t mention it. It’s my pleasure to do something for you. (daughter to mother)

قابلی نداره. باعث افتخارمه کاری براتون انجام بدم.

ghabeli ndare. ba-ese eftekharame kari baratoon anjam bedam.

(15) Don’t mention it. It’s my duty. I am very glad to help you. (son to father)

(son to father)

قابلی نداره. وظیفم بود. خیلی خوشحالم کمکتون میکنم.

ghabeli nadare. vazifam bood. kheyki khoshhalam komaketoon mikonam.

Our findings explain that Persian children respond to thanking of their parents politely not only to show high respect to parents, but also to put emphasis on this sense that performing parents’ request is children’s priority and due to this reason, it is their duty to immediate respond to request of parents positively (16-17).

(16) I did nothing important. It’s my duty to do something for you. (daughter to mother)

کار مهمی نکردم. وظیفمه کاری براتون انجام بدم.

kare mohemi nakardam. vazimame kari baraye shoma anjam bedam.

(17) It’s my duty to help you. (son to father)

وظیفمه کمکتون کنم.

vazifame komaketoon konam.

As a consequence, the discursive analysis of daily interactions in family setting has brought us very interesting results which approve that people are conducted by their cultural values and notion of politeness in their own particular culture through communicative behaviors. Based on our data, the style of interactions in British context between children and patents and vice versa is entirely egalitarian. In fact, children and parents have equal treatment towards each other with using positive

politeness strategies which is resulted in shaping informal, short and simple communicative styles as an evidence of a low power distance in this culture. Meanwhile, in Persian culture, there are noticeable differences in communicative styles and politeness strategies in top-down and bottom-up contexts which manifest considerable power distance in Persian society. In Persian family, although parents use positive politeness strategies towards children same as we observe in the identical context in British family, children apply more formal speech acts towards parents with using negative politeness strategies which is leaded in forming their formal elaborately polite communicative styles. This type of behavioral tendency by children in Persian family emerges from Persian religion and traditions based on which parents are to be highly respected and appreciated in Persian culture.

Literature

Brown Penelope and Levinson Stephen C *Politeness: Some Universals in Language Usage*/ ed. Gumperz John J. - New York: Cambridge University Press, 1987.

Larina Tatiana V *Sense of privacy" and "sense of elbow": English vs. Russian values and communicative styles*// *Meaning, Life and Culture* / ed. Bromhead Helen and Ye Zhengdao. - [s.l.] : ANU Press, 2020.

Leech Geoffrey and Larina Tatiana V Politeness: *West and East*// *Russian Journal of Linguistics*. - 2014. - Vol. 4. - pp. 9-34.

Watts Richard J *Politeness*. - Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Wierzbicka Anna *Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction*. - Berlin: Mouton de Gruyter, 2003. - p. 504.

Соматический код русских фразеологизмов с компонентом *бок*

Карпинская Н.В.

(Луганск, ЛНР)

Постановка проблемы

Человек, как духовное и физическое существо, является главным субъектом национальной культуры, а его тело — базовой концептосферой сознания. Издавна люди проецируют строение и особенности собственного тела на мироустройство, очеловечивая его, что позволяет объяснять вербализацию материального мира коллективным сознанием. Эти представления находят свое отображение в номинациях-соматизмах.

Начиная с античных времен, телесность рассматривалась в трудах философов, но культурную значимость данная тема приобрела уже в конце XX века. Новый этап в изучении тела, по словам Е.А. Костиной (2013), начинается после переосмысления аскетического отношения традиционной конфессии — православия, табуирования в советский период и совпадения интересов капитализма с популяризацией эроса и сексуальности.

Проблеме изучения фразеологических единиц (ФЕ) с компонентом-соматизмом в русском языке посвящены исследования Н.Ф. Алефиренко, Т.А. Бердниковой, С.В. Боголеповой, Л.П. Гашева, В.А. Лебединской, Е.Р. Ратушной, Д.С. Скнарева, Н.С. Туровской, А.М. Чепасовой и др., сопоставление лексем-соматизмов в русском и других языках изучают Б.Н. Исакова, О.Н. Кравченко, Т.И. Магомедова, А.А. Омаров, Г.Ч. Файзуллина и др., особенности соматизмов в структуре фразеологизмов и паремий рассматривают Г.Ю. Гуляева,

И.В. Зензеря, Е.О. Каратеева, И.Б. Ковалева, О.В.Ломакина и др.

Термин *соматический фразеологизм* впервые использует эстонский ученый Ф.Вакк, представивший в диссертационном исследовании широкое лексико-семантическое поле «Тело человека и животного» [Вакк 1964: 29].

Соматическая фразеология, по мнению О.В.Ломакиной, В.М. Мокиенко, представляет собой благодатное поле исследования, ибо человеческое тело хотя универсально (что делает причисление соответствующих фразеологизмов и паремий к «натуральным» оправданным), но в то же время в процессе культурно-исторических «переживаний» обрастает национально-специфическими, мифологическими, акциональными и др. коннотациями [Ломакина, Мокиенко 2018: 105]. Кроме этого, «человек благодаря данным ценностным постулатам уплотняет мир вокруг себя, становясь его центром» [Шкуран 2021: 48].

Предмет статьи — фразеологические единицы, содержащие соматизм *БОК*, участвующий в репрезентации ментальной сущности концепта, проектирующего на себя внешний мир. Популярность таких ФЕ связана с яркой образностью, самобытностью, несложностью грамматического оформления и стилистическим разнообразием и, конечно, метафоричной и метонимичной универсалией: слово *бок* как номинант правой или левой стороны туловища человека от плеча до бедра олицетворяет его отношение к «второстепенной, но нужной» части тела, которая решительно заставляет что-либо делать (*взять за бока*), бездельничать, лентяйничать (*лежать на боку*), находиться совсем рядом (*бок о бок*) и т.д.

Материалом для исследования стала авторская картотека в количестве 88 ФЕ, сделанная методом сплошной выборки из «Большого словаря русских поговорок» (БСРП) под ред. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной (2007), в котором

собраны фразеологизмы, отражающие литературную и народную речь XIX-XXI веков. По мнению А.М. Бабкина, «словарь языка той или иной эпохи и язык, каким он говорит со своими современниками, связаны гораздо теснее, чем это может показаться на первый взгляд» [Бабкин 1975: 3].

Результаты исследования и их обсуждение

Лексема *бок* одинаково звучит во многих славянских языках (украинский бік, бóку, блр. бок, русск.-цслав. бокъ, сербохорв. бо̑к, чеш. bok, польск. bok, в.-луж. bok, н.-луж. bok. Возможно, родственно исходному значению «ребро» — лат. bacUlum 'палка, посох' [Черных 1999: 200]. Словари XIX в. фиксируют такие дефиниции: ‘правая или левая сторона животного или вещи’; ‘всякая прямая линия, составляющая часть очертания фигуры’; ‘узкая сторона у козонка, для отличения от плоской и широкой, называемой жох’ в составе устойчивых выражений *лежать на боку; протираться боком, бок о бок* [СЦСРЯ, 1847: 74]; 'сторона тела, правая и левая, и особенно та или другая сторона брюха между ребрами и стегном' [Срезневский, 1893: 143].

В современном русском языке семантика слова приобрела разнообразный характер, отмечена стилистической приметой прост. *никаким боком* 'ни с какой стороны совершенно не подходит, не соответствует'; неодобр. Парить бока 'бездельничать, лодырничать'; жарг. *валяй боком* 'убирайся отсюда'; *бока с прицепом* 'часы с цепочкой' и др. [БСРП 2007: 51]. Лексема *бок* иллюстрирует негативную коннотацию, что подтверждается метонимическим замещением любого действия с боком, который в структуре ФЕ иллюстрирует незначительное значение данного соматизма в ключевых жизненных событиях: *то боком, то скоком* 'небрежно, кое-как'; *с боков вон* 'до пресыщения, до отвала'. С другой стороны, соматизм *бок* выражает крайнюю точку или линию человеческого тела,

поэтому *платить своими боками*; *рубить бока, переломать бока; бок возле бока* и др.

Репрезентация соматизма *бок* в составе ФЕ в русском языке осуществляется через значение и внутреннюю форму. Это стержневой фразеообразующий элемент параметризирует ФЕ и придает образность, имплицитность содержанию, архетипичность, семантическую полисемию, характер детерминации между концептом-соматизмом и глубиной его вертикального культурно-национального контекста. Например, В.И. Даль в словарной статье к слову *бок* иллюстрирует, на первый взгляд, современную фразеологическую единицу *все по боку* со значением ‘безразлично’, но с расширением *а ничего под зуб (под губу)* и употребляется с дефиницией 'ничего не иметь' [Даль 1903: 87].

Фразеологизмы с компонентом *бок* отражают информационную связь сознания коллективной памяти народа с реалиями от бытовых наивных до культурных смыслов в диахроническом срезе.

Соматизм *бок* в составе фразеологизма способствует созданию самостоятельной языковой единицы с единой интегральной семантикой, которая не десемантизирует полностью содержание, а влияет на целостную семантику выражения: *на все бока* ‘зажиточно, богато’ или *лежит на боку да глядит все за реку* ‘о бездельнике’ [БСРП 2007: 51]. В образовании синтезированного фразеологического значения важную роль играет культурная информация, иллюстрирующая стереотипные представления о названии части человеческого тела, не теряющая связь с первичным значением лексемы *бок*. Такая номинация является источником экспрессивности. Это способ кодирования определенного содержания, экспликация вторичных номинаций путем оригинального понимания мира через самопознание: *ни в бок, ни в сторону* ‘об упрямом человеке’; *бок напарить* ‘сильно утомиться за работой’; *бока*

завалились ‘об очень худом, истощенном человеке’; *фик-фок на один бок* ‘о кривобоком человеке’; *хвалили — на бок свалили* ‘о человеке, который не оправдал надежды’; *на боку дыру вертит* ‘о хитром человеке, плуте, пройдохе’; *бок не подломит* ‘о ленивом человеке’; *все боки проскубет* ‘о назойливом, надоедливом человеке’ и др.

ФЕ с соматизмом *бок* употребляются в большей степени для описания асоциальных поступков до разной степени безделья, порождающее чревоугодие, т.е. пристрастие к пище: *с боков вон* ‘до пресыщения, до отвала’; *есть на два бока* ‘жадно и много есть’; *ткнуть в бок* ‘грубо напомнить кому-либо’; *бока заворотились* ‘о растолстевшем человеке’, репрезентирующие фрейм-сценарий как связанную схематизацию опыта. Однако словарь иллюстрирует и антонимичные пары: *заскребать бока* ‘жить тяжелой, бедной жизнью’ — *бока лопаются* ‘о безобразно толстом человеке’.

Компонент-соматизм *бок* употребляется в устно-разговорных выражениях стилистически сниженного, просторечного и даже жаргонного плана, нормативный язык влияет на лексику со сниженным ценностным регистром, что отображено в словаре со стилистической пометой *жарг., шутл., ирон.* — *набузыривать бока, отмочаливать бока; переломать бока* ‘бить, избивать’; отражают различные физические наказания: *бутать боки* ‘бить, избивать’; *платить своими боками; отмочаливать бока; отпекать бока (кости); отламывать бока* и др.

С помощью ФЕ репрезентируется концептуальная сфера «Внешняя сторона жизни человека»: быть дома — отлеживать бока — жить скудно — стать на незаконную тропу заработка — расплачиваться за поступки и др. [БСРП 2007:51-52].

ФЕ с положительной коннотацией выявлено намного меньше, что иллюстрирует особенности народного слова —

реакцию на отрицательные качества и стороны жизни русского человека.

Выводы

Мы можем выделить два семантических блока: первый содержит ФЕ для обозначения природных (физических) качеств человека, иллюстрирующие внешний вид; второй — отображает качества и черты характера человека, его поступки.

Кодирование и трансляция культурной информации в структуре ФЕ эксплицирует отношение носителей языка к реальности. ФЕ с соматизмом *бок* иллюстрируют фрагмент универсальной образной системы, отображающей национально-культурные мировоззрение русского народа.

Литература

Бабкин А.М. Словарь языка и язык словаря // Современная русская лексикография. Л.: Наука, 1975. С. 3-24.

Вакк Ф. О соматической фразеологии в современном эстонском литературном языке: автореф. дисс.. к. филол. н. Таллинн, 1964. 29 с.

Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Карпаторусинские соматические паремии на славянском фоне // Slavic Eurasian Studies. 2018. №34. С.103-128.

Мокиенко В.М. Принципы ларинской лексикографии в 3-томном Большом словаре пословиц, поговорок и сравнений русского языка // Вопросы лексикографии. 2012. №1(1). С.70-84.

Шкуран О.В. Сакрализация языковой единицы *кумир* на материале медиатекстов // Ученый записки Петрозаводского государственного университета: научный журнал. 2021. Т. 43, № 7. С.48-55.

Использованные источники

БСРП — Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок /под общ. ред В.М. Мокиенко. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа групп», 2007. 784 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / 3-е испр. и доп. изд. под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. Т. 1. М.: Русский язык, 1903. 683 с.
СЦСРЯ — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии Наук. Спб.1847. В 4 т.: 1 т. — 439с., 2т. — 475 с., 3 т. — 593с., 4 т. — 491с.
Срезневский И.И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменнымъ памятникамъ: изданіе отдъленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ Санктъ Петербургъ: Типографія Императорской Академіи Наукъ, 1893. I т. 414 с.
Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. 5 изд. М.: Рус.яз. 2002. В 2т.: 1 т. — 624 с., 2 т. — 559 с.

Английский неологический дискурс в зеркале глобализации[4]

Катермина В.В.

(Россия, Краснодар)

Возникновение нового является сущностным свойством любой системы, следствием ее развития, движения вперед, неотъемлемым признаком и свидетельством ее жизнеспособности. Появление новых слов в системе языка любого народа — яркий пример данной тенденции и подтверждение двух главных принципов языковой системы — ее динамизма и открытости [Катермина 2019: 3].

Неослабевающее внимание исследователей к проблемам неологии обусловлено значительной ролью

[4] *Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (Отделение гуманитарных и общественных наук) в рамках научного проекта № 20-012-00033 «Лингвистические модели социально-политической коммуникации в online-пространстве: дискурсивные поля, паттерны и гибридная методология анализа сетевых данных» (2020—2022 гг., рук. В.В. Катермина).*

новых слов как зеркала языкового развития, которое ярко отражает адаптацию языка к изменяющимся условиям его функционирования под влиянием экстралингвистических факторов. В трудах по неологии подчеркивается, что процесс возникновения лексического новообразования начинается с практики словоупотребления, поскольку исторически сложившиеся социально обусловленные политические, экономические и культурные условия жизни языкового сообщества влияют на лексико-номинативную речевую деятельность [Голец 2015].

Глобализация — феномен, проявивший себя на всех уровнях жизни человека, от экономики до искусства. С начала XX века и до сегодняшнего дня языковая проблематика оказывается в центре внимания языковедов и филологов. Таким образом, возникает «необходимость в изучении поведения языка в эпоху глобализационных процессов. Глобализация — явление именно современного мира, сегодня она не является простым продолжением существовавших прежде интеграционных общемировых тенденций [Канеева 2011: 305].

На протяжении всего исторического развития языки сталкивались, взаимообогащались, в результате чего происходило заимствование слов, взаимодействие культур и обмен культурными ценностями.

Активное заимствование иностранных слов было отличительной чертой английского языка на протяжении многих веков его истории. Заимствования становятся возможными благодаря международным контактам.

В данной статье нами будут рассмотрены неологизмы англоязычного дискурса, пришедшие из других языков, на материале электронных словарей неологизмов: Cambridge Dictionaries Online Blog, Macmillan Dictionary, Urban Dictionary, Wordspy.

Проведенный анализ позволил выделить следующие особенности английских заимствованных неологизмов:

I. Основными языками, являющимися «донорами» неологизмов в английский неологический дискурс, являются японский (*kakeibo — a Japanese approach to managing your money that involves using a journal to plan and monitor your spending each month*), иврит (*firgun — a Hebrew word for a feeling of happiness or pride in someone else's success*), скандинавские языки (*pyt — a Danish word used in response to a stressful situation to tell oneself or someone else not to worry; koselig — a Norwegian word for a quality of cosiness that comes from doing simple things such as lighting candles, eating nice food or spending time with friends in a warm, comfortable place)*, португальский (*Saudade — deep, nostalgic, and melancholic longing for something or someone, often accompanied with the denied fact that what one longs for will never come back; originated in Portugal*).

II. Данные неологизмы входят в следующие дискурсы:

1) спортивный (*Kabaddi — a sport popular in Bangladesh, India and Pakistan, played by two teams of 7 each occupying one side of the field. One member of the team (a raider) breathes in and then attempts to tag (=touch) one or more members of the opposing team before inhaling again. The opponents attempt to wrestle the raider to the ground to prevent him escaping before he has to inhale; Zumba — a form of exercise that uses dance moves and Latin music);*

2) гастрономический (*omurice — a Japanese dish consisting of an omelette filled with fried rice and topped with ketchup; Crotilla — a brand name for a type of food that is shaped like a tortilla (a type of thin, round Mexican bread) but made of pastry layers like a croissant; knafeh — a dish, originally from the Middle East, consisting of layers of pastry and soft cheese, soaked in sugar syrup);*

3) развлекательный (*Nordic noir — crime fiction or TV programmes that come from Scandinavian countries, with dark stories and realistic social settings).*

Необходимо отметить интердискурсивность как одно из важных свойств английского неологического дискурса. В проанализированном материале встречаются примеры из спортивного и экологического дискурсов (*plogging — an activity involving jogging and picking up litter at the same time, from the Swedish word for 'pick up' (plocka) and the English word 'jogging'*), развлекательного и бытового (*chap hop– a style of music which combines hip-hop (= a style of African-American urban music) with themes, words and pronunciation based on upper-class English stereotypes, chick noir — a style of literature written for women which has a crime or other serious and compelling theme*).

III. Отдельно стоит выделить группу неологизмов, обозначающих базовые концепты той или иной культуры. Концепт — это культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму. К концептам причисляют семантические образования, являющиеся ключевыми для понимания национального менталитета как специфического отношения к миру его носителей, т. е. языковые аналоги универсалий культуры, в системе которых выражены наиболее общие представления человека о мире и о себе.

Koselig — a Norwegian word for a quality of cosiness that comes from doing simple things such as lighting candles, eating nice food or spending time with friends in a warm, comfortable place.

Saudade — deep, nostalgic, and melancholic longing for something or someone, often accompanied with the denied fact that what one longs for will never come back; originated in Portugal.

Hygge — a lifestyle focusing on simple pleasures such as comfort and cosiness in the home, and spending time with friends and family.

Wabi-sabi — the Japanese concept of appreciating the beauty in old and imperfect things.

Данные понятия, важные для другого народа, не случайно перешли в английский язык. Они свидетельствуют о тех ценностях, которые необходимы для многих людей, чтобы чувствовать себя полноценными гражданами.

IV. Структурно в проанализированных неологизмах преобладают сложные слова или слова-бленды, что не является случайным. «Краткость, семантическая емкость, способность удовлетворить потребности общества в обозначении сложных понятий, которых возникает все больше в связи со специализацией в различных областях науки, протекающей параллельно процессу интеграции методов и средств познания, — все это обусловливает значительную интенсификацию сложных слов разного типа. Активизация данной структурной группы новой лексики есть одно из проявлений более общего процесса — лексической конденсации, выступающей как закономерное следствие универсальных принципов экономичности и избыточности в языке» [Сенько 2007]. Также отметим, что «именно в конце XX — в начале XXI в. блендинг переходит из второстепенных в категорию основных, о чем свидетельствует большое количество регулярно появляющихся блендов» [Катермина 2019: 75].

Особо отметим две тенденции:

1. Часть слов-блендов образованы по модели «исконное слово + заимствованное слово/ заимствованное слово + исконное слово»: *Thanksgivukkah — a combined celebration of the U.S. Thanksgiving holiday and the start of the Jewish festival of Hanukkah. [Thanksgiving + Hanukkah, plogging — an activity involving jogging and picking up litter at the same time, from the Swedish word for 'pick up' (plocka) and the English word 'jogging', chap hop– a style of music which combines hip-hop (= a style of African-American urban music) with themes, words and pronunciation based on upper-class English stereotypes, chick*

noir — a style of literature written for women which has a crime or other serious and compelling theme.

2. Также нами была выделена группа блендов, обозначающих гибридное смешение английского с другими языками. Первым усеченным компонентом таких слов служит название конкретного языка, вторым, как правило, усечение *-lish* (от English): *Swedlish, Russlish, Denglish, Frenglish, Japlish, Spanglish.*

Семантика этих блендов передает различный характер взаимодействия английского языка с другими единицами и взаимопроникновения его элементов в язык реципиента.

Например, неологизм Frenglish или его аналог Franglais, означает «разговорную разновидность французского языка, которая содержит произвольные включения слов и фраз из английского языка». Словарь Encarta указывает, что лексема имеет неодобрительные коннотации и содержит намек на открытое неприятие англо-американского культурного империализма, который, по мнению французских «традиционалистов», пронизывает французское общество и франкоговорящую часть канадского общества.

Иной характер взаимодействия выявляется в лексемах *Spanglish* и *Yingish*: в словарных дефинициях указывается, что это варианты разговорного английского языка, в которых содержатся заимствования из испанского и иврита. *Yinglish* — это разновидность английского языка еврейских эмигрантов, *Spanglish* — разновидностью английского языка испаноязычной части населения США, в частности американцев мексиканского происхождения (Катермина 2020).

Мировая глобализация является принципиально важным процессом современности, меняющим сознания людей. На рубеже XX–XXI вв. понятие «глобального» в его лингвокультурном контексте активно заявило о себе, с одной стороны, выражая общность и единство локальных языков и культур, с другой — акцентируя и проблематизируя их

уникальность. Арсенал номинативной системы языка постоянно пополняется как за счет средств языка реципиента, так и за счет заимствований. Последние реализуют культурные и социальные запросы социума и функционируют в сферах, где выражение экспрессии играет не менее важную роль, чем обозначение фактов действительности.

Литература

Голец В.А. *Неологизмы в современной англоязычной молодежной прессе (1990–2014 гг.)*: дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2015.

Канеева Р.З. Глобализация: английский язык как «глобальный язык» и его социолингвистические трудности» // *Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского Серия «Филология. Социальные коммуникации».* Том 24 (63). № 3. 2011 г. С. 305–308.

Катермина В.В. Бленды-неологизмы английского языка как феномен лингвокультуры // *Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования*: Материалы IV международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Часть 1. №1-1. Пятигорск: ПГУ, 2020. С. 18–23.

Катермина В.В. *Словообразовательный потенциал неологизмов в англоязычном массмедийном дискурсе*. Краснодар, 2019.

Сенько Е.В. *Неологизация в современном русском языке: межуровневый аспект*. СПб.: Наука, 2007.

Трактовка категории 静字 цзинцзы в грамматике Ма Цзяньчжуна

Кирюхина Л.В.

(Россия, Иркутск)

Рубежной работой, разделяющей китайское языкознание на традиционное и современное, принято считать《马氏文通》 *«Ма ши вэнь тун»* («Грамматика

письменного языка, [написанная] Ма»), Ма Цзяньчжуна 马建忠, вышедшую в 1898 г. В этой «Грамматике…» традиционные для китайской филологической традиции понятия вплетены в европейский канон грамматического описания. К числу таких понятий относятся 静字 *цзинцзы* ‘статичные слова’.

В традиционной китайской филологии 静字 *цзинцзы* ‘статичные слова’ противопоставляются 动字 *дунцзы* ‘динамичным словам’. Это пара терминов известна с эпохи Сун 宋 (960–1279). Так, Хуан Чжэнь 黄震 (1213–1281) во второй главе 《黄氏日钞》 *«Хуан ши жи чао»* («Ежедневные записи Хуана») отмечает, что знак 伯 при стандартном произношении (正音 *чжэн инь*) является 静字 *цзинцзы*, имеет значение ‘глава союза князей’, однако произношение 伯 может быть изменённым (转音 *чжуань инь*), тогда 伯 является 动字 *дунцзы* и передаёт значение ‘возглавить союз князей’ [黄震]. Главным образом противопоставление 动字 *дунцзы* и 静字 *цзинцзы* отражало различия функционирования знаков [Тань 2012: 154].

В «Ма ши вэнь тун» 动字 *дунцзы* ‘глаголы’ и 静字 *цзинцзы* ‘прилагательные’ также противопоставлены друг другу. Кроме того, в традиционной китайской филологии существовала и другая пара противопоставленных друг другу понятий: 死字 *сыцзы* ‘мёртвые слова’ и 活字 *хоцзы* ‘живые слова’. Ма Цзяньчжун в своей работе последнюю пару решает не использовать. Он поясняет:

动字与活字无别。不曰活字而曰动字者，活字对待者曰死字，未便於用，不若动字对待之为静字之愈也。<……> 静字言已然之情景，动字言当然之行动。行动必由事物而发，

而情景亦必附事物而著[马建忠 2010: 15]。/ *动字 дунцзы — то же самое, что и 活字 хоцзы. Мы не будем использовать [термин] 活字 хоцзы, а будем использовать [термин] 动字 дунцзы, 活字 хоцзы противопоставлены 死字 сыцзы, [считаем это противопоставление] неудобным, удачнее 动字 дунцзы противопоставлять 静字 цзинцзы. <…> 静字 цзинцзы 'прилагательные' называют имеющуюся ситуацию, 动字 дунцзы 'глаголы' говорят о совершаемом действии. Действие должно осуществляться субъектом, ситуация также описывается применительно к субъекту.*

静字 *цзинцзы* 'прилагательные' Ма Цзяньчжун относит к 实字 *шицзы* 'знаменательным словам'. Выделяются 象静 *сянцзин* 'описывающие прилагательные' (собственно прилагательные) и 滋静 *цзыцзин* 'количественные прилагательные' (числительные). Предлагая такое разделение, автор ссылается на 《左传》 *«Цзо чжуань»* и приводит следующую цитату: 物生而后有象，象而后有滋[马建忠 2010: 110]。/ *После рождения существа появляется форма, а после формы появляется число.* Тем самым Ма Цзяньчжун хочет показать, что это не его классификация, об этом говорил ещё Цзо Цюмин 左丘明 (556–451 гг. до н. э.), когда составлял свой комментарий к летописи 《春秋》 *«Чуньцю»*. 象静者，以言事物之如何也；滋静者，以言事物之几何也[同上]。/ *Описывающие прилагательные говорят о том, какой субъект; количественные прилагательные называют количество субъектов.* В вэньяне, на материале которого была написана рассматриваемая «Грамматика…», числительные могли стоять непосредственно перед существительным (в отличие от числительных в современном китайском языке, после

которых зачастую необходимо наличие счётного слова), что с синтаксической точки зрения сближало числительные и прилагательные. Кроме того, числительные не передают динамики, т. е. являются ‘статичными словами’. Возможно, по этим причинам числительные и прилагательные были объединены в один класс ‘статичных слов’.

Количественные прилагательные могут выражать: 1) 数目 *шуму* ‘количество’ (一 *и* ‘один’, 万 *вань* ‘десять тысяч’); 2) 序数 *сюйшу* ‘порядок’ (第一 *ди и* ‘первый’, 次之 *цычжи* ‘на втором месте’); 3) 约数 *юэшу* ‘приблизительное количество’ (сюда относятся дроби, например, 五之一 *у фэнь чжи и* ‘одна пятая’).

С точки зрения структуры слова, Ма Цзяньчжун отмечает, что прилагательные могут объединяться в одну единицу: состоять из двух иероглифов со сходным значением (например, 公忠 *гун чжун* ‘справедливый и верный’, 贤良 *сянь лян* ‘мудрый и порядочный’) или из двух иероглифов с противоположным значением (например, 安危 *ань вэй* ‘спокойный и опасный’, 贤奸 *сянь цзянь* ‘добродетельный и вероломный’).

В качестве прилагательных могут употребляться и другие части речи. К ним относятся 公名 *гун мин* ‘имена нарицательные’ (王政 *ван чжэн* ‘политика князя’: нарицательное существительное 王 *ван* ‘князь’ функционирует как прилагательное), 本名 *бэнь мин* ‘имена собственные’ (舜言 *Шунь янь* ‘слова Шуня’: имя собственное 舜 *Шунь* употреблено в качестве прилагательного), 代字 *дайцзы* ‘местословия’ (吾国 *у го* ‘моё княжество’: местословие 吾 *у* ‘я’ в данном случае — прилагательное), 动字 *дунцзы* ‘глаголы’ (饥色 *цзи сэ* ‘голодный вид’: глагол 饥

цзи ‘голодать’ употребляется как прилагательное), 状字 *чжуанцзы* ‘наречия’ (腹猶果然 *фу ю гожань* ‘живот ещё полный’: наречие 果然 *гожань* ‘досыта’ функционирует как прилагательное).

Прилагательные, в свою очередь, могут функционировать как существительные.

以一服八，何以异于邹敌楚哉[马建忠 2010: 113]？/ *[Если] одно [княжество будет стремится] покорить восемь [других], чем это будет отличаться от [княжества] Цзоу, которое борется с [княжеством] Чу?* В данном примере количественные прилагательные 一 *и* ‘один’ и 八 *ба* ‘восемь’ выступают в качестве существительных.

故善用兵者，不以短击长，而以长击短[同上]。/ *Поэтому тот, кто умело командует войсками, не [станет] слабым [войском] нападать на сильное, но сильным нападёт на слабое.* Здесь описывающие прилагательные 长 *чан* ‘сильный’ и 短 *дуань* ‘слабый’ соотносятся с 兵 *бин* ‘войска’ (что становится понятно из контекста), т. е. употребляются в функции существительных.

Явление, когда слово употребляется в функции другой части речи, достаточно широко распространено в китайском языке. Ма Цзяньчжун называет это 假借 *цзяцзе* ‘заимствование’. Такое название употреблялось в 《说文解字》 *«Шо вэнь цзе цзы»* Сюй Шэня 许慎 для обозначения одной из категорий иероглифов.

Также Ма Цзяньчжун подробно описывает такие особенности употребления прилагательных, как возможность постановки 之 *чжи* между прилагательным и существительным, употребление отрицания 不 *бу*, употребление 司词 *сыцы* ‘управления’ после прилагательных и др.

Как видим, в «Ма ши вэнь тун» автор пытался насколько это возможно показать преемственность своей теории. В первую очередь данное утверждение относится к самому термину 静字 *цзинцзы* и противопоставлению его 动字 *дунцзы*. В системе частей речи, предложенной Ма Цзяньчжуном, 动字 *дунцзы* ‘глаголы’ и 静字 *цзинцзы* ‘прилагательные’ вместе с 名字 *минцзы* ‘существительными’, 代字 *дайцзы* ‘местословиями’, 状字 *чжуанцзы* ‘наречиями’ отнесены к 实字 *шицзы* ‘знаменательным словам’, мы не можем сказать, что 动字 *дунцзы* ‘глаголы’ и 静字 *цзинцзы* ‘прилагательные’ входят в систему каких-либо оппозиций и т. п. В традиционной же китайской филологии 静字 *цзинцзы* ‘статичные слова’ и 动字 *дунцзы* ‘динамичные слова’ чётко противопоставлены друг другу, на что и обращает внимание Ма Цзяньчжун, хотя в его системе это противопоставление уже не принципиально. Связь с традицией прослеживается и в разделении 静字 *цзинцзы* ‘прилагательных’ на 象静 *сянцзин* ‘описывающие’ и 滋静 *цзыцзин* ‘количественные’: автор ссылается на Цзо Цюмина. Кроме того, китайские филологи издавна отмечали, что отнесённость слова к определённому классу может меняться к зависимости от контекста. Данный принцип проходит по всей «Грамматике…» Ма Цзяньчжуна: слова могут свободно выступать в функции других частей речи. Для такого явления также используется давно знакомый термин 假借 *цзяцзе* ‘заимствование’.

На современном этапе развития лингвистических знаний прилагательные принято называть 形容词 *синжунцы* (досл. ‘описывающие слова’), например, такой вариант используется уже в работе Ли Цзиньси 黎锦熙 1924 г.

Отметим, что в традиционной китайской филологии также встречается вариант 形容之词/辞 *синжунчжицы* [邵敬敏 1993: 35–36], однако в то время устоявшегося термина не было. 形容词 *синжунцы* ‘прилагательные’ и 数词 *шуцы* ‘числительные’ в современном китайском языке составляют разные классы слов. 形容词 *синжунцы* ‘прилагательные’ делят на 性质形容词 *синчжи синжунцы* ‘качественные’ и 状态形容词 *чжуантай синжунцы* ‘относительные’; а 数词 *шуцы* ‘числительные’ — на 系数词 *сишуцы* ‘порядковые’, 位数词 *сишуцы* ‘разрядные’, 概数词 *гайшуцы* ‘обозначающие приблизительное количество’ [现代汉语描写语法 2010: 121–122, 134], также делятся на 基数 *цзишу* ‘количественные’ и 序数 *сюйшу* ‘порядковые’. Грамматические различия прилагательных и числительных в современном китайском языке не позволяют объединить их в один класс.

Способность лексических единиц китайского языка употребляться в функции разных частей речи дала возможность для развития разнообразных теорий грамматического описания китайского языка, в том числе и без опоры на части речи.

Литература

Тань Аошуан. *Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность*. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 272 с.

黃震。*黃氏日鈔*。URL: https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=432683&remap=gb (30.07.2021).

马建忠。*马氏文通*。北京：商务印书馆，2010。473 页。

邵敬敏。*汉语语法学史稿*。上海教育出版社，1993。360 页。

现代汉语描写语法。张斌主编。北京：商务印书馆，2010。1306 页。

Language of the Modern News Discourse

Klimut K.O.

(Republic of Belarus, Mogilev)

The concept of “discourse” is one of the central concepts in modern human sciences. It is used in philosophy, political science, sociology, linguistics, psycholinguistics and literary criticism. The semantics of the concept largely depends on the field of science and its subject.

Discourse today does not have a single definition. As a rule, the author himself attaches definition to it, depending on what meaning he wants to put into it. Discourse can be understood as speech or a textual unity in combination with both linguistic and non-linguistic factors. Discourse can have a social orientation since it acts as a component of communication between people.

To differentiate the concepts of discourse and text, the oppositions of function and structure, dynamics and statics, concreteness and abstractness, actuality and virtuality, process and result are used. In the foreign and post-Soviet literature, attempts have been made to classify the entire variety of points of view presented [Василенко 2012].

Thus, in a broad sense, discourse is a communicative event within the confines of interaction between people in a specific context. Accordingly, it can be verbal, written, include verbal and non-verbal components. In a narrow sense, discourse is text or conversation. It can be called a finished product that is not subject to further changes.

According to Teun Van Dijk, discourse is a complex communicative phenomenon that includes the entire set of

extralinguistic factors that accompany the communication process, such as social context (ideas about the participants in communication and their characteristics); peculiarities of production, distribution and perception of information; cultural and ideological background [Van Dijk 1985].

Because of the mass media, language becomes an instrument of influence and manipulation, it is considered as a source of social power. Language is influenced by society and at the same time contributes to the understanding of political phenomena. In turn, the media discourse is an ambiguous and complex phenomenon characterized by its own peculiar features and individual aspects.

Media discourse is a momentary cross-section of the linguistic and cultural situation of the community, because, due to its nature, it reflects the linguistic and cultural state of society. Media discourse is crossover and diverse [Шевцова 2021].

Today news discourse is considered in linguistics as one of the types of media discourse. Many people participate in the creation of news discourse, who collect, analyze and disseminate relevant new information through the media in the form of news texts.

The main features of the news discourse are the relevance of information, the significance of the described event, spatial and psychological proximity to the recipient of information, the occurrence of a single structure. However, news discourse is a kind of appeal, emphasis or formation of viewpoint. Thereupon, the news chronicles do not detail the event; they only name it.

One of the characteristic properties of news discourse is also its focus on the reader or listener. The authors of the news messages try to convince the audience of the truthfulness of the news information.

There are several interpretations of conviction, by which in this article we mean the process and the result of a predominantly verbal influence on the listener / audience, provided with the aim of forming stable opinions and assessments in the recipient, or

changing his behavior, carried out in the conditions of the addressee's freedom of will and the ability to think rationally [Василенко 2018: 23].

First of all, persuasion is the result of the speaker's speech impact on the addressee. However, there is no doubt about the psychological factor of speech impact.

News discourse has characteristic linguistic features that are used to represent news in an announcement. Among these linguistic means, one can single out specific lexical means used in that part of the news message, which represents current events taking place in the world and in the country. This thematic vocabulary, which has a clear evaluative value, is an integral part of everyday news bulletins in English. In a news chronicle, attention can be focused on negative events, for example, on war, crimes, disasters.

Examples of such vocabulary include the use of the nouns '*alert*', '*threat*', '*disaster*', as well as the adjectives '*violent*', '*trapped*', '*dangerous*'.

Timeliness is an important property of news discourse. The latest news of the country and the world are considered the most interesting. A similar characteristic of news discourse is relevance. News provides fresh information and influences viewers, as the event that is covered in the news has a direct application to each individual. At the same time, the appropriate vocabulary with an emotional connotation is used.

For example, in the text describing the situation in the economic market between two states, evaluative vocabulary ('*outraged*', '*acting like a bully*') and thematic political vocabulary ('*confrontation*') are used. In combination with the verb '*deepen*' and the participle '*accusing*', the meaning of political tension in relations between countries is conveyed. The purpose of this lexical completion of this news item is to draw the attention of the audience to the aggravation of relations between the two powers, which can have far-reaching consequences.

One of the basic constituents of news coverage is unambiguousness. Every news report conveys the facts, leaving no doubt about the veracity. News messages very rarely contain the words '*if*', '*but*' and '*maybe*'.

Competence is a criterion related to the credibility of the sources of the message. This property of news discourse is important because it significantly affects the success of the story presented in the report. And one of the most important features is factuality. Each newsletter contains specific numbers, names or geographic names, which at the same time makes the news message more meaningful.

The main feature of news discourse can be called attracting the attention of the viewer. A summary of the main events that will be covered in a news release can affect the audience more than the report itself. They draw the viewer's attention to the key events of the day, showing the importance of a particular event or incident. Influenced by this feature, the messages use such indicator words as '*headlines*', '*breaking news*', '*tonight*', '*our exclusive*', '*today*', '*then*'.

At the morphological level, a significant feature of the English-language news discourse is the use of Present Simple and Past Simple, Present and Past Continuous and Present Perfect tense, which in turn indicate that the events covered in the news happened recently and have a result in the present or occur at the given moment of speech. The use of modal verbs expressing the probability or possibility of an action is also distinctive.

At the syntactic level, structurally, in English-language news messages, complex sentences are used to convey the maximum amount of information within one message. Segmentation and parceling is used to divide this information and highlight the main parts in it.

Simple one-member and two-member sentences are also used. Simple two-member sentences help to make the news story easier to perceive, which allows to engage and grab the audience's attention quickly. One-member sentences, in turn,

divide the news message into smaller semantic groups, thereby highlighting the main information and keywords from each news report.

As for the headlines in the news discourse, the following features can be noted. The most popular modern heading structure is a simple full sentence with subject, predicate, and other parts of the sentence. Often these are extended sentences filled with various expressive means and stylistic devices: rhyme, alliteration, slang words, metaphors, epithets, comparison and irony [Shevtsova 2019: 73].

Therefore, the characteristic features of news discourse are the prevailing focus on permanent news, timeliness, unambiguity, competence and factuality, the desire to attract the attention of viewers, as well as to convince them of the veracity of the information. These qualities of the news discourse determine the language features described in the article. The language of news discourse is characterized by conciseness and concreteness. The use of various clichés, the use of terminology, the use of means of expressiveness of speech helps to influence the audience and attract attention. The use of various syntactic structures and sentences of different levels of complexity allows authors to highlight the main information and focus on it.

Литература

Василенко Е.Н. Дискурс как лингвистический феномен // Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. Серыя А. Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). 2012. № 2(40). С. 81–86.

Василенко Е.Н. Языковые средства убеждения в политическом дискурсе. Могилёв: МГУ, 2018.

Шевцова А.К., Каширина А.Л. Основы медиалингвистики. Могилёв: МГУ, 2021.

Shevtsova A. Stylistic features of British newspaper headlines in the diachronic aspect // Studies in Linguistics, Culture, and FLT. 2019. № 5. Pp. 66–76.

Van Dijk T.A. Structure of news in the press. Discourse and communication: New approaches to the analysis of mass media discourse and communication. Berlin: Walter de Gruyter, 1985. P. 69–93.

Лингводидактический аспект дискурсивного анализа испанского газетного заголовка

Ковригина А.И.

(Россия, Москва)

Новизна и привлекательность выбранного предмета и ракурса исследования предопределены тем, что процесс публичной коммуникации формируется постепенно дискурсивным путем и меняется в зависимости от условий бытования социума.

В монографии «Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка» представлен современный взгляд на результат овладения иностранным языком в виде системы компетенций, согласно которому коммуникативная компетенция включает в себя социолингвистическую и прагматическую компетенцию.

Социолингвистическая компетенция подразумевает знание национальной специфики построения и содержательного наполнения иноязычного текста с точки зрения национально-культурных концептов, умение видеть и понимать скрытый культурно-специфический смысл, заложенный автором текста, в том числе через игру слов.

Прагматическая компетенция всегда культурно обусловлена, поскольку в центре прагматики как лингвистической дисциплины стоит языковая личность. Прагматическая компетенция представляет собой знание правил построения высказываний и связных текстов, характерных для данного языкового сообщества (дискурсивная компетенция), а также умение использовать данное знание для понимания прочитанного, соотнесения с общим контекстом речевого употребления, умение распознавать воздействие на собеседника, оценочный

компонент высказывания, коннотацию, игру слов и подтекст в речи носителей языка (функциональная компетенция).

С учетом происходящего включения языковой личности в плюрилингвальный и плюрикультурный контекст необходимо вести работу над методической поддержкой формирования коммуникативных навыков и умений в условиях полилогического межкультурного общения. В таком ключе плюрикультурная компетенция языковой личности должна быть в первую очередь основана на личном опыте переживания и осмысления особенностей историко-культурного развития, поведения и мышления представителей других культур в сопоставлении и соположении друг с другом и сквозь призму практической деятельности на иностранном/-ых языке/-ах.

Заголовок газетной статьи имеет важное значение в формировании всех вышеуказанных компетенций благодаря тому, что имеет ярко выраженные отличительные черты, объяснимые его коммуникативной ролью и ситуацией. Выбор языковых средств, употребляемых в заголовке, подчинен определенному ряду факторов, как-то: ограниченность печатного пространства, соседство с полным вариантом текста, к которому относится заголовок, периодичность публикации, предварительные и фоновые знания, имеющиеся у читателя, идеология издания и т.д. Прочтение заголовка — это первый шаг в процессе понимания смысла газетного текста, поэтому ведущей его функцией является различительная, т.е. заголовок служит своеобразной «этикеткой», способствующей процессу понимания и интерпретации текста статьи.

Помимо различительной функции, еще одной немаловажной особенностью заголовка, прямо вытекающей из его основного назначения, является привлечение внимания читателя, принадлежащего к определенной культурной аудитории. Для этого используются как типографские и композиционные средства (положение на

странице, визуальные маркеры и т.д.), так и культурно обусловленные языковые приемы. Они особенно необходимы при создании яркого, привлекающего внимание заголовка, который обычно предвосхищает интерпретативно-аналитические тексты и авторскую колонку в испанской газете, где журналисту позволена большая степень творчества и воображения.

Многоаспектность национально-культурного компонента испанского газетного заголовка подробно обсуждалась в [Верещинская 2013; Ковригина 2013]. Апелляция к концептам прецедентных текстов является частотной дискурсивной стратегией, к которой прибегают испанские журналисты.

С учетом предлагаемой в [Ковригина 2013] классификации лингвокультурных концептов прецедентных текстов следует говорить о необходимости создании двух блоков упражнений для отработки различных видов речевой деятельности. Первый блок основан на работе с прецедентными текстами, апеллирующими к общечеловеческому культурному наследию (кино, литература, песни и т.д.). Второй блок построен на работе с синтаксических схемами прецедентных текстов языкового фонда (пословицы, поговорки, фразеологизмы и т.д.).

В качестве примеров заголовков первого типа можно привести: Contamíname con tu libro verde (20 minutos, 03-06-2020) — использовано название фильма «Зеленая книга», 2018 г. (*исп*. «Libro verde»)), Danzad, danzad, malditos (20 minutos, 03-09-2020) — использовано название фильма «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?», 1969 г. (*исп*. «Danzad, danzad, malditos»). В рамках развития плюрикультурной и плюрилингвальной компетенции преподаватель может обсудить со студентами перевод последнего фильма и возможные причины выбора именно такого варианта для локализации названия (для сравнения в

русском варианте перевод также не полностью соответствует оригиналу: «They Shoot Horses, Don't They?»).

В качестве материала для составления упражнений интересно использовать отсылки к прецедентным высказываниям, например: Esa España nuestra (20 minutos, 07-01-2021) — отсылка к строчке из знаковой для носителей испанского языка и культуры песни “Mi querida España” (1975 г.); Puedo tutear y tuteo (20 minutos, 14-05-2020) — реминисценция на фразу из предвыборной речи Адольфо Суареса («Puedo prometer y prometo»). В данном случае преподаватель может дополнительно рассмотреть на занятии культурно-исторический контекст создания песни и предвыборного выступления кандидата на пост Председателя Правительства Испании. Оба события относятся ко времени перехода от диктаторского режима Ф. Франко к демократии.

Для развития языковой, прагматической и социокультурной компетенции представляет интерес игровое использование прецедентного имени Коко Шанель: La revolución de los chaneles (20 minutos, 21-05-2020). Помимо морфологической адаптации и двойного метонимического переноса (автор — продукт — пользователь продукта), образовавшего лексему «chaneles» от фамилии Chanel, журналист использует этот каламбур для иронической оценки состоятельных женщин ультраправого толка, а также отсылает читателя к военному перевороту 1974 г. в Португалии, получившему название «революции гвоздик» (*исп*. la Revolución de los Claveles). Подобного рода стяжение (компрессия) двух и более смысловых пластов в одной лексической единице отвечает сразу нескольким целям: экономия физического пространства, привлечение внимания за счет экспрессивного и стилистически маркированного неологизма, повышение заинтересованности читательской аудитории, вовлеченной в своеобразную интеллектуальную дуэль с автором.

Заголовки, которые используют в качестве основы прецедентные тексты языкового фонда (фразеологизмы, пословицы, поговорки), примечательны частым появлением номинативных конструкций. Это происходит потому, что фразеологические единицы с номинативной синтагматической структурой являются более мобильными и подвижными с точки зрения их использования в тексте: Cara y cruz de las cifras (20 minutos, 09-08-2021) — от *исп*. «cara o cruz» («орел или решка»); Memoria de pez (20 minutos, 05-08-2021) — *букв*. «память как у рыбки», «рыбья память».

Как показывают вышеприведенные примеры, обычно исходный прецедентный текст явно выражен в заголовке и легко идентифицируется. Однако автор может прибегать к изъятию или добавлению какого-либо языкового элемента (на фонетическом, грамматическом или лексическом уровне), структурному изменению исходного текста (инверсия, перестановка элементов и т.д.), а также замене некоторых слов другими, если это необходимо, чтобы должным образом связать заголовок с текстом статьи.

Представляется возможным утверждать, что основной целью, которая преследуется журналистом при употреблении прецедентного текста, является привлечение внимания читателя при помощи яркого, выразительного и в то же время краткого и емкого средства языка. Кроме того, благодаря своей узнаваемости и частоте использования подобные выражения немедленно определяются и интерпретируются собеседником-носителем языка, однако представляют затруднение для иностранцев, изучающих данный язык, в том числе ввиду их частой трансформации и неочевидности исходной языковой единицы.

В рамках развития прагматической компетенции важной задачей преподавателя иностранного языка является развитие у учащихся языковой догадки — умения самостоятельно семантизировать незнакомые лексические единицы в конкретном контексте их использования и

интерпретировать заложенный автором культуроспецифический смысл. Представляется достаточно удобным использовать газетный заголовок как средство развития языковой догадки, поскольку языковой материал заголовка, как правило, раскрывается и осмысляется автором далее в основном тексте статьи.

Как известно, «существующие способы развития языковой догадки включают использование знаний в области словообразования, умение понять уже известные многозначные слова в новых значениях, а также знание интернациональных слов родного и изучаемого языков» [Азимов, Щукин, 2009: 361]. Данное определение показывает, что параллельно с развитием языковой догадки возможно развивать и плюрикультурную/плюрилингвальную компетенцию учащихся, проводя параллели между языковыми системами на лексическом, синтаксическом и словообразовательном уровнях и демонстрируя закономерности языковой трансформации и включения культуроспецифических элементов в газетные заголовки в разных языках.

В общих чертах механизм составления газетного заголовка состоит в использовании имеющихся у носителей культурных и языковых моделей, которые применяются к новой реальности. Как было показано на примерах выше, эти модели могут появляться в тексте в форме буквальной цитаты или подвергаться каким-либо изменениям, которые, тем не менее, не препятствуют узнаванию оригинальной модели, что является необходимым условием понимания идеи, заложенной автором сообщения. Такое привлечение внимания, носящее игровой, даже юмористический характер, обычно является особо эффективным коммуникативным средством, в особенности если автор применяет некое изменение или актуализацию оригинальной модели.

Прецедентные тексты как средство создания заголовков практически неисчерпаемы и используются при создании

яркого, привлекающего внимание заголовка, а их изучение способствует развитию у студентов компенсаторных навыков за счет языковой догадки. Компенсаторная компетенция, предполагающая, в частности, умение пользоваться языковой догадкой для понимания незнакомых языковых единиц в определенных речевых ситуациях, должна формироваться как один из компонентов прагматической компетенции учащихся с опорой на социолингвистические знания, плюрикультурную и плюрилингвальную компетенции.

Литература

Азимов Э.Г., Щукин А.Н. *Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)*. Москва: Издательство ИКАР, 2009.

Верещинская Ю. В. *Испанский газетный заголовок: лингвопрагматический и национально-культурный аспекты: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук*. Москва, 2013.

Ковригина А. И. *Реализация принципа экономии языковых средств в современной испанской прессе: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук*. Москва, 2013.

Alarcos Llorach E. Lenguaje de los titulares // en F. Lázaro Carreter (ed.): *Lenguaje en periodismo escrito*. Madrid, Fundación Juan March. 1977. C. 125-148.

The Relativity of Politeness: A Multicultural View on Email Communication

Kolar K.

(Russia, Moscow)

Ever since the dawn of humanitarianism, sociology, psychology etc., especially now *in these uncertain times* when socialising has been limited and/or altered, one can often hear the

well-known phrase, stating that the man is a social being. Indeed, regardless of our age, gender, sex, social or financial status, something that binds us all is probably our need for socialising, particularly our need for communication. Although aspects of communication have changed over time (and keep changing as we speak), certain rules have certainly always had to be followed during the communicative act itself. As Dell Hymes suggests in his work *Discourse: Scope without depth*, it is not enough that one speaks fluently and grammatically correct — one must also learn to use their words accordingly with regards to the situation [Karimnia 2018: 70]. In other words, it is not enough for a user of a language to know all the linguistic rules, as social rules and etiquette need to be observed, too, and a decent amount of these social rules must surely focus on making our communication better and more pleasant, i.e. on the idea of politeness.

According to Ide, linguistic politeness is *language usage associated with smooth communication* [1989: 225], which is affected by various factors, including, as Karimnia commented referring to Ide's work, *social status and social level, education and career, power and structures of kinship, and social role and situation* [2017: 71]. In other words, politeness is affected by a person's existence, role and activity in their society, which consists of and is based on many aspects. Although all of them deserve special attention, considering the current situation and the continuous transfer from a physical to virtual environment, here, we would like to focus on the aspects of education and social role in the context of email communication across countries, i.e. politeness strategies used in them.

Everyone who has participated in a form of email communication knows that there are rules which need to be followed. For example, English speakers may start their emails with *Dear (Mr/Mrs/Ms) (first name/last name)* or, in more formal situations (especially if their virtual interlocutor is unknown), *To whom it may concern*. There is also the possibility of a less formal *Hello/Hi, (first name)*, which may also be used if the

writer of the email wishes to connect with the addressee more. The situation in Croatian and Russian, although similar, already points to certain differences: the email may start with *Poštovani/Poštovana/Уважаемый/Уважаемая* or the slightly less formal *Dragi/Draga/Дорогой/Дорогая,* just like in English; however, in Croatian, these forms are usually followed by the person's title (gospodine/gospođo, i.e. g./gđo) and his last or, less formally, first name, whereas in Russian there are no titles of any kind — instead, the *dear* part is followed by the addressee's first name and patronymic. Just like in the Anglophone *email tradition*, a mere greeting is also possible, but with different connotation: *Добрый день/Здравствуйте* or their Croatian version *Dobar dan* are used in more formal communication, especially if we don't know the addressee, whereas *Привет/Bok* would be used exclusively in a friendly communication, i.e. if the addresser and the addressee are close. Here, one must have in mind that this kind of greeting would not be applied in communication with e.g. teachers, supervisors or anyone of a higher (social and/or educational) status, unlike the words *Hi/Hello*, which virtually may have the same meaning, but can be applied in this type of communication due to a different perception of, among other things, what is considered (im)polite. This is just an example of a rule commonly applied in online, more specifically email, communication. Native speakers are usually aware of potential regulations and traditions with regards to this matter, and for (most of) them explanations are not necessary. But what about non-native speakers living in a different country, such as foreign students who often need to engage in such communication?

As Larina and Locher [2019: 876] suggest: *while expressing politeness seems to be universal, how this is being done is in essence a culture specific phenomenon… The same act of communication (verbal or non-verbal) perceived as polite in one culture may be considered as inappropriate, impolite and even rude in another*. To give a simple example based on

previously mentioned rules, an American coming to Croatia and starting an email to their professor with *Bok, (first name)* (the equivalent of *Hi, (first name)*, which they may use to address their teachers in the US), or even a Russian with a significantly more formal *Poštovani (first name)*, as a variant of *Уважаемый (first name and patronymic)* (Croatians don't usually have a patronymic so an identical form cannot be transferred), might seem unusual, impolite or, to some, even offensive, as first names in Croatia are applied only to those close to us, or, in different context, subordinate to us. On the other hand, a Croatian addressing their Russian addressee in a formal letter with *Уважаемый господин (last name)*, as this is what they would use in Croatia, to Russians may sound pretentious and even sarcastic, thus, once again, seeming either impolite or over-the-top polite. And this is a simple instance regarding a mere start of an email: the way an email is formed, the tenses and voices used in it, the choice of vocabulary, all of these are matters which depend highly on social and cultural context, and all of these, if used incorrectly, may *have repercussions on identity construction, which in its turn guides the way people interact* [Larina, Locher 2019: 877]. Although our communicative intentions may be good, if they don't correspond to the culture of the person we are communicating with, they might have the opposite effect. Exactly for this reason it is important for us to understand the concept of (im)politeness in different countries, so we could be able to apply it if and when needed.

This idea of (im)politeness has been studied by many, and its application in online communication (via email and social networks) between students and teachers has already been researched (e.g. Karimnia 2018, Harwood 2017); thus, we already have some insight in it. For example, in his article, which focused on email communication between native/non-native speakers and their teachers in American universities, Harwood argues that non-native speakers tend to be too direct while making requests, thus leaving little space for their addressees (i.e.

their teachers) to form an answer, often leading to an uncomfortable situation, or, on the other hand, too polite, thus again seeming unusual, to say the least [Harwood 2017: 43]. To explain why such situations may occur, he cites Morand and Ocker [2002: 4], who claim that, while writing an email, non-native speakers tend to weigh between politeness, which might not be as clear and straightforward, thus potentially leading to confusion, or clarity, which will probably not cause such issues, but might seem too direct [Harwood 2017: 38], both of which can sometimes end up in a potentially face-threatening situation.

Another problematic aspect of online communication which we should look into, and which affects not only non-native, but also native speakers, is the fact that a lot of face-to-face communication is based not only on its verbal part, but on the non-verbal signs, too, [Harwood 2017: 38, Morand and Ocker 2002: 4], which, of course, are quite hard to convey in email communication (a potential solution to this are the so called "emojis", but the appropriateness and politeness of their usage deserves special and separate attention).

However, apart from offering an explanation for email hardships, Harwood also provides a potential solution for misunderstanding in teacher-(non-native) student email communication, which correlates with (and works as a supplement to) our idea: just like us, he believes that students should be made aware of what politeness and communication strategies are used in their target language email, but he also adds that this should be done in the form of an academic course, taught to native and non-native speakers alike [Harwood 2017: 44]. Although I agree and this really would be useful for cultures whose email (and communication) styles, as well as politeness strategies are well known (such as the Anglo-American style), I believe that in countries such as Croatia, or even Russia, which haven't been as *outspoken* about it, education on a general basis (i.e. making people aware of potential obstacles in email communication regarding customs and politeness strategies in the

country) is a good start. Thus, I believe a comparative research on Russian, Croatian and Anglo-American strategies and the idea of politeness in digital communication would be of great use, as it would display potential contrasts between the better known Anglo-American strategies and the potentially less know Croatian and Russian strategies, enabling its users to communicate smoothly.

At the moment, there is no comparative research of this kind, and with this text we encourage that deeper insight into this topic is obtained and call for more data with regards to politeness in email communication in Russia and Croatia in general, especially with a focus on teacher-student communication, as teachers and students are common users of this type of communication.

References

Harwood, C. Politeness and University Student Online Communication. // *The Journal of the Faculty of Foreign Studies, Aichi Prefectural University*. 2017. № 49. P. 35—45.

Ide, S. Formal forms and discernment: Two neglected aspects of linguistic politeness // *Multilingua*. 1989. № 8. P. 223—248.

Karimnia, A. Patterns of Politeness in Teacher-Student Interaction: Investigating an Academic Context //

The Journal of Applied Linguistics and Applied Literature: Dynamics and Advances. 2017. Vol. 5. № 1. P. 69—87.

Locher M. A., Larina T. Introduction to politeness and impoliteness research in global contexts *// Russian Journal of Linguistics*. 2019. Vol. 23. № 4. P. 873—903.

Morand D., Ocker R. Politeness theory and computer-mediated communication: A sociolinguistic approach to analyzing relational messages // *Proceedings of the 36th Hawaii international conference on system sciences.* 2002. Vol. 42. № 2. P. 223—248.

Поморский язык как источник фраземикона Б.В. Шергина

Комкова Н.И.

(Россия, Тула)

Фразеология севернорусского поморского говора не получила пока специального лексикографического описания, однако в достаточной степени представлена во всех существующих словарях «поморьской говóри», прежде всего в «Словаре областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» (1885) А.И. Подвысоцкого, где зафиксировано большое количество «выражений» и «поговорок», под которыми его автор понимал любые устойчивые обороты. Это позволяет выделить фразеологический состав прозы Б.В. Шергина, который восходит непосредственно к единицам, зафиксированным в словарях «поморьской говóри» (А.И Подвысоцкий; И.С Меркурьев; Б.В Шергин; Архангельский областной словарь под редакцией О.Г. Гецовой; К.П. Гемп ; И.И. Моисеев; И.М. Дуров), в отдельный пласт фразеологизмов, составляющих основной источник фраземикона писателя и обусловливающих своеобразие фразеологического пространства его прозаических текстов.

Фразеологию «поморского происхождения» можно дифференцировать в прозаических произведениях Б.В. Шергина на фразеологические единицы (ФЕ), источником которых является собственно «поморьска говóря» (по данным диалектной лексикографии), и на фразеологизмы, которые не зафиксированы в имеющихся словарях поморских говоров, входят в состав только «поморского фраземикона» писателя.

ФЕ «поморьской говóри» представлены в языке художественной прозы Б.В. Шергина довольно

разнообразно: это собственно фразеологизмы (устойчивые и переосмысленные сверхсловные сочетания), застывшие предложно-падежные конструкции, и устойчивые перифрастические обороты, коллокации (словосочетания, имеющие признаки семантически и синтаксически целостной единицы). Отдельную группу составляют фразеологизированные микротопонимы.

Вообще ФЕ, различные по грамматической структуре и степени идиоматичности, среди которых превалируют устойчивые единицы, имеющие грамматическую модель двухкомпонентного словосочетания со структурой «глагол + имя существительное» и «имя существительное + глагол», реже «адъектив + имя существительное», как правило, с одним переосмысленным компонентом, напр.: *Мы, жители посада Неноксы, **знаем** ветер, и **воду**, и всякую морскую примету*. («Кроткая вода») (где *знать воду* — «знать время приливов и отливов» [Подвысоцкий 1885: 19]); *Оба молодца пришли в эту избу, край моря, и день-два пожили по правилу. До обеда поработают, часок поспят. Вылезут на улицу, окошки разгребут. В семь часов отужинают — и спать. В три утра встают и печь затопляют. И еду готовят. Все, как дома, на **матёрой земле**.* («Грумант-медведь»), где *матёрая земля* — «материк» [Дуров 2011: 217].

Встречаются и застывшие предложно-падежные конструкции, представленные как субстантивными, так и прономинальными единицами с высокой степенью идиоматичности, в том числе с немотивированной семантикой, напр.: *Старый кормщик и обеспокоился: — Олеша далеко порато ушёл. Море **на часу** вздохнёт, вечерняя вода тороса от берега понесёт…* («Любовь сильнее смерти»), где *на часу* — «скоро, сейчас» [Подвысоцкий 1885: 99].

Не менее частотны в прозе Б.В. Шергина устойчивые перифрастические обороты, обозначающие наиболее важные для жителей Северно-Русского Поморья географические

объекты (Ледовитое море, Студёное море, Студёный океан, Студёное море-океан — Северный Ледовитый океан, Лопский берег — Кольский полуостров и др.), даты народного календаря (Аксинья-полузимница — 24 января старого стиля, середина зимы, когда уже прошла половина холодов, Афанасьев день — 18 января старого стиля, с этого дня кончается полярная ночь, Введеньев день — 21 ноября старого стиля, время обильных снегопадов, когда пришла настоящая зима, Егорьев день — 23 апреля старого стиля, время весеннего половодья на Севере, Николин день или Никола-вешний — 9 мая старого стиля, на Новой Земле поворот от зимы к весне, прилетают птицы) и т.д.

Среди устойчивых перифрастических оборотов наиболее характерным (кроме перифраз Северного Ледовитого океана) является перифраз города Архангельска [Лихачёв 2014: 200], отражённый в названии цикла рассказов «У Архангельского города» и широко употребляемый во многих прозаических произведениях Б.В. Шергина, напр.: *С полдня много дорог пришло в полуночный и светлый Архангельский город. Тем плотным дорогам у нашего города конец приходит, полагается начало морским беспредельным путям*. («Двинская земля»).

В прозе Б.В. Шергина представлены и коллокации, реализуемые, в основном, глагольными и именными целостными по семантике словосочетаниями, напр.: *Опять часы дошли, и кроткая вода понесла нас вниз, попутные воде* ***летние ветры*** *управили карбас на середину моря. При конце убылых часов завидели Терский берег*. («Кроткая вода») (где *летний ветер* — «тёплый южный ветер, дующий с 17-го румба компаса (на 32 деления)» [Дуров 2011: с. 207].

Фразеологизированные микротопонимы в рассказах писателя отражают сверхсловные образные номинации физико-географических объектов данной местности, бытовавшие в поморском говоре и частично закреплённые в традиционной и официальной картографии Поморья, напр.:

Хождение воды в ту или другую стороны, на убыль или на прибыль, и у Кедовского берега бывает не круто и не тихо. В послонке вода идёт кротко, а у Воронова Носа прилив и отлив ходит яро — волну разводит. («Запечатленная слава») и т.д.

Наибольшим количеством в прозаических произведениях Б.В. Шергина представлены фразеологические единицы различного типа с компонентом *вода*, с помощью которых описываются преимущественно различные состояния моря (морские приливы, отливы, течения и др. [Комкова 2020: 111]), а также особенности морской стихии (глубина и др.), напр.: *В нашей местности (Койденский берег) разное течение* ***воды*** *у прилива и отлива. Три часа идёт в нашу сторону, на полунощник (северо-восток). Потом три часа идёт в шелоник (юго-запад). Так ходит и прибылая и убылая* ***вода***. («Запечатленная слава»), где обороты *прибылая (прибылья) вода* — «последнее время прилива (морского), прибывающая вода», *убылая (убылья) вода* — «убывающая вода, отлив (морской)» [Подвысоцкий 1885: 20]).

Поморский фраземикон писателя репрезентирует в языке прозы Б.В. Шергина не только своеобразие её фразеологического пространства, но и отражение в ней фразеологического богатства исконной поморской речи, носителем которой являлся сам автор. Единицы «поморского фраземикона» писателя дифференцируются на несколько групп в зависимости от характера своей связи с фразеологией и лексикой «поморьской говóри», отражённой в диалектной лексикографии.

Трансформированные ФЕ «поморьской говóри», в которых происходит, как правило, замена одного из компонентов исходной ФЕ на синонимичный ему другой компонент (часто общеупотребительного слова на лексическую единицу поморского говора), напр.: *И вот хлеб доели, воду выпили — утром, с* ***попутной водой****, изладились*

плыть на матёрую землю. («Для увеселения») (где выражение *попутная вода* в значении «морское течение, направление которого совпадает с курсом идущего судна» образовано от оборота убылая (убылья) вода — «убывающая вода, отлив» [Подвысоцкий 1885: 20]).

ФЕ, образованные по структурным моделям и/или по семантическим образцам ФЕ «поморьской говóри», также частотны в прозе Б.В. Шергина напр.: Председатель в колокольчик созвонил: — *Увы, товарищ Корельской! Оставил нас твой желанный Василий Онаньевич, усвистал за границу* ***без воротиши***. («Матвеева радость»), где выражение без *воротиши* употреблено в смысле «не возвратив, не отдав, не уплатив долг» (что соответствует сюжету рассказа, где сбежавший за границу богатый купец Василий Онаньев Зубов обманом присвоил деньги бедняка-помора Матвея Корельского), а не просто «без возврата», как это указано в «Словаре поморских и специальных слов и выражений, объяснение собственных имён и названий», образовано по структурной модели оборота без отвороту — «безвозвратно» [Подвысоцкий 1885: 6], ср. воротиша — «возврат, отдача обратно, уплата долга» [Подвысоцкий 1885: 22], отворот — «возвращение» [Подвысоцкий 1885: 112].

Таким образом, место и роль поморской фразеологии в художественном тексте определяется не только стремлением Б.В. Шергина как яркого представителя поморского этноса Русского Севера максимально полно отразить, сохранить и популяризировать в письменном виде фразеологическое богатство родной ему «поморьской говóри», но и творческой интенцией Б.В. Шергина как писателя предопределить употребление фразеологизмов в повествовательной ткани и языковом пространстве литературного произведения. Это достигается Б.В. Шергиным как намеренным и умелым обыгрыванием в контексте формы, значения, образности и фоновой семантики устойчивых выражений, так и выбором самих контекстов для использования тех или иных

фразеологизмов, чтобы максимально эффективно использовать фразеологическое наследие языка и культуры поморов в литературном произведении, а «декодирование» единиц текста происходит более органично, если читатель располагает информацией «из первых рук» [Ломакина 2017: 136]. Фразеология «поморьской говóри» и «поморского лексикона» писателя всегда занимает в текстах прозаических произведений Б.В. Шергина ключевую позицию наряду с иными языковыми, стилистическими и прагматическими средствами авторской интенции в репрезентации языка и культуры Поморья, а также в создании уникального идиостиля, обусловливающего центральное место художественной прозы писателя в Северном тексте русской литературы.

Литература

Дуров И. М. *Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении.* Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2011. 453 с.

Комкова Н. И. Функционирование окказионализмов в прозе Б. В. Шергина // *Перспективные направления современной лингвистики*. М. : РУДН, 2020. С. 109–119.

Лихачёв Д. С. *Заметки о русском* . М. : Колибри, 2014. 302 с.

Ломакина О. В. Писательский метаязыковой комментарий и его роль в понимании текста (на примере произведений русской литературы XIX в.) // *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика.* 2017. Т. 8. № 1. С. 130–137.

Подвысоцкій А. И. *Словарь областного архангельскаго нарѣчія въ его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи / собралъ на мѣстѣ и составилъ А. Подвысоцкій.* СПб.: Типографія Императорской Академіи наукъ, 1885. 197 с.

Роль переводчика как интерпретатора речевой ситуации

Корнев В.А., Дедова О.М.

(Россия, Воронеж)

Всё ещё имеет место заблуждение, согласно которому знания иностранного языка вполне достаточно для того, чтобы быть переводчиком. Помимо знания языка переводчик-профессионал должен обладать целым комплексом знаний, умений и навыков, а также определенными личностными качествами, формирующими его особую профессиональную компетенцию. При этом такой аспект профессиональной компетенции переводчика как техника перевода включает умение видеть переводческие проблемы и выбирать способы их решения.

Подобно речи, перевод представляет собой вид символической, культурно регламентированной деятельности, в силу чего нормы, регулирующие этот вид деятельности, почти не ощущаются, вернее, ощущаются лишь тогда, когда их нарушают [Садиков 1981: 4].

Эту сторону перевода В.Д. Уваров предложил называть «ситуационной» или «социологической» [Уваров 1978]. К ней относится целый ряд прагматических аспектов перевода, и в частности, «цель коммуникации» (первым в отечественном переводоведении обратился к этому понятию В.Н. Комиссаров, посвятивший в монографии «Слово о переводе» целую главу «переводу на уровне цели коммуникации» [Комиссаров 1973]). Систематизация и описание целей коммуникации и установление переводческих соответствий в этой плоскости — одна из ближайших задач социологического направления в переводоведении.

Другой задачей является изучение «переводческих ситуаций», в которых социологическая сторона накладывает существенные ограничения выбора из ряда семантически равноправных вариантов. К их числу относятся прежде всего ситуации, которые можно назвать «ритуализованными» или «формализованными» [Корнев 2002: 53] и которые делятся на ряд классов, как то: ситуации приветствия и прощания, вручения (грамот, премий) и выражения благодарности, одобрения и неодобрения и т.д. Смысловая сторона речевых произведений, порождаемых в такого рода ситуациях, как правило, сведена к указанию на определенный предмет, мотивировавший высказывание, а всё остальное является соблюдением правил оформления речи, или правил речевого оформления социального поведения. Причём сами эти речевые произведения могут быть сколь угодно длинными и порождаются индивидуально, хотя и состоят преимущественно из фиксированных речевых формул — «штампов».

К этому же ряду можно отнести и широкий набор формул обращения, именования и титулования участников ситуации, причем число последних, как показывают наблюдения, не ограничивается традиционной формулой «Отправитель (тот, кто говорит) — Получатель (тот, кому говорят) + Переводчик», но должно быть дополнено Третьим (тем, о ком говорят). Оформление высказываний в такого рода ситуациях определяется статусом каждого из участников, и его отношением к статусу остальных, + для Третьего различие ситуации его присутствия и ситуации его отсутствия [Садиков 1981: 8]. Установить переводческие соответствия между различными языками без предварительного изучения средств выражения данного плана в каждом из контактирующих в переводе языков и выяснения соотносительной поведенческой значимости каждого из них невозможно.

Из всех видов перевода в поле зрения социологической теории первым следует внести устный последовательный перевод, поскольку, заключая в себе все проблемы, которые может поставить письменный или синхронный перевод, он ставит и ряд дополнительных, обусловленных тем, что это единственный вид перевода, при котором все участники ситуации присутствуют физически, а не как обезличенный текст или голос, а значит здесь общение и перевод в наиболее наглядной форме выступают как социальное поведение, подпадающее под действие ряда социальных норм.

Попытаемся представить себе, чего ожидает общество от переводчика и какие профессиональные знания и навыки необходимы последнему для того, чтобы оказаться на уровне ситуации.

Прежде всего можно сказать, что перевод считается тем лучше, чем меньше ощущается присутствие посредника. Это значит, что участники общения должны как можно меньше подозревать обо всех социо-культурно-этно-психо-лингвистических различиях; они должны быть уверены, что чем естественнее они себя ведут, тем лучше будут поняты. А это предполагает ряд более конкретных требований.

В ритуализованных ситуациях в переводе должно звучать не то, что было сказано, а то, что получатель сообщения ожидает услышать. Всякий речевой ритуал — приветствия, поздравления, обращения, благодарности, прощания и т. д. — облекается в словесную форму, которая случайна по отношению к содержанию, но традиционна и «естественна» для носителей данного языка. В терминологии В.Н. Комиссарова, перевод в таких случаях может осуществляться только «на уровне цели коммуникации». В цитируемой статье А.В. Садиков приводит такой сконструированный им пример: «Если ... выразить эту мысль образно, то переводчик, присутствующий при встрече европейского политического деятеля с маорийским вождем,

должен принять рукопожатие от первого, подойти ко второму и потереться с ним носом об нос» [Садиков 1981: 10].

То же самое относится к эмоциональным речевым реакциям — способам выразить определенное чувство, например, радость, удивление, недоверие, гнев — на том или ином языке. Эти высказывания, которые традиционная грамматика отнесет к междометиям, а лексикология — к фразеологизмам, могут представлять собой довольно длинные отрезки текста, когнитивное содержание которых минимально и не зависит от длины и состава. Ср., например, кубинско-испанское: «¡Oyeme, ven acá, chico, qué cosa mas grande, figúrate!» или русское «Ведь это ж подумать только, ведь это ж убиться можно, ведь сказать, так не поверят!»

Переводчик должен быть подготовлен не только лингвистически, но и паралингвистически, в частности, должен быть готов перевести жест словом и наоборот. Например, преподаватель (русский) ведет занятие через переводчика с группой студентов (кубинцев). Вдруг один из студентов молча поднимается, одновременно поднимая вверх руку с вытянутым указательным пальцем, остальные пальцы сжаты в кулак. Указательный палец описывает в воздухе дугу по направлению к двери. Переводчик говорит: «Можно выйти?» (в русском языковом поведении эта просьба должна быть выражена словесно). Преподаватель говорит: «Пожалуйста!» Переводчик молча кивает головой: для кубинцев этот жест в данном случае означает разрешение выйти — и достаточен для этой цели.

Переводчик должен владеть по крайней мере двумя нормами каждого из языков, на которые он переводит, — литературной и разговорной, национальной и диалектной, наднациональной и национальной (в случае когда на одном и том же языке говорят более чем в одной стране), подходя к ним как к двум самостоятельным системам средств выражения, и знать правила переключения кода или,

другими словами, ситуационную закрепленность каждой из норм. Для переводчика испанского языка это означает, например, что официальная беседа должна идти по-общеиспански», неофициальная — на разговорном языке Испании, «по-кубински», «по-аргентински», «по-мексикански» и т.д.. Юмор может быть удачно передан лишь разговорной (диалектной, национальной) речью. Что же касается экспрессивной речи вообще, то существует определенная зависимость между экспрессивностью и закрепленностью за одной из трех только что указанных форм речи (какой из трех — зависит от конкретной языковой ситуации), противостоящих единой, литературной, стандартной норме. При этом официальная и разговорная речь различаются не только предписывающими нормами словоупотребления, по также и запрещающими. Так, например, в официальной речи, обращенной к кубинцам, возможно употребление испанских слов templar и mandado, перетолкованных в непристойном смысле в кубинско-испанском разговорном языке. В разговорной же речи на их употребление наложен запрет, то есть употребление их в словарном значении и нейтральном стиле, характерном для них в литературном языке, не выполнит коммуникативного задания и вызовет совершенно нежелательную реакцию. И наоборот, против употребления многих разговорных кубинизмов в официальной беседе или публичной речи будут возражать прежде всего сами кубинцы.

Наконец, переводчик должен заранее обладать всеми «фоновыми знаниями» о ситуации, необходимыми для правильного социолингвистического оформления высказываний, то есть знать о ней заведомо больше, чем любой из участников. Так, носитель любого европейского языка не обязан знать имя и отчество русского, к которому он обращается, и даже что вообще существует такое понятие, как отчество. В беседе он может сказать: «Как нам только что говорил директор...». В русском переводе высказывание

может быть оформлено так только при отсутствии директора. В его присутствии, для того чтобы стиль общения не изменился, должно прозвучать: «Как нам только что говорил Иван Петрович...». В свою очередь русский, обращающийся к французу, не обязан обладать полным набором сведений о социальной иерархии вокативов во французском языке. Задание переводчику может иметь даже такую форму: «Скажите ему, что хорошо бы...». Дело переводчика — знать, уместно ли обратиться в данной ситуации к Получателю Jacques или Monsieur Jacques, Monsieur Lecuyer, или Monsieur le President.

Из сказанного следует, что анализ упомянутых и других социологически заданных высказываний и ситуаций общения с точки зрения и в интересах теории перевода требует включения в последнюю широкого набора социо-этно-психо-пара-лингвистических данных для осмысления с их помощью тех проблем, которые пока решаются переводчиками применительно к случаю, то есть каждый раз заново, интуитивно, приблизительно и по большей части неудовлетворительно.

Литература

Комиссаров В.Н. Слово о переводе. — М.: Междунар. отношения, 1973. — 216 с.

Корнев В.А. Языковая интерференция в поле формализованных ситуаций общения // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук: Межвузовский сборник научных трудов. — Воронеж: ВГЛТА, 2002 . — 120 с. — С. 53–55.

Садиков А.В. Перевод как вид социального поведения // Тетради переводчика, вып. 18 / Под ред. проф. Л.С. Бархударова. — М.: Междунар. отношения, 1981. — 112 с. — С. 3 — 12.

Уваров В.Д. О трех направлениях в переводческих исследованиях. — Тетради переводчика, вып. 15. М.: Междунар. отношения, 1978, с. 9 — 17.

Обучение грамматике английского языка: студентоцентрированный подход

Кошелева И.Н.

(Россия, Москва)

Обучение грамматике английского языка в высшей школе является составляющей частью программ большинства российских вузов, поскольку владение грамматическими средствами языка способствует улучшению аналитического мышления студентов и более уверенной и эффективной коммуникации.

Стоит отметить, что за последние три десятилетия в зарубежной методике преподавания иностранных языков произошла смена парадигм со смещением фокуса с преподавателя на обучаемого в учебном процессе. Следовательно, преподаватель выступает в роли фасилитатора, который служит проводником в мир изучаемого языка и содействует установлению автономии студентов.

В докладе рассматриваются основные принципы студентоцентрированного подхода применительно к преподаванию грамматики английского языка в неязыковом вузе. Также освещаются вопросы понимания грамматики как навыка, а не компетенции. Кроме этого, доклад сосредоточивает внимание на наиболее распространенной модели объяснения грамматического материала: презентация, практика, вывод в речь (использование в устной и письменной речи), где каждый этап иллюстрируется практическими заданиями. Прежде всего, остановимся на ключевых моментах студентоцентрированного обучения.

Преподаванию, ориентированному на студентов присущи следующие черты:

1) фокус как на обучающихся, так и на преподавателе;

2) фокус на том, как студенты используют различные навыки;

3) преподаватель служит примером для студентов, они взаимодействуют с ним / ней и друг с другом;

4) студенты работают в парах, группах или индивидуально в зависимости от задания;

5) обучающиеся работают без постоянного мониторинга и исправления ошибок со стороны преподавателя, он / она обеспечивает обратную связь по мере возникновения вопросов;

6) как преподаватель, так и студенты оценивают результаты своей работы;

7) учебная атмосфера в классе живая и в меру шумная [Smith 2017].

Переходя к вопросу о сущности грамматики, отметим, что она относится не к декларативному знанию, описывающему факты и явления, а к процедурному, оперирующему действиями для достижения поставленной цели, то есть нам надо не только знать грамматическую форму, но также как употреблять ее в реальной языковой ситуации. Таким образом, изучение грамматики — процесс динамический. Для его описания Д. Ларсен-Фриман ввела термин "grammaring", то есть способность использовать грамматическую структуру правильно, со смыслом и к месту. И соответственно, он может считаться пятым языковым навыком, а не только областью знания [Larsen-Freeman 2001: 143]. Далее рассмотрим возможные задания, ориентированные на студентов и способствующие формированию грамматического навыка.

Часто в зарубежных учебниках для изучения грамматического материала используется метод ***guided discovery*** (метод управляемых открытий). Как правило, такой презентации не хватает обучающимся, следовательно, преподавателю стоит сделать акцент на употреблении конструкции в контексте или ситуации, приближенной к

жизни студентов, на том, что может увлечь их эмоционально, а значит и привлечь внимание к грамматической структуре, что способствует лучшему усвоению материала. Например, при введении оборота ***used to*** преподаватель может составить с ним около десятка предложений о своей жизни, отражающих повторяющиеся действия в прошлом, а студенты будут угадывать, что является правдой, а что — вымыслом. Подобная практика помогает выстроить связь между реальной жизнью и использованием языка в аудиторных условиях.

Следующим этапом идет расширенная практика, где можно выделить ***drills*** — упражнения на многократное повторение грамматической конструкции и ***noticing*** — ее узнавание в контексте, когда путем анализа выявляются основные черты употребления. Обратимся к этим видам заданий более подробно. Обычно дриллы не представляют интереса для изучающих иностранных язык, поскольку ориентированы на повторение по модели, созданной учителем. Разнообразить их можно, предложив студентам составить свои собственные предложения. Например, при изучении Present Perfect Simple это могут быть "the three best things you've done" and "the three best things you haven't done". Таким образом, обучающиеся имеют возможность выразить свое мнение. Задание имеет для них личную ценность, оно персонализировано и есть вероятность того, что они приблизятся к более прочному усвоению конструкции.

Переходя к рассмотрению заданий на узнавание той или иной грамматической конструкции, отметим, что при их выполнении студенты обращают особое внимание на ее форму, значение и употребление. Как правило, в данном случае студентам предлагаются предложения / текст на заполнение пропусков актуальной грамматической формой. Альтернативой данным заданиям могут служить упражнения на анализ употребления той или иной формы. Например, при изучении Present perfect simple, затрагивается сравнение

этого времени с Past simple. Таким образом, можно взять биографию двух знаменитых людей, один из которых жив, а другой уже умер и предоставить факты из их жизни, позволяя студентам сравнить употребление времен в этом контексте. Например, опираясь на даты жизни двух писателей ***Jack Kerouac*** (1922-1969) vs ***Gary Snyder*** (1930-), студенты могут заполнить пропуски в предложениях, использовав имя писателя, исходя из временной формы глагола. Например, a) _____ was a writer. b) _____ is a poet. c) _____ has written many books of poetry. d) _____ lived in USA, Mexico and Tangier [Thornbury 2005: 41]. Это как бы служит промежуточным уровнем между запоминанием и выводом в речь грамматической структуры.

Также хорошим подспорьем на узнавание грамматического явления считается задание на обратный перевод — ***reverse translation***, когда обучающимся дается небольшой текст на перевод с английского языка на русский, а потом через пару-тройку занятий, они должны перевести этот текст обратно — с русского на английский, обращая внимание на актуальные структуры. Выполнив такое задание, студенты имеют возможность сравнить оригинал и свой перевод, еще раз особо отметив отрабатываемый грамматический материал.

Еще одним заданием, способствующим узнаванию грамматических конструкций, можно считать ***диктоглосс***. Его суть сводится к тому, что преподаватель зачитывает небольшой текст, где употреблена изучаемая грамматика, но студенты сначала прослушивают его, затем преподаватель читает текст еще один раз, в это время обучающиеся фиксируют услышанное. Затем следует этап реконструкции текста, для этого студенты объединяются в пары или небольшие группы. Далее обучающиеся анализируют и корректируют получившийся у них текст, обсуждая его в паре или небольшой группе. В завершении задания студенты сравнивают текст с оригиналом. Как видно, здесь

прослеживается интерактивный подход к обучению, поскольку реконструкция текста порождает обсуждение как значения, так и формы грамматической структуры, что заставляет студентов быть более вовлеченными в учебный процесс [Vasiljevic 2010: 41]. Подобные задания создают основу для дальнейшего этапа в усвоении грамматики, а именно выхода в речь. Рассмотрим, какие возможности следует предоставить студентам для этого.

В рамки студентоцентрированного подхода хорошо вписываются задания, ориентированные на выполнение какой-либо нелингвистической коммуникативной задачи. Например, при изучении степеней сравнения прилагательных студентам предлагается написать отзыв о квартире, которую они забронировали на сервисе Airbnb и которую им предоставили, тем самым сравнивая свои ожидания и реальность. Преподаватель показывает две фотографии, создавая ситуацию, в которой обучающимся понадобится естественным образом употребить степени сравнения прилагательных. Так, будучи максимально приближенными к реальным жизненным условиям, подобные задания способствуют формированию уверенности в студентах, создают ощущение удовлетворенности и радости.

Организуя возможности для общения студентов, преподавателю стоит помнить, что у них всегда должен быть повод для коммуникации. Так, для этой цели хорошо подходят задания ***find someone who..., ролевые игры, дебаты и дискуссии***. Аналогичным образом студенты должны иметь стимул и для того, чтобы выслушивать своего партнера. Например, выводя в речь студентов структуры с Past simple, преподаватель предлагает им: "I want you to ask your partner about what he / she did at weekends and report back three things that surprised you".

Больше возможностей для вовлеченного участия студентов, повышения их мотивации создают

персонализированные задания. Например, для употребления в речи Present Continuous, преподаватель просит: "Build your schedule for a day and then talk to each other and discuss when you could meet for a cup of coffee".

Отдельно хотелось бы затронуть вопрос оценки проделанной работы самими студентами. В конце занятия преподавателю стоит привлечь внимание студентов к их прогрессу внутри занятия. Так, преподаватель совместно со студентами методом мозгового штурма набрасывает схематично весь грамматический материал, изученный на занятии, и спрашивает у студентов, сколько из этого они хорошо помнят, понимают значение, сколько было нового для них. Таким образом, у обучающихся создается наиболее полная картина их прогресса, что важно для формирования навыка саморефлексии и поддержания мотивации.

В заключение отметим, что обучение грамматике — постепенный процесс, заключающийся в познании и усвоении обучающимися формы, значения и использования грамматической конструкции. Внедрение студентоцентрированного подхода при овладении грамматическим материалом способствует более уверенному и успешному изучению английского языка студентами.

Литература

Larsen-Freeman D. Teaching Language: From Grammar to Grammaring. Boston, MA: Heinle & Heinle, 2001.

Smith G. What is learner-centred? How to teach 100% better with a learner-centred approach [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://thisisgraeme.me/2017/03/06/approaches-what-is-learner-centred/, свободный.- (дата обращения: 10.10.2021).

Thornbury S. Uncovering grammar. London: Macmillan Education, 2005.

Vasiljevic Z. Dictogloss as an interactive method of teaching listening comprehension to L2 learners // English language teaching. 2010. Vol. 3. № 1. P. 41 — 52.

Treating a Lingua-Culture-Specific Grammar Pattern in English, Slovak, and German

Kunecová Z.

(Technical University, Košice, Slovakia)

Kačmárová A.

(Prešov University, Prešov, Slovakia)

Introduction

In the process of foreign language learning, we instinctively compare it with a mother tongue, as in the learning process, "the first stage is unconscious interrelating of a mother tongue and a foreign language" — i.e. foreign and native language structures are juxtaposed and thought to represent the same concepts; this is followed by the "stage of reconstructing the conceptual system of an L1" (Bilá, Kačmárová, Vaňková, 2016, p. 47) and by that of backgrounding the intuitive knowledge. Consequently, an advanced learner has unique knowledge resulting from merging two language systems (cf Kecskes, Papp, 2000). In the initial stage, thus, to understand a foreign structure, we usually identify a relative equivalent in the mother tongue, and the process of conceptualization yields the form with the corresponding content (Kačmárová, Bilá, Vaňková, 2018). The process of comparing two languages comprises a search for similarities and differences, and attempts to understand the nature of phenomena different from those that form part of the mother tongue. During the process of foreign language learning, we face a different view of extra-linguistic reality, so we naturally also come across language structures that are not necessarily present in the mother tongue.

In teaching or learning a lingua-culture-specific grammar pattern, a useful tool is didactic or pedagogical grammar. Hrdlička's (2017, p. 145) reading is such that it focuses on a

language from a perspective of a non-native speaker. Didactic grammar does not only adopt the findings of the above mentioned grammars [note: synchronous and diachronous, semasiological and onomasiological, descriptive and prescriptive, etc.] but thanks to its special focus brings its own findings about the grammar functions of the foreign language.

Earlier sources (e.g. Dirven 1990) call attention to the terminological dispute in the 1980's, as the two, now synonymous, terms — didactic and pedagogical — in connection to grammar, meant different approaches. Namely, didactic was meant to cover the teaching aspect, while pedagogical was reserved for the learning aspect. However, as Dirven (1990, p. 1) summarizes, "we can understand pedagogical grammar as a cover term for any learner- or teacher-oriented description or presentation of foreign language rule complexes with the aim of promoting and guiding learning processes in the acquisition of that language".

Pedagogic grammar "makes a number of assumptions about how learners learn" (Towell, 2006, online). Towell (2006) also states that the authors of pedagogic grammar are usually native speakers trying to provide for a descriptive approach and make learners realize the mechanism of the foreign language. However, we dare add, it is the teacher who decides how to communicate this message. The teacher has the powers to choose the method s/he considers appropriate. A question arises how we can adopt didactic/pedagogic grammar approach to foreign language structures that are non-existent in the learner's mother tongue. In our understanding, didactic/pedagogic grammar is speaker-oriented and involves the processes that would help the learner understand the concept. It follows that, if possible, it could also allow for intercultural effectiveness (cf Dančišinová 2020). Language learning is automatically accompanied by language transfer (positive or negative). Positive language transfer should enhance intercultural effectiveness. We consider it worth observation how much similar or different the group of three

languages is, while out of which one has a lingua-culture-specific grammar pattern that the other two languages lack.

An example of such a distinct grammar pattern is English present perfect. Many studies have been published on the nature of present perfect, e.g. Pancheva — Stechow (2004), Yao — Collins (2012), Druzhinin — Pesina (2016), Druzhinin — Polyakov (2017), Deshors (2018), Tahang (2020). All of these claim the troublesome treatment in EFL classes due to its non-equivalence with L1 grammar. The issue here is the absence of an equivalent of perfective aspect in other languages (namely Slovak and German). The present study calls attention to the clash in the lingua-culture-specific conceptualization of English perfective aspect and its interpretation into German and Slovak. This is a pilot study inspired by the fact that Slovak and German belong to different language groups, yet share a feature of a missing concept of perfective aspect. For this reason, it is worth finding out how much common ground (on the term, cf Clark 2009 in Kecskes 2014) they manifest in this matter; this is to say, whether cross-language comparison can be used as a method of teaching/learning a particular grammar pattern.

Key concepts

The problem lies in the conceptual understanding of English perfective verb forms by Slovak and German languages, as the Slovak language (SL) lacks perfective aspect altogether and the German language (GL) conveys perfective aspect differently from the English grammar system. Table 1 below illustrates the (in)compatibility of English, German, and Slovak verb tense-aspect system (continuous aspect is not shown as it is irrelevant for the present purpose).

Table 1. English, Slovak, and German verb

	English	Slovak	German
	Present simple /progressive I read… / I am reading...	*Prítomný čas* Ja čítam…	*Das Präsens* Ich lese…
past	*Present perfect simple/ progressive* I have read… I have been reading	---	---
	Past simple/progressive I (used to) read… I was reading.	*Minulý čas* Ja som čítal…	*Das Perfekt* Ich habe gelesen… *Das Imperfekt/Präteritum* Ich las…
tant past ith more st	*Past perfect simple/ progressive* I had read … I had been reading…	---	*Das Plusquamperfect* Ich hatte gelesen...
	Lexical means of expressing future time: I will read…	*Budúci čas* (Ja) Budem čítať…	*Das Futur I* Ich werde lesen.
ion in e	*Future perfect simple/ progressive* I will have read… I will have been reading…	---	*Das Futur II* Ich werde gelesen haben.

English is characterized by grammatical features that are not common for other languages. Anecdotal evidence shows that English present perfect is mostly translated into Slovak as past tense verb form, though sometimes it may have present relevance; past perfect is always translated as past tense verb form. The form of the English perfective aspect can be paralleled with German *das Perfekt*; however, semantically it is even in contradiction, just like intrasemiotically the function of English present perfect is in contradiction with past simple. *Das Perfekt* comprises an auxiliary, either the verb "to be" (*sein*), or "to have" (*haben*), and the past participle (*Partizip Perfekt*) (Zug, 2011, Fox 2005). The perfective meaning is established on the grounds of the perfective auxiliary or the past participle (von Stechow, 2002).

Zug (2011) claims that even though *das Präteritum* and *das Perfekt* express past time, they are divergent. The latter is connected to the present by referring to it as to a certain point in the time period regarding the completion of an activity. Moreover, it refers to a past event that is relevant for the present. Dodd et. Al (2003: 72), state that *das Perfekt* expresses "individual or isolated actions in the past, the action in the past that has some continuing relevance to the present situation [and] an event which will have been completed before another one begins". The usage of *das Präteritum* is linked with expressing "completed actions, incomplete or continuing actions and states in the past, actions and states which precede focal point in the past, habitual actions in the past" (Dodd et al., 2003: 72).

The usage is also related to the stylistic appropriateness, written or spoken discourse, in which one is preferred to another. For example, many native German speakers in certain regions, mainly in Northern Germany, have completely eliminated *das Präteritum* from their daily conversations and use the *das Perfect* instead; however, *das Präteritum* may still occur in their written production. Some of them cannot even "tell the difference between the present perfect and the past tense" (Rothstein, 2006,

p. 43). All the mentioned discrepancies may influence the usage and yield different outcomes by different users.

2. Methodology

The aim of the study is to test the chance of positive language transfer between two etymologically different languages in order to facilitate language learning. To do so, our goal is to identify alternatives of a lingua-culture-specific grammar pattern in three different lingua-cultures. The present paper compares Slovak and German translations of English perfective aspect in order to identify discrepancies in the translation of a grammar pattern conceptualized differently in English, German, and Slovak. Since there are no conceptual equivalents in the two language pairs (English — German and English — Slovak), the translation solutions represent 'preferred ways of organizing thoughts' (cf Kecskes 2007). In the present research, 2 research questions were posed: 1. What verb forms were preferred as alternatives of English perfect aspect in German and in Slovak? 2. To what degree do Slovak preferences bear resemblance to German preferences? The pilot research was carried out on the English, Slovak, and German subtitles from one episode of the Netflix show *Grace and Frankie*. The first step was to excerpt the cases of perfective aspect. The choice of the material was subject to these criteria: present-day authentic English, dialogue-based speech, two languages of different nature (Germanic and Slavic origin). The present material was subjected to the analysis consisting of the following steps:

1. Identifying the perfective verb forms in the English original.
2. Identifying the equivalents in the Slovak and German languages.
3. Identifying the translation solutions in Slovak and in German.
4. Comparing the translation solutions in the two languages and stating the tendencies.

3. Findings

In the studied episode, 15 occurrences of English perfective aspect were identified and compared to their Slovak and German translations (14 cases of present perfect and 1 case of past perfect form. The below table (Table 2) presents the comparison on the frequency level. It is also interesting to compare the divergence or convergence in the chosen translation solutions.

Table 2. Translation solutions applied: Slovak vs German as target languages

Slovak → English ↓	Present tense	Past tense		
Present perfect	3	11		
Past perfect	--	1		
German → English ↓	Das Präsens	Das Imperfekt/Präteritum	Das Perfekt	Omission
Present perfect	4	5	4	1
Past perfect	--	1	--	

We identified the following shared ground:

• 2 cases of English present perfect were translated by means of Slovak present tense and German das Präsens.

[1] How long **has** this **been** going on?
Ako dlho to **trvá**?
Wie lange **läuft** das schon?

[2] **Have** you ever **wondered** if Ben and Jerry make more than ice cream together?
Myslíte si, že Ben a Jerry spolu robia len zmrzlinu?
Fragen Sie sich nie, ob Ben und Jerry, mehr als nur Eis zusammen machen?

• 5 cases of English present perfect were translated by Slovak past tense and German das Präteritum (Imperfekt).

[1] We**'ve** only **had** this seafood platter 700 times.

Ešte sme tu morské plody **mali** len 700-krát.
Diese Meeresfrüchte **bestellten** wir schon so oft.

[2] I can't remember the last time I**'ve slept** without you.
Ani neviem, kedy som naposledy **spala** bez teba.
Ich weiß nicht, wann ich zuletzt ohne dich **schlief**.

[3] I mean, you**'ve** always **had** a big personality…
Vždy si **bol** trochu výstredný …
Ich meine, du **warst** schon immer sehr extrovertiert,

[4] **Haven't** we **had** enough news for one day?
Nestačilo by na dnes toto?
War das nicht genug für einen Tag?

[5] I**'ve** never really **liked** this house.
Nikdy som tento dom **nemala** rada.
Ich **mochte** unser Haus sowieso nie.

• 4 cases of English present perfect were translated by Slovak past tense and German das Perfekt.

[1] I mean, you**'ve** always **loved** me for...
Vždy si ma **mala** rada takého...
Ich meine, du **hast** mich **geliebt** um…

[2] I mean, I**'ve** always **dreamed** that I would spend my remaining years alone.
Ale je to v poriadku. Ja som vždy **snívala**, že zvyšok života strávim sama.
Das ist ok. Ich **habe** immer davon **geträumt**, meine verbleibenden Jahre allein zu sein.

[3] There's a group for wives of husbands who**'ve turned** gay in their seventies?
Skupinu žien, ktorých muži v 70 **zistili**, že sú homosexuáli?
Eine Frauengruppe, deren Männer ab 70 schwul **geworden sind**?

[4] Because of this impending transformation, I **'ve called** my beloved ones to tell them goodbye.
Pretože neodvratne prichádza zmena. **zavolala** som svojim blízkym, aby som sa rozlúčila.
Aufgrund dieser bevorstehenden Transformation **habe** ich

meine Liebsten **angerufen**, um mich zu verabschieden.

• 1 case of English past perfect is translated as Slovak past tense and German das Präteritum (Imperfekt).

[1] A vision quest I **had hoped** to take with my soon-to-be-ex-husband.
Túto púť som **chcela** podstúpiť s mojím onedlho bývalým manželom.
Ich **wollte** mit meinem zukünftigen Ex-Mann auf diese Visionssuche gehen.

Discrepancies between the two target languages were observed in the following cases:

• In 2 cases, English present perfect was translated by Slovak past tense, while the German translator opted for das Präsens.

[1] I'm feeling like the last 40 years **has been** a fraud.
Mám pocit, že tých 40 rokov **bol** podvod.
Für mich **fühlen** sich die letzten 40 Jahre wie eine Lüge an.

[2] You know, the gift that says, "I**'ve been bonking** my law partner for 20 years."
Ber to ako dar. Odškodné za to, že si 20 rokov **spal** so svojím obchodným partnerom.
Sieh es als dein Geschenk an mich an. Das besagt: „Ich **vögele** seit 20 Jahren meinen Kanzlei-Partner. "

• In 1 case, English present perfect was translated as Slovak present tense and in German it was omitted.

[1] How do I tell the woman I**'ve loved** for 40 years that I can't be with her.
Ako povedať žene, ktorú 40 rokov **ľúbim**, že nemôžeme byť spolu.
Wie sage ich meiner Frau nach 40 Jahren, dass ich sie verlasse? **0**

Conclusion

In the language practice, we necessarily realize that our linguistic behavior is defined by a culture, i.e. a speech

community, in the way it has been conventionalized over time. Mastering a language as a means of semantic transfer, exchange of information, ideas, feelings, or concepts presupposes mastering linguistic norms and lingua-cultural conventions. Each language has its logic, its rules for conveying meaning, which, as a matter of fact, reflects culture. So, whenever we speak, we communicate a certain linguistic and non-linguistic experience of a particular speech community.

Pedagogic grammar is at once a product and a process. As a product, it is a textbook written for teachers or learners to help them use a foreign language for communication; as a process, it is a procedure chosen by a teacher to make the learners "think about grammar and its role in communication" (online, Pedagogic grammar). The latter allows the teacher to choose the method substantiated by the present pilot study. We fully agree with the view that pedagogic grammar "involves decision-making processes on behalf of the teacher which requires careful and time-consuming interdisciplinary work. This process is influenced by the teachers' cognition, beliefs, assumptions, and attitudes about the teaching of grammar" (Nagyné Foki 2006 In Nordquist 2020).

The Slovak and German translators had a tendency to use the same verb form in their translations. Although German distinguishes two different ways of expressing past, both of them are considered as past forms. It is interesting that even though the studied material was spoken discourse, both forms had a balanced share. Mostly, they also coincided with Slovak past verb forms. Although done on a small corpus, the analysis triggered further interest in this matter. Even though the two languages differ from the etymological point of view, we can see a certain level of shared ground. It seems that the German language, just like Slovak, prefers past tense to present tense as an alternative to present perfect: the choice of present tense as a translation solution for English present perfect was present by 21% of cases in Slovak and by 29% in German; the past tense as a translation

solution for English present perfect was then present by 79% in Slovak and by 71% in German.

We conducted an experiment to find out if a Slovak learner of two foreign languages can transfer the knowledge of one language to enhance the learning of another language. We compared two originally different languages, yet languages sharing the feature of a true equivalent of English perfective aspect form. The results are interesting and bring us closer to considering the positive role of the transfer in learning/teaching. Further research is necessary, yet it follows that more interesting commonalities may be revealed in the area in which one would not suppose so. This only brings us closer to teaching Slovak learners of English through their knowledge of German, or to realizing that the transfer from Slovak as L1 to German as L2 is in this particular case wishful, or at least not unfavorable.

References

Bilá, M., Kačmárová, A., Vaňková, I. (2016). Considering a socio-cognitive approach in the compiling of a linguistics dictionary, *Procedia — social and behavioral sciences*, Vol. 236, pp. 46-52, (online) http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042816316494

Dančišinová, L. (2020). Intercultural competences and cultural intelligence in professional English language teaching. In *Jazyk a kultúra* 11 (43-44), pp. 12-19 (online) [cit. 2021-05-31] <file:///C:/Users/user/Downloads/Lucia_Dancisinova_studia%20(2).pdf>

Deshors, S. C. (2018). Does the passé composé influence L2 learners' use of English past tenses? A semantic exploration of the present perfect in French-English interlanguage. In *International Journal of Learner Corpus Research*, Vol. 4, Issue 1, pp. 23 — 53. John Benjamins Publishing Company. (online) [cit. 2021-05-22] <https://www.jbe-platform.com/content/journals/10.1075/ijlcr. 17007.des>

Dirven, R. (1990). Pedagogical grammar. In *Language Teaching, Vol. 2, Issue 1,* Cambridge University Press, pp. 1 — 18. (online) [cit. 2021-05-22]. <https://www.cambridge.org/core/journals/language-teaching/article/abs/pedagogical-grammar/30AAD6604569485BB24545EE47D5A730> DOI: https://doi.org/10.1017/S0261444800005498

Dodd, B. et al. 2003. *Modern German Grammar. A practical guide. Second edition.* New York: Routledge. p. 72. ISBN 0-415-27299-8.

Druzhinin, A., Pesina (2016). Cognitive Interpretation of English "Perfect" Aspect-Tense Forms. In *International Research Journal*, No. 6 (48), part 4, pp. 27 — 29 (online) [cit. 2021-05-05] <file:///C:/Users/user/Downloads/cognitive_interpretation_of_english_perfect_aspect.pdf>

Druzhinin, A., Polyakov, O. (2017). A cognitive communicative approach to teaching present perfect to ESL learners. In *Teaching English in Professional Context: Entering Global Community. Proceedings of the 3rd international scientific and practical conference* (online) [cit. 2021-05-22] <file:///C:/Users/user/Downloads/Acognitiveapproach.pdf>

Fox, A. (2005) *The Structure of German. Second Edition.* New York: Oxford University Press. ISBN 978-0-19-925413-2.

Hrdlička, M. (2017). Didaktická gramatika jako zdroj poznání a inspirace. In Slavica Wratislaviensia CLXV, Wroclaw 2017, DOI: 10.19195/0137-1150.165.12, pp. 137 — 146 (online) <file:///C:/Users/user/Downloads/4412-4263-1-2-20200205%20(1).pdf>

Kačmárová, A., Bilá, M. Vaňková, I. (2018). *The Conceptualizing of Conceptualization (of linguistics metalangue)*, Prešov: PU v Prešove, <http://www.pulib.sk/web/kniznica/elpub/dokument/Kacmarova6, 2018>

Kecskes. I. (2007). Formulaic language in English Lingua Franca. In Kecskes, I. & L. Horn (eds.) *Explorations in Pragmatics: Linguistic, Cognitive and Intercultural Aspects.* Berlin/New York: Mouton de Gruyter: 191-219

Kecskes. I. (2014). *Intercultural Pragmatics*. New York: Oxford University Press,

Kecskes, I., Papp, T. (2000). *Foreign Language and Mother Tongue.* Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Inc. Publishers.

Netflix show *Grace and Frankie*

Nordquist, R. (2020). Pedagogical Grammar. <https://www.thoughtco.com/pedagogical-grammar-1691600>

Pancheva, R., Stechow, A. v. (2004). On the Present Perfect Puzzle. K. Moulton, M. Wolf (eds.) *Proceedings of NELS 34*. (online) [cit. 2021-05-30]. Retrieved from academia

Pedagogic grammar. (online) [cit. 2021-05-23]. <https://www.teachingenglish.org.uk/article/pedagogic-grammar>

Rothstein, B. M. (2006) *The perfect time span. On the present perfect in German, Swedish and English.* (Die Doktorarbeit) [online document] [cit. 2020-05-06] Stuttgart: Universität Stuttgart, die philosophisch-historischen Fakultät. p. 43. <https://elib.uni-stuttgart.de/handle/11682/2631>

Tahang, H. (2020). Understanding the Function of Present Perfect Tense through EGRA Implementation in EFL Classroom. In *Qalam: Jurnal Ilmu Kependidikan*, Vol. 9 No. 1, Bulan Juni Tahun, pp. 26 — 35. (online) [cit. 2021-05-19] <http://ejournal.um-sorong.ac.id/index.php/jq/article/view/951/575>

Towell, R. (2016). Design of a pedagogic grammar. (online) *LLAS Centre for Languages, Linguistics and Area Studies, University of Southampton*. [cit. 2021-05-23] <https://www.llas.ac.uk/resources/gpg/410.html>
Von Stechow, A. 2002. German seit 'since' and the ambiguity of the German perfect. In: Kaufmann Ingrid and Stiebels Barbara (eds.) *More than Words: A Festschrift for Dieter Wunderlich*. [online document] [cit. 2020-05-06]. Berlin: Akademie-Verlag. <https://www.semanticscholar.org/paper/German-seit-%E2%80%98since%E2%80%99-and-the-ambiguity-of-the-German-Stechow/55058594b8beb6a9a034c04069c872ce38822c24>
Yao, X., Collins, P. (2012). The present perfect in world Englishes. In *World Englishes, Vol. 31, No. 3, pp. 386 — 403* (online) [cited 2021-05-30] <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1467-971X.2012.01756.x>
Zug, J. 2011. *The use of the preterite and the present perfect in English and German. A contrastive analysis.* [online document] [cit. 2020-05-06] Oslo: Universitetet i Oslo, Det humanistiske fakultet. <https://www.semanticscholar.org/paper/The-Use-of-the-Preterite-and-the-Present-Perfect-in-Zug/e1e7c8cbd9d333d95fd8da09918823ca5e2f332e>

Концептосфера русского учебно-языковедческого текста: к постановке проблемы

Курьянович А.В., Серебренникова Е.А.

(Россия, Томск)

Уже на протяжении нескольких десятилетий приоритетным объектом анализа в гуманитаристике выступает *текст*. Концептологические исследования в современной лингвистике, антропоцентричной и дискурсивной по своей сути, позволяют ученым изучать семантическое пространство текста с учетом не только жанровых и функционально-стилистических, но и дискурсивных характеристик, актуализируемых в определенных социокультурных условиях и конкретной коммуникативной ситуации.

Понимание ключевой дефиниции настоящего исследования – *концептосфера текста* – базируется на толковании концептосферы как структурированной совокупности смыслов, репрезентирующих культуру нации. Такое определение дал понятию концептосферы Д.С. Лихачев, который и ввел его в научный оборот [Лихачев 1993]. Размышления авторов данной работы строятся также на основе дифференцированного осмысления смежных терминов, представленных в работах современных концептологов (Г.Д. Гачева, О.А. Гурьяновой, И.А. Долговой, В.И. Карасика, Д.Ф. Каюмовой, В.В. Колесова, В.Б. Крячко, З.Д. Поповой, Ю.Е. Прохорова, Г.Г. Слышкина, С.Б. Смирновой, Ю.С. Степанова, И.А. Стернина и др.). В ряду этих терминов различают *концепт* как единицу смысла, *концептуальное поле* – объединение отдельных, но взаимосвязанных смыслов, *концептосферу* – упорядоченную структуру взаимосвязанных концептов, характеризующуюся целостностью и смысловым изоморфизмом, и, наконец, *концептуальную картину мира*. Последняя дефиниция представляет концептуализацию смыслов на высшем уровне обобщения – совокупность целостных смысловых структур в проекции на национальную ментальность, историю и культуру.

Суммируя сказанное выше, условимся трактовать ***концептосферу текста*** как его семантическое пространство, структурированное ключевыми (лингвокультурными) и смежными концептами, вступающими между собой в определенные связи и отношения, и отличающееся целостностью интерпретации со стороны воспринимающего сознания. Иначе говоря, концептосферу текста следует понимать в качестве упорядоченной системы культурных смыслов. Основными ***свойствами концептосферы текста***, в нашем представлении, являются (1) дискурсивная обусловленность,

(2) смысловая многоплановость, (3) наличие аксиологического вектора в содержании, создаваемого посредством ключевых концептов, лингвокультурных в силу своей экзистенциальной природы. Акцентируем, что свойство дискурсивной маркированности текста выступает в качестве приоритетного, определяющего особенности построения (организации) и структурирования его концептуального семантического пространства. В качестве дискурсивных параметров рассматривается совокупность *контекстных* характеристик текста разной степени обобщения и систематизации: от конкретной коммуникативной ситуации до широкого социокультурного контекста.

Проиллюстрируем сказанное, обратившись к рассмотрению некоторых особенностей в организации концептосферы ***учебного текста***. Данный тип текста сегодня все больше рассматривается в дискурсивном аспекте (С.А. Данилова, А.Р. Габидуллина, В.Д. Калинина, О.А. Климанова, И.В. Митрофанова, С.Я. Никитина, Е.В. Столярова, М.В. Черкунова, Л.М. Яхиббаева), однако специфика его концептуальной организации остается мало изученной. Под учебным текстом понимаем, вслед за Ю.Г. Куровской, «совокупность письменных и устных текстов, используемых при коммуникативном (всегда знаково-символическом) взаимодействии людей в конкретной культурно-исторически заданной образовательной ситуации» [Куровская 2017: 4]. Своеобразие учебных текстов определяется в аспекте специфики его функциональной природы: описание научных объектов в них (то, что сближает учебные тексты с собственно научными) осуществляется через призму не авторского (в этом отличие от научных текстов), а читательского восприятия. При этом в качестве адресата в большинстве случаев выступают представители конкретной целевой аудитории – обучающиеся, на образовательные

потребности которых и ориентируется в первую очередь автор и в отборе предметного материала, и в его аспектировании, и в своих жанровых предпочтениях, обусловленных ориентацией на определенный способ технологизации в подаче предметного знания. Функционал учебного текста, таким образом, приобретает прикладной характер, что демонстрирует его жесткую «привязку» к дискурсу.

Так, целью русских учебно-языковедческих текстов, адресованных иностранным обучающимся, является обеспечение учебно-методического сопровождения процесса изучения русского языка как иностранного (РКИ). Концептосфера текстов данного типа эксплицирует русскую картину мира на уровне фрагмента, связанного с концептуализацией представлений носителей русского языка (авторов или составителей учебных текстов) о сущности и роли русского языка в современном поликультурном и мультиязыковом мире.

Ключевым лингвокультурным концептом в концептосфере исследуемых текстов выступает концепт ЯЗЫК: средствами русского языка иностранные адресаты обучаются русскому языку. Аспектирование изложения определяется как уровнем пользователей (начинающие, продвинутые, исследователи), так и их профилизацией (специалисты-лингвисты или представители других предметных сфер).

Смысловая полифония в представлениях о языке и идея его аксиологической ценности в рассматриваемых текстах репрезентируются таким вариантами интерпретации, как «язык есть средство реализации полиэтнического взаимодействия через диалог культур и языков», «язык характеризуется научной и обучающей природой своей функциональности, выступая одновременно в качестве научного объекта познания и его обучающего инструментария», «язык – способ формирования вторичного

языкового сознания, фрагментов вторичной языковой картины мира и вторичного образа мира исконных носителей», «язык выступает способом и средством воспитания личности на основе принципов уважительного и толерантного отношения к представителям иной лингвокультуры, чужой системе ценностей». Об этом свидетельствуют, например, заголовки учебных текстов по РКИ: *Мифы о России, или Развесистая клюква; Мои друзья падежи. Грамматика в диалогах; Дорогая в Россию; Восток; Матрешка; Окно в Россию; Спутник; Вперед!; Тройка. Коммуникативный подход к русскому языку, жизни и культуре*.

Ключевой для концептосферы учебно-языковедческих текстов концепт ЯЗЫК является лингвокультурным: в его содержании (и эти смысловые признаки экстраполируются на все составляющие концептосферы текстов) можно выделить инвариантное ядро (смыслы, универсальные для каждой лингвокультуры) и вариантные признаки, актуализирующиеся в русской лингвокультуре и русской системе ценностей в рамках определенного дискурса.

В числе *универсальных* представлений о языке отметим понимание его как экзистенциально значимого для каждого этноса феномена: язык есть способ и средство развития цивилизации, культуры, формирования и осмысления идентичности, осуществления когнитивных и коммуникационных процессов.

Вариантное содержательное наполнение концепта ЯЗЫК определяется совокупностью национально-исторических и социокультурных условий, обусловливающих интерпретацию концепта в рамках учебного дискурса. В числе вариантных свойств лингвокультурного концепта ЯЗЫК, проявляющихся в учебных текстах, отметим, например, интерпретацию языка с научных позиций (ср., например, с фольклорными текстами, в которых язык трактуется как мышечный орган),

осмысление языка одновременно как объекта научного поиска и средства познания, инструмента обучения, особое внимание к определенным (диахронным или синхронным) этапам в развитии языка. В качестве специфичной черты современного учебно-языковедческого текста можно отметить ориентацию на изучение не только литературного, но и внелитературного русского языка. Это привносит в концептосферу современного учебного текста языковедческой проблематики идею лингвокультурологической и лингвоконцептуальной значимости таких единиц языка, как разговорно-просторечные, жаргонные, диалектные лексемы. Об этом свидетельствуют текстовые маркеры – заголовки текстов, оформляемые в соответствии с шаблонами разговорного, естественно-спонтанного языка (парцеллированные, неполные, риторические конструкции): *Алло! Алло!; А что тут обсуждать? Договорились!* Современным веянием в учебном дискурсе является также апелляция к формам интернет-коммуникации, уподобление им (см., например, заголовок учебного текста по РКИ: *Встреча. Ру. Общаемся в сети*).

В структуре концептосферы учебно-языковедческих текстов, помимо ключевого концепта ЯЗЫК, выделяются смежные концепты (КУЛЬТУРА, ИСТОРИЯ, НАУКА, ОБУЧЕНИЕ и пр.) и метаконцепты (ТЕКСТЫ, РЕЧЬ, СИНТАКСИС, ГРАММАТИКА, ПАДЕЖИ и пр.). В рамках концептосферы текста все концепты находятся во взаимосвязи и в определенных отношениях. Например, отношения включения связывают ключевой концепт ЯЗЫК, с одной стороны, и метаконцепты, с другой, отношения взаимодополнения – все метаконцепты между собой, отношения смежности – все лингвокультурные универсальные концепты, функционирующие в учебно-языковедческих текстах.

Таким образом, вопросы дальнейшего изучения концептосферы учебно-языковедческих текстов требуют пристального внимания ученых как в плане углубления представления о ее свойствах (смысловой многоплановости, аксиологической значимости и дискурсивной обусловленности), так и с точки зрения анализа эмпирического материала (учебно-языковедческих текстов разных жанров, адресованных разным категориям обучающихся, по-разному актуализирующих свой методический и дидактический ресурс) и обобщения результатов этого анализа.

Литература

Лихачев Д.С. *Концептосфера русского языка. Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: Антология* / Институт народов России / под ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 280–287.

Куровская Ю.Г. *Языковая картина мира в современном учебнике: когнитивно-лингвистический подход к изучению*: автореф. дис. … канд. пед. наук. М, 2017. 49 с.

Межъязыковая омонимия в болгарских, русских и английских устойчивых выражениях как результат дивергентного языкового развития

Лаврова Н.А.

(Россия, Москва)

Фразеологизмы являются элементом духовного богатства народа, результатом взаимодействия культуры и языка. Образ фразеологических единиц, соотносимый с определенным фрагментом материальной, социальной или духовной культуры, служит выразителем и аккумулятором ментальности культурно-исторической общности,

показателем культурной компетенции носителей языка. Двойная соотнесенность фразеологических единиц «обеспечивает функционирование фразеологизмов в языке как знаков номинации и одновременно трансляции национальной культуры и менталитета» [Телия 1996: 250, 251]. Отражение лингвокультурного компонента во фразеологическом фонде обуславливает отсутствие полной эквивалентности между многими структурно изоморфными русско-болгарскими устойчивыми выражениями [Стоянова 2002: 115]. Усвоение фразеологизмов сопряжено с определёнными трудностями и «должно происходить одновременно с проникновением в другую культуру и ментальность. Сложность усвоения концептосфер, воссоздаваемых разными языками, связана с постижением иной действительности, которая иначе категоризирует мир, что выливается в иные языковые формы» [Стоянова 2002: 178–179].

Предметом настоящего исследования являются семантические (на уровни значения) и смысловые (на концептуальном уровне) различия между полностью или частично структурно изоморфными устойчивыми выражениями в болгарском, русском и английском языках. В качестве языка-эталона служит болгарский язык. **Материалом** исследования послужили 879 устойчивых выражений из болгарского языка, отобранных методом детерминированной выборки из словаря *Фразеологичен речник на българския език* (2014). Сопоставительный анализ с русским и английским языком проводился с помощью дефиниционного и корпусно-переводного метода, при котором функционирование переводных эквивалентов болгарских фразеологизмов проверялось по параллельным корпусам НКРЯ, BuLNC, The Oxford English Corpus. **Гипотеза** исследования заключается в том, что семантические и концептуальные различия между структурно изоморфными устойчивыми выражениями в

разных лингвокультурах обусловлены совокупностью культурно-исторических и когнитивных факторов и отражают дивергентное языковое развитие, в соответствии с которым сходные или идентичные наименования одних и тех же фрагментов действительности оказываются не тождественными по своему концептуальному содержанию.

Ниже рассматриваются некоторые частотные болгарские фразеологизмы, приводятся их структурно изоморфные русские и английские эквиваленты, а также адекватные семантические (т.е. переводные) эквиваленты, анализируется денотативная ситуация, в отношении которой используется соответствующий фразеологизм.

Концепт «недооценивание опасности, недостаточно серьёзное отношение к жизни, отсутствие страха» имеет сходное выражение в русском и в болгарском языке: *морето ми е до колене, (ему/ей/мне/им) море по колено*. Однако в двух языках данные выражения имеют разные оттенки значения и употребления. В болгарском подчеркивается неопытность человека, которого можно охарактеризовать таким образом: ср. *Те са много млади, морето им е до колена* «Они очень молоды, им море по колено». В русском языке идиома *море по колено* подразумевает наглость, браваду, безразличие к другим людям или отсутствие страха перед опасностью: ср. (1) *После того как встал я на лыжи, мне буквально* ***море по колено*** *показалось.* (2) *Пусть не получилось — я оптимистка и мне* ***море по колено****!* В английском языке отсутствует идиома со сходной или идентичной структурой. Прилагательное *knee-deep* употребляется в значении ‘mired in smth.’ и обладает отрицательной коннотацией: ср. *knee-deep in debts, knee-deep in loans*.

Сходная внутренняя форма присутствует в следующих трех идиомах: болг. *дишам във врата на някого,* русск. *дышать в спину,* англ. *to breathe down smn.’s neck*. Однако данные идиомы вербализируют разные концепты: только

значения русской и болгарской идиом являются изоморфными, тогда как русская идиома представляет собой ложный друг переводчика. Значение русской идиомы — «внимательно и/или назойливо следить за к.-л., желая (в буквальном смысле) перегнать или по причине зависти, желая превзойти к.-л. в ч.-л.». Русский эквивалент английской идиомы — *стоять над душой*: ср. (1) *I cannot fix your phone with you* ***breathing down my neck*** *like this. Please come back in 30 minutes*. (2) *Поздравляю болельщиков и команду с победой. С большим трудом обыграли принципиального соперника в борьбе за шестое место. Они* ***дышат нам в спину****. Согласен, сезон для меня начался не самым лучшим образом* (комментарий игрока относительно победы команды в матче с «Динамо»). (3) *Той вече е кмет и ми* ***диша във врата***. ≈ «Он уже стал мэром и наступает мне на пятки».

Русская идиома *повернуться спиной к к.-л.*, как правило, употребляется с дополнением, выраженным одушевленным именем существительным, и имеет значение «оставлять к.-л. в беде». Болгарская идиома *обръщам гръб на някого/нещо,* напоминающая по форме русскую, соответствуют английскому выражению «to turn over a new leaf» «оставлять что-то в прошлом, начинать новую жизнь, начинать жить с нового листа» и чаще употребляется с дополнением, выраженным неодушевленным существительным. Английская фразеологическая единица (далее — ФЕ) *to turn one's back on smn.* является ложным эквивалентом болгарского выражения и имеет такое же значение, как и русская ФЕ *повернуться спиной к к.-л.*: (1) ***Обръщам гръб на проблемите*** *и гледам само напред*. (2) *повернуться спиной к детям, к другу, к вежливости.* (3) *After becoming a successful writer, Jim* ***turned his back on*** *all the people he used to know back home*.

Структурно изоморфными являются идиомы болг. *точа си зъбите,* русск. *точить зуб(ы),* англ. *to cut one's teeth*

on/at sth. В смысловом отношении, однако, все три идиомы значительным образом отличаются друг от друга: «с нетерпением ждать ч.-л., предвкушать» (в болгарском), «приобрести опыт в ч.-л.» (в английском) и «затаить злобу, обиду на к.-л., часто испытывая желание отомстить» (в русском). Переводным эквивалентом болгарской идиомы является английское выражение *to lick one's lips*: ср. (1) *Oh, I* ***cut my teeth*** *on those kinds of equations! Give me a challenging problem for a change! Jen may be young, but* ***she cut her teeth*** *at a prestigious journal, so her perspective and expertise will be invaluable to us.* (2) *Если учесть стекло в баночке детского питания вчера, напрашивается вывод, что кто-то* ***точит зуб на ваш бизнес***. (3) *А сега профукал паричките и* ***точиш зъби*** *за зестрата на Лизонка?!* ≈ «А теперь, когда ты промотал все деньги, замахнулся на Лизонькина приданое?!».

Концепт грусти или депрессии передается следующими идиомами в трех языках: болг. *клюмвам нос,* русск. *повесить голову,* англ. *to be down in the mouth* (or *to walk with drooping shoulders*). Сходная по форме с болгарской русская идиома *клевать носом* имеет значение «быть сонным, хотеть спать». Все три идиомы имеют сходное метонимическое основание, отраженное в известной когнитивной метафоре 'good is up, bad is down'.

Концепт физического или морального истощения передается близкими выражениями в трех языках: ср. болг. *като изтискан лимон*, русск. *как выжатый лимон*, англ. *like a squeezed lemon*. Однако на смысловом и концептуальном уровне болгарское и английское выражения обнаруживают больше общих признаков. Английское выражение *a squeezed lemon* имеет два значения: 1) «женатый мужчина, физически и психологически измученный постоянными требованиями своей жены»; 2) «ненужная, непригодная, полностью использованная вещь», употребляется в составе

сравнительного оборота *like a squeezed lemon*: *He will dump you like a squeezed lemon* [Urban Dictionary].

Болгарская идиома *одирам кожата на някого* имеет два значения: 1. «дорого продавать», 2. «быть похожим на к.-л.» [Нов фразеологичен речник на българския език]. В первом значении она соответствует английскому фразовому глаголу *to rip smn. off* и русской ФЕ *ободрать как липку*, во втором — выражению *to be the spitting image of smn*. [The Oxford Dictionary of Idioms 2004]: ср. *Той е одрал кожата на баща си — същия нос, очи и усмивка*. Русская ФЕ *сдирать шкуру с к-л* (*содрать 7 шкур с к-л*) является ложным эквивалентом и означает «сильно критиковать или физически наказывать к.-л.».

Не эквивалентными по значению, но сходными по внутренней форме являются русская ФЕ *лезть из кожи вон* и болгарская ФЕ *излизам вън от/из кожата си*, соответствуя английским идиомам *to be beside oneself with anger, to fly into a rage*. Русское выражение означает «прилагать усилия для достижения чего-либо, что, возможно, не принесет пользу говорящему в будущем, но чего он хочет непременно достичь, получить». Иногда русская идиома употребляется в значении «выслуживаться», «льстить». В английском языке имеется устойчивые выражение *to jump/leap out of one's skin* 'to react strongly to shock or surprise': ср. (1) *Настана объркване…Гиз излезе из кожата си и напусна шумно стаята. Конде сграби неочаквано главния лакей, който изтръпна от страх.* (2) *Некоторые сенситивные люди признавались мне, что всю жизнь* ***из кожи вон лезли****, чтобы успевать за другими и соответствовать чужим ожиданиям*. (3) *My goodness, I jumped out of my skin when that alarm went off in the middle of the night. Margaret jumped out of her skin when the boss called her name to give the presentation.*

Результаты исследования обнаружили, что более 50 % структурно изоморфных устойчивых выражений в болгарском и русском языках обнаруживают различные

семантические и концептуальные компоненты, которые должны приниматься во внимание в переводной практике. Межъязыковая омонимия с английским языком встречается реже и обусловлена заимствованиями (как правило, из английского в русский и болгарский) или общим источником происхождения. Перспективы исследования предполагают углубленное сопоставительно-типологическое изучение устойчивых выражений с культурной коннотацией в трех языках: ср. *С питане до Цариград се стига. Язык до Киева доведет. A clever tongue will take you anywhere*.

Литература

Фразеологичен речник на българския език. София: Бан Мар, 2014.

Стоянова Е.В. Устаревшие фразеологические единицы русского языка и их болгарские эквиваленты: Дис…канд. филол. наук. М., 2002.

Телия В.Н. *Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурный аспекты*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

The Oxford Dictionary of Idioms. 2004. Oxford: Oxford University Press.

Urban Dictionary (electronic source) / URL: https://www.urbandictionary.com/define.php?term=squeezed%20lemon (date of reference 15.04.2020)

К вопросу об идентификации речевой манипуляции при обучении студентов языкового вуза межкультурному медиаобщению

Левина О.М.

(Россия, Москва)

В современных условиях информационной войны, которая ведется идеологами США, Западной Европы против России ([Синчук 2018]), методика обучения межкультурному общению студентов российских языковых вузов, овладевающих английским языком, нуждается в

переосмыслении. Связано это с тем, что в контексте оказываемого воздействия через средства массовой информации (далее — СМИ), как наиболее эффективного канала опосредованной коммуникации иноязычного коммуникативного партнера с обучающимися, искажаются ценности российского государства: национальная культура, менталитет, нравственный облик президента. В рамках некритического ознакомления с текстом СМИ студент подвергается речевой манипуляции, реализуемой адресантом англоязычного медиатекста. В этой связи актуальность данной статьи обусловлена необходимостью определения способа идентификации студентом языкового вуза речевой манипуляции при межкультурном медиаобщении с иноязычным коммуникативным партнером.

Цель исследования — выявить основные приемы, манипулятивные стратегии и тактики адресанта речевой манипуляции, которые позволят студенту языкового вуза идентифицировать речевую манипуляцию при чтении англоязычного медиатекста и не подвергнуться манипулятивному воздействию со стороны иноязычного коммуниканта.

С целью сужения поля нашего исследования в настоящей работе будем говорить об опосредованном медиадискурсом межкультурном общении — межкультурном медиаобщении иноязычного коммуникативного партнера (адресанта) и студента российского вуза (адресата) [Левина 2021: 223]. Анализ англоязычных медиатексов (149), отобранных методом сплошной выборки по теме «Россия, В.В. Путин» (The Guardian, The Telegraph, BBC NEWS, CNN, The Hill, Bloomberg, American Thinker, National Post) за 2017-2021 гг., показал, что основным средством ведения информационной войны иноязычного коммуникативного партнера является речевая манипуляция как его глобальная цель реализовать скрытое намерение по отношению к адресату.

Исследование понятий «манипулятивное воздействие» и «речевая манипуляция» были подробно представлены в научных работах автора. В этой связи не будем останавливаться на уточнении данных терминов и перейдем непосредственно к описанию выявленного инструментария адресанта манипулятивного воздействия для определения способа идентификации речевой манипуляции иноязычного коммуниканта.

Анализ работ, посвященных исследованию средств выражения манипулятивного воздействия в политическом дискурсе, в СМИ (Сковородникова А.П., Чернявская В.Е.), описанию манипулятивных стратегий и тактик (Михалёва О.Л.), а также изучение англоязычного медиадискурса с целью идентификации речевой манипуляции иноязычного коммуникативного партнера позволили сделать следующие умозаключения. Студент языкового вуза может идентифицировать речевую манипуляцию в медиадискурсе с помощью: 1) определения основных приемов: лингвистических — на лексическом, грамматическом уровнях и экстралингвистических (в контексте медиатекста, то есть анализируя письменную речь адресанта), 2) сопоставления выявленных средств выражения речевой манипуляции с соответствующими манипулятивными тактиками и манипулятивными стратегиями адресанта. Представим классификацию основных инструментов иноязычного коммуникативного партнера, используемых им с целью оказания манипулятивного воздействия на обучающегося при межкультурном медиаобщении.

1. Манипулятивная стратегия на понижение, в контексте реализации которой адресант представляет негативную оценку событиям, происходящим в России. Стратегия ориентирована на подрыв имиджа российского государства в глазах адресата. Для этого привлекаются: 1) **манипулятивная тактика анализ — «минус»,** в рамках применения которой иллюзорно предоставляется реципиенту

возможность сделать собственный (зачастую отрицательный) вывод о событиях, описанных в медиатексте адресантом, основываясь на проведенном анализе последнего. Основные приемы: *лингвистические* (фразеологизм, метафора: “Putin can *play the trump card* of repression to stay in power” ([Bloomberg 2021]), эпитет, экспрессивная лексика (слова-аффективы, вызывающие в подсознании адресата негативную реакцию к объекту: *cyber attacks, disinformation, espionage and covert influence*), перифраз, сравнение (*a modern-day Stalin*), замена активного залога пассивным) и *экстралингвистические*: приведение исторических аналогий — ссылка на всем известные события, связанные с военным вмешательством России в другие страны, громкие дела, освещавшиеся в прессе ранее; ссылка на авторитет.

В следующем примере адресант обращается к информации, подтвержденной генералом-лейтенантом США Скоттом Берриером, а также ссылается на общеизвестные данные прошлых лет (экстралингвистический прием): вмешательство в президентские выборы в США 2020 года, кибератаку на компьютерные системы компании SolarWinds и продолжающуюся оккупацию Крыма: “*Berrier's comments* come as tensions between Russia and the US remain high. The US unveiled sanctions against Moscow earlier this month over its interference in the *2020 US presidential election, the SolarWinds cyberattack and its ongoing occupation and "severe human rights abuses" in Crimea”* [CNN 2021]. Манипулятивное намерение адресанта — оказать манипулятивное воздействие на сознание адресата посредством очернения нравственного облика России и российского правительства.

2) Манипулятивная тактика обвинения. Иноязычный коммуникативный партнер приводит спорные утверждения, субъективное мнение экспертов в качестве неоспоримых доказательств с целью уличить в незаконности применяемых действий, превышении власти, коррупции представителей российской власти. Мы выявили следующие

средства *лингвистического приема*: анафора, оценочные наречия, игра слов (каламбур), цифровая информация, инверсия. В примере "*Putin's* strategic goals are to reestablish Russia's geopolitical dominance in Eurasia and to weaken its primary strategic adversaries, the U.S. and NATO. *Putin* believes that U.S. democracy promotion policies in Ukraine and other former Soviet states are a mortal threat to his regime and Russia's security" ([The Hill 2021]) анафора со словом "Putin" усиливает серьезность тона статьи и обвинение оппонента о стремлении российского президента ослабить своего главного стратегического противника.

2. Манипулятивная стратегия на повышение применяется адресантом для демонстрации значимости статуса собственного государства. Посредством **манипулятивной тактики презентации** имплицитно транслируется положительный образ национальной культуры иноязычного коммуникативного партнера, что позволяет ему представить студенту то или иное событие в привлекательном и выгодном для него виде с помощью ролевого дейксиса (Я-дейксис: я, мой), превосходной и сравнительной степени прилагательного. Например, "*My* take is that all the signalling from Russia's side is that the next war with Ukraine will be a *much larger* one … and that it will result in a *much larger* defeat in terms of Ukrainian force. That's at least what they're posturing," said Michael Kofman, a senior researcher at CNA, referring to the troop buildup and rhetoric from Kremlin officials [The Guardian 2021].

3. Манипулятивная стратегия театральности представляет происходящие события, описываемое к ним отношение адресанта в преувеличенно драматическом свете, как будто разыгрывая перед адресатом — наблюдателем сцену из драматического спектакля. 1) **Манипулятивная тактика иронизирования** может быть идентифицирована студентом посредством поиска окказионализмов и

выявления ироничности описанной адресантом ситуации: “The interviewer, Keir Simmons, said Putin was using “*whataboutism*” to avoid answering human rights questions” [The Guardian 2021]. Окказионализм «*какнасчётизм*» демонстрирует ироничность ситуации, в которой В.В. Путин не отвечает на поставленные оппонентом вопросы. В медиасообщении “Is Putin planning for *'Pexit'?”* ([BBC 2020]) адресант использует термин, схожий с понятием Brexit, говоря об изменениях, происходящих в России, как бы намекая на последствия в контексте Brexit. 2) **Манипулятивная тактика размежевания** реализуется с помощью *лингвистических приемов*: антитеза, противопоставление «они»-«мы», повтор. Данная тактика ориентирована на определение различий в позициях оппонентов: англоязычного мира и России. Противопоставление «они-мы» позволяет, по мнению иноязычного коммуникативного партнера, сделать адресатом медиасообщения собственные выводы о том, кто прав, а кто виноват, где лучше живется: у нас или у них: “*They’re* just yelling here: *we’re afraid of* your activity, *we’re afraid of* your protests, *we’re afraid of* smart voting,” wrote Ivan Zhdanov, the head of the Anti-Corruption Foundation, uploading a copy of the prosecutor’s decision” [The Guardian 2021].

Таким образом, инструментарий реализации манипулятивного воздействия иноязычны коммуникативным партнером при межкультурном медиаобщении со студентом языкового вуза представлен лингвистическими и экстралингвистическими приемами, манипулятивной стратегией на понижение: манипулятивной тактикой анализ-«минус» и тактикой обвинения; манипулятивной стратегией на повышение: манипулятивной тактикой презентации; манипулятивной стратегией театральности: манипулятивной тактикой иронизирования и тактикой размежевания. Обладая данным знанием, студент способен идентифицировать речевую манипуляцию адресанта в межкультурном

медиадискурсе с целью критического восприятия транслируемой информации иноязычным коммуникативным партнером.

Литература

Левина О.М. Методическая модель обучения студентов межкультурному медиаобщению в ситуации манипулятивного воздействия // *Педагогика. Вопросы теории и практики.* 2021. Т. 6. № 4. С. 222–227.

Михалёва О.Л. *Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия*: автореф. дис. … канд. филол. наук. 2004.

Синчук Ю.В. Информационная война в современных условиях // *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество*. 2018. С. 189–192.

Сковородников А.П. Языковое насилие в современной российской прессе // *Речевое манипулирование:* учеб. пособие. М.: ФЛИНТА, 2012. С. 158–170.

Чернявская В.Е. *Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия*: уч. пособие. М.: Флинта, 2006.

The Influence of Positive Emotions and Thoughts on Learning English as a Second Language

Lemerle K.S.

(France, Nantes)

Introduction

The role emotions play in our thinking patterns and outlooks, and the definition of positive psychology.

«Emotions are based on what we know, and they include thoughts, sometimes obsessive thoughts, about what has happened or what might happen next» (Oatly K, 2004 :3).

So if you train your thoughts in a positive way of thinking you could receive only more positive emotions in return. «An emotion is a special kind of thinking about what we make of an

event » (Oatly K, 2004 :43). Our thinking makes this or that event good or bad. Our «automatic thoughts» (Beck, 2017) are the instigators of negative emotions and bad moods. The capacity to change our first thoughts into the alternative thoughts springs other different emotions.

According to Jean Cottreax "positive psychology deals with the question of the place of positive emotions and their effects either on individual development, health or on well-being & social harmony" (translation from french 2014 :23). The process of learning English must be a pleasant event for future learners that could provoke / spring only positive emotions and manage our further motivations. As English teachers, we would like learning English to be a pleasant experience for learners which will foster positive emotions and increase their motivation.

After having studied the works of Tim Beck & Jean Cottraux we can imagine the cognitive emotionally behavioural thinking of a positive orientated adult learner. Figure 1 is an example of such circuit:

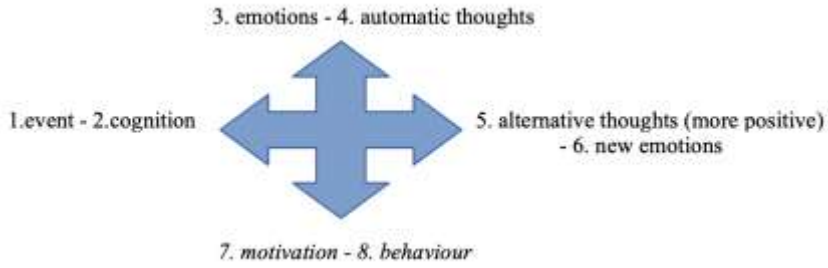

Figure 1

Classroom observations and discussions with students

During my teaching English for students (aged between 18-40) majoring in fields other than languages at the University of Nantes I asked them (2 groups of 20) why they hadn't learnt enough English at school. I could hear their first automatic responses (only negative reactions and no positive

emotions): « English is boring, difficult. I didn't like the teacher of English. I was useless in English. I understood nothing » etc. These negative experiences during childhood seem to have produced negative outlooks on learning English in adulthood.

How we could change it? How to give the emotionally positive perspective of learning English? How positive psychology can help teachers reprogram student's attitudes to learning English? Our objective is to explore the literature to find ways to help adult learners to reprogram their minds in order to have a positive outlook on learning English.

First, our cognition has been progressively changed (from the pupil's age to the adults one), we've got more life experience we've become more open-minded more motivated and task — orientated. Being an adult — learner we could change our way of thinking and our behavioural attitudes by using a NEW positive / optimistic experience (new adapted strategies new technologies new personal goals and new thinking of self perception). The pure cognition gives the pure emotions. You are gradually replacing "the negative beliefs" erroneously given you when you were young (Beck, 1976). The negative emotional reactions can be modified by adults — learners progressively.

Second, having an ambitious goal could help change your personal perception and open new « unknown capacities ». This notion means that everyone has got loads of unused / undeveloped / hidden personal abilities of achieving this or that aim. Our brain capacity is like a miracle box we just must train /develop and stretch our **amygdala**. The Brain volume diminishes with age so the amygdalae volume must be risen by positive training / English learning. Han and colleagues report a remarkable study that assigns a role of previously unexpected importance to **glial cells** in higher cognitive functions, such as learning, that will come as a surprise to many in the neuroscience community (Han et al., 2013). The glial cells collaborate with our **neurons**. This functional interplay between neurons and glia working in tandem makes us cleverer. So why are **glial cells**

more than simply **brain glue**? As brain size and information processing capacity increases, one would predict a corresponding increase in glia. Yet the increase is disproportionate: on ascending the phylogenetic tree the proportion of glia to neurons increases—this is apparent even within the primates (including humans—Albert Einstein had an especially large number of glia within the brain region responsible for higher-level cognition) (Fields, 2004). Nothing has ever fixed in our brain as it's like a modelyng clay.

Third, Language is not taught by others but it should be acquired from the environment. English learners just have to imagine (visualize / project their positive thinking and positive emotions in future) that they are all capable to speak English as quick as possible. The psychological and neurolinguistic approaches must be taken into consideration. Psychological factors play a main role in language learning. The factors affect in formulating, inspiring, and promoting learning. Language skills are deeply associated with mental process.It prompts both positive and negative factors. Some fundamental psychological factors in language learning are *lack of confidence, self-esteem, anxiety, language stress, fear of making mistakes*. Psychologically anxiety is formulated from the fear of losing self-identity. More complicated processes in this factor are lack of confidence and social fear. The students may utilize the opportunities and it may help to overcome social fear and more practices bring changes and improvements in life. Positive attitude helps the learners to improve in English learning (A. Delbio & M. Ilankumaran, 2018)

Neuro linguistic studies the brain mechanism and the performance of the brain in linguistic competences. The brain plays a main role in controlling motor and sensory activities and in the process of thinking. D.E. Broadbent states that "One of the functions which our brains must perform is the prediction of the events which have just occurred in the present." (Broadbent, 2014: 333). Most healthy adults have the language ability which

appears in specific areas of the left hemispheric cortex. A unique branch of linguistics is termed as neuro linguistic. It trains the physical structure of the mind and it identifies the language creation and conception of learning.

Neuro linguistic programming (NLP) helps to develop the self-learning and self-motivation. The NLP was proposed by Richard Bandler, expert in mathematics and computer, and John Grinder is a linguistics professor. The NLP was established in the University of California in 1970. Neuro Linguistic Programming is used as a technique for communication and individual development among managers, trainers, sales people, counsellors, and lawyer, etc. The NLP provides a person the chance of creating themselves an excellent learner of second language. Neuro Linguistic Programming analyses the whole mind-body system of a human connections between inner development, language and behaviour. The most important aspect of Neuro Linguistic programming is to analyze the internal and external experience of human behaviour, language and communication. The learners may adopt or change themselves and they modify the behaviour. It increases persuasive skills and self-esteem. The NLP makes the students to have a positive thinking and mental attitude. It mainly helps the students to achieve a goal. Neuro Linguistic Programming deals with cognitive processes. It analyses the internal mental activities like thinking, remembering, perceiving and learning. Psychological studies are made to solve the problems and other cognitive activities. Brain activities and the mental processes are interdependent. Cognitive process involves in acquisition of language, storage, manipulation and transformation of information (A. Delbio&M. Ilankumaran, 2018).

Finally, in our opinion everything depends on learners' optimistic and individual way of programming:

- Their Goals/aims
- Their Personal biorythme of work

• Their Chosen strategies: amelioration of memorisation capacities

• Their Positive self perception with consciousness

• Their Immediate Improvisation / usage of new knowledge in different language situations

To sum up, we could underline that Emotions can modulate the way that the information is recorded so the positive emotion can reinforce the student's attention and their memory capacities. It is about learning to use positive emotions to unlock/change negative emotions, working on acquired skills and developing integrative motivation. The correctly chosen method of learning like the NLP based on a TBLT **(task based learning & teaching)** approach could optimize the individual mental opportunities and it may help to overcome fear of making mistakes to rise self-esteem, to low anxiety and to eliminate language stress. So we are planning to elaborate the effective systeme of brain stimulative excercises in order to achieve B1 level in English on a limited time (4–6 months).

References

Broadbent D.E. Psychological Aspects of Short-Term and Long- Term Memory, Proceedings of the Royal Society of London, Series B, Biological Sciences, Vol.175, No.1041, (2014), pp.333-350.

Cotreaux J. Thérapie cognitive et émotions la troisième vague : 2 e édition. Elsevier Masson SAS, 2014

Delbio A, Ilankumaran M. Second Language Acquisition Through Neurolinguistic Programming: A Psychoanalytic Approach, International Journal of Engineering & Technology, 7 (4.36) (2018) pp.624-629

Han, X., Chen, M., Wang, F., Windrem, M., Wang,S., Shanz, S., Xu, Q., Oberheim, N.A., Bekar, L.,Betstadt, S., et al. (2013). Cell Stem Cell12, pp. 342–353

Oatly Keith Emotions: a brief History, Blackwell Publishing Ltd, United Kingdom, 2004

Сопоставительное исследование дискурсивных формул в преподавании русского языка как иностранного

Лентовская А.В.

(Италия, Пиза)

Стремительное развитие особого подразделения корпусной лингвистики, корпусной прагматики, определяемой как исследования речевых актов в реальных языковых контекстах с использованием корпусов письменного языка и устной речи, свидетельствует, по мнению ряда исследователей, о том, что современное языкознание, как и современная лингводидактика, развивается сообразно эволюции общества, вступившего в цифровую эпоху. В лингводидактике осознание необходимости изучения прагматики с использованием корпусных данных обусловлено тем, что достичь третьего, прагматического уровня функционирования вторичной языковой личности, позволяющего реализовывать коммуникативно-деятельностные потребности, невозможно без погружения в среду изучаемого языка, в т.ч. искусственно воссозданную [Халеева 1995].

Именно прагматическая языковая компетенция определяется как способность эффективно использовать изучаемый язык для достижения конкретных коммуникативных целей и для понимания языкового контекста. Тем не менее, по сравнению с усвоением грамматики, лексики и фонетических особенностей изучаемого языка, прагматическая компетенция зачастую оказывается наименее слабо развитой. Причина этого явления, в дидактике называемого «прагматической фоссилизацией» (окаменением), кроется в отсутствии контактов с аутентичной средой [Romero-Trillo 2018]. Для

эффективной коммуникации в таких условиях говорящему на иностранном языке рекомендуется осваивать специфические адаптационные механизмы, чтобы понимать коммуникативные намерения собеседника. Речь идет о т.н. «контекстуальном фильтре», который позволяет в конкретной ситуации общения осознанно отсекать неверные и отбирать верные допущения, избегая недопонимания.

Осваивать механизм контекстуального фильтра предлагается средствами корпусной прагматики: на примере использования мультимедийного корпуса устной речи для изучающих английский язык UAMLESC было показано, что наблюдение за разнообразными прагматическими маркерами, свидетельствующими о приглашении к разговору, помогает учащимся адекватно распознавать соответствующие коммуникативные ситуации и реагировать в них.

Действительно, то или иное оформление высказывания говорящим, с точки зрения прагматики, диктуется не столько грамматическими правилами, влияющими на его форму, сколько лингвокультурным контекстом, в котором реализуется тот или иной речевой акт. Поэтому перед говорящим на иностранном языке каждый раз встает задача по оформлению своей коммуникативной интенции в рамках не только языкового, но и социального сценария [Nuzzo 2016].

Использование мультимедийного корпуса в преподавании дает возможность комбинировать описание любых грамматических норм и их вариаций с иллюстрацией их использования в целом ряде реальных (по крайней мере, возможных), разнообразных социокультурных контекстов, снабженных видеорядом и его транскрипцией.

С помощью мультимедийного корпуса также можно продемонстрировать семантику и прагматику особых конструкций разговорной речи, которые вслед за Ч. Филлмором можно назвать дискурсивными формулами

(также они известны как коммуникативы). Это изолированные составные реплики в диалоге, имеющие фиксированную форму и синтаксически равные предложению (*Кто бы говорил, Что ты наделал, Еще бы*). Подобные диалоговые шаблоны неоднословны, крайне идиоматичны, запоминаются и воспроизводятся говорящим, как есть, и составляют важный пласт разговорного языка.

В рамках исследования [Бычкова, Рахилина, Слепак 2019] с помощью подраздела Национального корпуса русского языка МУРКО была продемонстрирована семантика основных употреблений такой многозначной формулы, как *Да ну*, а также их корреляция с интонацией и сопутствующей жестикуляцией. Семантическая классификация значений *да ну* верифицировалась трояко: типологически, то есть переводом на другой язык, типом интонации (с определением интонационного контура) и жестикуляции (с использованием глубокой разметки фрагментов). В рамках нашего исследования типологическая верификация проводилась с использованием материалов мультимедийного итальянского корпуса *Forlixt 1* [Heiss, Soffritti 2008].

Употребления *да ну* можно поделить на две крупные семантические группы, условно называемые **Удивление** и **Девалоризация** (разновидность глубинного отрицания). Если реакция удивления возникает в ответ на утверждение собеседника, содержащее новую информацию (эту информацию он либо принимает, либо обесценивает), то реакция девалоризации может возникать в ответ на другие речевые стимулы, относиться к разным параметрам ситуации и иметь разную степень негативности.

Например, *Да ну* в ответ на предложение не может выражать только удивление — естественным ответом на речевой стимул такого рода может быть согласие или отказ. Для исходной семантики *да ну* более естественным выглядит

развитие семантики отказа (1) (в итальянском языке аналогом, как правило, будет являться *mah* (2)).

В подобных случаях *да ну* обозначает девалоризацию предлагаемого собеседником и нежелание выполнить предлагаемое. В данных случаях интонационный контур нисходящий, что нехарактерно для эмоции обычного удивления.

(1) МУРКО [Е. Никишов, К. Шахназаров, С. Рокотов. Исчезнувшая империя, к/ф (2008)]
[Сергей] (Люде) — С днём рождения тебя!
[Люда] — Спасибо, Серёжка! А почему ты не захотел прийти вечером, когда соберутся все гости?
[Сергей] — **Да ну!** Придут одни твои родственники. О чём мы с ними будем говорить? Мы лучше с тобой так, вдвоём посидим, отметим.
(2) FORLIXT [Фильм П. Авати «Праздничный ужин» (Festa di laurea, 1989)]
[Vanni] Com'è? '[Ванни] Ну, как тебе?'
[Padre di Vanni] **Mah**, mi sembra un po' troppo moderna. Non so mica se mi trovo bene '[Отец Ванни] Да ну, для меня он (этот дом) слишком современный. Не очень-то мне в нем уютно'.

Реплики с отрицательной оценкой собеседника чаще всего появляются в «трехчастном» прагматическом контексте, где первая реплика — это просьба или поручение говорящего, вторая — свидетельство некооперативного поведения (или беспомощности) собеседника, и третья — выражение недовольства, раздражения или разочарования (3).

Оценка собеседника присутствует в вариантах этой дискурсивной формулы — *Да ну тебя / вас / их …* Степени недовольства в таких случаях недостаточно, чтобы перейти на прямую агрессию и ругань, хотя в русском языке появляются квазисинонимы типа *Иди к черту*, реализующие механизм исключения собеседника из «личной сферы

говорящего». В итальянском языке данный механизм реализуется переводными эквивалентами с глаголами движения — *vai via* (букв. Уходи!), *andiamo* (букв. Пойдём!) (4). Данной оценочной реплике, как правило, соответствуют жесты «отвернуться от собеседника» и «махнуть рукой», которые выражают досаду и отстранение (*Away Gestures Family*).

(3) МУРКО [Б. Васильев, С. Ростоцкий. А зори здесь тихие, к/ф (1972)]
[Федот] — Кисет-то мой принесла?
[Рита] — Ой/ забыла/ миленький Федот Евграфович/ забыла.
[Федот] **Да ну!** Да ладно уж! Махорка имеется. Спасибо сидр мой не забыли.
(4) FORLIXT [Фильм В. Ди Биази «Каким ты меня хочешь» (Come tu mi vuoi, 2007)]
[Giuseppe] (a Riccardo) — Vattene in vacanza, basta che non ti vedo. ... Poi anche quella cosa della se... davanti alla mamma… **Andiamo!** Stai fuori, eh, Riccardo! ‘(Джузеппе своему сыну Риккардо) Поезжай-ка ты отдохни, чтоб я тебя не видел. Ты еще и эту историю про се(кретаршу) при маме (рассказал) … Да ну! Не лезь в наши дела, Риккардо’.

Класс употреблений *да ну* последнего типа претендует на то, чтобы указать на неуместность самого речевого акта. Самые естественные контексты в данном случае — извинения и комплименты, а также указание на излишнюю вежливость (5) (или невежливость (6)) собеседника. Русские квазисинонимы связывают данный тип *да ну* с семантическим полем каузации прекращения ситуации. Такое *да ну* часто маркируется интонационно и сопровождается не падающим, а высоким тоном, который как будто специально акцентирует незначимость предыдущего высказывания. Целый ряд жестов в данной ситуации может выражать отрицательную оценку

(нахмурить брови), собственно девалоризацию (махнуть рукой), несогласие и дистанцирование (склонить голову, поднять плечи).

> (5) МУРКО [А. Гребнев, Ю. Райзман. Частная жизнь, к/ф (1982)]
> [Наталья Ильинична] Мамочка/ налей/ пожалуйста/ чаю. Извини/ Алёш/ он/ видимо/ очень устал.
> [Алексей] **Да ну**/ Наташа/ о чём ты говоришь.
> (6) FORLIXT [Фильм Н. Моретти «Дорогой дневник» (Caro Diario, 1993)]
> [Attrice II] — Oh, **andiamo**, non sei molto cortese considerando ....che sono venuta per dare a te e a Chandler il vostro regalo di nozze ‘(Вторая актриса первой актрисе) Да ну / не слишком-то ты любезна! А я-то пришла вручить вам с Чэндлером подарок на свадьбу!’.

Возможностей использования МУРКО в лингводидактике множество: среди них, на уровнях владения русским языком ТРКИ-2 и ТРКИ-3, можно назвать описание прагматического контекста, поиск квазисинонимов, комментарий речевых стимулов и коммуникативных интенций, поиск переводных эквивалентов, сравнение прагматических контекстов с учетом исторических, жанровых, социокультурных, стилистических характеристик видеоряда, и, наконец, пояснение уместности и неуместности тех или иных дискурсивных формул. В более широком исследовательском ракурсе, как было убедительно доказано в [Рахилина, Бычкова, Жукова 2021], сопоставительное исследование дискурсивных формул в разных языках помогает систематизации и последующей типологизации области лингвистической прагматики.

Литература

Бычкова П., Рахилина Е., Слепак Е. Дискурсивные формулы, полисемия и жестовое маркирование // *Труды Института русского языка им.*

В.В. Виноградова. Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки. М.: ИРЯ РАН, 2019. С. 256-283.

Рахилина Е., Бычкова П., Жукова С. Речевые акты как лингвистическая категория: дискурсивные формулы // *Вопросы языкознания*. 2021. № 2. С. 7–27.

Халеева И.И. Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста // *Язык-система. Язык-текст. Язык-способность*. М.: ИРЯ РАН, 1995. С. 277-278.

Heiss Ch., Soffritti M. Forlixt 1 — The Forlì Corpus of Screen Translation: Exploring microstructures // *Between Text and Image: Updating research in screen translation*. Amsterdam: J. Benjamins, 2008. P. 51-62.

Romero-Trillo J. Corpus Pragmatics and Second Language Pragmatics: A Mutualistic Entente in Theory and Practice // *Corpus Pragmatics*. 2018. N. 2. P. 113–127.

Новая лексика туристического дискурса как отражение социокультурных трансформаций эпохи глобализации[5]

Липириди С.Х.

(Россия, Краснодар)

Наступление эпохи глобализации повлекло за собой ряд социокультурных трансформаций, создавших предпосылки появления единого культурного поля. Данный непрерывный и динамичный процесс не мог не оказать влияния на развитие языка, априори отображающего новые явления и понятия путем порождения неологизмов. Перманентное становление единого информационного поля

[5] *Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (Отделение гуманитарных и общественных наук) в рамках научного проекта № 20-012-00033 «Лингвистические модели социально-политической коммуникации в online-пространстве: дискурсивные поля, паттерны и гибридная методология анализа сетевых данных» (2020–2022 гг., рук. В.В. Катермина).*

отобразилось в генезисе новых дискурсивных полей, ставших пространством репрезентации коллективного менталитета пользователей сети Интернет. Одним из самых ярких примеров влияния вызванных глобализацией социокультурных трансформаций на аксиологическое поле английского языка стала новая туристическая лексика, зафиксированная в статьях сетевых словарей, ставших важнейшей формой самовыражения участников туристической коммуникации. Туристическая лексика изначально предельно разнообразна и гетерогенна в силу своего происхождения — она фиксирует все новации в постоянно развивающейся сфере туристических услуг во всем мире, что придает ей отчетливо интернациональный, глобальный характер. «Туризм 21 века, как основной продукт, маркер и стимул глобализации обнаруживает неисчерпаемый потенциал социокультурного анализа институциональной и межличностной коммуникации, коммуникативных действий, стратегий, практик в транскультурном туристическом пространстве» [Новикова 2018: 428]. Таким образом, изучение семантико-аксиологических особенностей новой туристической лексики позволяет рассмотреть специфику влияния порожденных глобализацией социокультурных трансформаций на развитие туристического дискурса.

Проведенный нами анализ единиц туристического дискурса на материале статей онлайн-словарей Urban Dictionary [Urban Dictionary] и Cambridge Dictionary [Cambridge Dictionary] позволил выделить доминирующие культурные ценности и антиценности современной стадии развития туризма. К категории новых, глобальных ценностей туристического дискурса мы отнесем экологичность и открытость глобальному порядку [Липириди 2020: 210]. Растущее внимание к проблемам экологии и стремление к распространению глобальных ценностей отображает неологизм ***Greenjoy*** *(the pleasure you get from doing*

ecotourism (also known as ecological tourism), it is responsible travel to fragile, pristine, and usually protected areas. It purports to educate the traveller; provide funds for conservation; directly benefit the economic development and political empowerment of local communities; and foster respect for different cultures and for human rights [Urban Dictionary] — *удовольствие, которое вы получаете от экотуризма (также известного как экологический туризм), представляет собой ответственное путешествие в хрупкие, нетронутые и, как правило, охраняемые районы. Поездка направлена на то, чтобы научить путешественников предоставлять средства на охрану природы, непосредственно содействовать экономическому развитию и расширению политических прав местных общин, а также способствовать уважению различных культур и прав человека* [здесь и далее перевод наш]*).* В семантико-аксиологическом плане данного неологизма сочетаются как интерес к экологической тематике, так и открытость глобальным ценностям — экономическому и социальному прогрессу, мультикультурализму, терпимости. Близко к данному слову стоят единицы ***eco-active tourism*** [Urban Dictionary] *(экологически активный туризм)* и ***geotourism*** [Urban Dictionary] *(геотуризм).* В словосочетании ***responsible luxury*** (*high-end, green tourism and hospitality* [Cambridge Dictionary] — *высокотехнологичный экологический туризм и гостеприимство)* к экологичности добавляется иные, традиционные доминанты дискурса — комфорт и гостеприимство, изначально заложенные в смысловом поле понятия «туризм». С ценностями космополитизма и глобализации связаны слова ***globalista*** *(a very cosmopolitan and well-travelled person* [Cambridge Dictionary] — *очень космополитичный и заядлый путешественник)* и ***globo*** *(someone who lives or spends a lot of time in several different parts of the world* [Cambridge Dictionary] — *тот, кто живет или проводит много времени в нескольких разных частях*

света), отображающие глобальную ориентированность современной стадии развития туризма.

Неологизмы, отражающие нетерпимость или же хищническое, безответственное отношение к природе, являются репрезентацией антиценностей туристического дискурса. Чаще всего, данные единицы имеют осуждающий характер и являются выражением глобальных ценностей от противного, путем критики иллюстрируемых ими негативных явлений. Неологизм ***counter-tourism*** *(counter-tourism refers to offensive measures taken to deter, prevent and respond to tourism* [Urban Dictionary] — *контр-туризм относится к оскорбительным мерам, принимаемым для сдерживания, предотвращения и реагирования на туризм)* отражает такую антиценность туристического дискурса как нетерпимость к туристам-иностранцам, противостоящую традиционному для туризма дружелюбию, уважению к другим и гостеприимству. Также антиценностью становится небрежное отношение к природе, отраженное в неологизме ***dirty camping*** *(the activity of leaving rubbish behind or causing damage by having a fire after you have stayed somewhere in a tent* [Cambridge Dictionary] — *загрязнение местности или нанесение ущерба в результате пожара после того, как вы остановились где-то в палатке).*

Примечательно, что семантический план отдельных неологизмов туристической сферы отображает не новые глобальные ценности, но рудименты устаревшей европоцентристской картины мира, для которой характерны расизм и патернализм по отношению к представителям коренных народов. К данным единицам относится словосочетание ***human safari*** *(a trip in which tourists can glimpse indigenous peoples* [Cambridge Dictionary] — *путешествие, в котором туристы могут увидеть коренные народы).* Смысловое наполнение словосочетания имеет противоречивую окраску — в нем можно выявить скрытый расизм, так как коренные народы в нем опосредованно

отождествляются с дикими животными, встреча с которыми является главной целью сафари как такового. Старая ценностная модель определила семантико-стилистическое своеобразие выражения. Своего рода «антонимом» данного выражения является слово ***whitexico***, обладающее яркой образностью — в нем сочетается лексема *white* как обозначение англоязычного мира и сокращенное название Мексики *(**whitexico** — going to a tourist place of Mexico where they all speak English* [Urban Dictionary] — *поездка в туристический район Мексики, где все говорят по-английски)*. В данной единице расовая и национальная принадлежность отчётливо подчеркивается, что выводит данный неологизм за рамки политики мультикультурализма, характерной для современной стадии развития туристической индустрии. Так мы видим, что процесс принятия новых ценностных приоритетов далек от завершения, и в семантическом плане туристических неологизмов можно увидеть сочетание аксиологем-антагонистов. Данная особенность может быть связана с одновременным наличием в туристическом дискурсе двух противоположных тенденций — глобализирующей и локализирующей [Волкова 2017: 3].

Выскажем предположение, что иногда конфликт глобализирующей и локализирующей тенденций в туристическом дискурсе может приобретать вид завуалированной критики достижений глобализации путем их иронического низведения, «развенчания». К такого рода единицам относится юмористическое выражение ***International Drinking Zone (IDZ)*** *(defined as the time and location proceeding any "Holiday Travel", in which it is socially and morally acceptable to consume alcohol at any time of day* [Urban Dictionary] — *время и место совершения любого «праздничного путешествия», в котором социально и морально допустимо употреблять алкоголь в любое время суток).* Слово *International*, закономерно вызывающее

ассоциации с глобализацией, помещено здесь в иронически-снижающий контекст культуры потребления алкоголя. Таким образом, в языковом сознании рядовых участников туристического дискурса происходят сложные речевые трансформации, целью которых является окрашенная в юмористические тона коррекция официальной, глобально-ориентированной картины мира в туристическом дискурсе, ироническое переосмысление новых приоритетов. Здесь отчетливо отражается взаимосвязь влияния экстралингвистических и психолингвистических факторов на становление диффузного в своей основе аксиологического поля туристического дискурса, при формировании которого сталкиваются точки зрения рядовых и статусных участников туристической коммуникации.

Так мы видим, что семантико-аксиологический план новой сетевой туристической лексики отображает доминирующие общественные ценности современного этапа развития туризма как глобально-ориентированной социальной системы — экологичность и открытость глобальному порядку, и критически освещает противостоящие им антиценности — хищническое отношение к природе и нетерпимость. Вместе с тем, ценностное содержание некоторых неологизмов, так или иначе, выходит за рамки пропаганды глобальных ценностей, что позволяет судить о незавершенности социокультурных трансформаций в туристической сфере, порожденной противостоянием глобализирующей и локализирующей тенденций.

Литература

Волкова И.Д. Глобализация и локализация как векторы развития туристического интернет-дискурса (на материале русского, английского и французского языков): дис. …канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2017. 210 с.

Липириди С.Х. Аксиологическое поле туристического дискурса (на материале английских неологизмов) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 2 (145). С. 206–212.
Новикова Э.Ю. Жанровые, ценностные и транслатологические характеристики международного туристического дискурса в немецкой и русской лингвокультурах: дисс. …д. филол. наук: 10.02.20. Волгоград, 2018. 498 с.
Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: http://dictionaryblog.cambridge.org. (дата обращения: 15.01.2020).
Urban Dictionary [Электронный ресурс]. URL: https://www.urbandictionary.com/ (дата обращения: 15.01.2020).

Различия в реализации речевого акта Отказ в американской и русской коммуникативных культурах (на примерах отказа на просьбу о помощи)

Литвинова А.В.

(Россия, Москва)

В наше время успешная межкультурная коммуникация определяется не столько знанием фонетики, грамматики и синтаксиса (хотя без базовых знаний коммуникация также не может быть осуществлена), сколько знанием, а главное пониманием культуры другого человека. Каждое языковое сообщество имеет определённые правила культуры общения, обусловленные традициями, устоями и понятием вежливости.

Хорошо известно, насколько сильно культура влияет на коммуникацию и на речевые акты, поэтому мы решили изучить речевой акт Отказ в разных культурах, как наиболее «опасный», так как термин *отказ* обычно ассоциируется с отторжением интенции собеседником, представленный чаще всего выражением отрицательной реакции.

Для начала мы выявили культурные различия России и США согласно критериям Хофстеде, определив США, как страну с низким индексом дистанции власти, индивидуалисткой культуры мужского типа с ориентиром на будущее и стратегическим мышлением. Россия, напротив, показывает высокий индекс дистанции власти, проявляя коллективистскую культуру женского типа с приверженностью традициям.

Далее мы изучили различные дефиниции речевого акта, выбрав для работы определение, предложенное Н. Д. Арутюновой. *Речевой акт* — это целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе; единица нормативного социоречевого поведения, рассматриваемая в рамках прагматической ситуации [Арутюнова 1981: 359].

Изучив теоретический материал по выбранной теме, мы провели анкетирование 50 американцев и 50 русских и получили 100 анкет для изучения или 400 коммуникативных выражений отказа для дальнейшего сравнения и анализа. При составлении анкетирования нам было также важно изучить различия реализации отказа в разных социальных ситуациях, учитывая, что культуры изучаемых нами стран имеют разный индекс дистанцированности от власти, поэтому мы предложили нашим респондентам отказать прохожему, соседу, другу и начальнику. Изучая собранные данные, мы обращали внимание на следующие моменты:

1) Частота использования эксплицитного отказа — «нет»;

2) Длина отказа;

3) Средства смягчения отказа, используемые респондентами.

Полученные данные были следующими:

Ситуация 1. Вы очень спешите. Пожилой человек просит Вас помочь ему.

В данном случае несколько респондентов (независимо от национальности) заявили, что ни при каких условиях не откажут в подобной ситуации. Таким образом, можно сделать вывод, что в обеих странах проявляется уважение к пожилому человеку, на что также указывает наличие преувеличения, например, *deeply sorry, really late, terribly late* в английском и *очень сильно прошу прощения, простите, пожалуйста, я правда очень опаздываю* в русском. Что касается частотности использования эксплицитного и имплицитного отказов, то в предложенной ситуации, употребление слова *нет* составляет всего 8% и в русских и американских ответах, а имплицитный отказ не употреблялся вовсе. Стратегии вежливости употреблялись редко, что обусловлено использованием других смягчающих средств, таких как: извинение, объяснение, преувеличение.

Ситуация 2. Ваш сосед уезжает на выходные и просит Вас выгуливать его собаку.

В данной ситуации 40% русских ответили эксплицитно на просьбу соседа, против 8% американцев, которые в свою очередь чаще использовали объяснение причины или невозможность выполнить просьбу, взамен эксплицитному или имплицитному отказу. Что касается средств смягчения, то в отказе соседу их было употреблено немного и чаще всего это просто извинение, так как предложенная коммуникация происходит между соседями, следовательно, больше формальностей.

Ситуация 3. Вашей подруге надо сходить в магазин. Она просит Вас посидеть с ребенком.

В данном случае мы выделили следующие моменты: 20% русских опрошенных ответили эксплицитно, по сравнению с 6 % американцев. Также можно заметить, что частотность употребления стратегий вежливости гораздо ниже у русских коммуникантов по сравнению с американцами. Как средство смягчения, в основном, было употреблено извинение в обеих культурах.

Ситуация 4. Ваш начальник просит Вас поработать в субботу.

В данной ситуации мы отметили проявление вертикальной дистанции власти, так как длина отказов стала больше, практически в каждом ответе есть извинение и объяснение, а также предложение альтернативы. Количество эксплицитных отказов у русских равно 28 %, но эксплицитный отказ всегда сопровождается смягчающим средством извинением или сожалением. 32% опрошенных американцев использовали эксплицитный отказ, что снова указывает на разницу в дистанции власти двух культур (у американцев она практически отсутствует), но не стоит забывать, что у них обычно слово *No* сопровождается стратегией вежливости или сожалением.

Заключение

В нашей работе мы выявили сходства и различия в реализации отказа на просьбу в американской и русской коммуникативных культурах, учитывая социальные факторы. Так как в Россия является страной с ярко выраженной дистанцией власти, то Отказ начальству был более формальным, с большим использованием коммуникативных реплик и средств смягчения, чем, например, Отказ соседу. Анализируя ответы данные американцами, мы можем отметить, что США, напротив, страна с горизонтальной дистанцией власти, соответственно между отказом начальнику или прохожему не наблюдалось существенной разницы. Также можно заметить проявление индивидуализма и коллективизма. В России, любой человек, считающий себя больше частью общества, чем отдельной личностью «Я» не так следит за соблюдением личных границ *privacy,* соответственно отказ у нас не является чем-то «угрожающим», в то время, как в индивидуалисткой культуре американцев, стоит четко разделять границы и постараться сохранить «лицо» собеседника при отказе.

Литература

Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. — М.: Языки славянских культур, 2009. 512 с. (Язык. Семиотика. Культура)

Стернин И.А., Стернина М.А Американское коммуникативное поведение / Ред. Стернин И. А., Стернина М.А., Воронеж: ВГУМИОН, 2001

Hofstede G.H. Cultures and Organizations: Software of the mind. L.: McGraw-Hill Book Company (UK) Limited, 1991.

Searle J. R. A Classification of Illocutionary Acts. — Cambridge University Press, 1975. — P. 1 — 23.

Прагматические особенности обозначения лица в татарском языке

Лутфуллина Г.Ф.

(Россия, Казань)

Идентификация человека посредством употребления обычных существительных в качестве ситуативных одноразовых имен требует поиска соответствующего контекста, прагматическая детерминация которого универсальна для языков, но фиксация которого ограничена художественными произведениями. Целью исследования является анализ функционирования аппелятивов в функции наименований лица в татарском языке. В данной статье исследуются возможности обретения статуса наименования лица нарицательными именами существительными в соответствующих прагматических условиях. Целью работы является выявление прагматических ситуаций функционирования аппелятивов в функции наименования лица в татарском языке. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые рассматриваются подобные случаи наименований лица в исследуемом языке.

Материалом исследования послужил Письменный корпус татарского языка (далее ПКТЯ).

Имена нарицательные могут быть задействованы в функции наименования лица в соответствии с прагматическими факторами.

(1) *Майлы бутерброд ак икмәктән әзерләнә / Бутерброд с маслом готовится из белого хлеба.*

(2) *Майлы бутерброд түләнмичә калды / Бутерброд с маслом остался без оплаты.*

Выражение «бутерброд с маслом» используется в обоих предложениях (1), (2), но сопровождается разным контекстом, что позволяет интерпретировать каждое предложение по-разному:

В примере (1) определенная именная группа «бутерброд с сыром» относится к еде, в то время как такое же выражение в примере (2) используется для обозначения клиента в ресторане или баре. Нелингвистический контекст, то есть экстралингвистическая среда, ограничивает диапазон возможных интерпретаций одного и того же относящегося к нему выражения [Yule 1996: 21].

Нарицательные существительные могут быть задействованы в функции наименования лица.

(3) *Официант А: Кайда яңа тукмачлы аш?*
Официант Б: Ул ишек янында утыра.
Официант А: Ә казылыклы бутерброд кайда?
Официант Б: Ул анда тәрәзә янында.
Официант А: Где новый суп с лапшой?
Официант Б: Он сидит у двери.
Официант А: А где бутерброд с колбасой?
Официант Б: Он там у окна.

В примере (3) представлена ситуация в ресторане, где один официант может задать другому вышеприведенные вопросы. Именные группы *суп с лапшой* и *бутерброд с колбасой* используются для обозначения конкретных клиентов, обедающих в кафе или ресторане.

(4) *Йөрәк өянәген күчерергә ярамый / Сердечный приступ нельзя переносить.*

(5) *Йөрәк өянәген карточка төшермәгез / Не снимайте сердечный приступ*.

(6) *Бер пар бүлмә эсселеккә зарланды / Пара комнат жаловались на жару.*

(7) *Ике инфарктны ана теге өстәл артына бергә утыртыгыз / Два инфаркта посадите вон за тот стол отдельно.*

(8) Ике фатир җылылык өчен түләүдән баш тарткан / Две квартиры отказались платить за отопление.

(9) Ике йорт юл ремонтына каршы чыкты / Два дома выступили против ремонта дороги.

Если вы находитесь в больнице, вы можете услышать, как врач говорит о пациенте, используя для его идентификации диагноз (5). Определенная именная группа «сердечный приступ» относится к конкретному пациенту в больнице (4). Неопределенная именная группа «пара комнат» используется для обозначения людей, проживающих в отеле (6). Два диагноза обозначают пациентов с этим заболеванием (7). Место проживания служит для обозначения жителей (8), (9).

Г. Юл приводит человека, часто с шумом ездившего на мотоцикле по соседству, которого местные жители прозвали *мистером Кавасаки.* Название бренда мотоцикла было использовано для наименования лица [Yule 2010: 130 — 131]. Если вы находитесь в библиотеке, вы можете называть человека, работающего там, *библиотекой.*

Все эти виды использования сообщают больше, чем они говорят буквально. Почему говорящий прибегает к описанию, а не к использованию имени? Это может быть объяснено несколькими причинами. Основная причина — желание говорящего облегчить процесс идентификации. Другая причина стилистическая: говорящий хочет сделать это более выразительно [Laimutis Valeika, Daiva Verikaitė

2010]. И, наконец, говорящий часто использует такие расплывчатые выражения, полагаясь на способность адресата сделать вывод о том, что имеется в виду [Yule, 1996: 18].

Так называемые ситуативные имена — это имена для одноразового использования, то есть одноразовые имена. Но, если они используются более одного раза (когда они захватывают воображение других людей), они могут «пустить корни» и превратиться в прозвища (то есть дополнительные имена).

Таким образом, можно сделать вывод, что жесткая детерминация прагматическими условиями позволяет использовать нарицательные имена собственные для обозначений наименований лица. Ситуация диктует выбор имени существительного. Лицо маркируется по ситуативно-обусловленному признаку. Можно говорить о метонимическом обозначении обладателя через обладаемое (*мистер Кавасаки*), болеющего через болезнь (*два инфаркта*), проживающего через жилье (*два дома*).

Литература

Valeika L. *An introductory course in linguistic and pragmatics* Vilnius : Vilnius Pedagogical University, 2010.

Yule G. *The Study of language.* Fourth edition. Cambridge University Press. 2010.

Yule G. *Pragmatics.* Oxford: Oxford University Press, 1996.

[ПКТЯ] Письменный корпус татарского языка [Электронный ресурс]. URL: https://www.corpus.tatar/ (дата обращения: 26.01.2020).

Признаки и свойства имплицитной коммуникации, используемой в Интернет-дискурсе

Маевский В.М.

(Россия, Москва)

В настоящий момент Интернет выступает как одна из наиболее эффективных площадок для обмена информацией и имплицитной коммуникации, которая активно реализуется как физическими лицами (пользователями) в личных целях, так и на государственном уровне в мировых масштабах (например, в качестве оружия в информационных войнах). С точки зрения законодательной системы России и других развитых стран, существует определенная проблематика в контроле и модерации языковых средств, имплицитно выражающих в тексте сообщения информацию, способную нанести деструктивное воздействие на читательскую аудиторию. Положительный аспект имплицитных свойств виртуального дискурса заключается в «оздоровлении» общества и налаживании его психоэмоционального благополучия средствами имплицитных форм общения.

Специфика гипертекстуальности обусловливает целесообразность совершенствования мониторинга Интернет-пространства ввиду того, что в связи с ростом специальных программ и средств проверки публикуемого контента (социальных сетей, мессенджеров, веб-форумов, блогов, чатов, комментариев к всевозможным публикациям и т.д.) видоизменяются и регулярно восполняются приемы имплицитной коммуникации. Тем не менее, их характерные черты обладают рядом общих признаков и свойств, которые автором представлены и проанализированы в данной статье. Результаты данного исследования могут быть использованы для совершенствования средств поиска, выявления и

ликвидации неприемлемого контента с имплицитным контекстом.

Дискурс — «одна из основных категорий коммуникативной лингвистики, которая включает в себя всю систему коммуникации» [Ларина 2017: 114]. Согласно концепции И.В. Беляевой, «основой манипуляции (*в т.ч. в дискурсе — прим. автора*) нередко становится умолчание» [Беляева 2008: 37]. Данный феномен часто фигурирует в текстовых сообщениях Интернета, когда адресант использует в качестве основного оружия воздействия на реципиентов тексты с имплицитным смыслом, таким образом, не проговаривая эксплицитно истинную информацию и, тем самым, избегая прямой ответственности за интерпретацию высказывания читателями. При этом посыл такого сообщения часто очевиден, однако, модерация контента проблематична.

В качестве объекта для анализа специфики имплицитной коммуникации, используемой в Интернет-дискурсе, релевантно выбирать сообщения, которые набирают наибольший отклик читателей в кратчайшие сроки — инференция позволяет связать предшествующее сообщение с ответами на него, демонстрируя, тем самым, истинное значение комментария. При этом «операция инференции предполагает как опору на эксплицированные сведения, так и учет имплицитной семантики высказывания» [Сорокина 2012: 247].

Например, после 9-ти часов обнародования новости о финансовом положении россиян с заголовком «*Путин назвал низкие доходы граждан главным врагом России*» [https://ru.rt.com/jndx], публикация набрала 403 комментария. Автором статьи взяты комментарии, которые имеют примерно одну темпоральность (от 3-х до 5-ти часов). Что характерно, максимальное количество положительных или отрицательных отметок («лайков») набрали сообщения, представленные на рис. 1 и рис. 2, что свидетельствует о

продуктивном извлечении из данных сообщений выводных знаний коммуникантами:

Рисунок 1. Комментарий к новости с негативной имплицитной коннотацией, получивший положительную оценку читателей

Посредством комментария, представленного на рис. 1, автор сообщения иронично отзывается о прочитанной новости, описывая звуки аплодисментов, а потом саркастически назвав их «бурными». Далее Сергей Щеглаков упоминает *новые* налоги и штрафы, тем самым, намекая, что социальная защита одних граждан России будет осуществляться за счёт денег других россиян, уплачивающих штрафы и налоги, которые, по мнению комментатора, правительство предусмотрительно введет в ближайшем будущем, чтобы не использовать деньги из федерального бюджета.

Рисунок 2. Комментарий к новости с негативной имплицитной коннотацией, получивший положительную оценку читателей

Автор данного комментария (рис. 2) также намекает на попытку государства лишить финансов своих граждан за счет введения новых налогов, увеличения цен на различные товары народного потребления и штрафов, тем самым, подчеркивая недобросовестность высокопоставленных лиц в отношении более бедных слоёв населения. При этом комментатор публикует сообщение под говорящим псевдонимном «Непоймайка Непоймайкин» —

имплицитный смысл данного имени предполагает, что модераторы не смогут обнаружить данного пользователя, имеющего революционные настроения в отношении проводимой верховным руководством России политики.

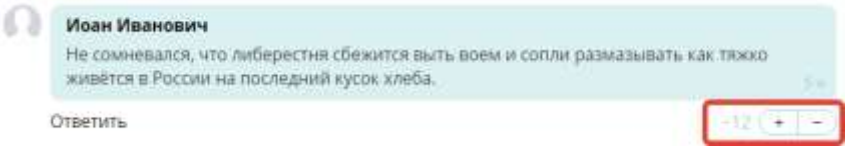

Рисунок 3. Комментарий к новости с негативной имплицитной коннотацией, получивший отрицательную оценку читателей

Силлогизм данного комментария заключается в подчеркивании фейковости и/или бездумности ответов, которые призывают не соглашаться с политикой государства, а также умалении высказываемых оппонентами проблем. Использование эмоционально-экспрессивной лексики разжигает переживания оппонентов, которые в ответ на данное сообщение ставят «дизлайки» (символы, демонстрирующие несогласие или негативное отношение к контенту). Политический жаргонизм «либерестня» (грамматика из анализируемого комментария сохранена) интерпретирует комментарии противников президентского решения как беспочвенные обвинения в адрес верховного руководства. Слова *«выть воем и сопли размазывать как тяжко живётся в России на последний кусок хлеба»* символизируют чрезмерную гиперболизацию проблем оппонентов, а именно, подчеркивают то, что в настоящий момент, помимо *«куска хлеба»,* в продуктовых и иных магазинах есть в широком доступе любые товары, необходимые населению, в то время как в определенные периоды в СССР и военное время на прилавках не было никакой продукции, боле того, в условиях дефицита с целью рационирования еду население приобретало по карточной системе. В данном комментарии, согласно концепции

О.В. Лариной, в роли имплицитного способа выступает упоминание исторических реалий, что создает сразу две пресуппозиции — экзистенциальную, связанную со знанием истории, и лингвистическую, предполагающую знание семантики определенных языковых средств [Ларина 2009: 184].

Наименьшие отклики и равнодушие читателей вызывают эксплицитные тексты, которые характерны своей многословностью, так как автор старается максимально подробно объяснить свою позицию, чем лишает комментарий имплицитности.

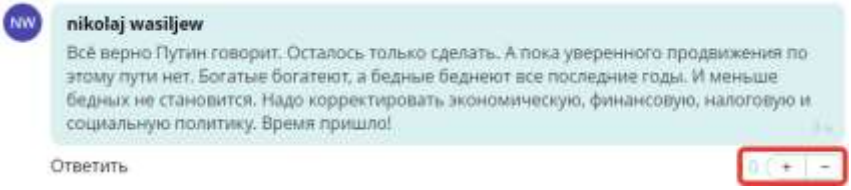

Рисунок 4. Комментарий к новости с позитивной эксплицитной коннотацией, не получивший оценок читателей

Соответственно, одним из фундаментообразующих свойств имплицитности сообщений, обнаруженных в Интернет-дискурсе, является такая дихотомическая характеристика, как лаконичность высказывания и количество откликов на мнение адресанта. А именно, комментарии с имплицитным смыслом отличаются «лапидарностью», при этом количество ответов на них или оценок выше, чем у предложений с эксплицитной информацией.

Исходя из свойств имплицитной коммуникации, используемой в Интернет-дискурсе, можно выделить такие её признаки, как лаконичность, экспрессивность и популярность среди читателей. При этом популярность оценивается не только с учётом количества положительных, но и отрицательных ответов и «лайков».

Вывод. Интернет-дискурс подвержен тщательному мониторингу, что детерминирует использование многими пользователями имплицитных высказываний, позволяющих избегать обнаружения, модерации и последующего привлечения к административной или уголовной ответственности на неприемлемый контент, который способствует революционным, деструктивным, девиантным и другим негативным тенденциям в обществе.

В процессе SEO-оптимизации поисковых систем, ориентированных на обнаружение и модерацию неприемлемого контента с имплицитной коннотацией целесообразно обращать внимание на такие признаки, как: количество «лайков», «дизлайков» и ответов на сообщение; наличие эмоционально-экспрессивной и обсценной лексики, а также всех их производных; имена зарегистрированных пользователей, имеющих имплицитный смысл, и исключение возможности публиковать сообщения незарегистрированными читателями; объем сообщения: как правило, чем лаконичнее текст, тем чаще он имеет имплицитный смысл.

Литература

Беляева И.В. *Феномен речевой манипуляции: лингвоюридические аспекты*: [монография] / И. В. Беляева. — Ростов-на-Дону: Изд-во Северо-Кавказской акад. гос. службы, 2008.

Ларина О.В. *Функционирование имплицитных средств темпоральной локализации действия в англоязычном дискурсе*: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Ларина Ольга Всеволодовна; [Место защиты: Моск. гос. лингвист. ун-т]. — М., 2009.

Ларина Т.В. *Основы межкультурной коммуникации* [Текст]: учебник: [для студентов, обучающихся по направлению подготовки бакалавров «Лингвистика»] / Т.В. Ларина. — М.: Академия, 2017.

Путин назвал низкие доходы граждан главным врагом России. Статья от 12.10.2021. Режим доступа: https://ru.rt.com/jndx. Дата обращения: 13.10.2021.

Сорокина Т. *Семиотическая природа естественного языка в свете теории инференции* // М.: Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. №652. С. 246–257.

Тематические доминанты православной медиапроповеди: к постановке проблемы

Макарова А.С.

(Москва, Россия)

Каждому из институциональных дискурсов присущи уникальные языковые особенности, обусловленные экстралингвистическими факторами: прагматика коммуникации, ее пространственно-временные характеристики, социо-историко-культурный контекст (О.В. Ломакина). Например, влияние массмедиа в отличающемся консерватизмом православном медиадискурсе проявляется в бóльшей свободе речетворчества коммуникантов, а «проблемы понимания, восприятия, доходчивости языка Церкви, который сочетает общехристианское с особенным, традиционное с инновационным в текстах как православной проповеди, так и интернет-проповеди, относятся к наиболее дискуссионным вопросам современного языкознания» [Макарова 2019: 49].

Изучением жанра православной проповеди занимаются такие отечественные языковеды, как И.А. Истомина, Т.В. Ицкович, И.В. Петрушко, О.А. Прохватилова, Н.Н. Розанова, В.А. Салимовский и др. В то же время проблема языковых особенностей православной медиапроповеди и её тематических доминант требует изучения. Соответственно, целью данного анализа является медиапроповедь, или интернет-проповедь, отличающаяся медийностью от обычной институциональной проповеди.

Для анализа нами взята проповедь, произнесенная священником в храме в день празднования Воскресения Христова, записанная и выложенная в Интернет, который рассматривается нами как канал связи или распространения информации, позволяющий услышать ее или прочитать неограниченному количеству пользователей (материал исследования выложен на сайте «Собрание проповедей протоиерея Андрея Ткачёва»[6]).

Экстралингвистические факторы подвигают священника на определенную импровизацию, в данном случае это действительно медийный контент, продукт коммуникативного события в режиме реального времени. Медиапроповедь имеет формат аудиозаписи и печатный формат, который сопровождается медийным компонентом, (неотъемлемая часть медиатекста) и соответствует тематике выступления — Пасхальное яйцо (рисунок 1).

Рис. 1

Если рассматривать композицию речевого медиапроизведения как некий каркас, где все составляющие призваны привлекать внимание адресата, удерживать его и управлять им, и где каждый компонент соответствует его

[6] *https://www.andreytkachev.com/category/audio/*

значимости и роли, которые обусловлены коммуникативной лингвопрагматикой, то в православной проповеди наблюдается соединение предметного и духовного содержания, то есть «вся предметная тематика подчинена единой духовной теме, главной и обязательной в тексте любой проповеди» [Ицкович 2016: 123].

По нашему мнению, тематическое поле анализируемого проповеднического текста — это Воскресение Христово, смысл которого в победе над смертью и даровании человеку вечной жизни. Очевидно, что актуализируется данный феномен через Пасхальное приветствие, с которого священник начинает проповедь и им же её заканчивает (1 раз в начале проповеди, 2 раза в конце). Протоиерей Андрей Ткачев произносит ***Христос Воскресе!*** на церковно-славянском языке, одновременно соблюдая церковную традицию, настраивая аудиторию и обозначая таким образом тему проповеди. Вместе с тем священник продолжает свое Пасхальное обращение не совсем стандартно, хотя и традиционно: «***Дорогие братья и сестры, в этих двух словах все сказано (Христос Воскресе!*** А.М.***); поэтому какие могут быть проповеди?***». Эффект неожиданности, возникающий в результате выбранной речевой стратегии, достигнут, однако затем проповедник общается с аудиторией после такого неожиданного вступления в течение 16 минут, что подтверждает ключевую коммуникативно-прагматическую функцию проповеди — быть глубоким и духовно сокровенным диалогом о диалоге.

В первую очередь подчеркнем, что для реализации прагматических целей (привлечение внимания прихожан/пользователей, объяснение Библейских смыслов или Христианского вероучения, поучения, наставления и т.д.), которые являются основными и «предполагают применение соответствующих коммуникативных стратегий и тактик (<…> в проповеди — побуждение к действию, апелляция к сфере эмоций и нравственному чувству

слушателя)» [Малафеев 2013: 39], проповедник использует большое количество прецедентных имен, придающих его речи авторитетность и убедительность, так как все они восходят к текстам Ветхого и Нового Заветов. Для наименования Бога в первую очередь это — *Христос* (15 раз, из них *Иисус Христос* — 1 раз) → *Господь* (14) → *Бог* (9) → *Имя Воскресшего Иисуса* (5) → *Сын Божий* (2) → *Имя Сладчайшего Иисуса Господа* (1) → *Иисус* (1), но также используется много субститутов для наименования Иисуса Христа: *Невидимый, Кто, Который, Он, Он Сам, Продаваемый, Сам, Ты, Того*. Концепт «Бог», «являющийся константой религиозного сознания русского православного человека, мир которого — теоцентрический (имеющий Бога в качестве «точки отсчета»)» [Калькова 2009: 89], представляет собой также базовый культурный концепт, который лежит в основе формирования мировосприятия и сознания русского человека. Однако христоцентричность православия, празднование Воскресения Христова лежат в основе доминирования именований Иисуса Христа в рассматриваемом медиатексте. Помимо этого, тема получает вербальное выражение через такие особые лексемы, как Царствие Божие (4 раза, из них Царствие Небесное — 1 и Царствие Твое — 1); Пасха (1 раз), Пасхальная ночь (1), Пасхальная служба (1); Евангелие (2), Святые Пророческие Писания (1), «Песнь Песней» (1), Пасхальное Благовестие (1), Огласительное слово Иоанна Златоуста (1); Воины Христовы (1), Образ Божий (1); Церковь Божия (1), Церковь Святая (1).

Содержание проповеди находит свое выражение в тематических доминантах, которые делятся на тематические группы, при этом номинационные цепочки (термин В.Г. Гака) преобразуются в тематические цепочки (термин Т.В. Ицкович), поэтому обратимся к тематической структуре проповеди, где нами выделено четыре тематические доминанты, посредством которых реализуется речевая

стратегия говорящего и которые помогают определить смысловое ядро медиатекста.

Первая тематическая доминанта, иллюстрируемая метафорой «<…> *я поздравляю тех, кто впервые сегодня причастился. Вы, так сказать,* ***вскочили в уходящий вагон последнего поезда****. И — Слава Богу!*», касается спасения через Причастие. Вторая — говорит о начале жизни заново для отчаявшихся исправиться и начале новой жизни для впервые причастившихся. Здесь обнаруживаются образные сравнения, цитация Евангелия, наименование Иисуса Христа: «*Есть такие люди, которые уже отчаялись исправиться («А!* ***Пропадай моя телега, все четыре колеса!***») и ***живут как свиньи****. Вот этим людям,* ***потерявшим Образ Божий****, но не отчаявшимся его восстановить, сегодня хочется пожелать, чтобы они поднимались во* ***Имя Воскресшего Христа*** *<…> Он пришел — дать нам* ***Жизнь****. И дать нам* ***Жизнь*** (*добавляется*) — «***с избытком***». Третья тематическая доминанта — это жизнь во Христе или Жизнь с избытком. Данную тематическую доминанту мы разделили на тематические группы. Первая тематическая группа о благодати: «*И эта благодать подается всем людям*», следующая касается проблемы жизни во Христе, которая есть ничто иное как война с грехами, и мысль эта доводится до прихожан намеренным повторением лексем *грехи* и *война* и приёмом парцелляции: «*Бросайте* ***грехи*** *свои! <…>* ***война*** *— без огорчений, без слез, без проигрыша, без падений — не бывает. А мы —* ***войну*** *ведем*». Четвертая тема посвящена Пасхе и содержит поучение и призыв, которые вербализуются через многократное повторение лексем *радость* и *воскресение*, цитацию, аллюзии, образные сравнения, синтаксический параллелизм: «*Мы Пасху празднуем пятьдесят два раза в год. Каждое* ***воскресение****. И вы сегодня, если почувствовали* ***радость****, то должны понять, что та же самая* ***радость*** *(не другая!! та же самая!!) — она дается каждое* ***воскресение***

человеку. Может быть — не так интенсивно. Может быть — не так бурно. Может быть — не так полноводно. Но — это та же самая ***радость****».*

Исходя из того, что обязательное условие цельности текста — это тематическая связность, очевидно, что она носит явно тематический характер и определяется замыслом и ~~коммуникативной~~ прагматикой автора. Для проповедника важно донести смыслы, заложенные в теме обращения, в которых сама тематика представляется результатом осмысления, обобщающим содержание проповеди.

Анализ медиапроповеди показал, что тематические доминанты представляют собой «понятый и эксплицированный замысел автора, реализованный в словах и декодированный на основе смысла» [Ицкович 2016: 120], который и в данной проповеди эксплицируется через главную мысль ***«Он — воскрес для нас; и мы должны посадить это в сердце, как семечко, и дать семечку прорасти»***. Отметим в итоге, что «православный медиадискурс, основывается на определённой системе архетипов и концептов, которые реализуются в дискурсивной практике через свойственное именно этому дискурсу семантическое наполнение» [Макарова 2021: 566-567], которое реализуется через употребление большого количества библейских прецедентных имен, придающих авторитетность и убедительность речи священника; эксплицитное и имплицитное цитирование Библии, многократный повтор лексем, связанных с тематическими доминантами.

Литература

Ицкович Т.В. Жанровая систематизация религиозного стиля на коммуникативно-прагматическом и категориально-текстовом основаниях: дис. … докт. филол. наук: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. Екатеринбург, 2016. 387 с.

Калькова О.К. Концепт *Бог* в русской языковой картине мира (основные компоненты) // *Лингвокультурология*. *Вестник ЦМО МГУ*, 2009. № 1. С. 89–91.

Макарова А.С. Языковые особенности православной интернет-проповеди // *Славянские лингвокультуры в пространстве и временном континууме: сборник научных статей* / редкол.: Е.В. Ничипорчик (гл. ред.) [и др.]: Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины, Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь, Российский центр науки и культуры в Гомеле. — Гомель: ГТУ им. Ф. Скорины, 2019. С. 48–62.

Макарова А.С. Когнитивные исследования языка / Вып. №3 (46): *Язык и мышление в эпоху глобальных перемен: материалы Международной научной конференции по когнитивной лингвистике. 2-4 июня 2021 г.* / отв. ред. вып. А.В. Иванов. — Москва: ФЛИНТА, 2021. С.565–568.

Малафеев А. Ю. Современная православная проповедь и общественная лекция: лексика и прагматика // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2013. № 5 (26). С. 37–42.

Advantages of Functional Transformation Method as Applied to Analysis of Sense Formation

Malakhova V.L.

(Russia, Moscow)

The problem of meaning formation is significant and keen in linguistics. Scientists aim at identifying the factors determining formation and transformation of discrete meanings into an integral sense, as well as at comprehension and interpretation of this sense by communicants [Haugh, Jaszczolt 2012]. In our research, we consider meaning in terms of functional linguosynergetics and understand it as a nonlinear, open, dynamic system interacting with the discourse system and other systems external to the discourse. This proves that sense is not a frozen, fixed correlation of semantic and syntactic links between linguistic structures but is a steady movement, a dynamic

development of relations in discourse space, integration of separate meanings. In this regard, the idea expressed by many scholars that the sense conveyed by a message is greater than the sum of meanings represented by words becomes rather relevant [Belyaevskaya 2008; Ponomarenko 2013; Khramchenko 2019].

Meanings formed by communicants can be divided into nuclear (initial, core) and derivative ones [Levinson 1995]. The core semantic structures undergo some transformations under the influence of discursive factors. Due to newly attached meanings in a certain space they can change their initial meaning and form new relations and sense. In the process of forming or interpreting sense, outward structures are transformed into inward ones; this leads to representation of an implicit meaning and development of an initial meaning. Emerging occasional meanings function along with usual ones; then they begin to separate from them, gradually acquiring more independence [Belyaevskaya 2008: 69]. Some meanings may appear but further disappear again.

Transformation of meaning can be represented as a modification of meanings of linguistic units or elements, which impacts communicative goal reaching. It is based on the property of changeability of meanings due to the semantics of linguistic units, syntactic relations between the components of an utterance and their pragmatic functioning in discourse. These modification factors, or transformation operators, impact sense formation. Let us analyze three discourse fragments in which the sense is formed by the word combination *out of wood*.

(1) Mr. Schryhart, on the contrary, for all the heat, appeared quite hard and solid, as though he might be carved out of some dark wood (T. Dreiser "The Titan").

(2) He wondered what on earth would happen to them without him; for he had not had time to tell the dwarves all that he had learned, or what he had meant to do, once they were out of the wood (J.R.R. Tolkien" Hobbit").

(3) Here I've been struggling to keep our heads above water, and before we're out of the wood you go and bring home a motor-car on tick. We ain't lords and millionaires, Chris, we're ordinary people (R. Greenwood "Mr. Bunting").

In the given abstracts the same expression creates three absolutely different meanings transformed into different senses building up the certain semantic discourse space. Thus, the semantic meaning of the noun *wood* denoting 1) *a hard substance that form the branches and trunks of trees and can be used as a building material, for making things, or as a fuel* and 2) *an area of land covered with a thick growth of trees* (Cambridge Dictionary) under the influence of contextual factors develops into logical-semantic meaning *building material* in (1) and *forest* in (2). Functional synergy of the discursive components helps the logical-semantic meaning to increment a pragmatic meaning and to transform into pragmasemantic meaning — *the comparison with some material* in (1) and *the location* in (2). Moreover, the metaphorical usage of the combination in (1) transforms the meaning into the communicative and pragmatic meaning — expression of *the physical and emotional condition* of the character and his *behaviour*.

In example (3) the contextual factors activate neither of the presented semantic meanings of the expression *out of wood*. In this case the word combination is a phraseologically represented concept *be out of the wood(s)* which means *no longer be in danger or difficulty* (Cambridge Dictionary), so it has the indirect semantic meaning *something hard* and forms the pragmasemantic meaning *a hard situation or even long period of time the family got into and cannot get out of*. The communicative and pragmatic meaning here expresses *the attitude of the author of the discourse towards the actions and behavior of the partner — disapproval, disappointment, annoyance, and to some extent indignation.*

So we see that due to the operator or set of operators applied to the meaning formation in the exact discourse, we

observe different meaning transformations which result in creation of different senses.

In our research we suggest a promising method for studying meaning formation, increment of additional meanings and meaning transformation is the method of functional transformation, covering a wide range of processes in communication and human cognitive activity. The method aims at disclosing the meaning modification through a combination of properties of its structural and functional organization. Moreover, specifying the initial correlation between meanings, the method reveals how the meaning adapts to the discourse space, to the changing conditions of the communicative situation, and what factors and patterns affect the modification in the structure and functions of the transformed meaning.

The method of functional transformation analyses core meaning and relations between discourse components; transformation of the meaning implies the increment of additional linguistic and extralinguistic aspects that rebuild and enrich linguistic structures, still preserving the basic meaning unchanged. This helps clarify the relations between structures, concretize (narrow or expand) the meaning and, as a result, eliminate the ambiguity of the meaning, revealing implicit meaning shades and links. The method is a tool for decoding information and forming discourse semantic space.

The algorithm of meaning transformation can be presented as follows. The semantic system comes to a non-equilibrium state due to internal (intention, emotion) or external (communicative situation) energy (information). This disordered (deregulated, chaotic) state is neutralized by the coordinated (coherent) interaction of parts of the system (meanings). As a result, the meaning is transformed (a new system state emerges), and it can differ somehow from the initial meaning. The driving force of meaning transformation, as we see, is complex, synergistic interaction of all elements of discourse semantic space.

The method of functional transformation analyses two aspects of the meaning — inward (structural) and outward (functional). The inward side is formed by logical and semantic and syntactic meanings, the outward one — by pragmasemantic meaning. The internal meaning content is influenced by external factors when transformed. Although the structural and functional aspects of meaning are interdependent, the primary influence of the outward aspect is obvious: it modifies the properties and characteristics of the inward content and certain functions are promoted. In turn, it changes the form and way of information transfer. Here we can trace the connection between the method of functional transformation and functional linguosynergetics, which mainly focuses on the complex systemic nature of linguistic phenomena and processes, the mechanism of their emergence and development. Since transformation of meaning is based on interaction of elements, components, subsystems of different levels, the method of functional transformation allows us to specify the way of new integral semantic system formation through interactive cooperation (coherence) of subsystems.

As we can see, the functional transformation method is complex. On the one hand, it identifies the properties and direct meaning of linguistic units in the process of communication. On the other hand, it takes into account factors and additional elements, due to which the core meaning increments additional shades depending on the specific communicative situation. Furthermore, the method focuses on intentional, social and communicative factors, pays attention to the interaction between partners in the process of information exchange. It is safe to say that the method of functional transformation takes into account the correlation of all aspects of meaning formation in communication.

Thus, the method of functional transformation represents a complex pragmasemantic meaning derived from logical and semantic and syntactic meanings through a certain set of transformation operations. Logical and semantic and syntactic

meanings, being nuclear, describe a core situation. Exposed to obligatory and optional linguistic and extralinguistic factors, they are transformed into complex pragmasemantic structures and relations. The method of functional transformation, aimed at analysing a meaning formed by linguistic elements in discourse system, identifies basic nuclear meanings, transformation operations they are subject to and the order of these operations. In other words, the functional transformation method reveals the dynamic process of overlapping a linguistic code and pragmatic, extralinguistic, one.

The method of functional transformation reveals the complexity and dynamics of meaning formation, clarifies changes in its structure and functioning under the influence of many factors. Meaning can be modified according to several principles: changes in meaning volumes of discrete elements (narrowing/expanding); changes of conditions of the communicative situation (concretization/generalization); changes due to external causes (social, cultural, psychological, etc.); changes due to internal causes (linguistic).

The method of functional transformation helps study both structures of meaning representation and ways of its understanding, processing and interpretation in discursive activity. The method reflects the "reaction" of meaning as a living system on the influence of the external reality, due to which it can be modified and restructured.

Литература

Belyaevskaya E.G. Semantika v treh paradigmah lingvisticheskogo znanija: (Kriterii vybora metoda) [Semantics in three paradigms of linguistic knowledge: (Criteria for choosing a method)] // *Paradigmy nauchnogo znanija v sovremennoj lingvistike: Sb. nauch. trudov [Paradigms of scientific knowledge in modern linguistics: Proceedings]*. Moscow, 2008. P. 64-81 (in Rus.).

Haugh M., Jaszczolt K.M. Speaker intentions and intentionality // *The Cambridge handbook of pragmatics* / Ed. by K. Allan & M.K. Jaszczolt. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 87-112.

Khramchenko D.S. Functional-linguistic parameters of English professional discourse. *Professional discourse & communication*. 2019. N 1(1). P. 9-20. DOI: https://doi.org/10.24833/2687-0126-2019-1-1-9-20.

Levinson S.C. Three levels of meaning // *Grammar and* Meaning / Ed. by F. Palmer. Cambridge University Press, 1995. P. 90-115.

Ponomarenko E.V. O funktsional'noy samoorganizatsyi rechevykh sredstv v angliyskom delovom discourse [About functional self-organization of verbal means in English business discourse] // *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta [Vestnik of Samara University. Humanities series]*. 2013. N 5(106). P. 80-84 (in Rus.). Retrieved from: https://journals.ssau.ru/hpp/article/view/3382/3283 .

Репрезентация реалий Нового Света в микротопонимии Испании

Мартыненко И.А.

(Россия, Москва)

Используя преимущества диахронической перспективы, предлагаемой географическими названиями, можно наблюдать, как определенные элементы природного, культурного и исторического ландшафта Испании отражают достижения испанских завоевателей в Северной и Южной Америке. Их можно восстановить посредством топонимического анализа, основанного на расшифровке этимологии географических названий и морфологическом разборе единиц, а также при наблюдении за развитием географической номенклатуры региона и при обращении к историографическим источникам.

Широко известно влияние испанской культуры на страны, побывавшие когда-либо испанскими колониями. Оно в разных регионах в разной степени ощутимо и в современную эпоху и отражено в мировой испаноязычной топонимии за пределами Испании.

Однако существует и обратная связь: нами выяснено, что реалии, с которыми столкнулись испанские конкистадоры в Новом Свете, затем отразились в топонимии Испании.

В эпистемологии (философско-методологической дисциплине, исследующей знание как таковое) репрезентация — это представление познаваемого явления с помощью посредников — моделей, символов, вообще знаковых, в том числе языковых систем [Микешина 2005: 92]. Топонимический класс, активнее всего откликнувшийся на репрезентацию заокеанских достижений испанцев — урбанонимия: чаще всего в Испании подобные реалии отражены в названиях отелей, улиц и площадей.

Территориально подобные топонимы сосредоточены, как правило, на юге Испании — в Андалусии и на Канарских и Балеарских островах. Мы связываем этот факт с началом и завершением испанских экспедиций именно в этих регионах.

Микротопонимия Испании, апеллирующая к эпохе завоеваний и открытий, содержит как ***автохтонные*** языковые единицы (напр., реки *Arroyo del Perú* в Андалусии и в Кастилии и Леоне, отель *Perú Playa* в г. Пальма; отель *Panamá* в г. Жирона; отели *Bahamas, Fiesta Club Bahamas* на Балеарских островах), так и ***чисто испанские*** единицы, не являющиеся гибридными номинациями (напр., *Jardines de la Argentina* — сады в Сеуте; столичные отели *Hostal Hispano Argentino, Argentino, Hispano Argentino,* а также отель *Villa La Argentina* в г. Вальдес, Астурия; парк *Parque Islas Filipinas* в Мадриде).

Антропотопонимы, будучи одной из самых многочисленных групп в топонимии любого региона, превалируют и в данном узком «инверсивном» аспекте.

С помощью системы GeoNames на карте Испании нами обнаружено 52 единицы с формантом *Colón*. И в Северной, и в Южной Америке мы выявили множество геономинаций в честь легендарного мореплавателя, первым из европейцев

пересекшего Атлантических океан. И несмотря на то, что в Испании при жизни Колумба его достижения не были оценены по достоинству, сегодня его именем названы пляж в Санта-Крус-де-Тенерифе, залив на Балеарских островах, парк в Мадриде, площади и отели по всей стране, театр в г. А-Корунья и др. микротопонимы. Иногда топоним содержит имя и фамилию морехода полностью: г. *Cristóbal Colón* в г. Мелилья, отель *Cristóbal Colón* в г. Пальма. В языковом отношении примечательны наименования острова *Isla Colom* и населенного пункта *Porto Colom* на Балеарском архипелаге. Остров Колом назван в честь Христофора Колумба, потому что тот обнаружил его во время одного из плаваний и организовал здесь станцию снабжения. Рыбацкая деревушка Порто-Колом на Майорке, бывшая когда-то портом города Фелантитикс, названа в честь путешественника, т. к., по версии, альтернативной генуэзскому происхождению Колумба, он родился именно здесь [https://www.affordablemallorca.com/insights/portocolom]. Фамилия открывателя Америки адаптирована в этих геоименах балеарским диалектом каталонского языка.

Следует отметить, что наименований в честь других известных мореплавателей на карте Испании нами обнаружено значительно меньше: в честь Фернана Магеллана *Caño Magallanes* — судоходный канал в Андалусии и отель *Hospedaje Magallanes* в г. Сантандер; в честь Хуана Себастьяна Элькано — *Plaza de Sebastán Elcano* в г. Мурсия; в честь Хуана де ла Коса — отель *Juan De La Cosa*; в честь Андреса де Урданеты — г. *Urdaneta* в Стране Басков.

Отдельный небольшой, но показательный пласт испанской урбанонимии посвящен латиноамериканским деятелям литературы и искусства, например парк *José Martí* в г. А-Корунья в честь кубинского поэта, писателя и публициста Хосе Марти, театр *Teatro Pablo Neruda* в г. Гранада в честь чилийского поэта и дипломата Пабло

Неруды. Парк *Víctor Jara* в г. А-Корунья, театр *Teatro Víctor Jara* в г. Лас-Пальмас увековечили имя Виктора Хара, чилийского театрального режиссера, певца, барда, танцора, политического активиста и члена коммунистической партии, убитого путчистами в 1973 г. [Чеснокова et al. 2020: 77].

Среди антропотопонимов рассматриваемого типа мало номинаций по именам выдающихся политических деятелей заокеанских испаноязычных территорий. Мы полагаем, что это объясняется направленностью деятельности большинства из них на борьбу за независимость от Испании. Однако нами зафиксирован один пример номинации в честь латиноамериканского политика: улица Сальвадора Альенде есть не только в г. Москве (Россия) и в г. Гавре (Франция), но и в Испании: площадь *Plaza Salvador Allende* находится г. Гранаде. С. Альенде четырежды баллотировался на президентских выборах в Чили и в 1970 г. стал законно избранным главой государства [Чеснокова et al. 2020: 64].

Топонимы-тезки Испании содержат в своем перечне названия некоторых штатов США, например наименования отелей в Андалусии, Каталонии, Канарских и Балеарских островах часто опираются на формант *California*: *California, California Palace, California Garden, California Apartamentos Turísticos, Pamplona y California, Coral California Apartamentos* и др. То же касается штата Аризона — отели в Каталонии и на Канарских островах таким образом привлекают туристов: *Arizona, Sunway Arizona, Bungalows Arizona.*

Ряд номинаций отражает ***агроландшафт и ведение с/х деятельности***, принятые в Северной и Южной Америке. Например, *Pampa* — название степной местности на юго-востоке южноамериканского континента. Государствами, чью территорию затрагивает пампа, являются Аргентина, Уругвай и Бразилия, где пампа используется главным образом для скотоводства. На

Балеарских островах находим отели *La Pampa, Apartamentos La Pampa.*

Испаноязычный топоформант *Rancho* крайне продуктивен в Новом Свете. Это один из наиболее распространенных методов ведения сельского хозяйства, получивший широкое распространение в странах Западного полушария в ходе колонизации Америки [Мартыненко 2015: 96]. В испанском городе Тиас (о. Лансароте) находим парк развлечений *Rancho Texas Lanzarote, Rancho Villa* — город в Андалусии, *Rancho de La Mejorada* — название фермы в Севилье.

Таким образом, можно заключить, что в многообразии топонимической системы Испании отражены различные этапы истории и культуры страны, в частности отдельный пласт занимают реалии, связанные с покорением земель на северо- и южноамериканском континентах.

Литература

Мартыненко И. А. Испаноязычные топономинации США: лингвопрагматический анализ. Дисс…канд. филол. н. М., 2015. 230 с.

Микешина Л. А. Философия науки. Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учеб. пособие. М.: Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2005. 464 с.

Чеснокова О. С., Радович М., Талавера Ибарра П.Л. Словарь персоналий Тихоокеанского альянса. М.: РУДН, 2020. 349 с.

https://www.affordablemallorca.com/insights/portocolom

Об особенностях функционирования фразеологических единиц в британском медиадискурсе

Машкова Л.А.

(Россия, Москва)

Изучение особенностей функционирования фразеологических единиц в британском медиадискурсе даже на самом начальном этапе неизменно способствует пониманию общей фразеологической картины мира британского этноса. Исследователи отмечают, что основная трудность изучения языка медиа заключается в том, что он является многожанровым и отражает многие стили языка. В медиатекстах отражены практически все функциональные стили; так, очерк и фельетон имеют признаки художественного стиля, статья или заметка могут быть написаны с элементами научного или официально-делового стиля. В новостях и при транслировании интервью на новостных сайтах может использоваться обиходно-разговорный стиль и сленг. В современных британских медиатекстах нередко наблюдается переход от функции передачи сообщения к экспрессивной функции речи, функции эмоционального воздействия. Представляется, что именно данный фактор определяет наличие немалого количества фразеологизмов, паремий, ярких стилистических фигур речи, которые не только украшают медиатекст, но и отражают лингвокультурные особенности этноса современной Британии.

В ходе рассмотрения особенностей функционирования фразеологизмов в медиадискурсе были отобраны примеры как из вербальных источников, так и с новостных сайтов с видео картинкой. Медиадискурс — термин относительно новый: «В самом общем виде медиадискурс — это

совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [Добросклонская 2008:152]. Как известно, СМИ традиционно реализуют две основные функции — информационную и воздействующую. Многие исследователи отмечают тот факт, что слово в массовой коммуникации обладает особой, повышенной престижностью, своеобразной магией [Володина 2008:19].

В качестве примеров было отобрано около 80 фразеологизмов из электронных версий как широкополосных газет, так и таблоидов (The Times, The Independent, The Guardian, The Sun, The Morning Star etc.), новостных сайтов на английском языке с видеорядом (www.bbc.com, www./news.sky.com/uk).

Одной из функций использования в широкополосных газетах, как показало исследование примеров, является уточнение, заострение внимания на деталях информации. Приведем примеры фразеологических языков из The Times: *to paint a fuller picture* — to give an elaborate or detailed description of something that portrays it in a specific way (добавить штрихи к чему-л., получить более полную картину)**;** *under the radar* — unnoticed, not getting attention (вне поля зрения, в тени); *make-or-break — bringing either total success or total failure, and therefore very important* — важный переломный момент, способный возвеличить или погубить кого-либо; "либо пан, либо пропал"*)*: *Afghanistan ‘at make-or-break point’ says UN as G20 ministers meet. Leaders will discuss UN proposal to channel funds to Afghanistan to ease growing humanitarian catastrophe. The UN secretary general, António Guterres, said the country was at a make-or-break moment. — На встрече министров G20 представители ООН заявили, что Афганистан находится "на грани перелома". Лидеры обсудят предложение ООН направить средства в Афганистан для облегчения нарастающей гуманитарной катастрофы. Генеральный секретарь ООН Антонио*

Гутеррес заявил, что страна переживает переломный момент. [Здесь и далее перевод мой. — Л.М.]

В публицистических, новостных статьях фразеологические единицы выполняют функцию уточнения, носят нейтральный, информативный характер. В комментариях в газетах и на сайте BBC.news можно заметить более эмоционально окрашенные фразеологизмы: *UK government's 'toothless policies' failing to protect nature. — Слабая (беззубая) политика правительства Великобритании… President Vladimir Putin said such claims were "complete rubbish… and politically motivated tittle-tattle". Tittle-tattle* — болтовня, сплетни, «перемывание косточек».

В комментариях звучит оценка, проявляется отношение пишущего или говорящего к описываемому событию.

Можно отметить, что в таблоидах и независимых газетах фразеологические единицы используются чаще. Также чаще фразеологизмы встречаются в газетах, выходящих в воскресные дни, поскольку в это время появляется большое количество дополнительных разделов различной тематики: спорт, культура, криминальная хроника, экология и т.п.

Примечательно, что некоторые фразеологические единицы имеют свою историю возникновения, приобретая с течением времени дополнительные оттенки значения. Именно к таким фразеологизмам относится *emotional rollercoaster* — a situation or experience that alternates between making you feel excited, exhilarated, or happy and making you feel sad, disappointed, or desperate): *The emotional rollercoaster of living abroad* (название статьи на www.BBC/com).

В примерах из независимых газет тональность фразеологических единиц, описывающих эмоциональный характер события, приобретает ярко выраженный характер: *not a dry eye in the house* — used to say that everyone in the audience in a theater or concert hall has tears in their eyes (у всех

глаза на мокром месте) *"... the "not a dry eye in the house" vibe of reviews…" to tickle one's taste buds* пощекотать чьи-то вкусовые рецепторы.

To be on cloud nine, to be extremely happy and excited (быть на седьмом небе от счастья) — данная фразеологическая единица является высокочастотной и встречается в статьях самых разных жанров и функциональных стилей (включая светскую хронику). Так, на сайте abc4.com/news читаем: *"For a person at the highest office in the country to acknowledge that and sign that is very rewarding. We're all happy and even today you know, we are still on cloud nine*. Ту же фразеологическую единицу встречаем в новости о результатах решения суда над Бритни Спирс: *Britney Spears: Singer 'on cloud nine' after conservatorship ruling.* Интересно, что в данном нумеративном фразеологизме употреблены разные числительные в английском и русском языках поскольку «часто в одном из языков числовой компонент в аналоге паремии не сохраняется, либо может быть использован вариант с другим числом» [Безкоровайная, Гишкаева 2020**:**105].

Приведем несколько примеров из газеты «Independent»: *Critical shortage of warehouse space adds further threat to Christmas supplies. Warehousing 'creaking at the seams' as firms struggle to find staff while space fills up. Creaking at the seams* — скрипящий по швам. *Bruit news — live: EU fears 'unprecedented' NI protocol offer will be rejected after going 'extra mile'. To go the extra mile* — приложить дополнительные усилия. *Sajed Javid denies GPs will be 'named and shamed' in plan to boost face-to-face appointments*. *Name and shame* — опозорить, публично заявить о дурных действиях.

Тональность многих использованных фразеологических единиц имеет сходство с разговорным жанром: *blew the whistle on* (донести на кого-либо), *behind closed doors,* raising questions about the agenda of the talks and

their outcome*; be at loggerhead* — ссориться; *go down in flames* — гореть синим пламенем, накрыться медным тазом, пойти ко дну; *bark up the wrong tree* — идти по ложному следу; *give someone the benefit of the doubt* — заставлять кого-то усомниться в чём-то; *add insult to injury* — сыпать соль на рану, подливать масла в огонь; *have grip on power* — захватить власть*; have a soft spot* — иметь слабое место*; cross paths at the crossroads* — на перепутье, на распутье*; aim straight for the heart* — проникать в самое сердце*; smooth out the perfect storm* –остановить Девятый вал etc.

В онлайн новостях нередко встречаются оценочные фразеологические единицы — например, в новостном видеосюжете о встрече религиозных деятелей по вопросам экологии и глобального потепления архиепископ Грэм Ашер употребляет фразеологизм *under the umbrella*: come together *under the umbrella* of Pope Frances — под эгидой Папы Франциска.

Как видим, использование фразеологических единиц в текстах, статьях и на англоязычных новостных сайтах во многом зависит от типа издания, тематики и намерения автора. «Градус» эмоциональности в большинстве примеров связан с характером новости. Как негативная, так и позитивная оценка новости становиться ярче при употреблении в ней паремий и фразеологических единиц. Тональность разнится от жанра к жанру: в интервью, например, больше разговорных, сленговых фразеологических единиц, что наблюдается и при транслировании видеосюжетов. Эмоциональность, яркость высказывания является приоритетной во всех случаях привлечения фразеологических единиц в текст и речь — при том, что степень эмоциональности и экспрессии отличается.

Стоит особо отметить, что «фразеологические единицы, отражая в своей семантике длительный путь развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы,

эталоны и архетипы» [Шкатова 2012:210]. К тому же «оживление» языка СМИ традиционно сдержанных британцев при помощи фразеологических единиц, очевидно, является одной из основных тенденций сегодняшнего дня.

Литература

Безкоровайная Г.Т., Гишкаева Л.Н. Нумеративные фразеологизмы в русском, украинском, чеченском и английском языках: лингвокультурологический аспект//Фразеология и паремиология в диахронии и синхронии (от архаизации к неологизации). Кострома, 2020. — С.104-109.

Володина М.Н. Язык массовой коммуникации — особый язык социального взаимодействия // Язык средств массовой информации: Учебное пособие для вузов. М.: Альма Матер, 2008. — 760 с.

Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М.: Флинта: Наука, 2008. — 263 с.

Шкатова В.В. Фразеологическая картина мира как объект лингвистического изучения // Вестник Ленинградского государственного университета им.А.С.Пушкина. 2012. Т.7. №1. С. 208-215.

Источники примеров:

https://www.theguardian.com/international (дата обращения 05.10.2021)

https://www.thetimes.co.uk/(дата обращения 05.10.2021)

https://www.independent.co.uk/(дата обращения 05.10.2021)

https://www.morningstaronline.co.uk/(дата обращения 15.10.2021)

https://www.thesun.co.uk/(дата обращения 12.10.2021)

https://www.idioms.online/(дата обращения 12.10.2021)

https://www.bbc.com/news/science-environment-57655098 (дата обращения 15.10.2021)

Архитектоника языка медицины

Мусохранова М.Б.

(Россия, Омск)

Под архитектоникой (от гр. «постройка; замысел; зодчество; руководство») понимается строение языка медицины, корнями уходящего в сакральные знания древних культур о человеке и об окружающем его мире в триединстве духовного-природного-социального.

Становление медицины проходило в опыте противостояния болезни, которая отличалась от других видов несчастий (война, голод, стихийные бедствия) и воспринималась как «природа зла». В этом противостоянии приобреталась мудрость, маркировавшая специальными словами результаты познавательной и лечебной деятельности, определившими пути формирования языка медицины: метафорический, мифологический, символический.

Будучи вплетенной в жизнь человека, болезнь проходит через всю историю его существования, осмысливаясь в рамках традиций той или иной культуры, которые, проявляя единство в восприятии ее как наказания свыше, расходились в плане объяснения его причин. Например, египтяне верили, что причина болезни находится вне человека и связана с действиями злых сил, для которых человек является полем битвы с добрыми божествами; вавилоняне считали причиной болезни поступки человека, совершившего грех перед божеством. Связь болезни с сатаной обозначена в книге Иова: допущенная Богом, болезнь становится испытанием веры для Иова, тогда как его друзья расценивали ее как наказание. Древнегреческие боги, хотя и могли насылать болезни, но были не в состоянии взять источник зла под

свою персональную ответственность, а потому человек был игрушкой в руках судьбы.

Следствием чувственного проживания события болезни стало восприятие ее данности на основе характерного признака, закрепленного в имени. К примеру, краснуха — rubeola (от лат. rubere «делать красным»), оспа — variola (от лат. variare — «делать пестрым, испещрять; менять, видоизменять»).

Имя болезни сохранялось в социальной и индивидуальной памяти как печать значимого, с точки зрения последствий события, чему свидетельством является термин pestis. До XVII в. pestis назывались различные моровые болезни, уносившие жизни тысяч людей, а потому воспринимавшиеся как бич Божий, катастрофа, внезапно обрушившаяся на все общество. После выделения и определения других видов инфекционных болезней термин pestis стал обозначать собственно чуму, существующую в трех основных формах: бубонной, легочной и септисемической.

В проживаемой действительности pestis осмыслялась как «зараза, повальная болезнь; дурной запах; гибель, разрушение; несчастье, катастрофа; бич, язва», ибо следствием этого события было сотрясение, катастрофа, разрушающая нравственные, семейные и социальные устои; глубочайшая рана, отметившая человеческое сознание на последующие века. Разворачиваясь во времени, pestis демонстрирует в значениях своего этимона многосложную синтетичность действительности, где проявление вредоносного начала запечатлевает свою суть в имени Pestis, а также в других именах «природы зла», передаваемых во времени и пространстве.

Итак, болезнь, являясь фактом действительности задала направление познания строения организма, продуцированное необходимостью установить место ее локализации. В архаических культурах мир, осознаваемый как высший

порядок (макрокосмос), непостижимый в своем величии и неизмеримый в многообразии, воспринимался аналогом человека (микрокосмос). Тело человека стало его образной интерпретацией, что выразилось в метафорах, включающих все данные опыта, которые приобретались с помощью органов чувств и осмысливались в рамках мировоззренческих установок. Так, в греческом anthropos «человек» очевидна зависимость «слуга, раб» (одна от Бога, множество разных от другого человека, привычки и т.д.); латинское homo «человек; честный, умный, благородный», осмыслялось также как «слабое, ограниченное существо»; corpus «мироздание», в анатомии — «тело, плоть»; labium «край», в анатомии «губа»; radius «луч, спица» в качестве термина — «лучевая кость».

Напоминание о том, что сам человек — ключ к пониманию смысла всего существующего, выразилось в надписи у входа в дельфийский храм: Nosce te ipsum («познай самого себя»). Тело рассматривалось как одеяние духа, определяющего умственное и физическое состояние. Поэтому каждая часть тела имела свое символическое значение.

В основе символа, согласно К.Г.Юнгу лежит идея, находящаяся за пределами человеческой логики, приводящая разум к порогу, за которым он должен признать свою некомпетентность, ибо невозможно дать определение «Божественному». Потому человек прибегает к символической терминологии для обозначения понятий, определение или точное понимание которых ему не подвластно [Юнг 2006: 352].

Например, слово nephros символизировало сокровенные мысли человека, в качестве термина — «почки». Cardia — средоточие чувств и страстей; символизировало душу, ее стремления, настроение, самую сущность человека; став термином, оно обозначает «сердце».

Cephale — начало, нечто главное, исток, жизнь; в качестве термина — «голова». Haema — жизнь; в качестве термина – «кровь».

Для архаического периода становления медицины была характерна теогенная картина мира, которая формировалась в рамках отношений «Божество-человек», и объяснялась символически и иносказательно во взаимосвязи духовного, природного и социального. Согласно А. Ф. Лосеву, миф это — «слово о личности, слово, принадлежащее личности, выражающее и выявляющее личность»; имя личности, абсолютно самобытной, оригинальной; имя, развернутое в истории личности». [Лосев 2008: 250]

К примеру, термин arachnoiditis (воспаление паутинной оболочки головного мозга) связан с именем Арахны, которая прославилась искусством обрабатывать шерсть, окрашивать ее в различные цвета и «рисовать иглой». Став центральной смысловой точкой мифа, имя Арахны выявляет положительное качество — трудолюбие, которое в определенных условиях (восхищение, лесть) создает почву для развития высокомерия, тщеславия, гордыни, что приводит к бесцельному и бессмысленному «ткачеству», делая род Арахны ненавистным, о чем упоминают Овидий в «Метаморфозах» и Вергилий в «Георгиках». Этот миф иносказательно говорит о перерождении, чьим символом стало имя Арахны, когда, в силу определенных обстоятельств, человек принимает облик, соответствующий его сути.

Исцеление человека сделало необходимым исследование природного мира с целью получения лекарственных средств, среди которых растения, связанные с именами божеств. К примеру, от Сатиров — сатурейя (чабер); от богини радуги Ириды — ирис; «кастрюлькой Венеры» или Нимфеей назван мак болотный. Говоря о таких растениях, автор медико-биологического трактата

сравнивает их качества с качествами божеств. [Одо из Мена 1976: 101,85]

Прообраз медицинского сообщества представлен священническим сословием, которое было наиболее образованной частью общества и транслировало сакральные знания вовне с помощью мифов, наделяя факты, события действительности символическим значением, истолковывая отношения человека с миром духовным, социальным и природным с помощью метафор. В недрах этого сословия зарождалась особая культура, чьи представители отличались даром врачевания (призвание у Гиппократа), благодаря которому формировалась основа для выделения и развития особой деятельности, названной в древнегреческом языке — iatria, чьим эквивалентом является «исцеление», имеющее телеологический смысл целостности человека (дух-душа-тело).

Есть еще одно название деятельности — хирургия, который традиционно возводят к слову cheir «рука» (+ergon «дело, труд, работа»), что указывает на символизм этого термина, передающего идею триединства силы, могущества и власти. А. Везалий в предисловии к своему труду «О строении человеческого тела» назвал хирургию «древнейшей и наиболее важной отраслью медицины», «священнейшей наукой», которой занимались цари [Везалий 1959: 9-10], воспринимавшиеся во всех древних культурах хранителями мудрости и истины.

Другое название деятельности — paedagogika обозначает «искусство ухода за больными; искусство воспитания». В ней на первый план выдвигается забота о нравственном состоянии пораженного болезнью человека, что могло стать основанием для введения другого названия деятельности — therapia «религиозное служение, почитание, культ; уважение, внимание; забота, уход, попечение; уход; забота, лечение».

М. Фуко в одной из лекций, упоминает о работе Филона Александрийского, где говорится о людях, живших в окрестности Александрии: «Если они называются терапевтами, так это потому, что они воспитаны сообразно природе и священным законам, в почитании Бытия, которое выше блага». Сравнивая терапевтов с греческими врачами Филон констатирует, что «лечение, которое они практикуют, превосходит обычное дело наших лекарей, последние заботятся о теле, они же — также и о душе» [Фуко 2007: 116, 125].

Итак, архитектоника языка медицины исходит из фактов действительности, осмысленных и заключенных в термины, которые являются структурными единицами этого строения. Сам же термин, по Аристотелю, суть средство суждения об объекте/факте, устанавливающее истинность или ложность высказывания о нем. Иными словами, сама действительность выступает контекстом для каждого термина — имени объекта/факта, которое открывает логику суждения, констатируя тем самым существование названного объекта, данного для познания и уникального в своей данности.

Овладеть языком медицины, значит войти в соприкосновение с человеческой мыслью, исходящей из глубины веков. Потому язык медицины является инструментом мыслительной деятельности, средством научения и воспитания, способствующим вхождению в профессию. При этом язык медицины не является разговорным, хотя посредством греко-латинских терминов он выражает содержание медицины и интегрирует врачей различных национальностей, говорящих на разных языках, в единое профессиональное сообщество.

Литература

Везалий А. *О строении человеческого тела*..М.: Изд-во АН СССР, 1950. .
Лосев А. Ф. *Диалектика мифа*. М.: Академ. Проект, 2008.

Одо из Мена. *О свойствах трав*. М.: Медицина, 1976.
Фуко М. *Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году.* СПб.: Наука, 2007.
Юнг К. Г. *Человек и его символы*. М: «Серебряные нити», 2006.

Представление об индивидуальности (个性 gèxìng) в китайской лингвокультуре (по корпусным данным)

Наумова К.М.

(Россия, Санкт-Петербург)

Интересно, что ещё «даосы стремились к бессмертию человеческой индивидуальности; буддизм отрицал само существование индивидуальности: для буддистов нет “я”», а человек в лице императора, вместе с Небом и Землёй традиционно входил в совокупность трёх равноправных сил, благодаря которым держится весь мир и не наступает хаос [Масперо 2004: 85]. При этом трактовка индивидуальности носителями китайского языка значительно отличается от понимания данного феномена в западной лингвокультуре, где индивидуальность возведена в ранг наивысших ценностей наряду с либерализмом и демократией. Во многом это объясняется высокой ролью семьи в Поднебесной еще со времен Конфуция, когда в основу социально-политического устройства страны был положен принцип «Пяти основных норм человеческих отношений» (五伦 *wǔlún*), который, помимо всего прочего, предполагал полное подчинение родительской воле.

Знак 性 *xìng*, который встречается среди ранних иероглифических надписей на бронзовых сосудах для жертвоприношений и музыкальных инструментах (金文 *jīn wén*), относящихся к эпохе Шан-Чжоу (XIII–IV вв. до н. э.),

имеет значение ‘природа’. Следовательно, 个性 *gèxìng* можно дословно интерпретировать как ‘природа человека’, т.е. то, что присуще и свойственно ему от рождения, его характер и натура.

Согласно лексикографическим источникам в значение 个性 *gèxìng* входят:

1) особенности характера и психического склада, отличающие одного индивидуума от другого (个性 *gèxìng*, 特性 *tèxìng*);

2) отдельная личность, индивидуум (个人 *gèrén*, 个体 *gètǐ*).

Такая трактовка этого понятия подтверждается и мнениями китайских психологов, считающих, что 个性 *gèxìng* — это уникальная сумма относительно стабильных физических и психологических характеристик личности, сформированных под влиянием определенных социально-исторических условий и выражающаяся в стереотипах поведения данного индивида [Тянь Вэньцзюй 2008]. Иначе говоря, 个性 *gèxìng* относится к устойчивым психологическим характеристикам, проявляемых личностью в обычных обстоятельствах [Тан И 2016].

Одним из ближайшим синонимов 个性 *gèxìng* 'индивидуальности' является лексема 人格 *réngé* ‘характер; личность; индивидуальность; человеческое достоинство’. Важно отметить, что в древнекитайском языке не было слова 人格 *réngé*, но существовали такие единицы, как 人性 *rénxìng* ‘нрав; человечность’, 人品 *rénpǐn* ‘моральный облик человека’ и 品格 *pǐngé* ‘характер человека’. 人格 *réngé* попало в китайский из японского языка, где оно произошло от английского существительного ‘personality’, это внешнее, социальное «я», и по смыслу оно ближе к *англ.* ‘individuality’, т.к. речь идет об индивидуальных особенностях человека, особенностях его характера [Цзян Янь 2014].

Вероятнее всего, слово 个性 *gèxìng* имело схожую историю появления, но вместе с вниманием к внешней составляющей индивидуальности также учитывалась и внутренняя, духовная личность человека, иными словами, речь может идти о единстве внешнего и внутреннего как неотъемлемых частях истинной уникальности человека.

После привлечения данных корпуса китайского языка Лидского университета и анализа порядка 600 коллокаций количественный анализ показал, что 个性 *gèxìng* чаще используется в текстах из области психологии, затрагивающих проблемы развития и воспитания личности, а также в текстах, где речь идет об искусстве и творчестве, о личной свободе и независимости. Иначе говоря, 个性 *gèxìng* используется преимущественно для описания произведений искусства, каллиграфии, авторского стиля, т.е. сфера его функционирования ограничена описаниями творческой жизни человека, той области, где китаец может выразить свои личные переживания и эмоции, создать что-то новое, выйти за некоторые социальные рамки.

Таким образом, в китайской языковой картине мира наблюдается тенденция к расширению сфер употребления лексемы 个性 *gèxìng*, особенно в вопросах самореализации индивидуальных потенций человека и индивидуальных черт его характера. Более того, в научно-преподавательской среде вопрос о воспитании новой личности стоит особенно остро, о чём свидетельствует рост публикаций по этой проблематике в последние годы. Причиной таких сдвигов, судя по всему, послужила не только глобализация с дошедшими до Китая новыми демократическими веяниями, но и готовность носителей китайской культуры, прежде всего молодёжи, интегрироваться в общемировое культурно-идеологическое пространство.

Литература

Масперо А. *Религии Китая*. СПб.: Наука, 2004.

Тан И 唐溢. Цзай гаосяо юйвэнь цзяосюэчжун пэйян сюэшэндэ цзянькан жэньгэ 在高校语文教学中培养学生的健康人格 // *Ишу цзяоюань 艺术教苑 [Художественное образование]*. № 10. 2016. P. 119—120.

Тянь Вэньцзюй 田文举. Шилунь “гэсинфачжань” юй “гэсин” чжанъян 试论“个性发展”与“个性”张扬 [О «развитии личности» и «индивидуальности»] // *Кэцзяо луньтань,чжунго кэцзяо хуансинь даокань 科教论坛，中国科教创新导刊 China Education Innovation Herald [Научно-образовательный форум, Китайское руководство по науке и образованию]*. № 4. 2008. P. 152.

Цзян Янь 蒋燕. Жэньгэдэ бэньчжи 人格的本质 [Природа личности] // *Цзяцзяо шицзе 家教世界 [Мир репетиторства]*. № 2. 2014. С. 281—282.

Война как компонент аксиологической диады *мир/война* и ее представление во французских пословицах

Нелюбова Н.Ю., Финская Т.Е.

(Россия, Москва)

В настоящее время ряд научных исследований проводится в русле антрополингвистики, которая «ставит своей целью исследовать и реконструировать по языковым данным не только историю развития человеческого сознания и мышления, но и историю человеческой культуры, цивилизации» [Гринев-Гриневич, Сорокина, 2014: 13], а культура имеет самую тесную взаимосвязь с системой ценностных координат. «Система ценностных координат любой нации заложена в различных языковых единицах, но более выразительно она представлена в паремиологическом

фонде языка, который участвует в формировании ценностных установок личности» [Ломакина, 2021: 98]. Так как каждый этнос имеет свои ценности и традиции, актуальным представляется выявление универсальных и специфичных ценностей и антиценностей на паремиологическом материале различных языков вне их генетического родства.

Отличие одного этноса от другого состоит не только в существовании или отсутствии той или иной ценности или антиценности, а в их интерпретации. Именно в этом проявляется взаимодействие языка, мышления и культуры. Целью нашего исследования является анализ функционирования элемента *война* в рамках аксиологической диады *мир / война* в пословицах французского языка.

Термин *ценность* имеет ряд значений и может варьироваться в зависимости от цели исследования. В данной статье ценность понимается как «смыслообразующие основания человеческого бытия, задающие направленность и мотивированность человеческой жизни» [Абушенко 2002: 21]. Ценности обусловлены практическим и эмоциональным опытом людей и оказывают влияние на их установки.

Разные виды ценностей часто образуют ценностные дихотомии, представляющие собой противоположные диады: *добро — зло, горе — радость, богатство — бедность*.

Материалом нашего исследования послужили французские пословицы о войне.

В качестве источника материала был выбран словарь французских пословиц и поговорок [Montreynaud, Pierron, Suzzoni 2006], в котором представленные единицы сгруппированы по тематическому принципу. Исходя из идеи о том, что названия тематических объединений пословиц отражают основные концептосферы не только

традиционные, но и современные, на основе их изучения можно получить данные о системе ценностей этноса.

Пословицы военной тематики собраны авторами словаря в рубрике «La guerre et les armes» / война и оружие, в которой представлено 47 пословиц. Рубрика состоит из двух разделов: 1. «La guerre» / война 2. «Les armes» / оружие, каждый из которых включает ряд подрубрик. Поскольку ценностная диада *мир/война* более ярко отражена в первом разделе, остановимся на нем подробно. Названия подрубрик данного раздела, их количественный состав, примеры и перевод пословиц представлены в **Таблице 1.**

Таблица 1. Подрубрики раздела «La g

ие рики	Количество	Примеры	перевод
	10	*1) Qui a fait la guerre, fasse la paix* *2) Il n'est guerre que de loyaux amis* *3) Guerre est marchandise*	*1) Заключи мир тот, к развязал войну* *2) Война существует только среди верных друзей* *3) Война — это товар (досл.)*
Солдат	8	*4) Au danger on connaît les braves* *5) La crainte [ou peur] du gendarme est le commencement de la sagesse*	*4) Храбрецы познаются опасности* *5) Боязнь солдата — начало мудрости*
/ Враг	4	*6) Plus de morts, moins d'ennemis.*	*6) Чем больше мертвы тем меньше врагов*

et batailles / и сражения	4	*7) Ville gagnée, château perdu (ville prise, château rendu)*	*7) Захвачен город — в замок*
/ Армия	2	*8) Ou le peuple vit, le camp y peut bien vivre*	*8) Там, где живет нар может быть и военны лагерь*

Проведенный анализ показал, что в первых 10 общих пословицах данного раздела присутствуют лексемы *guerre* / война (12 раз) и *paix* / мир (4 раза), то есть части исследуемой диады называются напрямую иногда в пределах одной единицы (см. пример 1), причем речь может идти не только непосредственно о войне как о военных действиях. Она может выступать также в метафорическом смысле: *A la guerre comme à la guerre* / На войне как на войне. В данном случае речь идет не только и не столько о ситуации войны, сколько о ситуации принятия важного решения, когда необходимо быстро устранить лишние сомнения.

Важно отметить, что в пословицах данной тематической группы война понимается не как запланированное стратегическое действие. В качестве потенциального врага выступают в основном коварные соседи [Montreynaud, Pierron, Suzzoni 2006: 163], поэтому пословица *Si tu veux la paix prépare la guerre* / Хочешь мира — готовься к войне, которая восходит к античной традиции (лат. *Si vis pacem, para bellum*), не является отражением реальной жизни Франции соответствующей эпохи.

В ряде пословиц мир выступает как несомненная ценность: *Mieux vaut paix que victoire* / Лучше мир, чем победа. В данной пословице *мир* противопоставляется *победе*, которая, бесспорно, является целью любой войны. Однако мир является более ценным. Данный смысл выражен с помощью аксиологического маркера *mieux vaut / лучше.* В примере 1 *мир* как ценность и *война* как антиценность обозначены не

только с помощью соответствующей антитезы, но и с помощью временных форм глагола faire / делать (зд. *вести* или *начинать* войну и *заключать* мир, помириться). В первой части пословицы, где речь идет о войне, глагол стоит в прошедшем времени (Passé composé), обозначающем законченное, свершившееся действие или его начала. Во

второй части призыв к миру выражен формой *fasse* (уст. Impératif и Subjonctif présent).

Изучение данной подрубрики позволяет также выявить сопредельные ценности, которые позволяют судить о том, как именно функционирует исследуемая диада в системе ценностей и языковом сознании носителей французского языка. Это *дружба / вражда* (см. пример 2) и *богатство / бедность* (см. пример 3). В примере 2 о войне или вражде, исходящей от друзей, которых считаешь верными, прослеживается амбивалентность пословиц и в целом человеческого сознания, в котором крайние точки аксиологических диад не всегда однозначно противопоставлены друг другу. Иногда ценность может быть представлена как антиценность и наоборот. Проведенный нами ранее анализ французских пословиц, в частности, показал, что «диада «дружба — вражда» отражает скорее диалектическое взаимодействие данных крайностей, чем пару «ценность — антиценность» [Нелюбова 2020: 120].

В примере 3 война сравнивается с товаром, то есть торговлей, которая предусматривает расходы, выгоду, обогащение одной стороны за счет другой.

Названия других рубрик раздела связаны с образами, традиционно имеющими отношение к войне. Подрубрика «soldat» включает в себя 8 пословиц. Данные примеры отражают отношения между простыми солдатами и командирами: *Bon capitaine, bon soldat* / Хорош капитан, хорош и солдат; *Le soldat combat et c'est l'officier qui porte les galons* (пословица Мартиники) / Солдаты сражаются, а галуны достаются офицерам *Cartes et dés, table de capitaine* / Карты и кости — капитанский стол. В приведенных примерах мы также можем наблюдать амбивалентность оценок: в первом случае подчеркивается важная роль командира, а в двух последних смысл сводится к тому, что победа держится на простых солдатах, тогда как все почести

достаются старшим по званию, которые, к тому же, могут проводить время не в боях, а за азартными играми.

Среди сопредельных ценностей отметим *смелость* (пример 4), которой традиционно противопоставляется *трусость,* хотя в определенных ситуациях *страх* может быть первым шагом на пути к *мудрости* (пример 5), которая также выступает как сопредельная ценность, помогающая прийти к *миру*. Последний пример показывает, что смелость не должна граничить с безрассудством, которое может создать дополнительную угрозу для жизни. Таким образом, аксиологическая диада *жизнь / смерть* также тесно взаимодействует с диадой *мир / война*, что нашло отражение и в подрубрике «ennemi» (4 единицы), о чем свидетельствует пример 6.

Подрубрики «sièges et batailles» / осады и сражения и «armée» / армия включают 4 и 2 пословицы, отражающие различные ситуации, возникающие в ходе войн (примеры 7, 8).

Проведенное исследование показало, что наименования изученных подрубрик раздела «La guerre» тематической рубрики «La guerre et les armes» словаря французских пословиц представляют совокупность образов и ассоциаций, связанных с войной в традиционном языковом сознании носителей французского языка, отраженном в пословичном фонде. Анализ содержания пословиц в аксиологическом ракурсе в том числе посредством изучения сопредельных ценностей позволил выявить некоторые особенности функционирования элемента война в рамках диады *мир / война*. Последующее изучение раздела «Les armes» / оружие дополнит полученные результаты и послужит перспективой проведенного исследования.

Литература

Абушенко В.Л. Аксиология // Всемирная энциклопедия: Философия XX век / Главн. науч. ред. и сост. Грицанов А.А. М.: АСТ, Минск: Харвест, Современный литератор, 2002. С.21-23.

Гринев-Гриневич С.В., Сорокина Э.А. Язык как средство познания и эволюции человека (к 10-летней годовщине появления антрополингвистики) // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2014.№5. С. 12-25.

Ломакина О.В. Изучение пословиц в русле ценностной парадигмы: методология исследования и критерии выделения оценочности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2021. Том 7 (73). № 1. С. 97–107.

Нелюбова Н.Ю., Ершов В.И. Тематические классификации французских и русских паремий как основа анализа ценностных ориентиров этноса //Фразеология и паремиология в диахронии и синхронии (от архаизации к неологизации) : материалы Международной научно-практической конференции (г. Кострома, 24–25 сентября 2020 г.) / под науч. ред. И. Ю. Третьяковой. — Кострома: Костромской государственный университет, 2020. — С. 118–120.

Montreynaud F., Pierron A., Suzzoni F. Dictionnaire de proverbes et dictons. Paris: Le Robert, 2006.

Syntactic Parallelism in Literary Text (from the Perspective of the Relationship between Poetry and Prose)

Nivina I.V.

(Republic of Belarus, Mogilev)

Since ancient times, the only form of artistic word has been poetic speech or poetry, and the emergence of prose became possible precisely on the basis of poetic culture. Despite the seeming simplicity and closeness to ordinary, informal speech, prose can be aesthetically more complex and broader than poetry,

and it arose as a denial of the narrowness of the poetic system of speech.

If we talk about the phenomenon of syntactic parallelism, then as a means of composition it actively influences the rhythmic and intonational organization of the text, especially in the context of the laconism of the poetic text. Symmetrical repetition and contrast have long been recognized as important artistic techniques in the theory of poetry for creating a poetic text. Most of them are embodied by parallel structures. On the whole, syntactic parallelism is used by the creators of poetry as a kind of building framework on which words and various means are strung. Providing originality of the composition, it includes conciseness and expressiveness, i.e. in fact, it acts as a compositional basis, holding «on its shoulders» the entire poetic text [Шитикова 2011; Шитикова 2013abc].

Even V.M. Zhirmunsky, a prominent Germanist and literary critic (author of the well-known study «Theory of Verse»), pointed to the fact that, against the background of the metric structure of a poetic text, the distribution of syntactic material determines the compositional arrangement of the verbal masses, while syntactic parallelism provides thematic division. Syntactic parallelism also makes compositional ordering within each individual stanza. It is important for this figure in poetry that it carries out the melodic organization of the verse. The fact is that syntactic unity is at the same time intonational unity, therefore syntactic parallelism gives a certain direction to the development of melody. Used in its complete form, syntactic parallelism forms rhythmic uniformity, and incomplete parallelism is associated with the increase, then with the decline of the rhythmic wave.

On the basis of poetry texts, a number of works on syntactic parallelism have been carried out (E.V. Artemenko, D.M. Dreeva, T.V. Areshchenko).

E.V. Artemenko studied syntactic parallelism in such a poetic genre as a song (in his dissertation «The syntactic structure

of the Russian folk lyric song», Voronezh, 1977). The main conclusion from her work is that thanks to the use of syntactic parallelism in the song text, a tendency towards the autonomy of individual verse units is realized. On the one hand, parallel syntactic parts of the song text always have structural and semantic integrity; on the other hand, their components are endowed with functional identity, which is emphasized by positional commonality.

In a study by D.M. Dreeva's phenomenon of syntactic parallelism is analyzed as a syntactic means of the structural organization of a poetic text in an epic (in his dissertation «Verse transference and syntactic parallelism as a means of creating text coherence in German epic poetry», Moscow, 1990). The material for the analysis was the epic poems of the German poet H. Heine. On their basis the author concludes that the poet widely uses syntactic parallelism to provide a connection between adjacent lines and stanzas or between stanzas within a separate chapter of an epic text. As a general result, the interpretation of syntactic parallelism is formulated as a repetition of the same syntactic model with a different or partially different lexical content within two or more lines of poetry of one stanza or a series of stanzas. This construction provides the syntactic originality of poetic speech and a high degree of cohesion and orderliness of its syntax.

T.V. Areshchenko (in his dissertation «Repetition as an expressive technique of poetic speech O. Bergholz», Minsk, 2000) interprets the syntactic parallelism as one of the varieties of syntactic repetition, seeing in it repeated reproduction of one or another syntactic structure, which serves to implement the poetic function of the text. Elements of syntactic parallelism can be word forms, phrases, sentences, built according to a single syntactic model for them. The models themselves can be completely different. This construction determines not only the compositional division and compositional unity, but also the compositional movement of the poetic text. As a result of the

interaction of syntactic parallelism with repetitions of different language levels, textual links are established «vertically» or «horizontally», thus creating an intratext compositional and semantic unity.

Along with other figures of expressive syntax, for example, enumerations [Шитикова 2016], syntactic parallelism is widely used not only in poetry, but also in prose. Prose, in contrast to poetry, is free from the inherent limitations of the latter, and this creates more opportunities for the use of parallel constructions. Parallelism has such a diverse potential that it can be the center of the semantic and expressive load of an entire text fragment.

It should be noted that although syntactic parallelism is used less often in prose than in poetry, this makes its role in the text no less significant. On the contrary, it appears precisely in those structurally significant parts of the prose text where the author's attitude to what is described is most clearly expressed.

Syntactic parallelism can be located at the beginning, in the middle, at the end of a text fragment, or permeate its entire volume with a «chain» expansion. In more complex cases, it is the framework of the «chain» syntactic construction of the macrocontext, acting in one «bundle» with several figures of syntactic parallelism, united by a common theme. «Chain» syntactic parallelism looks outwardly in such a way that several figures of syntactic parallelism collide within it, and their concatenation already fulfills an architectonic function, being able to combine information in a large fragment, to link paragraphs in a chapter. It can be a stylistic feature of the entire prose text and obey the author's intention to highlight the main theme.

For all the differences between poetry and prose, there are more similar than different features between them according to the criterion of syntactic parallelism. The features of parallelism common to prose and poetry can be considered: a variety of morpho-syntactic models, the predominance of dyads in the structural embodiment of parallelism, active compatibility with

other figures, performance of basic functions in all contextual conditions, gravitation towards microcontext. However, there are still features that can be considered fundamental differences. The first difference is a consequence of the fact that the prose text is dissected only syntagmatically — horizontally, while the poetic text has a double division — horizontal (syntagmatic) and vertical (prosodic). Syntactic parallelism turns out to be much more significant in poetry, since, participating in the prosodic vertical division, it plays the role of the frame of the poem, which has already been mentioned. In prose, the figure of parallelism is mainly realized in small volumes of text, i.e. it relatively rarely goes beyond the text fragment in the form of a paragraph.

The second fundamental difference is connected with the fact that poetry is characterized by a more generalized and concentrated approach to reflecting reality, and syntactic parallelism perfectly structures the resulting compressed volume of the line of poetry.

The following factor is also essential: the use of syntactic parallelism in both genres of the literary text can determine the individual characteristics of the style of different authors. The individual author's style presupposes the specifics of such moments as the compatibility of syntactic parallelism with other stylistic means, the accumulation and arrangement of links in the figure of syntactic parallelism, its functioning in various contextual conditions, etc. The addressee is able to decipher these moments through his own psychological reflection, and he can hardly fail to notice and perceive in the context what is marked by such a means as syntactic parallelism.

Литература

Шитикова И.В. Синтаксический параллелизм как явление с особым статусом в текстообразовании // *Вестник МГЛУ. Серия 1: Филология*. 2011. № 3(52). С. 107–114.

Шитикова И.В. Смыслоформирующий потенциал синтаксического параллелизма в текстах различной функционально-стилистической

принадлежности (на материале публицистического и художественного стилей немецкого языка) // *Известия Смоленского государственного университета*. 2013a. № 1(21). С. 96–102.
Шитикова И.В. Сопоставительное рассмотрение оппозитивных разновидностей реализации синтаксического параллелизма в художественном и публицистическом стилях // *Вестник МГЛУ. Серия 1: Филология*. 2013b. № 5(66). С. 87–94.
Шитикова И.В. Структурообразующие свойства синтаксического параллелизма в тексте // *Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. Серыя А: Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія)*. 2013c. № 1(41). С. 81–87.
Шитикова И.В. Realisation der Aufzählung in schöngeistigen und publizistischen Texten // *Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. Серыя А: Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія)*. 2016. № 2(48). С. 78–81.

Некоторые особенности выражения эмоциональности в разговорном испанском языке Венесуэлы (Карибский район)

Никифорова С.А.

(Россия, Москва)

Испанский язык, по данным Института Сервантеса 2019 является родным для 483 млн. человек, 22 млн. человек из 110 стран изучают его как иностранный[7]. Этот язык полинационален и мультивариантен, т.е. семиотическое пространство, по Лотману [Лотман 2000: 102], в котором он существует, не является однородным, что затрудняет коммуникацию как между испаноговорящими представителями разных стран, так и между теми, для кого испанский язык является родным и неродным. Важнейший

[7] https://www.cervantes.es/sobre_instituto_cervantes /prensa/2019/noticias/ presentacion_anuario_madrid.htm (дата обращения: 21.07.2021)

вопрос, возникающий в процессе коммуникации, — это совпадение понятийных оценок отправителя и реципиента. Особенно это важно в эмоциональной речи, ведь выражение эмоций всегда включает оценочную составляющую. Коммуникантам не обязательно разделять ценности друг друга. Для того чтобы коммуникативный акт стал успешным, необходимо правильное понимание эмоциональной нагрузки, которую собеседник вкладывает в передаваемую реципиенту информацию. Для этого необходимо изучать этнокультурный стиль коммуникации, или коммуникативный этностиль [Ларина 2013: 194], принятый в конкретном языке и культурном сообществе.

В данной статье рассматриваются особенности выражения эмоциональности в разговорном испанском языке Венесуэлы Карибского района без учета принадлежности отдельных лексических единиц исключительно к венесоланизмам. В процессе подготовки данной статьи, автором была проанализирована устная речь более 30 венесуэльцев (70% мужчин и 30% женщин от 14 до 75 лет), проживающих в Каракасе, Маракайе, Валенсии и, принадлежащих в основном к среднему классу (журналисты, преподаватели вузов, студенты, политики, бизнесмены). Помимо разговорной речи, примеры (около 300 эмоционально окрашенных слов и выражений) взяты из, политических, публицистических передач (дебатов), выступлений в Парламенте. Все примеры были проверены в различных лексикографических источниках: двуязычных русско-испанских и испано-русских словарях; испаноязычных толковых словарях, глоссариях диалектизмов.

Северная часть Венесуэлы, откуда происходит большинство информантов, относится, в соответствии с

картой диалектального деления испанского языка Америки[8], к Карибскому региону, что отражается не только в особенностях испанского языка, но и ясно проявляется в национальном характере. Венесуэльцы этого районе не просто шумные и веселые, что отмечают, как они сами, так и многие исследователи этого района [Ахренов 2009: 59], они характеризуются еще и повышенной эмоциональностью, а также высокой скоростью речи, которые, по нашему мнению, в целом свойственны жителям Карибского региона.

Формат публикации не позволяет произвести глубокий разбор темы, поэтому ограничимся кратким перечислением основных лексических форм выражения эмоций жителями указанного района.

Практически любая фраза, произнесенная нашими информантами в неформальной ситуации (и достаточно часто в относительно формальной ситуации, такой как: дискуссия в политической программе, речь в Парламенте и т.д.), оказывается эмоционально окрашенной.

Предмет, о котором идет речь, почти всегда приобретает эмоциональную оценку. Так, он может быть не просто большим, а огромным, его не просто много, а непременно полно, целая куча, завались:

El poco de gatos que viven en el patio. — Вся эта тьма кошек, которые живут во дворе. Вместо нейтрального: Los gatos que viven en el patio… Aquí hay frutas por carajazo. — Здесь полным-полно фруктов. Вместо: Aquí hay muchas frutas.

При этом оценка, в основном, преувеличенная. Преуменьшение встречается гораздо реже и чаще осуществляется через сравнение: No alcanza ni para matar un gato. — Очень мало, кот наплакал. No se le cae ni coquito. — Ничего его не берет.

[8] https://cvc.cervantes.es/lengua/espanol_economia/02.htm (дата обращения: 25.07.2021)

Если же предмет действительно требует эмоциональной оценки (он огромный или его полно), человек очень глупый или наглый, то он получит эту оценку в двойном размере: Esto es mucho con demasiado. — Это уже чересчур! Tenemos azúcar hasta pa' tirar p'arriba . — У нас сахара завались. Está tostado de a bola / de (a) perinola. - Он совершенно сдвинутый. Es un entrépito a cuatro tablas. - Он полный, абсолютный зануда. Es estúpido por naturaleza con todo y ropa. — Он набитый дурак. La oposición — son cuatro pelagatos. - Вся оппозиция — раз, два и обчелся (интенсификация интенсификации).

Если предмет вообще не может быть никак охарактеризован, он все равно получает эпитет «дурацкий», «законченный», «гребаный» или имеет место неоправданная гиперболизация: ¿Dónde está esta piche vaina? — Где эта гребаная штуковина? Te va a caer un palo de agua.- Ты попадешь под проливной дождь (при этом, речь идет просто о дожде.)

То же самое происходит с глаголами. Венесуэльцы Карибского района интенсифицируют практически любое самое нейтральное действие: Sale corriendo a million. — Он понесся со всех ног (вместо нейтрального «он побежал»). Lo mataron en seco. — Его прихлопнули (вместо «убили»). No le creo ni el padrenuestro. — Я не верю ему ни на грош (вместо «Я ему не верю вообще.») ¡Los técnicos están echándole bola! — Рабочие упахиваются там (вместо просто «работают»). ¡Lo encochinaste todito! — Ты все изгваздал (вместо нейтрального «запачкал»). Вместо нейтральных глаголов "aplastar", "apretar", венесуэльцы в разговорной речи предпочтут употребить apretujar, apapuchar, apachurrar и даже escachaplastar. Вместо нейтрального "tocar" они используют «jurungar» (шуровать), а умеренно эмоционально окрашенный «fastidiar» (досаждать) будет заменен на "ladillar" (пристать как банный лист).

Разговорная речь венесуэльцев, относящихся к Карибскому региону, полна междометий (¡Caramba! ¡Chévere! ¡Por Dios (y mi madre)! ¡Uff! ¡Qué polilla! ¡Zarandajos! — какое занудство, зараза! и др.), пословиц, поговорок и присказок: No le dijiste perro pero le mostraste el hueso. — Прозрачно намекнул. No aclares mucho que oscureces. — Меньше слов — больше дела! Se montó la gata en la batea. — Ну началось, закрутилось! Gastar pólvora en samuros. — Стрелять из пушки по воробьям. Jurar con un puñado de siete cruces. — Клясться и божиться. Si no estás presa, te busca la policía. — Не понос, так золотуха. Tú estás bueno para mandarte a buscar la muerte. — Тебя только за смертью посылать. A falta de pan — buenas son tortas. — На безрыбье и рак рыба. Tú no vas a enseñarle a tu papá a hacer hijos. — Цыплята курицу не учат. Qué va a estar sabiendo burro de chicle. — Разбираться как свинья в апельсинах. El que ha sido picado de culebra cuando ve bejuco tiembla. — Кто обжёгся на молоке, дует на воду. Sarna con gusto no pica (y si pica no mortifica). — Охота пуще неволи. Eramos muchos y parió la abuela. — Мало было нам проблем, так еще и это на нашу голову свалилось. Por la plata baila el perro / mono. — За денежки и сплясать можно. Lo que es bueno para el pavo, es bueno para la pava. — Что хорошо одному, то и другому подойдет.

Особо стоит отметить сравнительные конструкции, используемые в качестве инструмента усиления:

No le gustan ni los huevos chimbos. / No le gusta ni el olor de las flores. — Быть очень капризным. Ser más peligroso que un tetero piche. — Быть опаснее прокисшего молока в бутылочке младенца. Estar más feo que un carro por debajo. — Страшный как смертный грех. Ser como una cotorra agarrada por la cola. — Орать как оглашенный. Ser como un grano en el culo. — Быть как бельмо на глазу. Estar como carajito con juguete nuevo. — Не мочь наиграться. Entrar como perro por su casa. — Ходить как у себя дома. Está pegado con saliva de loro.

— Приклеено на соплях. Está más enredado que el mocho tirando cohete. — Запутаться в трех соснах. Tú te arrechas hasta bebiendo agua. — Выходить из себя по любому поводу. Como un gato amarrado por el rabo. — Очень медленно — потяни кота за хвост. Tener más plata que un compraburros — Иметь кучу денег, быть богатым.

Наконец, необходимо отметить, что разговорная речь городских образованных венесуэльцев Карибского района обоих полов и всех возрастов в целом стилистически снижена. В ней широко присутствует обсценная лексика, которая употребляется для придания речи еще большей экспрессивности и не имеет целью оскорбить собеседника. Более того, возможно, обилие в речи сниженной лексики является своеобразным знаком отличия венесуэльских городских интеллектуалов, свободно обращающихся с языком, от слегка старомодных провинциалов, придерживающихся более консервативных речевых оборотов. Однако данное предположение требует дальнейшего исследования.

Таким образом, коммуникативный этностиль Карибского района Венесуэлы довольно резко контрастирует с этностилем, Мексики, Центральной Америки, Чили и некоторых других стран. Это важный факт, который следует помнить, как испаноговорящим из других стран, так и учащимся, преподавателям, переводчикам, всем интересующимся вариативностью испанского языка, чтобы научиться объективно и достоверно интерпретировать эмоционально-экспрессивную нагрузку, которую венесуэльцы Карибского района вкладывают в передаваемую информацию.

Литература

Francisco Moreno Fernández y Jaime Otero Roth. El español, lengua global. La economía. Capítulo 2: Cartografía del español en el mundo // URL:

https://cvc.cervantes.es/lengua/espanol_economia/02.htm (дата обращения: 25.07.2021).
Instituto Cervantes URL: https://www.cervantes.es/sobre_instituto_cervantes/prensa/2019/noticias/presentacion_anuario_madrid.htm (дата обращения: 21.07.2021).
Лотман Ю.М. *Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров: Статьи. Исследования. Заметки.* СПб: Искусство, 2000. С. 102.
Ларина Т.В. Коммуникативный этностиль как способ систематизации этнокультурных особенностей поведения // *Cuadernos de Rusística Española.* 2013. № 9. С. 194.
Ахренов А.В. *Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика».* — № 3.– 2009 Испанский язык Венесуэлы: языковая картина мира. С — 59

Эксплицитные и имплицитные политические высказывания вопросно-ответной формы в современном медиадискурсе

Ниязова Г.М.

(Россия, Тюмень)

В современном мире журналистика и политика тесно переплетены. В том числе это и касается конкретного жанра — интервью. Интервью часто используется политиками в качестве выражения своей позиции, также интервью используется в качестве государственной или оппозиционной пропаганды. То есть интервью может использоваться не только в качестве средства получения информации, также оно может выполнять задачу выражения определённой политической позиции. Данная работа будет посвящена изучению эксплицитных и имплицитных политических высказываний, которые появляются в материалах СМИ. Данная тема в контексте интервью изучена крайне мало, что может говорить о **новизне** данной работы. В будущем результаты этого исследования могут быть

использованы журналистами в своём интервью для выражения политической позиции.

При рассмотрении взаимодействия СМИ и политики некоторые специалисты также выделяют понятие «Политический маркетинг». В таком случае средства массовой информации используются как инструмент для продвижения политиков: «Политический маркетинг включает три этапа. Первый — социальный, экономический, политический, психологический анализ места действия. Второй — выбор стратегии, определение целей для обработки различных групп избирателей, выбор темы кампании, тактики использования местных и национальных СМИ. Затем наступает этап продвижения кандидатов, или, на профессиональном жаргоне, который уже успел утвердиться, — «Товара». Одно из главных мест здесь занимают СМИ» [Егорова, 2006, с. 156]. При этом в политическом дискурсе политику отводится следующая роль: «Речь политика должна уметь затронуть нужную струну в массовом сознании, его высказывания должны укладываться во “вселенную” мнений и оценок его адресатов, “потребителей” политического дискурса» [Маслова, 2008, с. 45].

Стоит отметить, что сейчас также в качестве формирования общественного мнения могут выступать и политические интернет-блоги. Если в качестве главной альтернативы классическим СМИ (газеты, радио, телевидение). Зачастую подобные блоги ведутся одним человеком или целой командой. Таким образом информация передаётся напрямую аудитории посредством интернет-площадки. Данную способ распространения информации принято называть «гражданской журналистикой». То есть подобным распространителем политической информации могут быть не только классические СМИ, но и блоги.

Контактные вопросы это те, с помощью которых интервьюер входит в контакт с респондентом. То есть с помощью данных вопросов журналист создаёт непринуждённую атмосферу и настраивает собеседника на последующий диалог. Зачастую это небольшой рассказ о себе, вопросы, имеющие отношение к встрече журналиста и респондента [Костылева, Карабулатова, Данилова, 2019, с. 130]. Иными словами, создается сценарный дискурс, в который вписываются роли журналиста и интервьюируемого.

Адресные вопросы направлены в первую очередь на выяснение различных данных о биографии героя интервью, которые могут раскрыть героя зрителю. Обычно это могут быть вопросы, которые могут выявить возраст собеседника, интересные моменты его личной жизни и другие биографические данные. Задаваться подобные вопросы могут до официального начала интервью или в период официальной части с присутствием камеры. В первом случае, полученная информация может быть использована для титров или сносок. Также с помощью данных вопросов журналист можно выстроить политическое высказывание, что можно будет увидеть в аналитической части данной работы.

Программные вопросы — вопросы непосредственно по теме самого интервью. То есть они нужны для раскрытия основных тем интервью, которые обозначил сам журналист. Здесь уже непосредственно могут появляться вопросы, напрямую относящиеся к политике и политическому дискурсу. Это могут быть вопросы об отношении героя к определённым политическим процессам или, например, политическим личностям.

Все перечисленные вопросы могут быть использованы для решения поставленных в интервью целей: подробное разъяснение уже известных фактов; рассказ о достижениях героя (например, узнать о записи нового альбома солиста

музыкальной группы); узнать мнение героя по какому-то определённому вопросу (например, выяснить отношение респондента к предстоящему событию) и так далее.

Само политическое интервью содержит ключевые особенности данного жанра: 1) публичность. Интервью должно быть доступно массам, а значит оно должно выходить на соответствующих платформах; 2) жёсткое распределение ролей. Интервьюер в данной модели инициирует диалог посредством вопроса и требует ответной реакции от своего собеседника. Респондент же старается посредством ответа сформировать определённую мнение насчёт политических сил, или личности; 3) общество является скрытым участником интервью. То есть респондент в свою очередь отвечает не только интервьюеру, но и зрителю, тем самым входя с аудиторией в коммуникацию.

Также как и интервью на другую тематику, политическое интервью способствует раскрытию самой личности респондента. Соответственно роли чётко зафиксированы, а, следовательно, для обозначения политической позиции или транслирования политической (идеологической) информации интервьюер и респондент используют различные способы донесения своей информации. Именно поэтому в аналитической части стоит рассматривать типы коммуникации с обеих сторон: интервьюер — респондент — аудитория и респондент — интервьюер — аудитория.

При этом и респондент, и интервьюер при ведении диалога используют эксплицитную и имплицитную информацию.

Под эксплицитной информацией подразумевается «явная» информация, то есть та, которая высказывается напрямую: «Эксплицитная информация определяется как нечто сказанное, написанное, то есть то, о чем непосредственно говорится в тексте. Это информация, находящаяся на поверхности и не требующая

дополнительных комментариев» [Раюшкина, Белогорцева, 2015, с. 1].

Имплицитная информация понимается так: «Имплицитная информация представляет собой авторскую идею, концепцию, она формирует смысл текста. Это информация часто завуалированная, для ее извлечения требуются специальные умения» [Раюшкина, Белогорцева, 2015, с.1]. Некоторые исследователи говорят об этом так: «Высказывания имеют значение, открывающееся только в определенных условиях коммуникации, и рассматриваются не сами по себе, а как реплики, встроенная в прагматический комплекс» [Воробьева, 2015, с. 2]. Таким образом, для выявления имплицитной информации также требуется изучение и разъяснение дополнительного контекста, в котором происходит высказывание.

Данные понятия легко применимы и к политическому высказыванию, так как оно является информационной единицей о политики. Следовательно, эксплицитное политическое высказывание — это высказывание, содержащее политическую информацию, которое выражено явно. Имплицитное политическое высказывание — высказывание, содержащее политическую информацию, которая завуалирована и требует дополнительной расшифровки (понимания контекста, обладание дополнительной информацией и т.д.).

Разница в том, что имплицитные и эксплицитные политические высказывания выполняют так или иначе разные функции в ходе интервью.

Литература

Воробьева О. В. // Имплицитность и эксплицитность высказывания. // Научные Труды КУБГТУ. 2015. №5. С. 2.

Егорова М. С. СМИ в качестве инструмента «Политического маркетинга» // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2006. №27. С. 156.

Костылева Т.А., Карабулатова И.С., Данилова А.Д. Сценарный подход в современном образовании// Мир науки, культуры и образования, 2020, 5 (84), 130-132 (2020).
Маслова В. А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика. 2008. №1(24). С. 45.
Раюшкина М. Е. Белогорцева. И. Е. Особенности обучения пониманию эксплицитной и имплицитной информации // Наука и образование сегодня. 2015. №1. С. 1.

Стратегии восприятия иноязычных образных фразеологизмов: опыт эмпирического исследования

Павлина С.Ю.

(Россия, Нижний Новгород)

В последние десятилетия фразеологический пласт языка находится в центре внимания как отечественных, так и зарубежных исследователей (Ковшова 2019, Телия 2004, Gibbs 1989; Moon 1998). Изучаются различные типы фразеологических выражений, в том числе с применением корпусных методов исследования, определяется культурная составляющая фразеологических образных номинаций, описывается освоение фразеологизмов при изучении иностранных языков в контексте развития языковых компетенций. Восприятие иноязычных фразеологизмов можно сравнить с открытием окна в иную культуру, которое позволяет получить представление о том, как определенное линвокультурное сообщество понимает мир и описывает свое мироощущение доступными языковыми средствами [Waschik & Kibardina 2020:157].

Декодирование смысла английских фразеологизмов изучается применительно к двум группам реципиентов, к первой относятся носители языка, другую группу составляют те, для кого язык не является родным. Исследование

восприятия английских идиом иностранными студентами, проведенное Софией Скоуфаки, основано на определении степени прозрачности образной составляющей фразеологических номинаций [Skoufaki 2009]. С точки зрения С. Скоуфаки, понимание английских идиом греческими студентами основано на анализе понятийного компонента фразеологизмов. Автор утверждает, что различия в понятийной структуре идиом английского и греческого языков не являются существенными, поскольку оба языка относятся к индоевропейской группе, а англосаксонская и греческая культуры принадлежат к западному типу [Skoufaki, 2009: 32]. Данное наблюдение не выглядит убедительным, поскольку каждое языковое сообщество членит мир по-особому, а расшифровка образов фразеологизмов требует знания социокультурных аспектов. Совершенно очевидно, что интуитивное постижение сути иноязычных образных номинаций не является надежным способом понимания фразеологического значения.

Работы, посвященные восприятию образной основы английских фразеологизмов, выполнены в трех направлениях. Во-первых, ученые используют модели, разработанные в ходе анализа рецепции идиом носителями языка, применительно к тем, для кого английский является иностранным языком (Abel, 2003; Carrol, Littlemore, & Dowens, 2018). Во-вторых, выявляются стратегии, используемые респондентами, не являющимися носителями английского языка, при декодировании значения английских образных фразеологизмов (Cooper, 1999; Liontas, 2002). В-третьих, определяются факторы, оказывающие воздействие на восприятие английских идиом респондентами, для которых английский является иностранным языком (Skoufaki 2008, Samburskiy 2020). Показательна в этом отношении работа американского ученого Д. Самбурского, в которой проводится сопоставление того, как интерпретируют незнакомые образные идиомы английского языка две группы

респондентов. К первой относятся студенты российских вузов, изучающие английский язык как иностранный, вторую группу составляют проживающие в США слушатели языковых курсов при университетах, для которых английский не является родным. Автор приходит к парадоксальным на первый взгляд результатам: российским студентам удается более точно декодировать смысл незнакомых английских образных идиом, чем респондентам, находящимся в языковой среде, проживающим на территории США. Исследование позволяет утверждать, что уровень идиоматической компетентности респондентов, находящихся за пределами англоязычного сообщества, оказался выше, поскольку при освоении английского языка как иностранного делался упор на развитие навыков декодирования фразеологизмов с использованием набора методических приемов, что компенсировало отсутствие коммуникации с носителями языка [Samburskiy 2020].

Как показывают многочисленные исследования, развитие идиоматической компетентности не может быть эффективным при простом заучивании фразеологизмов. Выделяются следующие способы формирования и закрепления знаний иноязычной идиоматики: визуализация (Samburskiy 2020), этимологический анализ (Boers & Demecheleer 2004) и исследование метафорического основания идиом (Boers 2000). Принимая во внимание данные подходы, представляется важным выявить стратегии, которые могут быть эффективными при формировании идиоматической компетенции студентов-переводчиков как посредников между языками и культурами. С этой целью был проведен эксперимент, в котором приняли участие 60 студентов старших курсов Высшей школы перевода НГЛУ. Участникам было предложено объяснить значение незнакомых (или малознакомых) английских образных фразеологизмов, взятых вне контекста. Задание выполнялось в аудитории в письменном виде, на каждую дефиницию

отводилось около двух минут. На следующем этапе эксперимента было проведено интервью с респондентами, целью которого было выяснить, на чем основывалось декодирование образного значения фразеологизмов.

Анализ результатов первой и второй стадий эксперимента позволил прийти к выводу, что для объяснения значения английских идиом студенты-переводчики применяли следующие стратегии:

1) Обращение к фоновым знаниям.

2) Использование приема декомпозиции.

3) Анализ мотивационной основы образных фразеологизмов.

4) Использование аналогий с фразеологизмами родного языка.

5) Использование аналогий с другими фразеологизмами английского языка.

Обращение к фоновым знаниям оказалось эффективной стратегией, позволяющей успешно декодировать такие идиомы как dark web и think out of the box. Некоторые респонденты отметили, что они понимают смысл последней идиомы, поскольку один из преподавателей применяет ее во время занятий для стимулирования творческого подхода к выполнению заданий.

Декомпозиция предполагает разложение фразеологизма на составные компоненты и анализ значения каждого элемента для формирования целостной картины. Респонденты отталкивались от прямого значения каждого компонента, чтобы понять метафорическое значение идиомы. Так при декодировании значения фразеологизма *plastic footprint* студенты основывались на ассоциативных значениях компонента *plastic*, что не позволило воспринять метафору, лежащую в основе целостного выражения. Пластик, по наблюдениям респондентов, ассоциируется с чем-то искусственным, ненастоящим, что послужило основанием для следующих дефиниций идиомы: something

fake; something that is hard to trace; to leave an invisible footprint; something phony; something that misleads.

Во всех приведенных случаях декомпозиция привела к неспособности видеть целостную картину. Сконцентрировавшись на первом компоненте фразеологизма, студенты не расшифровали метафору, лежащую в основе *footprint.* В результате понимание метафорического значения всего выражения не было достигнуто, что доказывает непригодность данной стратегии для корректного декодирования иноязычных образных фразеологизмов.

Следующей стратегией, примененной участниками, является анализ мотивационной основы идиом, выявляемой при сопоставлении прямого и переносного значений. По наблюдению Д. Добровольского и Э. Пиирайнен, буквальное и метафорическое значения фразеологизмов связаны через образ, а установление «мотивационных мостиков» между образом и непрямым значением является необходимым условием корректного декодирования смысла образных идиом [Dobrovol'skij & Piirainen 2010]. Результаты интервью со студентами выявили, что успешно декодировать значение идиомы *to fly under the radar,* позволило применение следующей цепочки рассуждений. Радар — это приспособление для обнаружения летающих объектов. Если объект пролетает под радаром, значит, он остается необнаруженным. Если этот образ переносится на другие сферы жизни, то это означает, что кто-то или что-то остается вне поля зрения, получая возможность скрыться и быть незамеченным. Таким образом, установление мотивационной составляющей фразеологизмов позволяет понять смысл образной основы идиомы и корректно интерпретировать метафорическое значение.

В некоторых случаях при анализе английских идиом респонденты основывались на знаниях фразеологизмов родного языка, которые имеют схожее композиционное

строение, однако являются так называемыми ложными друзьями. Примером тому служат *to sweep under the carpet — выносить сор из избы; to throw dust in someone's eyes — пускать пыль в глаза*. Установление логических связей между иноязычными идиомами и фразеологизмами родного языка послужило препятствием для правильного декодирования внутренней формы английских фразеологических выражений. Таким образом, применение стратегии установления аналогий с идиомами родного языка не оправдало себя.

Другой стратегией, применяемой респондентами, является проведение аналогии с известными английскими идиомами при анализе значений неизвестных фразеологизмов английского языка. Эта стратегия использовалась при декодировании идиомы *to burn the candle at both ends,* которая означает «проявлять излишнее старание, работать на износ». Пытаясь понять метафорический образ, респонденты обращались к английским выражениям, которые, на их взгляд, имеют схожее значение. В ходе интервью выяснилось, что одним из таких фразеологизмов является *to burn bridges* «сжигать мосты». Поскольку знакомая респондентам идиома содержит в себе идею разрушения, это знание было спроецировано на фразеологизм с тем же начальным компонентом *to burn*, что привело к неверной интерпретации значения *to burn the candle at both ends*. Треть респондентов посчитала, что идиома означает «полностью разрушить что-либо». Таким образом, применение стратегии установления аналогии с известной идиомой английского языка уводит от истины и не позволяет постичь смысл образа.

Исследование стратегий, применяемых студентами-переводчиками при декодировании английских образных идиом, позволило установить, что только две из них оказываются эффективными: обращение к фоновым знаниям и анализ образной составляющей фразеологизмов

с установлением мотивационных связей. Для применения данных стратегий требуется знание широкого культурного контекста, связанного с образным компонентом идиом. Другим немаловажным фактором служит способность абстрагироваться от концептосферы родной культуры, что сводит к минимуму возможность интерференции. Данные качества являются ключевыми для развития иноязычной идиоматической компетенции студентов, а их формирование предполагает разработку определенной методики, в чем заключаются дальнейшие перспективы исследования.

Литература

Dobrovol'skij D., Piirainen E. (2010). Idioms: Motivation and Etymology. In: *Yearbook of Phraseology*, 73–96. DOI:10.1515/9783110222623.1.73

Sambursky, D. (2020). The Effect of a Dual Coding Technique on Idiom Interpretation in ESL/EFL Learners. *International Journal of Instruction*, 13(3), 187-206. https://doi.org/10.29333/iji.2020.13313a

Skoufaki S. (2008). Investigating the Source of Idiom Transparency Intuitions. *Metaphor and Symbol* 24(1), 20-41.

Waschik K., Kibardina S. Intercultural competence — a continuous challenge for translators and interpreters in *Teaching Translation and Interpreting. Approaches and Methods*. Bochum: Llandesspracheninstitute in der Ruhr-Universitat. 2020. 151-162.

Вербальные особенности медиатрансляции образа российской оппозиции в американских, британских и испанских СМИ

Парамонова Д.В.

(Россия, Москва)

Сегодня представители оппозиционных организаций, а также оппозиционные СМИ — ключевой инструмент выражения протеста против действующей власти и тем

самым основной объект внимания со стороны западных массмедиа. Данная статья посвящена изучению разновидностей образа российской оппозиции и их медиатрансляции в американских, британских и испанских СМИ. Материалом исследования послужили статьи, отобранных нами приемом сплошной выборки из современных американских («The New York Times», «The Wall Street Journal»), британских («The Guardian», «The Independent», «Financial Times») и испанских («El País», «La Vanguardia», «ABC») СМИ. За период с 07.2020 по 06.2021 нами были выделены наиболее часто встречающиеся тематические образы российской оппозиции: лидер фонда по борьбе с коррупцией (ФБК) Алексей Навальный; политзаключенные; несанкционированные митинги.

В данном исследовании мы понимаем под политической оппозицией «все прямые и косвенные проявления общественного недовольства и несогласия общественности с действующим политическим порядком в стране», а также «отстраненные или частично отстраненные от власти партии, организации и движения» [Дерябина 2013: 117]. В своих статьях авторы печатных и электронных массмедиа используют общеязыковые метафоры, эпитеты, демонстрирующие часто негативную оценку власти, возвышающие оппозицию, на основе поверхностной информации, непроверенной, основанной на слухах, заимствованной из других медиаисточников.

1. Образ оппозиции — «лидер фонда по борьбе с коррупцией (ФБК) Алексей Навальный»

В августе 2020 года заголовки всех рассматриваемых нами СМИ были посвящены факту отравления Алексея Навального. В американской и британской прессе Алексея Навального характеризуют как критика Путина, угрозу для него, центр внимания, усиливая образ разными эпитетами: ***«самый суровый критик Путина»: «Putin's harshest critic»***

[The Washington Post, 22.04.21]; ***«Путинский критик»: «Putin critic»*** [The Guardian, 08.09.20]; ***«самый известный критик Владимира Путина»: «Vladimir Putin's most prominent critic»*** [Financial Times, 03.02.21], ***«громогласный критик»: «a vocal critic»*** [The Guardian, 08.09.20], «***самая большая политическая угроза»*** для Владимира Путина: ***«the biggest political threat»*** [Financial Times, 03.02.21], ***«центр внимания всего мира»: «a center of the world's attention»*** [The World Street Journal, 15.05.21].

В испанских СМИ Алексея Навального представляют как оппонента, соперника, врага Владимира Путина и, критика, адвоката, лидера, усиливая образ разными эпитетами: ***«главный оппонент»***: ***«mayor opositor»*** [ABC, 21.07.21], ***«соперник российского президента»: «rival del presidente ruso»*** [ABC, 21.07.21], ***«самый известный враг Путина»: «más popular enemigo de Putin»*** [ABC, 21.07.21], ***«антикоррупционный адвокат»: «el abogado anticorrupción»*** [ABC, 21.07.21], ***«один из наиболее видных критиков»: «uno de los críticos más visibles»*** [El País, 04.02.21], ***«лидер оппозиции»: «el dirigente opositor»*** [ABC, 03.02.21].

Первоначально СМИ прямо не заявляли о факте отравления, используя словосочетания, выражающие вероятность, возможность: *«El líder opositor ruso, Navalni, en coma* ***por posible*** *envenenamiento»* — «Российский лидер оппозиции, Навальный, в коме из-за ***возможного*** отравления» [ABC, 21.07.21]. В статье газеты «The New York Times» госбезопасность России характеризуется как «левиафан»: «For years, Ivan Pavlov jousted with Russia's ***'leviathan' security state***. Now, as the lawyer for the opposition leader Alexey A. Navalny, he is in danger of ***being swallowed by it***» — «В течение многих лет, Иван Павлов боролся с российским ***'левиафаном' — госбезопасностью***. Сейчас, будучи адвокатом лидера оппозиции Алексея Навального, он находится в опасности ***быть поглощенным им***» [The New

York Times, 04.06.21]. Левиафан — олицетворение сатанинского беспощадного хаоса. Библейский образ морского чудовища отождествляется с государственной властью. Впервые концепция государства-левиафана была разработана английским философом Томасом Гоббсом. Автором статьи был использован метафорический перенос по сходству качеств и свойств Левиафана и России, в оппозиции к которой находится А. Навальный.

2. Образ оппозиции — «политзаключенные»

В газете The Wall Street Journal термин ***«политзаключенные»*** трактуется как ***«people accused by the state for their political or social views»*** [The Wall Street Journal, 08.07.20] — ***«люди, обвиняемые государством за свои политические или социальные взгляды»***. Ситуацию с политзаключенными в современной России называют ***«абсолютно новым уровнем репрессий против журналистики» — «an absolutely new level of repression against journalism»*** [The New York Times, 08.07.20]. В публикациях о политзаключенных превалирует юридическая лексика: ***«государственная измена» — «treason», «подстрекательство к терроризму» — «inciting terrorism»*** [The Independent, 14.07.20], ***«разглашение государственной тайны» — «disclosing state secrets»*** [The Wall Street Journal, 08.07.20], ***«экстремист» — «extremista»*** [El País, 09.06.21]. Россия официально обвинила советника главы Роскосмоса и бывшего военного журналиста Ивана Сафронова в государственной измене. В статьях, посвященных аресту бывшего журналиста, применяются такие лексические средства, как персонификация: «***Russia charges*** former journalist with ***treason***» — «***Россия обвиняет*** бывшего журналиста в государственной измене» [The Independent, 14.07.20], «***Russia detains*** former journalist» — «***Россия задерживает*** бывшего журналиста» [The Wall Street Journal, 08.07.20], «***Russia accuses*** a former reporter» — «***Россия обвиняет*** бывшего репортера» [The New York Times, 08.07.20].

В данных англоязычных примерах олицетворение государства — России реализуется в определенных действиях, выраженных глаголами: она обвиняет, задерживает, никогда не расскажет правду. В статьях представлено большое разнообразие глаголов со значением ***«обвинять»*: *detain, charge, accuse, convict.*** Метафоры «…***opening the door*** to a possible 20 years in prison» — «…***открывая дверь*** возможному 20-летнему заключению в тюрьме», «…***has been cloaked in secrecy***» — «…***было окутано тайной***» [The Independent, 14.07.20] и др. Действия представителей силовых структур описываются в американских СМИ как насильственные: ***«затолкали в машину» — «bundled into a van»; «быстро увезли» — «whisked»*** [The Independent, 14.07.20], ***«атака на независимых журналистов» — «an attack on independent journalists»*** [The Wall Street Journal, 08.07.20], ***«забрали с Московской улицы» — «bundled off a Moscow street»*** [The New York Times, 08.07.20], ***«наказать за репортерскую работу» — «to punish for reporting work»*** [The New York Times, 08.07.20]. Григорий Пасько (обвиняемый также в госизмене) описал обвинение Сафронова как ***«предупредительный выстрел» — «a warning shot»*** и сказал, что российские спецслужбы работают под ***«новым пониманием» — «a new understanding»,*** в соответствии с декларацией ***«громкого триумфа» — «resounding triumph»*** в голосовании по поправкам в Конституцию 1-го июля. Журналист издания The Independent, описывая данную ситуацию, использует эпитеты ***«warning», «resounding»***. Милитарная лексика в эпитетах и метафорах нагнетает негативную атмосферу в медиапространстве, оказывая сильное эмоциональное воздействие на адресата.

3. Образ оппозиции — «несанкционированные митинги»

Арест Алексея Навального привел к новой волне протестов в более чем 120 городах России: «…were ***sparked the biggest protests*** in modern Russian history» —

«…***вспыхнули самые большие протесты*** в новейшей истории России» [Financial Times, 03.02.21]. В статьях британских и американских СМИ превалируют случаи употребления превосходной степени: «***самые большие протесты» — «the biggest protests»*** [Financial Times, 03.02.21]. Глагол ***«spark»*** — ***«вспыхнуть»*** характеризует спонтанность, внезапность демонстраций. В статьях, освещающих новости, связанные с протестами, превалирует лексика с негативной коннотацией. Так, люди выражают недовольство взяточничеством, несправедливостью, низким уровнем жизни: «*The demonstrations in more than 120 cities tapped into popular* ***anger*** *over* ***graft, injustice*** *and* ***plunging living standards***» — «Демонстрации в более чем 120 городах вызваны ***недовольством*** населения ***взяточничеством, несправедливостью, кризисом, пандемией*** и ***снижением уровня жизни***» [Financial Times, 03.02.21]; «…popularidad ***más bajo*** y en medio del ***descontento social*** por la crisis y la pandemia de coronavirus» — «***наименьшей*** популярности и на фоне ***общественного недовольства*** кризисом и пандемией коронавируса» [El País, 11.07.20].

В данной работе были проанализированы вербальные особенности медиатрансляции образа России в статьях американских, британских, испанских СМИ и были определены 3 наиболее часто встречающиеся темы: образ лидера фонда по борьбе с коррупцией (ФБК) Алексея Навального, образ политзаключенных; общественные митинги. На основе проанализированных медисообщений были сделаны выводы о том, что американские, британские и испанские СМИ очень активно освещают события, связанные с российской оппозицией. Самое большое количество статьей посвящено Алексею Навальному, а именно, его отравлению в августе 2020 года и его заключению под стражу. Американские, британские и испанские СМИ не «доверяют» правительству России и видят во всех предпринятых действиях Кремля подвох. В

статьях всех анализируемых лингвокультурных массмедиа превалирует лексика с отрицательной коннотацией, доминируют эпитеты и метафоры, в т.ч. милитарного характера. Американские и британские СМИ используют грубую лексику, цитируя представителей и сторонников оппозиции, в испанских массмедиа чаще встречаются дисфемизмы. Актуальность, новизна и перспективность работы раскрывается в том, что впервые выявлены основные особенности медиатрансляции образа современной российской оппозиции в американских, британских и испанских СМИ, которые вызывают огромный интерес у мировой общественности и оказывают значительное влияние на массового адресата в рассматриваемых лингвокультурах.

Литература

Дерябина Е.С. *Типология политической оппозиции в интерпретации теории систем* // Наука в ВШЭ. XXI век. 2013. № 1. С. 116–130

Желтухина М.Р. Коммуникативные стратегии и тактики самопрезентации российской оппозиции в СМИ // *Лингвосемиотика дискурса*: коллективная монография к 60-летию профессора А.В. Олянича / науч. ред. В.И. Карасик. Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2017. С. 260–268.

Желтухина М.Р. Конструирование мира в языке политики: когнитивно-прагматическое моделирование в ситуации медиаконфликта // *Когнитивные исследования языка*. 2019. № 38. С. 533–546.

Желтухина М.Р. Оппозиционная самопрезентация в современном медиадискурсе: приемы воздействия на адресата // *Учитель — начало всех начал: школа в современной России.* Мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Липецк: ЛГПУ, 2018. С. 62–68.

Парамонова Д.В. Вербальные особенности медиатрансляции образа России в современном испанском и британском медиадискурсе в 2016–2017 годах // *XIX Междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации*, г. Москва, 6–8 июня 2019 г. М.: Канцлер, 2019. С. 123–124.

Repina E.A., Zheltukhina M.R., Kovaleva N.A., Popova T.G., Garcia Caselles C. International media image of Russia: trends and patterns of perception // *XLinguae*, Volume 11, Issue 2. April 2018. P. 557–565.

Учебно-методическое обеспечение преподавания английского языка как основного иностранного для специальности «Романо-германская филология» в Республике Беларусь

Петрушевская Ю.А.

(Республика Беларусь, Могилёв)

Изучение учебной дисциплины «Основной иностранный язык» в рамках подготовки в Республике Беларусь специалистов по профилю «Романо-германская филология» является неотъемлемой частью непрерывного

языкового обучения в цикле специальных дисциплин. Содержание дисциплины Основной иностранный язык» имеет ярко выраженный комплексный характер, поскольку включает изучение как фонетического и грамматического строя, лексического состава иностранного языка, так и подготовку курсовых работ по различным аспектам его исследования.

Современные студенты благодаря развитию информационных технологий имеют практически неограниченный доступ к ресурсам интернет, радио- и телевизионному пространствам, что переводит английский язык из «книжного» в «живой», даёт безграничные возможности виртуального общения и получения разнообразной и качественной учебной информации.

Учебные и учебно-методические пособия, используемые для подготовки квалифицированных специалистов в области английского языка, должны отвечать современным запросам времени. Поэтому в Могилёвском государственном университете имени А.А. Кулешова на кафедре теоретической и прикладной лингвистики, начиная с 2015 г., реализуется исследовательская программа «Научно-методическое обеспечение преподавания английского языка как основного иностранного в высшей школе Республики Беларусь», в рамках которой разработаны и внедрены в учебный процесс 26 учебных пособий для специальности «Романо-германская филология» (все пособия рекомендованы Министерством образования Республики Беларусь и УМО по гуманитарному образованию вузов Республики Беларусь). Основы и перспективы программы научно-методического обеспечения преподавания английского языка были определены в рамках реализации в Республике Беларусь комплексного плана по обеспечению качества лингвистического образования в контексте интеграции систем высшего образования Беларуси и России [Иванов 2008].

Четыре учебных пособия, разработанные преподавателями МГУ имени А.А. Кулешова, объединены в комплекс и отражают основные аспекты изучения английского языка как основного иностранного в высшей школе: дискурсивную практику, практическую грамматику, практическую фонетику, а также курсовую работу как научно-исследовательский компонент.

Учебное пособие «English. Developing Speaking and Writing Skills» [Василенко, Иванов, Шестернёва 2020] состоит из двух частей. В первую часть вошли тематические разделы «Работа», «Забота о здоровье» и «Болезни XXI века», во вторую — «Спорт» и «Карта мира. Жизнь в большом городе». Каждый тематический раздел состоит из предметно-тематических подразделов. Несомненным достоинством этого пособия является наличие актуального аутентичного языкового материала. Все тексты и аудиоматериалы являются современными и увлекательными, расширяют кругозор студентов и стимулируют активное непринуждённое общение на занятиях.

Учебное пособие «Practical English Grammar: Morphology» [Голякевич, Зубрий, Иванов 2019] состоит из семи разделов, каждый из которых посвящен определённому грамматическому явлению («The Noun», «The Article», «The Adjective», «The Adverb», «The Pronoun», «The Numeral» и «The Verb»), включает теоретическую часть и практические упражнения, способствующие формированию и закреплению навыков и умений владения грамматически правильной английской речью. Задания и упражнения в пособии отличаются разнообразием и дифференцированы по степени трудности, что мотивирует студентов к активной учебной деятельности, не даёт им скучать в процессе усвоения грамматических правил.

Учебное пособие «Курсовые работы по языкознанию» [Иванов, Петрушевская 2017] состоит из четырех разделов: «Методические указания по выполнению курсовых работ»,

«Календарный план выполнения курсовой работы в течение семестра», «Методические рекомендации по тематике курсовых работ» (темы по фразеологии, паремиологии, афористики английского языка), «Примерные образцы курсовых работ» (четырёх основных видов — обзорно-аналитические, описательные, сопоставительные, экспериментальные). Содержание пособия изложено таким образом, чтобы его было достаточно для самостоятельного выполнения студентом курсовой работы по английскому языку.

Учебное пособие «First Foreign Language: Level 1: Practical Phonetics: Introductory Course» [Петрушевская 2019] состоит из 14 частей и отражает основы английской фонетики: характеристику работы органов речи, классификацию гласных и согласных фонем, взаимодействие звуков, правила чтения, слогоделение и словесное ударение, правила интонации. В каждой части изложен теоретический минимум и даются практические задания и упражнения для овладения фонетически правильной английской речью.

Правильное выражение своих мыслей на любом иностранном языке, в том числе английском, неразрывно связано с качеством звучания иноязычной речи, поэтому изучение артикуляционных особенностей говорения на иностранном языке приобретает особое значение. В практике «живого» речевого общения фонетические и фонологические ошибки, а также нарушение интонационных норм английского языка могут привести как к искажению первоначального содержания сообщения, так и к потере общего смысла фразы.

Для устранения такого рода «неточностей» необходим переход теоретических знаний по фонетике в практические умения и навыки правильного фонирования, что будет отражено в новом учебном пособии «Практическая фонетика основного иностранного языка». Содержание нового пособия будет направлено на выявление и устранение фонетических

ошибок, встречающихся в речи студентов, а также на предупреждение типичных ошибок, характерных для русскоговорящих, изучающих английский как основной иностранный язык. Как правило, у студентов лингвистических факультетов уже в школе сформированы произносительные навыки на иностранном языке, которые, однако, не всегда правильные. Основной задачей коррекционного курса по практической фонетике английского языка является устранение неверного фонетического навыка, что, в свою очередь, позволит предотвратить формирование устойчивого ненормативного акцента, а также позволит приблизить произношение студентов к фонетическому стандарту современного британского варианта английского языка.

Новое учебное пособие по практической фонетике английского языка состоит из 15 частей, содержание каждой из которых должно быть усвоено студентом за 2 / 4 академических часа. Для успешной коррекционной работы, по нашему мнению, необходимо чёткое понимание студентами причин артикуляционных / интонационных ошибок, отличий артикуляционной базы английского и родного языков, поэтому каждая часть пособия включает теоретические вопросы и практические задания и упражнения по отдельной теме. Краткие теоретические обзоры помогут студентам получить общее представление об устройстве фонетической подсистемы английского языка и подготовят их к более эффективному восприятию курса теоретической фонетики.

Каждая тематическая часть нового пособия структурирована по секциям. Так, секция *Key words* включает основные понятия по теме занятия. В секции *Question for discussion* представлен перечень теоретических вопросов, которые будут рассмотрены в секции *Theoretical background*. Секция *Self-check* содержит перечень вопросов для проверки усвоения теоретического материала. В секции

Sound Imitation размещены видео- и аудиоматериалы, которые дают возможность студентам вместе с носителем языка попрактиковаться в произношении изученных в теоретической части звуков и их сочетаний. В секции *Sound drills* представлены практические задания и упражнения для тренировки и закрепления правил произношения отдельных звуков / сочетаний звуков. Секция *English rhythm practice* включает задания на выработку ритма английской речи на основе скороговорок и стихотворений. В секции *Intonation exercises* даны упражнения, направленные на тренировку и закрепление навыков просодической организации английской фразы. Секции *Revision and Consolidation* и *Self-check and Extended Imitation* способствуют анализу и проверке полученных знаний, умений и навыков.

Новое учебное пособие по английской фонетике построено таким образом, что может использоваться во время аудиторных занятий, так и для самостоятельного изучения студентами учебного материала с последующим обсуждением на занятии либо дистанционно под контролем преподавателя.

Таким образом, комплекс учебных пособий по английскому языку как основному иностранному, разработанный в МГУ имени А.А. Кулешова, используется в настоящее время в Республике Беларусь для учебно-методического обеспечения специальности «Романо-германская филология» и призван помочь студентам изучить фонетическую и грамматическую подсистемы английского языка в плане их реализации в речи, выработать умения и навыки понимать устную диалогическую и монологическую речь, письменные тексты различных функциональных стилей литературного языка, грамотно излагать свои мысли в устной и письменной формах. Комплекс проанализированных учебных пособий по английскому языку содержательно соответствует образовательным стандартам высшего образования в области филологии и

лингвистики, действующим в Российской Федерации, и может использоваться в учебном процессе в российских университетах.

Литература

Василенко Е.Н., Иванов Е.Е., Шестернёва А.Н. *Английский язык. Развитие навыков устной и письменной речи = English. Developing Speaking and Writing Skills: учебное пособие*: в 2 ч. Могилев: МГУ, 2020. Ч. 1–2.

Голякевич Н.Д. Зубрий С.П., Иванов Е.Е. *Practical English Grammar: Morphology: учебное пособие*. Минск: РИВШ, 2019.

Иванов Е.Е. Качество лингвистического образования в Республике Беларусь (в аспекте межкультурной коммуникации) // *Проблемы качества образования в Белоруссии и России в контексте интеграционных процессо*в: в 2 ч. М.: РАО, 2008. Ч. 1. С. 161–170.

Иванов Е.Е., Петрушевская Ю.А. *Курсовые работы по языкознанию (фразеология, паремиология, афористика английского языка): учебно-методическое пособие*. Могилёв: МГУ, 2017.

Петрушевская Ю.А. *First Foreign Language: Level 1: Practical Phonetics: Introductory Course: учебно-методическое пособие*. Могилёв: МГУ, 2019.

Особенности перевода фразеологизмов в политическом дискурсе (на материале выступлений В.В. Путина)

Пономаренко Е.Б.

(Россия, Москва)

Политический дискурс представляет собой центральный объект исследования политической лингвистики. Политическая лингвистика и политический дискурс непосредственно связаны с завоеванием и удержанием политической власти в обществе. Анализ политического дискурса позволяет раскрыть, каким образом осуществляется речевое воздействие на общественное

сознание, какие речевые приемы и тактики использует политик для достижения своих собственных целей, каким образом происходит манипуляция сознанием людей.

Сегодня мы сталкиваемся с различными языковыми тенденциями в политическом дискурсе. Тексты, входящие в состав политического дискурса, как правило, содержат широкий набор лексических средств выражения оценки, довольно часто в экспрессивной и эмоциональной форме, навязывая читателю свое субъективное мнение о той или иной политической партии, политическом деятеле или событии. Ярким стилистическим маркером лексики и фразеологии, используемой в современной прессе с целью популяризации или дискредитации политических деятелей, выступает их оценочная, экспрессивная и эмоциональная окраска.

Изучение особенностей перевода фразеологизмов в политическом дискурсе представляется особенно важным, так как в политической дискурсе возникают и проявляются новые тенденции в развитии языка. Фразеологизмы — это устойчивые сочетания, которые частично или полностью переосмыслены и как правило несут в себе образность и экспрессивность. Очень важно в переводе сохранить экспрессию, так как основной задачей перевода является максимальная полная передача информации, заложенной в оригинале.

Трудность при переводе фразеологизмов заключается в том, что некоторые фразеологизмы не имеют эквивалентов в других языках, нередко содержат исторически-культурную память народа и «фоновые знания» носителей разных культур оказываются различными, поэтому особенно важно, чтобы переводчик знал основные типы фразеологических соответствий и способы их применения. Ошибки при переводе часто возникают, когда переводчик не видит идиому и переводит ее как свободное сочетание слов.

Как отмечает С.П. Романова, что «при сопоставлении любой пары языков мы видим, что понятие, которое в одном языке обозначает ярко, идиоматично, в другом может быть представлено нейтральным словом или вообще не иметь готового обозначения. Число таких фразеологических лакун — своеобразных «дыр» в идиоматической ткани языка — велико, и в переводе они обычно «залатываются» переводчиком в соответствии с его изобретательностью и умением» [Романова 2007:111].

Для решения проблемы перевода фразеологизмов В. Н. Комиссаров выделяет несколько типов фразеологических соответствий. Во-первых, это метод фразеологического эквивалента, который может применяться при наличии в языке перевода образной идиомы, совпадающей по всем параметрам с идиомой оригинала [Комисаров 2011:172]. Во-вторых, это так называемые фразеологические аналоги. Когда переводчику не удается найти фразеологический эквивалент, необходимо подобрать в языке перевода фразеологизм с таким же переносным значением, хотя и основанном на иной образности. При этом надо убедиться, что сохраняется эмоциональное и стилистическое значение фразеологизма, но этот способ неприменим, когда в языке перевода фразеологизм обладает ярко выраженной национальной окраской.

Следующий тип — это калькирование, который широко используется в переводческой практике, так как позволяет сохранить образный строй оригинала. Калькирование образа используется для передачи национально-этнического значения исходного фразеологизма. Дословный перевод фразеологизмов может быть применен, когда образ, заключенный в фразеологизме достаточно мотивирован, а замена его другим образом не дает нужного эффекта. Часто применяется при наличии расширенной метафоры, фразеологических синонимов, игр слов, каламбуров. [Комиссаров 2011:173-176; Кунин 1964:7].

К описательному переводу прибегают тогда, когда в языке перевода нет ни эквивалента, ни аналога фразеологизма оригинала. Поэтому иногда переводчику необходимо сделать короткое пояснения, из-за различных культурных реалий, чтобы облегчить понимание текста перевода людьми другой культуры.

Использование фразеологизмов часто наблюдается в речи политиков, особенно политических лидеров. Так российский президент В. В. Путин нередко употребляет в своих выступлениях, во время интервью фразеологизмы, пословицы и поговорки, а также обороты, насыщенные отсылками к литературе, которые могут показаться чуждыми для англоязычного восприятия. И часто переводчики используют дословный перевод, из-за которого частично теряется или совсем искажается смысл.

В качестве примера рассмотрим интервью президента России Владимира Путина журналисту американской телекомпании NBC Киру Симмонсу 11 июля 2021года. К сожалению, телекомпания NBC, которой президент России дал интервью, в преддверии встречи с американским коллегой Джо Байденом, остановились на дословном переводе большинства фразеологизмов и цитат, которые использовал глава государства в беседе с журналистом.

Например, рассуждая о внутренней политике США и законах, которые были приняты с целью защиты общества от внешнего вмешательства, Владимир Путин использовал пословицу «*нечего на зеркало пенять, когда рожа крива*», переводчик перевели ее дословно «don't *be mad at the mirror if you are ugly»*. Видимо не подобрав аналога, переводчик перевел ее буквально, теперь она зазвучала как *«не стоит злиться на зеркало, если сам уродлив»*, и в таком варианте она была озвучена и напечатана почти во всех новостных изданий США.

Другие цитаты из хорошо известных в России произведений тоже даются в дословном переводе, без

кавычек, которые могли бы подчеркнуть понимание переводчиками контекста цитаты. Так после вопроса о “хакерах “ из России, которые якобы постоянно взламывают базы в США, Путин в шутку ответил фразой Остапа Бендера из “Золотого теленка” « *На такие бездоказательные обвинения я могу Вам ответить: можете жаловаться в Международную лигу сексуальных реформ*» « *When there are charges without evidence, I can tell you that you can take your complaint to your International League of Sexual Reform »* В интервью цитата никак не поясняется, что может дать неверную трактовку ее смысла.

В интервью журналист Кир Симмонс спрашивает, как президент относиться к словам Джо Байдена о том, что у Путина нет души. Путин ответил, что не помнит такого заявления Байдена и процитировал фразу "*что-то с памятью моей стало"* из песни "*За того парня*", которая звучит в фильмах "*Минута молчания*" и "*В бой идут одни "старики*". На сайте NBC фраза переводиться дословно, но без кавычек «*I do not remember this. Something wrong with my memor*y».

Однако, ряд моментов переводчики NBC, перевели, наоборот, без лишней детализации. Так, в фрагменте интервью, где российский лидер напомнил журналисту, что НАТО заявляли, что не будут расширяться на восток, но обещание было нарушено. «*Где написано, где было закреплено это обещание — Where is that written down? Where is that promise written down? »* — спросил Симмонс. Российский лидер ответил: *"Вы молодец! Правильно, обманули дурачка на четыре кулачка – у нас так в народе говорят. Надо все закреплять на бумаге"* Однако для американской публики перевод прозвучал иначе: «*Right, right, right. Right, right. Well done. Well done. Correct. You’ve got a point. Nyah nyah nyah, got you good. Well, congratulations». — «Верно, верно, верно. Молодец. Вы правы.*

Ня,ня, ня, я вас понял. Что ж, поздравляю» Конструкция «nyah nyah nyah» в английском языке используется для того, чтобы выразить недовольство. Смысл высказывания был искажен.

Политический обозреватель ИА REGNUM Михаил Демурин отмечает, что «Странно было бы ожидать от американского телеканала серьезного культурологического знания о России. Тем более что в данном случае это знание с соответствующим корректным изложением приведенных Владимиром Путиным цитат и фразеологизмов работало бы в пользу имиджа президента России и в пику его оппонентам» [www.regnum.ru/15.06.21]. Однако, у телеканала NBC, судя по всему, была совсем противоположная задача. Более того, президент обвинил журналиста NBC, в затыкании рта и некорректном поведении, противоречащем «американским ценностям».

К сожалению, переводчики телекомпании не смогли или не захотели переводить фразеологизмы в интервью российского лидера. При переводе используется дословный перевод, из-за которого частично теряется или совсем искажается смысл. Сегодня перевод становиться орудием в информационной войне. Преднамеренные ошибки допускаются сознательно и скорее имеют нелингвистическую, а идеологическую мотивацию, преследуют цель манипулирования массовым сознанием [Пономаренко 2018:83].

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что перевод фразеологических единиц представляет значительную трудность и переводчику в целях достижения более качественного перевода необходимо знать основные типы фразеологических соответствий и способы их применения и следовать определенным правилам. При переводе он должен использовать современную лексику и синтаксис, определять точное значение фразеологизма и быть знакомым с культурой страны переводимого языка

Литература

Демуров М. Казус NBC: американцы далеки от нашей культуры и еще дальше от равноправия
15.07.2021./ https://regnum.ru/news/polit/3296695.html.

Кунин, А.В. *О переводе английских фразеологизмов в англо–русском фразеологическом словаре*
/ А.В. Кунин // Тетради переводчика. — 1964. — No2. — С.3-20

Пономаренко Е. Б. Перевод-новое оружие в информационной войне/В сборнике Косинус Пи.

Материалы II Международной научно-практической конференции в рамках конкурса переводчиков. Под редакцией М.Э.Конурбаева. МГУ 2018.С.82-86

Романова С. П., А. Л. Коралова *Пособие по переводу с английского на русский*/Издательство «КДУ», М:,2007.

Интервью телекомпании NBC на английском: https://www.nbcnews.com/news/world/transcript-nbc-news-exclusive-interview-russia-s-vladimir-putin-n1270649

О роли учебных стратегий в преподавании грамматики иностранного языка

Протасова Н.А.

(Республика Беларусь, Могилёв)

Обучение — это естественная, жизненно важная деятельность, которая начинается с момента рождения и заканчивается после смерти. С вхождением в каждый новый этап жизни процесс обучения становится более сложным. Поэтому очень важно, чтобы человек умел учиться. Стратегии обучения — это приёмы, которые позволяют облегчить и максимально оптимизировать процесс приобретения новых знаний, навыков и умений.

С одной стороны, преподавание иностранных языков характеризуется определёнными традициями, но с другой стороны, методика преподавания иностранных языков постоянно изменяется. Известные методы обучения

пересматриваются и модифицируются. В настоящее время происходит существенное переосмысление общих целей обучения иностранным языкам в рамках непрерывного образования. Коммуникативная компетенция остается главной целью обучения иностранному языку, но также всё более стремительно выдвигаются на первый план и другие компетенции, например, овладение основами межкультурной коммуникации (усвоение чужой культуры, т.н. «аккультурация учащегося» [Протасова 2018]), а также способность к самостоятельному, саморегулируемому обучению (т.н. «автономия учащегося»). Чрезвычайно важным фактором в развитии автономии учащегося являются «учебные стратегии» [Bimmel, Rampillon 2000].

Толкование понятия «учебная стратегия» впервые было дано зарубежными исследователями в области методики и дидактики преподавания иностранного языка. Так, было замечено, что учащиеся применяют стратегии для понимания, изучения и запоминания информации при изучении иностранного языка [Funk, Koenig 1991: 114]. Поэтому логично предположить, что учащийся, имеющий в наличии ряд стратегий и методов обучения, имеет гораздо больше шансов стать успешным, чем тот учащийся, у которого мало или вообще нет в арсенале определённых стратегий обучения.

Если учащийся не знает о возможных путях, ведущих к поставленной цели, успех обучения может быть либо усложнён, либо вообще отойти на второй план. Если учащийся обладает обширными стратегическими знаниями, то сможет узнать больше, учиться лучше и быстрее. Поэтому важно сделать так, чтобы учащиеся осознали свои собственные стратегии и техники, с одной стороны, для повышения эффективности обучения, а с другой стороны, для мотивации и уверенности в себе, для снижения стресса при выполнении учебной работы.

Наиболее часто учащиеся (как и их родители) критикуют в преподавании иностранного языка то большое количество времени, которое затрачивается на изучение грамматических правил. Все жалуются на то, что в школе и вузе слишком много грамматики, что преобладает грамматически ориентированное обучение, при котором общению на иностранном языке уделяется мало внимания (даже делается вывод, что преподаватели в угоду грамматике пренебрегают общением на иностранном языке).

На наш взгляд, такие претензии в адрес методики преподавания иностранных языков являются мало обоснованными. Использование коммуникативного подхода, который сегодня актуален как никогда, предполагает, что основное внимание уделяется не усвоению теории грамматических правил, а развитию коммуникативных способностей учащегося. Однако это не означает, что не надо работать над грамматическими правилами, поскольку отсутствие соответствующих знаний могут не только мешать общению, но и сделать его вообще невозможным. Для того чтобы иметь возможность полноценно общаться на иностранном языке недостаточно иметь богатый словарный запас. Нельзя забывать, что грамматика является важной частью овладения техникой речи любого языка. Базовое знание грамматических правил является прямым и необходимым условием овладения иностранным языком, без этого знания невозможно формирование умений и навыков понимания и построения связной иноязычной речи.

Важнейшим элементом оптимизации усвоения грамматики иностранного языка являются учебные стратегии.

Х. Фанк и М. Кениг разработали учебную стратегию SOS («собирать — упорядочивать — систематизировать»). S.O.S. — это стратегия для самостоятельного выявления грамматических правил, которая состоит из трёх этапов: во-первых, собрать как можно больше примеров и записать их

на листе бумаги, во-вторых, сортировать примеры в соответствии с сопоставимыми частями, в-третьих, систематизировать примеры таким образом, чтобы обнаружить грамматическое правило [Funk, Koenig 1991: 124]. Преимущество этого индуктивного метода заключается в том, что учащиеся сами работают с грамматикой. Они сами находят правила и, таким образом, грамматические знания лучше запоминаются. Х. Фанк и М. Кениг отмечают, что таким образом можно избежать многих проблем в изучении грамматики иностранного языка, возникающих из-за того, что объяснения в учебниках и справочниках сложные, содержат незнакомые для учащихся термины, а также краткие формулировки без дополнительных толкований и ссылок [Funk, Koenig 1991: 114].

Х. Шпербер даёт рекомендации по технике улучшения работы памяти при усвоении грамматических правил. Так, предлагается выбирать последовательные символы для определённых явлений грамматики и, в случае проблем с обучением, связать их с изучаемым материалом (например, z.B. einen Gewichtsheber für starke Verben), а также использовать пословицы и поговорки для запоминания грамматических правил (поскольку рифма и ритм помогают быстрее и легче усваивать примеры употребления грамматических явлений в речи). Такая учебная стратегия позволяет создавать интерактивные образы, которые врезаются в память и образуют ассоциативные связи между определёнными словами и данным грамматическим правилом [Sperber 1993: 19].

Следует принять во внимание, что на выбор той или иной учебной стратегии влияет целый ряд факторов. Различаются две группы таких факторов: характеристики учащегося (национальность, возраст, уровень знания, тип обучения, язык и др.) и характеристики учебного задания. Стратегии обучения могут быть гибкими в их сочетании и применении. Каждый учащийся может как выбирать

различные учебные стратегии, так и использовать разнообразные их последовательности, комбинируя их более или менее свободно [Пахмутова, Лаптева, Прожога 2017].

Таким образом, использование учебных стратегий при обучении иностранному языку ведёт к совершенствованию и оптимизации процессов приобретения учащимися новых знаний, активизирует такие мыслительные процессы как анализ, синтез, сравнение, обобщение и т.д. Использование учебных стратегий положительно влияет на формирование автономии учащегося в принятии решений в процессе изучения иностранного языка, делает эффективным даже такой скучный процесс, как усвоение грамматических правил.

Литература

Пахмутова Е.Д. Лаптева И.В., Прожога А.В. Учебные стратегии для непрерывного языкового обучения (неязыковой вуз) // *Филологические науки: вопросы теории и практики*. 2017. № 7-1 (73). С. 197–203.

Протасова Н.А. *Лингвокультурология*. Могилёв: МГУ, 2018.

Bimmel P., Rampillon U. *Lernerautonomie und Lernstrategien. Fernstudieneinheit 23*. München: Langenscheidt, 2000.

Funk H., Koenig M. *Grammatik lehren und lernen. Fernstudieneinheit 1*. München: Langenscheidt, 1991.

Sperber H.G. Gehen — ging — gegangen: Müssen denn deutsche Verbformen SO schwierig sein? Interaktive Gedächtnisbilder als Gedächtnisstützen // Fremdsprache Deutsch. 1993. № 8. S. 19–28.

Структура лексикона языковой личности (художественный дискурс)

Рингевич В.В.

(Республика Беларусь, Могилёв)

Вербально-семантический уровень образует основу языковой личности (по Ю.Н. Караулову) [Караулов 1987]. Это позволяет выявить единицы, составляющие индивидуальный лексикон главных героев художественных произведений как часть литературного дискурса [Рингевич 2017]. Так, в индивидуальном лексиконе Анны Карениной [Рингевич, Василенко 2017] и Григория Печорина [Рингевич 2019] были выделены лексико-семантические группы, а в них — наиболее частотные лексемы, на основе которых определяются индивидуальные семантические поля.

Рассмотрим здесь наиболее частотные имена существительные в лексиконе Анны Карениной и Григория Печорина. Вслед за Л.Н. Чурилиной [Чурилина 2011], этот макрокласс существительных дифференцируется на основе «смысловых значений «кто», «что», «где», «когда», «как / какой». В статье представлен анализ наиболее частотных имён существительных со смысловыми значениями «что».

I. На основе смыслового значения «что» в лексиконе Григория Печорина нами было выделено 39 высокочастотных лексем с общим количеством употребления 1 124: *рука* (79), *глаз* (71), *раз* (48), *лицо* (47), *голова* (41), *минута* (37), *быль* (35), *сердце* (35), *слово* (34), *час* (32), *голос* (31), вера (29), *взгляд* (29), *вид* (29), *разговор* (29), *дело* (28), *душа* (27), *вечер* (26), *время* (26), *мысль* (25), *жизнь* (24), *ночь* (23), *пот* (23), *стол* (23), *сторона (23), чувство* (23), *дом* (21), *пистолет* (21), *берег* (20), *гора* (20), *дверь* (20), *дорога* (20), *нога* (20), *комната* (19), *шаг* (19), *любовь* (17), *случай* (17), *солнце* (17), *вода* (16). В лексиконе

Анны Карениной было выделено 18 высокочастотных лексем с общим количеством употребления 263: *любовь* (33), *правда* (24), *положение* (24), *жизнь* (24), *слово* (18), *дом* (16), *ложь* (14), *развод* (13), *имя* (13), *право* (12), *время* (11), *рука* (11), *сердце* (9), *Москва* (9), бал (8), свет (8), скачки (8), слава (8).

Далее мы будем рассматривать только те значимые единицы, которые совпали с высокочастотными словами в лексиконе Григория Печорина: *рука*, *сердце*, *слово*, *время*, *жизнь*, *любовь*.

Микрокласс «Наименования тела, его частей, биологических элементов организма» представлен 14 словами с общим количеством употребления 54 у Анны Карениной и 58 словами с общим количеством употребления 457 у Григория Печорина. Все слова, нашедшие отражение в микроклассе, связаны с представлениями о человеке. Однако высокочастотных единиц в составе микрокласса всего две — это *рука* (11 употреблений у Анны Карениной и 79 употреблений у Григория Печорина) и *сердце* (9 употреблений у Анны Карениной и 35 употреблений у Григория Печорина).

В речи Анны Карениной лексема *рука* используется в двух значениях: в прямом — 10 употреблений, и в форме множественного числа с семантическим компонентом «обладание». «Словарь русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой даёт такое толкование: «употребляется для обозначения человека как обладателя, владельца чего-либо; взять в руки […] заставить повиноваться» [СРЯ 2]. Ср.: *Как худо его лицо, как коротки его волосы! Как длинны руки!*; *Это щекотит Алексея и больше ничего; но он мальчик и весь у меня в руках; ты понимаешь, я им управляю, как хочу.* В первом примере видим, как Анна Каренина использует лексему *рука* в его прямом значении, второй же пример отражает семантику обладания, а контекст служит явным тому подтверждением.

Лексема *рука* в речи Григория Печорина встречается в трёх значениях: 1) «Каждая из двух верхних конечностей человека от плечевого сустава до кончиков пальцев»: *В сенях трещала догоревшая свеча в деревянной тарелке, и казак мой, вопреки приказанию, спал крепким сном, держа ружье обеими руками*; 2) «В руках чьих или у кого (быть, находиться) в распоряжении кого-л.»: *И с той поры сколько раз уже я играл роль топора в руках судьбы! Как орудие казни, я упадал на голову обреченных жертв, часто без злобы, всегда без сожаления…*; 3) «Употребляется для обозначения человека как обладателя, владельца чего-л.»: *Завтра Карагез в моих руках; если нынче ночью Бэла не будет здесь, то не видать тебе коня…*

Таким образом установлено, что в лексиконе Григория Печорина, как и в лексиконе Анны Карениной, лексема *рука* встречается в прямом значении и в форме множественного числа с семантическим компонентом «обладание».

Лексему *сердце* Григорий Печорин использует в 4 значениях, представленных ниже, а Анна Каренина только в первых двух: 1) «Центральный орган кровообращения в виде мускульного мешка, находящийся у человека в левой стороне грудной полости» [СРЯ 3] находим у Григория Печорина (*Мое сердце точно билось сильнее обыкновенного*) и у Анны Карениной (*Я думаю, я думаю… если сколько голов, столько умов, то и сколько сердец, столько родов любви*); 2) «Этот орган как символ средоточия чувств, переживаний, настроений человека» [СРЯ 3] у Григория Печорина (*Да, я уже прошел тот период жизни душевной, когда ищут только счастия, когда сердце чувствует необходимость любить сильно и страстно кого-нибудь, — теперь я только хочу быть любимым, и то очень немногими; даже мне кажется, одной постоянной привязанности мне было бы довольно: жалкая привычка сердца!*) и у Анны Карениной (*Да, и повторяю, что человек, который попрекает меня, что он всем пожертвовал для*

меня, что это хуже, чем нечестный человек, — это человек без сердца). Следующие значения лексемы *сердце* находим только у Григория Печорина: 3) «Душевный мир человека, его переживания, настроения, чувства» [СРЯ 3]: *Странная вещь сердце человеческое вообще, и женское в особенности!*; 4) «Душевные качества, характер человека» [СРЯ 3]: *Жены местных властей, так сказать хозяйки вод, были благосклоннее; у них есть лорнеты, они менее обращают внимания на мундир, они привыкли на Кавказе встречать под нумерованной пуговицей пылкое сердце и под белой фуражкой образованный ум.*

Далее рассмотрим микрокласс «Слова, называющие физические, психические состояния человека», представленный единичной, но высокочастотной лексемой *любовь* (33 употребления у Анны Карениной и 17 употреблений у Григория Печорина). В соответствии со «Словарём русского языка», выделяем в дискурсе Анны Карениной два значения слова «любовь»: 1) «Чувство глубокой привязанности к кому-либо, чему-либо, материнская любовь; любовь к другу» [СРЯ 1]: *Он не верит и в мою любовь к сыну или презирает (как он всегда и подсмеивался), презирает это мое чувство* […]. В данном примере слово *любовь* используется Анной Карениной для выражения любви к сыну и определяет связь таких семантических полей, как «Слова, называющие физические, психические состояния человека» и «Наименования лиц по родству, свойству, семейному положению и др.». Данную связь можно проследить и в следующих примерах: 2) «Чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола» [СРЯ 1]: *Я хочу любви, а ее нет. Стало быть, все кончено!*; *Уважение выдумали для того, чтобы скрывать пустое место, где должна быть любовь. А если ты больше не любишь меня, то лучше и честнее это сказать.* В приведенных примерах Анна Каренина обращается к Алексею Вронскому. однако никогда не

называет его любовником, в то время как по отношению к себе использует слово *любовница* 4 раза. В дискурсе Григория Печорина слово *любовь* встречается только во втором значении из двух приведенных выше: *Я опять ошибся: <u>любовь</u> дикарки немногим лучше любви знатной барыни.*

Микрокласс «Слова, именующие речевую деятельность, единицы речи, единицы информации» представлен высокочастотной лексемой *слово* (34 употребления у Григория Печорина и 18 употреблений у Анны Карениной).

Высокочастотную лексему *слово* Григорий Печорин использует в трёх значениях: 1) «Единица речи, представляющая собой звуковое выражение понятия о предмете или явлении объективного мира» [СРЯ 3]: *Тут между нами начался один из тех разговоров, которые на бумаге не имеют смысла, которых повторить нельзя и нельзя даже запомнить: значение звуков заменяет и дополняет значение <u>слов</u>, как в итальянской опере*; 2) «Высказывание, словесное выражение мысли, чувства и т. п.» [СРЯ 3]: *Последние мои <u>слова</u> были вовсе не у места, я тогда не подозревал их важности, но впоследствии имел случай в них раскаяться.*; 3) «Обязательство сделать, выполнить что-л.; обещание» [СРЯ 3]: *Только я вам даю мое честное <u>слово</u>, что она будет моя…* Отметим, что данная лексема чаще всего используется именно со значением «обещание». В свою очередь, Анна Каренина использует данную лексему только в основном, общепринятом значении «высказывания, словесного выражения мысли, чувства и т. п.» [СРЯ 3]: *Если он придёт, несмотря на <u>слова</u> горничной, то, значит, он еще любит*; *Если у тебя есть грехи, они все простились бы тебе за твой приезд и эти <u>слова</u>.*

Таким образом, семантический и частотный анализ одной группы имён существительных в речи Анны Карениной и Григория Печорина позволил наглядно

показать специфику употребления лексических единиц и их роль в лексиконе языковой личности художественного дискурса.

Сокращения

СРЯ 1 — *Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2: К–О* [Электронный ресурс] / под ред. А.П. Евгеньевой. — 2005. — Режим доступа: http://slovari.ru/search.aspx?p=3068. — Дата доступа: 09.09.2021.

СРЯ 2 — *Словарь русского языка: в 4 т. Т. 3: П–Р* [Электронный ресурс] / под ред. А.П. Евгеньевой. — 2005. — Режим доступа: http://slovari.ru/search.aspx?p=3068. — Дата доступа: 09.09.2021.

СРЯ 3 — *Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4: С–Я* [Электронный ресурс] / под ред. А.П. Евгеньевой. — 2005. — Режим доступа: http://slovari.ru/search.aspx?p=3068. — Дата доступа: 09.09.2021.

Литература

Караулов Ю.Н. *Русский язык и языковая личность*. М.: Наука, 1987.

Васіленка К.М., Рынгевіч В.В. Моўная асоба Ганны Карэнінай у літаратурным дыскурсе і кінадыскурсе // *Вестник МГЛУ. Серия 1: Филология*. 2017. № 3(88). С. 73–79.

Рингевич В.В. Литературный дискурс и кинодискурс в системе арт-дискурса // *Філологічні студії*. 2017. Вип. 16. С. 417–424.

Рингевич В.В. Семантическая структура лексикона Григория Печорина в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // *Філологічні студії*. 2019. Вип. 20. С. 146–156.

Чурилина Л.Н. *Языковая личность в художественном тексте*. М.: Флинта; Наука, 2011.

Языковые средства отражения проблем миграции в современной англоязычной и испаноязычной прессе

Рокотянская М.М.

(Россия, Москва)

В современном мире проблема нелегальной миграции особенно актуальна как для Великобритании и США, так и для Испании. Проблематикой исследования газетно-информационных материалов в контексте освещения проблем, связанных с миграцией населения в экономически развитые страны, уже занимались англоязычные исследователи. В частности, в исследованиях Теуна А. ван Дейка подтверждается тенденция усиления маргинализации иммигрантов, беженцев и других меньшинств другими элитами в британской прессе [Teun van Dijk 1995: 86–115].

В одном из исследований испаноязычных авторов утверждается, что отношение к мигрантам как правило отражено в негативном ключе и подтвержденные данные свидетельствуют о том, что большинство исследуемых газетных статей содержат информацию о нарушении прав мигрантов [Román, García, Alvarez 2011: 173–186].

Особую актуальность в современной Испании представляют такие проблемы как дискриминация, нетерпимость и различные формы нарушений прав человека. Данные явления становятся все более обсуждаемыми в связи с наплывом большого количества мигрантов из стран Ближнего Востока и Северной Африки в период миграционного кризиса в Европе в 2015 году [Ашмарина, Цымбалова 2020: 97–106].

В рамках данного лингвистического анализа были рассмотрены лексико-грамматические особенности статей современной качественной англоязычной и испаноязычной

прессы («The New York Times», «The Washington Post», «The Guardian», «El Mundo», «El Pais», «La Vanguardia») за период с 2019 по 2020гг.

На грамматическом уровне необходимо отметить высокую частотность использования вопросительных конструкций, модальных конструкций, сравнительных конструкций и условных конструкций.

Количественный анализ грамматических конструкций в испаноязычной прессе за 2019-2020 гг. демонстрирует тенденцию преимущественного употребления сравнительной конструкции в рамках отражения проблемы нелегальной миграции [Рокотянская 2021: 190-194]. Пример: ***La población inmigrante en España es joven, con estudios universitarios y los peores salarios***. Перевод: В Испании мигранты являются людьми молодого возраста, с университетским образованием и с минимальной заработной платой. Пример сравнительной конструкции из англоязычной статьи: ***In reality, violent crime in America's big cities is near historical lows, and all the available evidence suggests that immigrants are, if anything, less likely than the native-born to commit crimes.*** Перевод: В действительности, уровень жестоких преступлений в крупных городах США близок к историческому минимуму, и все имеющиеся данные свидетельствуют о том, что иммигранты, во всяком случае, менее склонны к совершению преступлений, чем коренные жители.

Как в англоязычной прессе, так и в испаноязычной модальность выражает необходимость принятия действий, обеспечивающих равноправие между представителями разных национальностей в пределах одной страны. Пример: ***Hay que ofrecer vías legales: ordenar la inmigración***. Перевод: Необходимо предложить законные способы: упорядочить процесс иммиграции. Пример: ***I dreamed that my baby might grow up in a better world than mine, perhaps even a post-racial one.*** Перевод: «Я мечтала, чтобы мой ребенок мог бы расти в

лучшем мире, в отличие от меня. Возможно даже в пострасовом обществе».

Наиболее частотными лексическими конструкциями в англоязычной и испаноязычной прессе в рамках отражения миграционных проблем являются: лексика с отрицательной оценочностью, использование аббревиатур, а также образной лексики.

Пример из англоязычной прессы: ***Brexit, polarisation and the poisonous debate about immigration threaten to turn our diversity into division. That would be a historic disaster for the country.*** Брексит, поляризация общества и отвратительные споры об иммиграции подвергают опасности привести нашу культурную разнородность к социальному неравенству. Это стало бы исторической катастрофой для страны. Таким образом, в данном предложении примерами лексики с отрицательной оценочностью являются слова: ***poisonous***, ***threaten*** и ***disaster***. Среди лексических единиц с отрицательной оценочностью в рамках обсуждения проблем мигрантов в испаноязычной прессе можно отметить следующие: ***desigualdad, violencia, impunidad, insultos, odio, horrores, conflictos, xenofobia, intolerancia*** и т. д.

В испаноязычной прессе чаще всего встречаются примеры следующих аббревиатур: ***Liga de Ciudadanos Latinoamericanos Unidos (LULAC)*** — Лига объединенных латиноамериканских граждан. ***Comisión Española de Ayuda al Refugiado (Cear)*** — Испанская комиссия помощи беженцам. ***Organización Internacional para las Migraciones (OIM)*** — Международная организация по миграции, созданная по инициативе правительств западноевропейских государств в целях упорядочивания перемещения населения европейских стран после окончания Второй мировой войны. ***Centros de Internamiento de Extranjeros (CIE)*** — Центр интернирования иностранцев. В англоязычной прессе можно отметить следующие аббревиатуры: ***BAME (Black, Asian and Minority Ethnic)*** — Чернокожие, азиаты и этнические

меньшинства. ***NPCC — The National Police Chiefs' Council***- Национальный совет начальников полиции. ***NRPF- no recourse to public funds***- без прав на государственную помощь.

Среди образных выражений отмечается лексика преимущественно метафорического характера. Пример из газеты "The Guardian": ***President Trump has often sowed the seeds of division for his own advancement***. (sowed the seeds of division — сеять семена раскола). Пример из испанской газеты «El Mundo»: ***Atrás quedan las 65.000 llegadas del año pasado cuando la ruta del Mediterráneo occidental era la principal puerta de Europa de la inmigración irregular.*** (la principal puerta de Europa — главные ворота в Европу).

В заключение необходимо отметить, что на сегодняшний день проблема миграции представляет особую актуальность в современном обществе и как следствие вызывает такие проблемы как: дискриминация, нетерпимость, столкновение с полицией, проблемы со службой миграции, конфликты с коренным населением. Разумеется, подобные реалии все чаще находят свое отражение в современной прессе и представляют большой интерес для всестороннего лингвистического исследования.

Литература

Ашмарина А.А., Цымбалова А.Е. Деятельность и структура ключевых министерств королевства Испании по борьбе с расизмом, ксенофобией и другими видами дискриминации/ Ашмарина А.А., Цымбалова А.Е.//Вестник Томского государственного университета, 2020. № 460. С.97-16.

Рокотянская М.М. Лексико-грамматические средства отражения национального вопроса в англоязычной и испаноязычной прессе/ Рокотянская М.М.// Глобальный научный потенциал, 2021. №7 (124). С. 190-194.

Teun van Dijk, T.A. Elites, Racism and the Press. Z Literaturwiss Linguistik 25, 86–115 (1995). [Электронный ресурс] URL: https://doi.org/10.1007/BF03377218 (дата обращения: 05.10.20).

Román Mercedes; García Aurora; Alvarez Sheila, Tratamiento informativo de la mujer inmigrante en la prensa española. Pontificia Universidad Católica de Chile, Cuadernos de Información, núm. 29, julio-diciembre, 2011, pp. 173-186.

Проявление *эйблизма* в публичных текстах (на примере табличек о местах для инвалидов)[9]

Руднева Е.А.

(Россия, Санкт-Петербург)

Российская дискуссия вокруг политкорректности сосредоточилась, прежде всего, на правильных и неправильных наименованиях. Между тем фразы, которые составлены из нейтральных слов, могут так или иначе отражать предубеждения против тех или иных групп людей и участвовать таким образом в дискриминации.

Эйблизм, под которым понимается «дискриминация людей с особенностями здоровья и развития, а также создание и распространение стереотипов о них» [Плошкина 2020] проявляется на уровне лексики, дискурса и социальных практик. Термин известен носителям языка, прежде всего молодым активистам, которые узнали об этом явлении, о том, как его называть и как о нем говорить.

Разговор о дискриминации касается прежде всего границ между «своими» и «иными», проводимых на уровне социальных практик и дискурса. В категорию «иных» во многих сообществах попадают люди с инвалидностью [Ablon 1995]. С другой стороны, согласно социальной модели инвалидности, которая возникла в общественном

[9] *Исследование проведено в рамках проекта РНФ от РГГУ «19-78-10081 «Политкорректность в русском языке и в русской культуре».*

движении в противовес медицинской, барьеры создаются не столько самими недугами, сколько обществом [Shakespeare 2010].

В основе исследования — подход лингвистической антропологии, одна из основных целей которого — изучение мнений и высказываний представителей сообществ. Вторым методологическим компонентом исследования является критический дискурс-анализ: языковой материал рассматривается в контексте социальных, культурных и политических процессов, которые отчасти осуществляются на уровне дискурса [Fairclough, Wodak 2010: 101]. Такой подход позволяет выделить стоящие за словами и высказываниями идеологии, далеко не всегда осознаваемые носителями языка и часто представляющие собой ложные или скрытые конструкты общества [там же]. В рамках выбранного подхода борьбу с «эйблизмами» можно рассматривать как идеологию, актуальную для активистского дискурса об инвалидности.

В свете этой проблематики рассмотрим надписи на табличках в публичных местах. Во-первых, они представляют собой речевые действия, а во-вторых, являются частью дискурса об инвалидности. В-третьих, нам интересно то, как эти надписи воспринимаются и интерпретируются носителями языка, какие идеологии этом учитываются.

Метод сбора материала — опрос, проведенный в социальной сети: https://forms.gle/dtT6bAmyvTExobfp7. Под фотографиями был задан вопрос: «Повесили ли бы Вы такое объявление и почему? Какие эмоции вызывает?». Всего на данный момент опрос прошло 44 человека, часть из которых указали наличие инвалидности.

Приведем два примера таких табличек, которые некоторые участники опроса посчитали проявлением *эйблизма*. Пример 1: «Точно хочешь быть на месте инвалида?» (на парковке). Это вопрос, обращенный к тем,

кто не является инвалидом, что отметили некоторые респонденты. Здесь используется риторический прием — игра с двумя значениями, прямым и переносным, который, с одной стороны, привлекает внимание, но с другой, подчеркивает границу между «своими» и «иными»: «Первое ощущение — действенная и занимательная игра слов и смыслов, «цепляет». Но потом вызывает недоумение: вроде бы тенденция к инклюзивности, предполагающая сделать среду обитания комфортной и естественной для людей с ограниченными возможностями, чтобы они были точно такими же участниками городской жизни и пространства, как люди без ограничений. Но эта надпись как раз подчеркивает эксклюзивность этой категории горожан».

По иллокутивной силе — это предостережение, но многие воспринимают как угрозу, напр.: «Это сформулировано двусмысленно, может читаться как угроза. Кроме того, подразумевается, что жизнь инвалида заведомо полна страданий. Это неверно и оскорбительно» (респондент с инвалидностью); «Звучит как угроза». Часть опрошенных считывают имплицитные значения — идеи, во-первых, о нежелательном, плохом месте, а во-вторых, о том, что те, кто на нем оказывается, делает это как будто бы по своей воле. Несмотря на то, что такие таблички решают практическую задачу и следуют закону, даже сам факт выделения места для какой-то одной группы, дискриминируют ее. Если же при этом рисуется образ «иных» как нечто плохое, то впечатление несправедливости усугубляется и может перерасти в оскорбление и агрессию: «Звучит оскорбительно» (респондент с инвалидностью); «в отношении тех, у кого есть мысль встать незаконно на инвалидное место — пассивная агрессия вместо обучения, обвинение».

Приведем цитату молодого активиста с инвалидностью: «Данный дорожный знак является проявлением общественного эйблизма. В сообщении заложен тот смысл,

что "место инвалида" настолько ужасно, что если человек без инвалидности займёт это место (то есть припаркуется здесь), то запачкается и осквернится. Вообще, это напоминает различные объявления в общественных местах по поводу расового разделения в США во время сегрегации. Также это похоже на то, что писали в гитлеровской Германии. И ещё отсылает к различным кастовым системам, например, к иерархической системе внутри мест заключения, где претерпевшие насилие становятся неприкасаемыми и "ритуально не чистыми". Добавлю, что я нейроотличный инвалид, и не хотел бы быть ни на чьём другом месте, кроме моего собственного, но не потому, что другие места "хуже", а потому что я верю, что у каждого человека в этом мире есть своё индивидуальное предназначение». Здесь опять-таки идет речь о разделении на «своих» и «иных». Во-вторых, обсуждается категория чистого и грязного. В-третьих, дискуссия помещается в политический контекст, проводятся параллели с сегрегацией и кастовым разделением. Наконец, актуальна идеология признания инвалидности важной частью идентичности.

С другой стороны, объявление получило и положительные оценки, отражающие при этом негативные представления об инвалидности: «Отличное объявление, может здоровые парковаться не захотят»; «Да, повесила бы, злое, но точное»; «Отличное объявление, может здоровые парковаться не захотят»; «Повесила бы. Мне кажется, оно заставляет задуматься, а просто перечёркнутый значок не заставляет».

Рассмотрим еще одно объявление: «Это скамья для маломобильных групп населения. Пожалуйста, не наносите ей вред, ведь не дай Вам Бог, в будущем воспользоваться ей по назначению. Спасибо за понимание. www.ТИФЛОЦЕНТР.рф». В ответах представлены различные варианты оценок (в скобках приводятся диагнозы так, как их указали сами респонденты). Многие таже видят

угрозу и говорят о негативных эмоциях, которые вызывает текст: «Жестко, но наверное так и надо» (аутист); «Странный текст. Как будто если нет опасности стать инвалидом, то можно ломать и крушить скамейки. Звучит как выпрашивание и без того нормального поведения» (инвалидность по зрению); «Не нравится. Печально, что людей запугивают инвалидностью, это приводит к жалости к людям с инвалидностью, а они не хотят жалости» («У меня нет инвалидности, но у меня хроническое психиатрическое заболевание»); «В этом объявлении лишняя запятая, упомянут бог с большой буквы, и опять подразумевается, что находиться в маломобильной группе населения заведомо тяжело. Опять же, объявление имеет интонацию если не угрозы, то сглаза» (кифосколеоз).

Надпись оценивается по различным критериям, напр., с точки зрения иллокутивной силы, эффективности, правильности, для интерпретации привлекаются различные контексты, напр., религиозный и политический. Молодой активист с инвалидностью опять проводит исторические параллели и неоднократно использует термин *эйблизм*: «Данное объявление на скамье тоже является эйблистским и содержит в себе густой оттенок сегрегации. Кроме того, согласно этому сообщению получается, что все другие скамейки портить не возбраняется (может быть, даже, приветствуется!), а вот эту вот, для маломобильных групп населения лучше не трогать, а то сработает карма и "цыплята вернутся на насест", поскольку скамейка, как здесь подразумевается, "заколдована", и заключает в себе нечто такое, во что "не дай Бог никому попасть"»; «В этом послании содержится как жёсткий эйблизм, так и проявление общего низкого уровня культуры и неуважение к человеческой личности». Кроме того, респондент видит противоречие в том, что отдельно говорится о порче именно этой скамейки.

Выделение специальных мест для инвалидов, которое задумывалось как защита их прав, становится реальным и метафорическим воплощением границ между «своими» и «иными». Таблички в общественных местах оцениваются по различным критериям, рассматриваются как коммуникативное и социальное событие, со стоящими за ним социальными отношениями. Надписи интерпретируются с учетом известных идеологий (даже если не известны автору) и могут быть считаны реципиентами как проявление *эйблизма* и агрессии, предубеждений против людей с инвалидностью, отражением их социальной «эксклюзивности» и разделения на «своих» и «иных».

Литература

Ablon J. ‘‘The elephant man’’ as ‘‘self’’ and ‘‘other’’: The psychosocial costs of a misdiagnosis // *Social Science and Medicine*. 1995. 40. P. 1481–1489.

Fairclough N., Wodak R. Critical Discourse Analysis in Action // *Applied Linguistics Methods. A Reader: Systemic Functional Linguistics, Critical Discourse Analysis and Ethnography*, ed. by Coffin C., Lillis T., O’Halloran K. London, NY: Routledge. [1997] 2010. P. 98–111.

Shakespeare T. The Social Model of Disability // *The Disability Studies Reader*, ed. by Davis L.J. NY: Routledge, 2010. P. 266–273.

Плошкина А. Что такое эйблизм и как «безобидные» фразы приводят к дискриминации. 2020. https://lifehacker.ru/ejblizm (дата обращения: 27.10.2021).

Метаязык фламенко как отражение языковой картины мира испанцев

Смирнова Е.В.

(Россия, Москва)

В последние десятилетия в современном мире отчетливо видна тенденция к ускорению движения человечества в сторону глобализации. Все острее ощущается стирание границ между странами и их культурами, что, как следствие, приводит к ослаблению ощущения самоидентичности народов. В связи с этим в ряде случаев возникает объективная необходимость показать, а иногда и доказать человеку, принадлежащему к другой культуре, факт и правомерность существования иного видения окружающей его действительности.

Комплексное изучение феномена культуры занимает особое место, как в лингвистике и лингвокультурологии, так и в других науках. Прежде всего это обусловлено тем, что культура, которую формирует человеческая деятельность, охватывает и его самого, а также способы и результаты, воплощенные данной деятельностью.

Тот факт, что каждый язык имеет свой способ концептуализации действительности свидетельствует о том, что и картина мира у каждого языка своя, и языковая личность, формирующая часть этой системы, выстраивает свою языковую деятельность в соответствии с этой картиной, так как в этом и заключается особенность восприятия мира человеком, зафиксированная в языке.

Применительно к лингвистике картина мира представляет собой способность языка фиксировать и хранить знания и представления определенного языкового сообщества о мире. Таким образом, изучая картину мира сквозь призму лингвистики, мы изучаем язык не только в его

основной коммуникативной функции, но и рассматриваем его как источник аккумуляции и хранения знаний о традициях и культуре народа.

Значительный вклад в изучение понятия «языковая картина мира» в отечественной испанистике внесла О.С. Чеснокова, определяя его следующим образом: «Языковая картина мира как новая онтология филологического знания позволяет выйти за рамки поуровневого описания единиц языка и представить их в виде единого целого, функционирующего в дискурсе как сложном речемыслительном образовании, обусловленным менталитетом и устойчивыми кодами культуры. Рассмотрение полинационального испанского языка через призму национально-специфичной языковой картины мира его носителей позволяет прийти к глобальным выводам об общих путях и перспективах развития языка как знаковой и коммуникативной систем» [Чеснокова 2006: 221].

Опираясь на представление о культуре Испании в разных странах, обращает на себя внимание тот факт, что у многих она ассоциируется с конкистадорами, бесстрашными рыцарями, отважными тореадорами, выдающимися художниками, колоритной гастрономией и страстным фламенко. Отметим, что культурный синтез в Испании ярче всего представлен в южных регионах страны. Именно в этих областях наиболее активно осуществлялось взаимодействие сменявших друг друга культур. Юго-восточные области вобрали в себя ориентальные финикийские традиции, процесс романизации также в большей степени затронул юг страны. И вполне закономерно, что именно на юге Испании зародилось искусство фламенко.

Стиль фламенко сформировался в среде цыган и представляет собой синтез из цыганских напевов, возникших под влиянием древнеиндийских мотивов и обогащенных местным андалузским фольклором. По словам автора книги «Фламенко: тайны забытых легенд», «человек, очарованный

красотой линий и выразительностью движений в танце фламенко, скажет: “Фламенко — это прежде всего танец”. Тот, кто слушал гитару фламенко, выделит ее как “королеву” инструментов, в которой в полной мере раскрываются поэтическая душа народа и склонность к импровизации» <…> Ореол таинственности и мистической идеи “высшего состояния” найдет в искусстве фламенко жаждущий постижения истинной природы вещей» [Эль Монте Анди 2003: 9].

Фламенко является не просто частью культуры Испании, его роль выходит далеко за пределы понятия национального танца. Это особое состояние души, особый мир, имеющий свои традиции и обычаи. Феномен фламенко формирует уникальный лексический пласт, описывающий основные фрагменты данного культурного явления, с развитой системой ассоциаций и символов. Изучение метаязыка фламенко методом анализа его лексико-семантической составляющей позволяет представить языковой мир фламенко, в котором отражены дух и характер испанцев.

Метаязык является важным для многих гуманитарных наук понятием, это особая семиологическая система, специальный язык семантического описания, язык второго порядка. Метаязык фламенко сформирован лексикой, описывающей движения, характерные для этого танца, междометия, стили пения, костюмы и различные танцевальные элементы.

Среди стилей фламенко выделим *cante jondo* («канте хондо») — музыкальное народное искусство Андалусии, основанное на древнейших индийских музыкальных матрицах и *cante flamenco* («канте фламенко»), созданный андалузскими крестьянами параллельно с *канте хондо*.

Канте фламенко имеет несколько видов: *cante a palo seco* — пение без гитарного аккомпанемента в сопровождении лишь хлопков в ладоши или ударов

каблуками слушателей, отбивающих ритм; *cante a compás* — песня, исполняемая в соответствии с четким ритмом и согласованностью между кантаором и токаором; *cante ad libitum* — пение, не подчиняющееся строгому ритму; *cante grande — досл.* «большое пение» — песни, отличающиеся особой длительностью и широким диапазоном мелодий, которые, как правило, относятся к древнейшим стилям *канте хондо; cante chico — досл.* «малое пение», это песни праздничного характера, но, в отличие от «большого пения», не относящиеся к древним стилям; *cante bonito — досл.* «красивое пение», исполняется кантаором, чтобы показать все достоинства своего голоса и все свое мастерство, украшая и усложняя ее, смешивая различные стили; *cante largo — досл.* «длинное пение», это песня с большим количеством куплетов; *cante corto — досл.* «короткое пение»; *cante para bailar (cante alante)* –пение, исполняемое для аккомпанемента танцу; *cante para escuchar (cante atrás; cante atrás)* — это пение, предназначенное только для слушанья, кантаор находится в глубине сцены, чтобы уступить место танцорам; *cante de faena* — так называют песни, созданные для исполнения во время работы; *cante de las minas* — так именуют песни, зародившиеся в Альмерии, Хаэне и Мурсии (такие стили, как картахенера, таранта, минера).

К песенным формы *канте фламенко* относятся: *petenera* («петенера»), *malagueña* («малагенья»), *granadina* («гранадина»), *rondeña* («ронденья»), *sevillana* («севильяна»).

Помимо стилей фламенко ключевым элементом данного вида искусства является танец.

Приведем примеры слов, описывающих ключевые элементы танца фламенко: *braceo* («брасео») — движения руками, позиции рук; *escobilla, escobillado* («эскобилья», «эскобильядо») — в танце фламенко относится к постукиванию каблуками, обычно в алегриас; *giros, vueltas* («хирос», «вуэльтас») — повороты; *golpeo* («гольпео») — удары кулаков по столу; *floreo* («флорео») — вращение

кистей; *palmas* («пальмас») — создание ритма с помощью хлопков (глухих и звонких); *paseos* («пасеос») — проходка, торжественный шаг, который соединяет две секции танца, также может являться отдельным элементом; *pitos* («питос») — прищелкивания пальцами; *ponta* («понта») — удар кончиком туфли или пальцами ноги об пол для извлечения характерного звука; *son* («сон») — так называется ритм в языке фламенко, для каждого стиля характерен свой особый *сон*; *taconeo* («токанео») — отрывистый или чиркающий удар каблуком, пристукивание каблуками в ритм песне; *talón* («талон») — удар каблуком; *zapateo* («сапатео») — дробь фламенко, включающая в себя вышеуказанные удары.

Безусловно, важную роль в метаязыке фламенко занимает лексика, описывающая различные стили и приемы игры на гитаре: *melisma* («мелизма») — украшение из нескольких нот, спетых на один слог, характерное для большинства стилей фламенко; *arabesco* («арабеско») — прием из нескольких мелизмов, используемый в песне или в игре на гитаре; *floreo* («флорео») — прием игры на гитаре, когда гитарист касается двух или трех струн гитары поочередно указательным, средним и безымянным пальцами в быстром темпе, заставляя ноты звучать непрерывно; *falsetas* («фальсетас») — мелодические фразы, сольные фрагменты, заполняющие паузы между вокальными фразами, играя которые токаор может дать волю своей творческой фантазии, импровизируя и украшая их (исполняются в основном приемом *punteado* «пунтеадо»); *punteado* («пунтеадо») — стиль игры на гитаре фламенко, когда токаор исполняет мелодию, извлекая ноты указательным и средним пальцами правой руки поочередно, эпизодически применяя аккорды; *rasgueo, rasgueado* («расгео», «расгеадо») — прием игры на гитаре фламенко, когда токаор движением пальцев правой руки, напоминающим раскрытие веера, быстро ударяет по струнам

гитары, извлекая полнозвучные аккорды; *toque flamenco* («токе фламенко») — игра на гитаре фламенко.

Структурирование лексики фламенко по лексико-семантическим группам позволяеь наглядно представить его внутреннее устройство. Представление феномена фламенко как образно-знаковой системы дает возможность понять и глубже взглянуть на специфику танцевального языка в аспекте его символов и содержания

Богатая история развития искусства фламенко свидетельствует о том, что фламенко никогда не уходило далеко от своих первоначальных традиций, сохраняя свою ритуальную чистоту, несмотря на воздействие внешних факторов.

Литература

Смирнова Е.В. *Культурные доминанты в языковой картине мира испанцев*: *дис.канд.филол. наук*: 10.02.05/Смирнова Екатерина Валерьевна; Российский университет дружбы народов. М., 2015. — 206 с.

Чеснокова О.С. *Испанский язык Мексики: Языковая картина мира: Монография*. М.: РУДН, 2006. — С. 221.

Эль Монте Анди *Фламенко: тайны забытых легенд*. Тула: Мусалаев, 2003. — С. 9.

García Matos M. *Introdicción a la investigación de orígenes del canto flamenco. Los orígenes del flamenco*. Madrid, 1969.

Гендерный аспект языковой игры в юмористическом дискурсе (синтаксический уровень)

Сокол В.В.

(Республика Беларусь, Могилёв)

Гендерные различия речи мужчин и женщин как носителей языка обусловлены многочисленными факторами.

В большинстве случаев, как известно, женщины говорят, чтобы установить контакт, а мужчины — чтобы найти решение проблемы. Принято считать, что чувство юмора у женщин и мужчин также весьма существенно отличается.

Наиболее ярко и выразительно гендерные различия в речи проявляются в ситуации языковой игры как неотъемлемого компонента юмористического дискурса. Выделяются фонетическая, словообразовательная, лексическая и синтаксическая языковая игра [Василенко, Книга 2018; Книга 2019ab; Сокол 2020; Сокол 2021].

Цель исследования — дифференцировать по гендерному признаку средства языковой игры в юмористическом дискурсе.

Материалом для исследования послужили 404 случая языковой игры, отобранных методом сплошной выборки из 1, 6, 7 и 8 сезонов американского ситкома «Friends». В результате исследования установлено, что синтаксическая языковая игра является второй по употреблению в речи мужских и женских персонажей данного ситкома: из 404 случаев использования языковой игры 315 случаев представляют собой лексическую языковую игру (173 случая использования обнаружено в речи мужских персонажей, 142 — в речи женских), 42 — синтаксическую (23 — в речи мужских, 19 — в речи женских персонажей), 25 — фонетическую (12 — в речи мужских, 13 — в речи женских персонажей) и 22 случая — словообразовательную языковую игру (по 11 случаев в речи мужских и женских персонажей).

Наиболее типичными приёмами синтаксической языковой игры являются зевгма, парцелляция, повтор, тавтология, риторический вопрос. Количество случаев использования синтаксической языковой игры в речи мужских и женских персонажей ситкома «Friends» можно представить в виде следующей таблицы.

Приём	Мужские персонажи	Женские персонажи
Зевгма	0	0
Парцелляция	0	2
Повтор	12	10
Риторический вопрос	6	6
Тавтология	5	1
Всего	**23**	**19**

Как можно видеть, мужские и женские персонажи в своей речи использовали такие приёмы синтаксической языковой игры, как повтор, риторический вопрос и тавтология. Женские персонажи использовали приём парцелляции, в речи мужских персонажей данного приёма обнаружено не было. Мужские и женские персонажи не использовали приём зевгмы.

Повтор является наиболее употребляемым приёмом в речи мужских и женских персонажей ситкома «Friends».

Чендлер радуется субботнему вечеру: *Chandler: So **Saturday night**, the big **night**. Date **night**! **Saturday night. Saturday night!** (S1E5, 1:48)*. Рэйчел не может поверить, что у неё будет ребенок: *Rachel: **I'm gonna have a baby. I'm gonna have a baby. I'm gonna have a baby**! (S8E1, 25:42).*

Вторым по употреблению в речи мужских и женских персонажей является прием риторического вопроса.

Росс не успевает добираться на занятия в другой корпус университета. Рэйчел не понимает, почему он не может ездить на такси: *Rachel: Why didn't you take a cab? Ross: With the traffic and one-way streets, it'd take me twice as long. And I have class three times a week**. Who am I, Rockefeller**? (S8E12, 15:31).* Рэйчел влюбилась в итальянца, которого только встретила. Она не понимает, как так получилось: *Rachel: My God, you guys. **What am I doing? What am I doing?** This is so un-me (S1E7, 18:20).*

Мужские персонажи используют приём тавтологии чаще, чем женские. Джоуи написал речь на свадьбу Моники и Чендлера. В своей речи он сделал акцент на слова «давать», «получать», «иметь» и «делиться»: *Joey: We are gathered here today on this joyous occasion to celebrate the special love that Monica and Chandler share.* ***It is a love based on giving and receiving as well as having and sharing. And the love that they give and have is shared and received. And through this having and giving and sharing and receiving we too can share and love and have and receive*** *(S7E16, 11:24).* Рэйчел уговаривает Монику пойти на свидание с милыми докторами, которые их пригласили: *Rachel: What? Monica, th****ey are cute. They are doctors. Cute doctors. Doctors who are cute*** *(S1E17, 5:53).*

Женские персонажи используют прием парцелляции, однако в речи мужских персонажей этот приём не обнаружен. Моника комментирует шутку, которую придумали Росс и Чендлер: *Monica: You are both idiots.* ***It's not funny. And it's offensive to women. And doctors. And monkeys.*** *You shouldn't be arguing over who gets credit, you should be arguing over who gets blamed for inflicting this horrible joke upon the world! Now let it go! The joke sucks****!*** *(S6E12, 17:29).*

Таким образом, синтаксическая языковая игра является второй по употреблению в речи мужских и женских персонажей ситкома «Friends». Персонажи используют почти все приёмы синтаксической языковой игры. Однако то, что в речи мужских и женских персонажей не был обнаружен приём зевгмы, а парцелляцию не использовали только мужские персонажи, убедительно свидетельствует о гендерной детерминированности предпочтительного выбора средств языковой игры в юмористическом дискурсе.

Литература

Василенко Е.Н., Книга Ю.А. Лексическая языковая игра в современном американском юмористическом дискурсе // *Теоретические и*

практические предпосылки подготовки полилингвальных специалистов в УВО вузе. Могилёв: МГУ, 2018. С. 69–72.
Книга Ю.А. Синтаксическая языковая игра в американском юмористическом дискурсе (на материале ситкома «Scrubs») // *Романовские чтения — XIII* / под ред. А.С. Мельниковой. Могилёв: МГУ, 2019a. С. 148–150.
Книга Ю.А. Фонетическая языковая игра в американском юмористическом дискурсе (на материале ситкома «Scrubs») // *На перекрёстке культур: единство языка, литературы и образования — I*. Могилёв: МГУ, 2019b. С. 116–119.
Сокол В.В. Лексическая языковая игра в американском юмористическом дискурсе (на материале ситкомов “Friends” И “The Big Bang Theory”) // Філологіка. Кривий Ріг, 2020. С. 215–224.
Сокол В.В. Словообразовательная языковая игра в ситкоме «Friends» // *На перекрёстке культур: единство языка, литературы и образования — II*. Могилёв: МГУ, 2021. С. 104–107.

Латинский язык в медицинском вузе: использование личностноориентированной системной иерархической модели преподавания

Соколова А.Ю., Гавриленко Н.Г.

(Россия, Тверь)

Личностноориентированная системная иерархическая (ЛСИ) модель преподавания иностранных языков специалистам и студентам неязыковых специальностей представляет собой обучающую систему, в центре которой находится языковая личность с ее потребностями, интересами, возможностями, приобретенным опытом и навыками.

Основной концепт предлагаемой модели заключается в том, что в процессе преподавания иностранного языка необходимо, прежде всего, удовлетворить потребности данной языковой личности. Это необходимо делать с учетом ее возможностей и уже имеющихся навыков и опыта. Данная

особенность определяет целеполагание образовательного процесса, его содержание, методы и средства осуществления.

Предлагаемая модель состоит их трех этапов, или сфер коммуникации:

- сфера обиходно-бытового общения (базовый курс);
- сфера делового общения;
- сфера профессионального общения.

Отбор коммуникативных ситуаций для каждой сферы коммуникации должен осуществляться с учетом потребностей языковой личности, то есть включать те коммуникативные ситуации, в которых данная языковая личность должна общаться на иностранном языке. Разумеется, общение в данном случае понимается широко — как устная беседа, письмо, чтение, восприятие речи на слух и т.д., т.е. включает все проявления и формы вербальной коммуникации.

Основной дидактической единицей модели является текст. Именно использование текста, в котором грамматический строй и лексическая система языка усваиваются в системе, а не изолированно, позволяет не нарушать естественную целостность языковой системы.

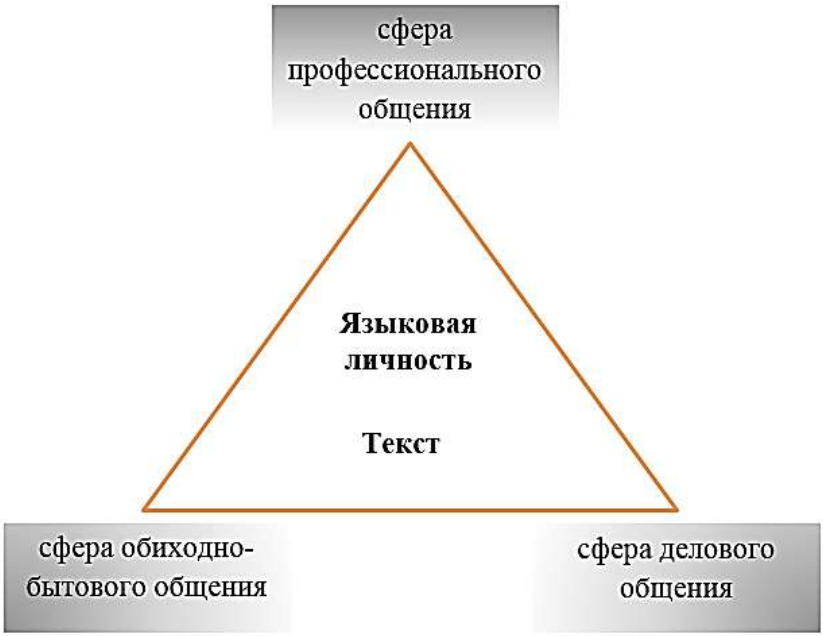

Рисунок 1. Личностноориентированная системная иерархическая модель преподавания иностранных языков

Личностноориентированная системная иерархическая модель преподавания иностранных языков успешно апробирована на практике с 2000 года при работе со специалистами и студентам разных **неязыковых специальностей**. О преимуществе данной модели по сравнению с традиционными подходами говорит то факт, что лучшие результаты по усвоению иностранного языка отмечаются среди студентов, не изучавших иностранный язык в школе и начавших его изучение только в вузе с использованием описанной модели.

В настоящей статье представляется необходимым рассмотреть вопрос о возможности применения данной модели к обучению латинскому языку студентов **медицинских** специальностей.

Латинский язык в медицинском вузе является абсолютно новым предметом для подавляющего большинства студентов. Прежде всего, именно поэтому появилась идея использовать при обучении латинскому языку хорошо зарекомендовавшую себя при обучении начинающих иностранным языкам ЛСИ модель.

Основными характеристиками данной модели, исходя из названия, являются:

— личностноориентированность,

- системность,

- иерархичность.

Рассмотрим особенности реализации этих компонентов ЛСИ модели в преподавании латинского языка в медицинском вузе.

Преподавание латинского языка студентам, изучающим медицину, в значительной степени отличается от преподавания иностранных языков. Это обусловлено тем фактом, что латинский язык медицины — это, своего рода, койне, то есть функциональный тип языка, используемый в качестве основного средства общения, но имеющее ограниченный диапазон коммуникативных сфер, в данном случае — профессиональная медицинская коммуникация [Гавриленко 2015: 87]. Этот факт, однако, не означает, что характеристика «иерархичность» не может относиться к преподаванию латинского языка. В общей системе указанной коммуникативной сферы при обучении латинскому языку выделяется несколько иерархически взаимосвязанных подсистем [Бабчинская 2017: 40]:

- анатомическая терминология,

- клиническая терминология,

- фармацевтическая терминология.

Процесс обучения с использованием ЛСИ модели представляет собой систему взаимосвязанных компонентов (рис. 2):

Рисунок 2. Процесс обучения с использованием ЛСИ модели

Несомненно, эта система характерна для преподавания любых языков, в том числе и латинского. Естественно, составляющие элементы в нашем случае, как, впрочем, и при преподавании иностранных языков, требуют уточнения. Уточнение или корректировка будут вызваны потребностями языковой личности, то есть личностноориентированностью модели. Потребности студента медицинского вуза — осуществление эффективной профессиональной коммуникации в отмеченных выше подсистемах медицинской сферы. Особенность обучения латинскому языку здесь заключается в том, что студенты первого курса не в полной мере осознают свои потребности в изучении латинского языка, не имея четкого представления о сферах будущей коммуникации. Следовательно, педагогу необходимо акцентировать внимание обучающихся на возможности использования латинского языка в профессиональной деятельности и его междисциплинарные связи. Для достижения заданной цели необходимо наполнить курс должным содержанием. В данном случае нужно выделять строго релевантный материал в лексической и,

прежде всего, грамматической системе языка. Медицинский латинский — это абсолютно функциональный подтип языка, что значительно ограничивает набор необходимых лексических и грамматических тем. Если лексический материал определяется коммуникативными сферами, то при изучении грамматической системы необходимо строго ограничить содержание. Практикоориентированность, обусловленная учетом потребностей языковой личности, требует тщательного анализа всех грамматических и синтаксических категорий латинского языка с точки зрения их релевантности для изучаемой коммуникативной сферы. Так, в области синтаксиса необходимо обратить внимание на согласование существительного и прилагательного (причастия), а предложные словосочетания и глагольные конструкции дать в клишированном виде в виду ограниченности данных элементов в изучаемой коммуникативной сфере. Необходимо полностью исключить ряд частей речи: числительные, наречия (привести лишь несколько лексем для запоминания без рассмотрения грамматических характеристик). В рамках категории глагола, характеризующейся крайне ограниченным набором лексем в сфере фармацевтической терминологии, сфокусировать внимание на взаимозаменяемость форм повелительного и сослагательного наклонений и возможность сокращения ряда глагольных лексем в рецептах [Соколова 2010: 111]. Наиболее частотными для указанных коммуникативных сфер остаются категории имени существительного и прилагательного, изучение грамматических характеристик которых тоже должно быть выборочным (изучение двух падежей вместо шести и т.д.).

Строго ограниченное содержание обуславливает методы и способы преподавания. К основным особенностям можно отнести, например:

1. Антиметалингвизм: не использование лингвистической терминологии и самого латинского языка

(как метаязыка) при объяснении учебного материала [Соколова 2019: 103].

2. Использование в качестве опоры иностранного языка, которым уже владеет языковая личность.

3.Конспектуальность: отсутствие расплывчатых объяснений, предъявление материала в максимально сжатом виде (таблицы, рисунки, опорные схемы).

4. Элиминация: ограничение грамматического материала лексическими рамками (например, грамматические исключения по категории числа даются только в рамках изучаемой лексики или рассмотрение категории причастия только в рамках словоизменительного аспекта).

Выбор методов, средств, приемов и способов преподавания латинского языка, оценки и контроля сформированности языковых навыков ограничен только работой с письменным текстом. Причем понятием «текст» в данном случае необходимо ограничить сочетаниями лексем и терминоэлементов, а также рецептами.

Таким образом, четко скорректированные элементы ЛСИ модели при преподавании латинского позволят достичь необходимых результатов обучения, а также способствуют соответствию полученных знаний поставленным задачам и целям.

Литература

Бабчинская И.А., Гавриленко Н. Г., Рожкова М.А. Специальная терминология в речи врача и пациента // *Медицинский дискурс: вопросы теории и практики* / Материалы 5-й международной научно-практической и образовательной конференции / под общей редакцией Е.В. Виноградовой. — Тверь: РИЦ ТГМУ, 2017. С. 38-42.

Гавриленко Н. Г., Федурко Ю. В. Английский язык медицинской коммуникации: из опыта преподавания // *Медицинский дискурс: вопросы теории и практики* / Материалы 3-й межрегиональной научно-практической конференции с международным участием /

под общей редакцией Е. В. Виноградовой. — Тверь: РИЦ ТГМУ, 2015. С. 86-90.
Соколова А. Ю. К определению предикативности // *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета.* — 2010. — № 3. С. 109-111.
Соколова А. Ю. Металингвизм в преподавании английского языка // *Филологический аспект*. — 2019. — № 1(45). С. 101-111.

Российско-китайский диалог в области культуры в условиях глобальной эпидемии[10]

Сорокина Е.М.

(Россия, Москва)

В последние годы отношения России и Китая отмечены поступательным развитием двустороннего партнерства, которое приобретает действительно всеобъемлющий характер. Важную роль играет взаимодействие двух стран в области культуры. Межкультурный диалог — это не только важная часть российско-китайских отношений, но и долгосрочная движущая сила для расширения и углубления взаимодействия в других областях. Углубление сотрудничества в области культуры между Россией и Китаем способствует долгосрочному развитию отношений между двумя странами и приносит ощутимые выгоды для социально-экономического развития двух стран.

В условиях глобальной эпидемии COVID-19 развитие российско-китайских отношений существенно не изменилось. Несмотря на пандемию, сотрудничество в области культуры и кинематографии, спорта, СМИ,

[10] *Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований («Культурно-философские основания китайско-российского сотрудничества»), проект № 19-511-93002.*

архивного дела, молодёжной политики не было остановлено, многие проекты переведены в онлайн-формат, а взаимодействие по решению значимых вопросов происходит в дистанционном режиме.

В конце 2020 года и начале 2021 года состоялся ряд встреч лидеров двух стран в дистанционном формате. Наиболее значимыми для отношений в области культуры стали встречи глав правительств России и Китая М.В. Мишустина и Ли Кэцяна, заместителя Председателя Правительства Т. Голиковой и заместителя Премьера Государственного совета КНР Сунь Чуньлань, министров культуры, мэров Москвы и Пекина. Также в дистанционном формате была принята и подписана Программа сотрудничества между Министерством культуры Российской Федерации и Министерством культуры и туризма Китайской Народной Республики на 2020–2023 годы.

Многие мероприятия в сфере культуры были перенесены или проведены в ограниченном режиме. При этом, если в 2020 году большинство мероприятий проходили исключительно в онлайн формате, то в 2021 году начинает применяться сочетание онлайн и офлайн методов. Большинство форумов, конференций, круглых столов проводятся с возможностью офлайн- или онлайн-участия. Интересные форматы мероприятий были представлены российской и китайской сторонами в последние несколько месяцев.

С 21 по 25 июня 2021 года состоялся 11-й китайско-российский культурный фестиваль в провинции Хэйлунцзян, КНР. На фестивале был представлен ряд онлайн- и офлайн-мероприятий, так было подготовлено девять культурных кварталов офлайн, которые сочетались с дистанционным контентом, таким как онлайн-диалог, выставки фотографий и масляной живописи, продвижение туристических ресурсов, а также коллекции онлайн-торговли [Ван Синь 2021]. 5 июля 2021 года в московском Театре Российской Армии был

проведен концерт, посвященный столетней годовщине образования Коммунистической партии Китая. Концерт был проведен с онлайн-трансляцией [Волков 2021]. 12 июля 2021 года в Пекине состоялось открытие российско-китайской выставки живописи «Дружба навек». На выставке в онлайн и офлайн форматах представлены работы китайского художника Фэн Ишу и русской художницы А. Васильевой [Фэн Мяо 2021].

Помимо проведения мероприятий активизировались также те направления сотрудничества, которые изначально не подразумевают очные контакты. К таким направлениям в первую очередь относится публикационная и переводческая деятельность. Продолжается программа по переводу и изданию произведений российской и китайской литературы [Доклад РСМД 2021]. Значимыми в российско-китайском диалоге в области культуры также являются межмузейное взаимодействие, сотрудничество по библиотечному делу и взаимное вещание телеканалов.

Необходимо отметить, что межкультурные контакты России и Китая участились в последний год. Онлайн форматы мероприятий и дистанционное взаимодействие дают уникальный механизм двустороннего сотрудничества и хорошую возможность специалистам обменяться опытом и реализовать новые идеи. Дополнительным стимулом к развитию онлайн контактов стало резко увеличившееся проникновение технологий для онлайн взаимодействия в те слои общества и профессиональные круги, которые предпочитали офлайн взаимодействие до пандемии.

Безусловно сотрудничество в области культуры сталкивается с определенными трудностями, связанными с ограничениями глобальной эпидемии. Во-первых, не все акторы двусторонних взаимоотношений имеют возможность выводить полноценную информацию в онлайн формат. Таким образом, люди, желающие больше узнать о культуре

партнерской страны, имеют возможность познакомиться только с тем, что доступно в сети Интернет.

Во-вторых, даже при полном вхождении в онлайн искусство не может восприниматься полноценно, потому что отсутствует физический опыт ощущения объективной реальности пространства. Например, на данный момент все онлайн показы транслируют только двумерное изображение без эффекта присутствия. Кроме того, отсутствие личного контакта и соприкосновения с культурой и традициями ограничивает получение полного представления о национальной специфике.

В-третьих, в отличие от офлайн формата, в котором есть естественные ограничения объема доступной информации, в онлайн среде происходит кратное расширение информационного поля и одновременно увеличивается количество материалов низкого качества. Интернет может являться источником непроверенного контента и кибер-атак.

Несмотря на вышеперечисленные трудности, Россия и Китай готовы закрепить импульс позитивного сотрудничества и стремиться как можно скорее преодолеть негативное воздействие глобальной эпидемии на совместную работу, поддерживать качественную двустороннюю коммуникацию в области культуры и расширять гуманитарные обмены между двумя странами. В ближайшей перспективе развитие онлайн форм взаимодействия позволит не только вернуть объем культурного сотрудничества на прежний уровень, но и качественно его разовьет и усилит.

Литература

Ван Синь. Успешно завершился 11-й Фестиваль российско-китайской культуры Код доступа: http://tradeinservices.mofcom.gov.cn/article/wenhua/xinxifb/202106/117532.html

Волков К. Поздравили Одой // Российская газета — Столичный выпуск №154, 2021. Код доступа: https://rg.ru/2021/07/10/v-moskovskom-dome-muzyki-sostoialsia-koncert-k-100-letiiu-kompartii-kitaia.html
Доклад РСМД. Российско-китайский диалог: модель 2021. Код доступа: https://russiancouncil.ru/activity/publications/rossiysko-kitayskiy-dialog-model-2021/
Фэн Мяо. Вице-президент КНР Цзян Цзян принял участие в церемонии открытия российско-китайской выставки живописи «Дружба навек». Код доступа: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_13573647

Проблема перевода концептов культуры на другой язык (на примере тувинских концептов культуры)[11]

Сувандии Н.Д., Кужугет Ш.Ю., Ламажаа Ч.К.

(Россия, Кызыл)

Концепты языка и культуры являются важной константой каждой этнической культуры.

Концепт, как писал Ю.С. Степанов, может рассматриваться как «сгусток культуры в сознании человека»; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее [Степанов 2004: 45].

Поскольку концепты формулируются на языке культуры, то именно в нем содержат богатый спектр смыслов. Языковые термины выражают не просто одно понятие, они могут содержать ценности культуры,

[11] *Подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта «Тезаурус этнической культуры в XXI веке: проблемы исследования и сохранения (на примере тувинской культуры)» (грант № 21-18-00246).*

ментальные образы, которые составляют ее своеобразие и которые сохраняют значение многие века. Перевод же концептов на другой язык приводит к искажениям, потерям смыслов. Следующий шаг — трактовка концептов на другом языке может сокращать или даже менять их характеристики. Исследовательский интерес представляет сравнительный анализ трактовок подобных концептов — на разных языках: на языке самой культуры и на языке другой культуры, например, родном языке исследователей культуры.

Мы рассматриваем это на примере концептов культуры тувинцев и их переводов на русский язык. Тувинская культура изучается более двух веков прежде всего русскими, русскоязычными исследователями и поэтому ее концепты часто обсуждаются на русском языке — государственном языке российской науки [Ламажаа 2010: 20].

Авторы выявили, что при переводе с тувинского языка на русский — теряется не только семантика слов и выражений, но и в ряде случаев меняется понимание культурных смыслов.

Анализ базируется на примере книги тувинского ученого-этнографа Монгуша Кенин-Лопсана «Тыва чоннуң бурунгу ужурлары» («Традиционная культура тувинцев»), которая была впервые написана и издана в 1994 году на тувинском языке [Кенин-Лопсан 1994]. В ней автор рассуждает о традициях тувинцев и приводит много концептов культуры, объясняет их смыслы. Переводное издание этой книги на русский язык 2006 года [Кенин-Лопсан 2006] содержит типические ошибки, которые не только являются ошибками переводов (переводчиками выступили не ученые, а писатели, литераторы), но и проблемами обсуждения концептов культуры. Они приводят к изменениям в трактовках культурных образов, нивелируют культурное своеобразие.

Например, в концепте культуры *төрел* ‘родственник’ понятие *тос ада угу* ‘девять поколений отцов’ представлен в

оригинальной версии тремя основными видами: *өгбелер* ‘предки’ (кровное родство до трех поколений), *бурунгу өгбелер* ‘древние предки’ (родство от четвертого до шестого поколений), *эрте-бурунгу өгбелер* ‘далекие древние предки’ (родство от седьмого до девятого поколений). Но в переводном издании всего упоминается только два вида: *өгбелер* ‘предки’ и *эрте-бурунгу өгбелер* ‘далекие древние предки’. Также при переводе упущено второй вид родства от четвертого до шестого поколений.

В концепте культуры *дагылга* ‘освящение’ М.Б. Кенин-Лопсан различает девять различных видов освящений *дагыыры* [Кенин-Лопсан 1994: 105] (*дагылга* — существительное, а *дагыыры* — его синоним, отглагольное существительное от глагола *дагы* ‘освящать’). В переводном издании название *суг бажын дагыыры* переведен как ‘освящение родника’. Мы хотим подчеркнуть, что, во-первых, в формуле *суг бажын* указывается не сам родник, вода (*суг*), а его исток (*суг бажын*). Во-вторых, формула *суг бажын* буквально означает ‘голова воды’ (*баш* — голова), что выражает антропоморфное понимание тувинцами воды, как существа, имеющего голову.

В проблеме перевода тувинских концептов культуры на другой язык присутствуют и безэквивалентные лексемы, которые полностью отсутствуют в словарном составе другого языка. Например, этнографизм *чөмег* не имеет слов-эквивалентов на русском языке, поэтому переводчик перевел в книге сочетанием ‘вместо подушки’. На наш взгляд, данное слово можно перевести как ‘хорошо выделанная легкая и теплая шкурка козленка — подушка для ребенка’. В книге этнографизмы *сүңмек / төжүнек, арташ, кырыктааш*, характеризующие части колыбели ребенка, в русскоязычном издании и вовсе не переводятся, приводятся на языке оригинала.

Таким образом, сложность перевода концептов культуры на другой язык определяется культурно-

языковыми особенностями переводимого материала (термины, понятия, образные выражения и т. д.), которые необходимо учитывать.

Литература

Кенин-Лопсан М.Б. *Тыва чоннуң бурунгу ужурлары*. Кызыл: Издательство «Новости Тувы», 1994. 191 с.

Кенин-Лопсан М.Б. *Традиционная культура тувинцев.* Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2006. 232 с.

Ламажаа Ч.К. *Тувиноведение: область знания и социальная миссия* // Новые исследования Тувы. № 4, 2010. С. 17-33.

Ламажаа Ч.К. *Тезаурусный подход к анализу тувинской культуры* // Новые исследования Тувы. № 1, 2012. С. 25-46.

Степанов Ю.С. *Константы: Словарь русской культуры.* М.: Академический Проект, 2004. 992 с.

Образ старости в китайской и русской картинах мира

Сяо Д., Карабулатова И.С.

(Россия, Москва)

Не секрет, что старость — это естественный процесс любого живого организма, которому свойственны специфические психофизиологические изменения с постепенным угасанием жизненных функций, влекущие за собой трансформацию образа жизни. В какой-то степени старость из-за своей сопряженности с темой смерти стигматизирована в большинстве культур западного типа вследствие пропаганды успешной молодости и эйджизма [Бурнаева, 2011], когда опыт предыдущих поколений объявляется ненужным и тормозящим современное развитие общества. Поэтому мы считаем, что формирование такого отношение к старости является тоже одним из приемов манипулирования общественным сознанием в ходе

современных информационных войн, рассчитанным, в итоге, на уменьшение витальности общества и государства [Барсуков и др., 2015].

По данным ВОЗ человек с 60 до 74 лет считается пожилым, с 76 до 90 — старым, а после 90 лет — период долголетия. Со старостью приходит ощущение приближения смерти, конца жизни, физическая слабость и утраты социальной значимости, что заставляет разрабатывать различные системы социальной инклюзии, в том числе с использованием опыта этнокультур [Карабулатова и др., 2015].

Однако в Китае люди в возрасте от 40 до 59 лет считаются людьми средних лет, а те, кто достиг 60 лет и старше, считаются пожилыми, которые обладают уникальным опытом, необходимом для успешной реализации молодого поколения. Поэтому в китайской картине мира старый человек особо почитается, и ему создаются максимально комфортные условия: «家有一老人，如有一宝 [Jiā yǒu yī lǎo, rú yǒu yī bǎo] / Если есть старый человек в доме, значит в доме есть драгоценность». В противовес этому в русской картине мира старый человек предстает иначе: «Старый, что малый, а малый, что глупый», и поэтому старый человек нуждается в особом отношении. Например: «Не смейся над старым, и сам будешь стар».

Для китайской культуры характерно философское понимание старения как некоего знака быстротекущего времени, сравнимого с уносящимися водами реки, с осыпающейся листвой, с уплывающими вдаль облаками [Смирнов, 2005]. Например: «一棵老树的心是半空的，但老人知道他们的东西 [Yī kē lǎo shù de xīn shì bànkōng de, dàn lǎorén zhīdào tāmen de dōngxī]/ Сердце старого дерева наполовину пустое, но старые люди свое дело знают».

В то же время в народной культуре подчеркивается, что «Не годы старят, а горе старит», особо подчеркивая

необходимость экологичности мышления на разных этапах жизни. Отсюда такие пословицы, как: «И стар, да петух, и молод, да протух»; «Сам стар, да душа молода»; «人老心不老 [Rén lǎo xīn bùlǎo]/ Человек стар, но молодое сердце у него». Здесь особо указывается на необходимость соблюдения позитивного взгляда на жизнь, особенно представителями старшего поколения, потому что неважно, какой возраст у человека, сердце и дух всегда могут оставаться молодыми.

Если в русской культуре старый человек предпочитает стратегию безропотного ожидания смерти и медленного угасания, то в Китае большинство пожилых людей ведут активный образ жизни.

Многие русские народные и популярные авторские сказки закрепляют с раннего детства в сознании образ одинокой старости и/ или старости в социальной изоляции. Таковы сказки «Снегурочка», «Серебряное копытце», «Каменный цветок», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Как стариков в дремучий лес отвозили», «Мудрый старик» и т.д. В языческий период на Руси от старых людей было принято избавляться: их уводили в лес без возможности возвращения домой, при этом зачастую применяя насильственную смерть там же, в лесу, для облегчения участи. Как отголосок такого отношения в русском языке сохранилось выражение «посадить на санки/салазки» (старого человека привязывали к саням, чтоб исключить возможность возвращения человека назад). Избавление от лишних забот путем насильственного увода в лес еще в недавнее время встречалось в русских деревнях, когда старого пса или кота завязывали в мешок и также уносили в лес, где бросали. Такое отношение к старикам диктовалось как практическими соображениями (избавление от лишнего рта в голодную зиму; старый человек бесполезен в хозяйстве), так и из религиозных побуждений (ритуал жертвоприношения богам). Этот

обычай отражен в поморской сказке «Как стариков в дремучий лес отвозили» [Мосеев, 2006]. Фабула сказки довольно проста: отец взял сына с собой, чтобы отвезти дедушку на погребальных санях в лес; отвезли, оставили под елкой, но сын потащил сани обратно. Тогда отец спросил сына: «Зачем?». В ответ он услышал, что в будущем сын увезет на этих санях отца и мать. Осознание собственного поступка пристыдило отца, что тот решил привезти деда обратно домой. Мораль такова: всех старых людей следует уважать и содержать дома до самой смерти.

Для китайской культуры традиционный культ предков является незыблемым, отсюда идет дискурс уважения к старшим, актуальный как для Древнего Китая, так и для современного китайского социума. Культ предков (в котором почитаются как пожилое поколение, так и прародители, правители и т. д.) считается одним из главных пластов фундамента китайской культуры. Так, сыновняя почтительность — это основополагающее понятие в конфуцианстве, отразившееся в китайской картине мира. Такое понятие появилось в силу рассмотрения императора как «народного родителя», и сыновняя почтительность отражала как уважение детей к родителям, так и уважение народа к императору. Это отражено в конфуцианском понятии «孝 [xiào]/сыновнее благочестие», согласно которому любой житель Поднебесной обязан почитать, любить и защищать старшее поколение, поскольку нарушение поколенческой преемственности считается цивилизационной катастрофой, влекущей за собой гибель народа.

Китайская цивилизация уже переживала спад культуры почитания старших в эпоху Чиньцю, так называемый период Осеней и Вёсен (722–481 гг. до н. э.), когда было возникла поговорка «他父亲尊敬的儿子是他的君主不可靠的臣民[Tā fùqīn zūnjìng de érzi shì tā de jūnzhǔ bù kěkào de chénmín]/

Почтительный сын своего отца — ненадёжный подданный своего государя». Считается, что благодаря Конфуцию удалось изменить это негативное отношение в позитивное, что стало национальной идеологической доктриной Китая на многие века. В своем трактате «Луньюй» Конфуций несколько раз приводит разные варианты толкования сыновнего благочестия, закрепляя поведенческую доминанту в сторону почитания предков, уводя от кланового значения в сферу семейных отношений.

Мы полагаем, что российская и западная культура переживает кризис поколенческих взаимоотношений, что может негативно отразиться на существовании человечества в целом, поскольку чревато потерей ценностных ориентиров в обществе, быстрым прожиганием жизни в контексте доминирования потребленческой парадигмы и ускорением энтропийных процессов, ведущих к исчезновению государств и народов.

Поскольку медийная культура с ее новой информацией о приоритетах в жизни оказывает большое влияние на молодых людей, в Китае была разработана и стала внедряться новая стратегия в контексте позитивного отношения к старости в рамках программы «Социального рейтинга». Так, время, которое молодые люди тратят по уходу за старыми людьми, фиксируется в специальном мобильном приложении, и эти часы, потраченные на уход, молодые люди получат впоследствии уже от тех, кто будет ухаживать за ними в их старости. Позитивное отношение к старикам позволяет им чувствовать себя защищенными и окруженными вниманием и заботой. В то же время такая стратегия продвигается и на уровне понимания витальности сложных компьютерных программ и механизмов. Например, различные поколения процессора «Pentium» в китайской культуре обозначаются с использованием обозначений

периодов жизни человека: 奔二 [bēn èr] / 20 лет, 奔三 [bēn san]/ 30 лет, 奔四 [bēn sì]/ 40 лет [Люй Вэнтин, 2018, с. 32]

В связи с этим, Россия и Китай представляют собой две непохожие цивилизации. Образ старости, закрепленный в общественном сознании, диктует замкнутый образ жизни пожилых людей в России, что наиболее характерно для российской провинции. Пожилые люди, живущие в отдаленных районах, всю жизнь ничего не делают, и они должны заботиться о своих детях и проводить свою жизнь молча. При этом в Москве реализуется программа «Золотой возраст» для улучшения качества жизни лиц пожилого возраста, пенсионеров и инвалидов, включая их в социальную активность. Этот образ жизни людей старшего поколения в российских мегаполисах находит свои параллели со стратегией активной старости, которая присуща китайскому социуму, благодаря чему пожилые люди в Китае более активны в принятии старости, уделяя больше внимания социальной активности и здоровому образу жизни.

Литература

Барсуков П.В., Карабулатова И.С., Некрасов С. В., Ахметов И.В., Мамателашвили О.В., Хизбуллин Ф.Ф. Трансформация социального поведения в контексте современных политических кризисов начала XXI в. как результат этнополитического дискурса «сетевых войн» // Социально-экономические и гуманитарно-философские проблемы современной науки Москва: Уфа: Ростов-на-Дону: ИСПИ РАН; УГНТУ. — 2015. — Т.3. — С. 60-70.

Бурнаева, К. А. Концепт «Старость» во фразеологической системе русского и английского языков // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. — 2011. — №4. — С. 66–71.

Карабулатова И.С., Ким Л.И., Галиуллина С.Д., Азнабаева Г.Х., Ираева Н.Г., Коннова О.А. Особенности интеграционных инклюзий в социально-психолого-медицинской реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья в контексте работы обществ национальной культуры // Социально-экономические и гуманитарно-философские проблемы современной науки Москва :

Уфа : Ростов-на-Дону: ИСПИ РАН, УГНТУ. — 2015. — Т.3. — С. 158–162.
Люй Вэнтин. Специфика репрезентации концепта «возраст» в китайской языковой картине мира// Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения. Томск: Общество с ограниченной ответственностью «СТТ». — 2018. — С. 32–33.
Мосеев И. И. Поморьска говоря: краткий словарь поморского языка. Архангельск: Правда Севера, 2006. 372 с.

Русскоязычные крылатые слова в современном белорусском литературном языке[12]

Теплякова А.Д.

(Республика Беларусь, Могилёв)

Крылатые слова — это устойчивые, распространенные в речи слова, выражения и афоризмы, разнообразные по содержанию и грамматической структуре, характеризующиеся наличием автора или определённого текстового источника происхождения (фольклорного или литературного текста, устной речи). Связь с индивидуальным авторским происхождением или текстовым источником со временем может утрачиваться в массовом сознании, и тогда крылатые слова начинают функционировать в речи как фразеологизмы или как пословицы (Иванов 2015).

Крылатые слова в белорусском литературном языке образуют большой пласт как белорусских, так и заимствованных из других языков единиц. Из большого количества зарубежных источников (художественных, публицистических, философских, научных текстов,

[12] *Исследование проведено в рамках выполнения задания Государственной программы научных исследований 2021–2025 гг., № 20211335 (Беларусь).*

высказываний известных людей, фольклорных произведений и т.д.) в белорусский язык были заимствованы те единицы, которые лучше всего соответствуют мировоззренческим, этическим и эстетическим представлениям белорусов (Іваноў 2005b).

Крылатые слова составляют значительную часть устойчивых единиц, используемых в современном белорусском литературном языке, обладают специфическими языковыми свойствами и требуют отдельного изучения и лексикографического описания.

Крылатые слова в белорусском языке изучены недостаточно и совсем мало лексикографированы. Крылатые слова из белорусских литературных текстовых источников частично отражены в сборнике Ф.М. Янковского «Крылатые слова и афоризмы» (1960), а также в лингвострановедческом справочнике “Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў” (1997) С.Ф. Івановай і Я.Я. Іванова (СБП). Крылатые слова из зарубежных (американских, европейских и русских) фольклорных и литературных источников XII–XX веков частично представлены в двух выпусках нормативного (толкового) словаря «Крылатые выражения в белорусском языке» (КВ1; КВ2), а также в толковом словаре «Крылатыя афарызмы ў беларускай мове» (КА). Некоторые общеизвестные и массово употребительные в речи крылатые слова потеряли ассоциативную связь со своими текстовыми источниками и вошли в состав паремиологического минимума белорусского языка, зафиксированного в справочнике «Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian)» (PM).

Довольно значительное количество крылатых слов в белорусском языке заимствовано из русского языка и восходит к русскоязычным фольклорным и литературным текстовым источникам (Венідзіктаў, Іваноў 2002). При этом замечено, что ряд устойчивых выражений, широко функционирующих в современно белорусском литературном

языке, образован от заимствованных из русского языка крылатых слов в результате их вторичной деривации — с помощью самых различных способов трансформации как лексико-грамматической организации, так и семантики (Іваноў 2005а). Полное лексикографическое описание такого рода устойчивых единиц, образованных от крылатых слов, составляет одну из актуальных проблем современной белорусской фразеологии, паремиологии и афористики (Иванов 2013).

Например, широко известный крылатый афоризм *Автомобиль не роскошь, а средство передвижения* из романа «Золотой телёнок» (1931) И. Ильфа и Е. Петрова породил два устойчивых выражения в современном белорусском языке, образованных путём субституции лексических компонентов своего прототипа, ср.: *[Драгун:] — Мараль: хадзі пешшу, будзешь спаць спакойна. [Пракурат:] — Не прапаведуй адсталых поглядаў. У наш час* ***машына — не раскоша, а крок да самастойнасці****. Як некалі селянін з канём.* (У. Дамашэвіч, “Камень з гары”); *У вялікім горадзе, а такім з’яўляецца наша сталіца,* ***таксі — не раскоша, а сродак руху.*** (“Літаратура і мастацтва”, 2001, № 3).

Не менее широко известный крылатый афоризм *Дело помощи утопающим — дело рук самих утопающих* из этого же романа И.Ильфа и Е. Петрова «Золотой телёнок» (1931) также трансформировался в современном белорусском языке в виде кальки с параллельной лексической субституцией, ср.: *Гандляры спіртным не абавязаны прад’яўляць сваё пітво на праверку якой-небудзь інспекцыі — закона такога няма. Таму сведчанні аб якасці трымаюцца на “чэсным” слове вытворцы або гандляра. Ды толькі ў жанданні хуткай нажывы, сумленне бывае іншы раз справай залішне абцяжарваючай. Вось і выходзіць амаль як у тым афарызме: “****Выратаванне выпівох — справа рук саміх выпівох****”...* (“Магілёўская праўда”, 1992, № 60).

Популярный крылатый афоризм *Сын за отца не отвечает*, принадлежащий И.В. Сталину (1879–1953), был перефразирован в современном белорусском языке с помощью инверсии ключевых слов и благодаря этому получил противоположное значение, ср.: — *Чаму такая ўпартасць? Але мяне больш абурыла другое: што ён мае да гэтай няшчаснай дзяўчыны? Ужо каму-каму, а яму-то ўбівалася ў галаву формула, што сын ці дачка не адказваюць за бацьку. — Тады па логіцы трэба ісці далей: і* ***бацька не адказвае за сына****. Ніхто ні за каго не адказвае.* (І. Шамякін, “Сэрца на далоні”).

Крылатый афоризм *Дети — цветы жизни*, восходящий к фразе *Дети — живые цветы земли* из новеллы М. Горького «Бывшие люди» (1897), трансформировался в современном белорусском языке путём усечения и стал употребляться в форме перифразы *кветкі жыцця* — ‘дети’, ср.: *[Рубайла:] — За чысціню! Маральную… Каб ніхто — ні з кім!… Разумееце? Без загса, вядома. [Іванская:] — А можа, наогул — забараніць гэту справу? [Рубайла:] — Нельга.* ***Кветкі жыцця*** *перавядуцца.* (А. Дзялендзік, “Аперацыя “Мнагажэнец”).

Книжный крылатый афоризм *Живи и жить давай другим* из поэмы “На рождение царицы Гремиславы” (1798) Г.Р. Державина был синтаксически перефразирован, получив иной, более приземлённый, просторечный смысл (‘Не кради всё, оставь украсть и другим, иначе можешь оказаться на их месте и останешься ни с чем’), ср.: *У жыцці кожнага, мабыць, здараліся выпадкі, якія потым цяжка было вытлумачыць, абапіраючыся на пэўныя нормы паводзін, маралі, псіхалогіі. Мімаходзь падкрэслю, што не прымаю ні пад якім соусам паўблатныя правілы гульні люмпенізаванага грамадства: “не бяры да галавы”, “будзь прасцей”, “гэта твае асабістыя праблемы”, “****жыві, але давай жыць і другім****”, “бяры ад жыцця, што зможаш”, “памры ты сёння, а я заўтра” і г.д.* (“Настаўніцкая газета”, 1999, № 35).

Нужно заметить, что трансформации крылатых слов в речи обычно не отражаются в их словарном описании, что не позволяет в полной мере оценить не только стилистическое разнообразие и вариантные формы их употребления, но и квалифицировать новые устойчивые единицы, возникшие на базе известных крылатых слов. В этой связи перспективным видится создание словаря неологических устойчивых выражений в современном белорусском литературном языке, восходящих к крылатым словам из текстовых источников русской литературы и русского фольклора. Такой словарь будет востребован в сфере образования, в редакторском деле, при переводе публицистических и художественных текстов.

Сокращения

КА — Іваноў Я.Я. *Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з іншамоўных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н.э. — XX ст.: тлумачальны слоўнік*. Магілёў: МДУ, 2011.

КВ1 — *Крылатыя выразы ў беларускай мове: тлумачальны слоўнік. Ч. 1: З іншамоўных (еўрапейскіх і амерыканскіх) крыніц XII–XX стст*. Магілёў: МДУ, 2004.

КВ2 — *Крылатыя выразы ў беларускай мове: тлумачальны слоўнік. Ч. 2: З рускамоўных літаратурных і фальклорных крыніц XII–XX стст*. Магілёў: МДУ, 2006.

СБП — Іванова С.Ф., Іваноў Я.Я. *Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў*. Мінск: БФС, 1997.

РМ — Ivanov E.E. *Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian)*. Prague: RSS, 2002.

Литература

Венідзіктаў С.В., Іваноў Я.Я. Рускамоўныя запазычанні крылатых слоў у сучаснай беларускай мове // *Dziedzictwo przeszłości związków językowych, literackich i kulturowych polsko-bałto-wschodniosłowiańskich*. 2002. T. VIII. S. 210–217.

Иванов Е.Е. Белорусская паремиология и афористика в общеевропейском контексте (актуальные проблемы изучения) // *XV Міжнародны з'езд славістаў, Мінск, Беларусь, 20–27.08.2013 г.: тэзісы: у 2 т*. Мінск : Беларуская навука, 2013. Т. 1: Мовазнаўства. С. 322–323.

Иванов Е.Е. Паремиологический минимум и основной паремиологический фонд // *Паремиология в дискурсе* / под ред. О.В. Ломакиной. М.: URSS: Ленанд, 2015. С. 48–66.

Іваноў Я.Я. Аб другасным спосабе дэрывацыі непрэцэдэнтных афарызмаў // *Грани слова: к 65-летию проф. В.М. Мокиенко* / под ред. М. Алексеенко. М.: ЭЛПИС, 2005a. С. 463–468.

Іваноў Я.Я. Крылатыя словы // *Беларускі фальклор: энцыклапедыя: у 2 т*. Мінск: БелЭн, 2005b. Т. 1. С. 729–730.

Некоторые особенности дискурса пандемии в испанском языке

Федюкина Е.С.

(Россия, Москва)

Язык, выступающий как чуткий барометр всех глобальных изменений, остро реагирует и на экстралингвистические факторы. Пандемия, охватившая сегодня весь мир, оказала значительное влияние на все без исключения сферы общественной жизни. В этот период человечество столкнулось с новой реальностью, для описания которой потребовалось формирование лексикона дискурса пандемии. Так, изменения привычного образа жизни людей, общественная реакция на действия правительства по борьбе с коронавирусом, эпидемиологическая ситуация в целом породили языковую

реакцию, необходимую для адаптации к изменившимся жизненным обстоятельствам.

Согласно статье, опубликованной Испанской королевской академией [RAE 2020], среди самых популярных запрашиваемых слов в 2020г., можно найти pandemia («пандемия»), cuarentena («карантин»), confinar («ограничивать»), resiliencia («способность к восстановлению»), epidemia («эпидемия»), virus («вирус»), triaje («сортировка пациентов»), cuidar («заботиться»). Такой запрос говорит о стремлении социума к поиску значений новых реалий (около 3 миллионов запросов ежедневно во время пандемии).

Испанская королевская академия оперативно дала разъяснения по поводу рода акронима COVID-19 [RAE 2020], который обычно употребляется в мужском роде, под влиянием рода лексемы coronavirus и других вирусных заболеваний (el ebola — «эбола», el zika — «вирус Зика»). Использование женского рода для акронима на странице ВОЗ объясняется тем, что ядро аббревиатуры COVID (Coronavirus Desease) в испанском языке enfermedad («болезнь») относится к женскому роду. Испанская королевская академия рекомендует писать лексему COVID-19 прописными буквами, так как это недавно созданная аббревиатура.

В электронной версии словаря Испанской королевской академии уже зафиксированы лексемы COVID, cuarentenar («проводить карантин»), coronavirus и др.

Проводя общий анализ дискурса пандемии в испанском языке, можно выделить одну из особенностей — наличие заимствованной и калькированной лексики в соответствии с графическими, фонетико-орфоэпическими и грамматическими особенностями испанского языка, что говорит о глобальном и беспрецедентном характере данного события для общества. Можно привести несколько примеров номинаций: covidiota («человек, который не следует

рекомендациям властей относительно вопросов гигиены и личной безопасности в условиях пандемии коронавирусной инфекции») от английского covidiot; coronials («дети, родившиеся во время пандемии»), infodemia («избыточное распространение, в том числе по каналам СМИ и соцмедиа, информации о пандемии»).

Пандемия коронавируса также актуализировала в испанском языке лексемы, характерные для медицинского дискурса: PCR, tasa de morbilidad («уровень заболеваемости»), neumonía («пневмония»), asintomático («бессимптомный»), paciente cero («нулевой пациент») и др.

«Наиболее распространенной в «пандемическом» дискурсе концептуальной метафорой является модель пандемия — это война» [Темиргазина З.Ф., Лучик М. 2020: 32]. Например, в СМИ прослеживается использование лексики, связанной с войной: сравнение пандемии с невидимым врагом («enemigo invisible»), бороться с пандемией («luchar contra la pandemia»), комендантский час («toque de queda») и др.

Новые слова, возникшие или актуализированные в период пандемии, фиксируют картину современной языковой реальности. В электронной версии исторического словаря Испанской королевской академии в 2020г. уже были зафиксированы лексемы covidioma, coronalengua и coronalenguaje («новая лексика, появившаяся в период пандемии»). Энциклопедия «Русский язык» под ред. Ю. Н. Караулова дает следующее определение неологизма: «Неологизмы — слова, значения слов или сочетания слов, появившиеся в определенный период в каком-либо языке или использованные один раз (окказионализмы) в каком-либо тексте или акте речи. Принадлежность слов к неологизмам (напр. приватизация, черный ящик, луноход) является свойством относительным и историчным» [Русский язык. Энциклопедия 1997: 262].

Неологизмы появляются в том числе и в результате работы продуктивных словообразовательных моделей. Так наибольшей деривационной активностью обладают лексемы covid, coronavirus, cuarentena. Приведем ряд примеров: coronaplauso («продолжительные аплодисменты в знак благодарности врачам за их труд»), coronabono («облигации, предназначенные для привлечения средств на борьбу с пандемией коронавирусной инфекцией»), coronafiesta или covifiesta («праздник, отмечаемый во время пандемии»), coronaboda («свадьба в период пандемии»), covidivorcio («развод после изоляции»).

Дискурс, связанный с освоением новой реальности, формирует несколько лексико-семантических групп: административные меры, реакция населения, связанная с интерпретацией и оценкой происходящих событий, названия категорий людей в период пандемии и др. «Наименования, возникшие или актуализированные в период пандемии новой коронавирусной инфекции, выступают как социально значимые и информационно насыщенные номинативные единицы, необходимые для ориентации людей, регулирования отношений между ними и адаптации к изменившимся жизненным обстоятельствам» [Голованова Е.И., Маджаева С.И. 2020: 53]. Выделим группу номинаций, объединенную архисемой «эмоциональные и физические состояния личности в период пандемии»: confitamiento («набор веса во время изоляции из-за отсутствия физических упражнений»), cuarenpena («чувство грусти по поводу необходимости соблюдения режима изоляции»).

Интересен ряд примеров, относящихся к лексико-семантической группе «быт, времяпрепровождение»: cuarentenear («проводить карантин»), covidianidad («повседневная жизнь, адаптированная под санитарно-эпидемиологические требования»), menoscarilla (исп. menos «меньше», mascarilla «маска»).

Коммуникация и социальное взаимодействие, переведенные в онлайн формат, стимулировали появление группы номинаций, связанных с использованием интернет-технологий. Примером может быть лексема zoompleaños («день рождения, который отмечают через платформу видеосвязи Zoom»).

Значительный пласт лексики отражает настроения людей в новых реалиях, определенную реакцию общества на режим самоизоляции, возрастающую критику, недовольство. Например, лексема balconazis имеет негативную коннотацию, описывает людей, оскорбляющих с балкона проходящих по улице, не выясняя причин передвижения. Синонимом covidiota является неологизм coronaburro (от исп. burro «осел»).

Пандемия спровоцировала расширение значений уже имеющихся лексем. Так, в апреле 2020г. педиатр Альберто Гарсия-Салидо предложил подписчикам придумать новое использование для существующих слов под хештегом #covidcionario. У лексемы pandemia появилось новое значение, имеющее ироническую коннотацию («негласное соглашение людей начать выпекать хлеб во время изоляции»).

Неотъемлемой частью дискурса пандемии Испании стала лексема mascarilla («маска»). Для обозначения данного предмета в других национальных вариантах испанского языка используются следующие лексические единицы: barbijo (от исп. barba «борода») в Аргентине, Боливии, Парагвае и Уругвае; tapaboca (исп. tapar «закрывать» и boca «рот») или cubreboca (исп. cubrir «покрывать» и boca «рот») в Мексике, Уругвае и на Кубе, также на Кубе во время пандемии стали использовать лексическую единицу nasobuco (исп. nariz «нос» и boca «рот»).

Пандемия коронавируса, ставшая серьезным вызовом для всего человечества, оставила заметный лингвистический след, привела к появлению нового тематического дискурса.

Активное появление неологизмов раскрывает творческий потенциал социума, происходит стремительное обновление лексической системы. Новая реальность приводит к обогащению словарного запаса, что является результатом взаимодействием многих сфер деятельности человека.

Литература

Голованова Е.И., Маджаева С.И. О словаре эпохи пандемии коронавируса. Вестник Челябинского государственного университета, № 7(441). Челябинск, 2020. С 48-55.

Русский язык. Энциклопедия. / под. ред. Ю.Н. Караулова — 2-е изд., перераб. и доп. — М: Большая рос. энцикл.: Дрофа, 1997.

Темиргазина З.Ф., Лучик М. Семиотика «пандемиечского» дискурса: «новояз» эпохи карантина. Филологические науки. Научные доклады высшей школы, 6-1. М., 2020. С. 30-38.

https://www.rae.es/duda-linguistica/es-el-covid-19-o-la-covid-19

https://www.rae.es/noticia/las-palabras-mas-buscadas-en-el-diccionario-durante-la-cuarentena-0

Междисциплинарый подход к обучению иностранным языкам (по материалам международного культурологического проекта «Русские и испанские традиции и обычаи в цифровом ключе»)

Фернандес Буэно А.

(Испания, Мадрид)

В последние годы мне выпала честь вести предмет, который в настоящее время является "rara avis" в филологических исследованиях. Это факультативный предмет в официальной программе по специальности "Современные языки и их литературы" на филологическом

факультете Мадридского университета Комплутенсе. Его изучают студенты третьего и четвертого курсов со знанием или без знания русского языка.

Курс был задуман как сочетание первой части — теоретической — в аудиториях и второй — практической — вне стен класса в виде полевого проекта. И в этом заключилась новизна, отличительная черта и главная привлекательность данного предмета: покинуть привычную учебную среду для осуществления совместной академической деятельности.

Такая методология полностью нарушила привычную статическую позицию студента, как физическую, так и эмоциональную. Работа была организована как совместный групповой проект. Это, в принципе и в целом, музейная практика, включающая посещение нескольких музеев совершенно разного характера и местоположения, все они связаны с традиционными искусствами и с декоративно-прикладным искусством как проявлением фольклора и местной национальной культуры.

В ходе проекта и во время визитов студенты собирают данные, полученные в ходе визитов, а затем оформляют их в виде информационных *листов*, которые составляются в определенное досье. Но это не только музейная практика.

Проект заканчивается написанием короткого заключительного эссе по первоначальной рабочей гипотезе, которая выдвигается в начале работы и является путеводной нитью.

Предыдущий опыт преподавания предмета «Славянский фольклор», накопленный за несколько лет, опыт во внедрении инновационных проектов на филологическом факультете, позволил мне в этом году открыть новое направление совместной работы. Эта работа в широком смысле преследует две цели. Во-первых, она направлена, на то, чтобы приблизить студентов к их непосредственной и локальной окружающей

действительности, чтобы впоследствии сравнить ее и установить параллели и расхождения с культурами изучаемых языков. И, во-вторых, использовать язык-объект изучения в качестве будущей специальности (русский или испанский) для других целей, выходящих за рамки чисто грамматической рефлексии: изучаемые языки будут использоваться в реальном контексте, при обмене информацией со студентами из другого университета-партнера.

В связи с этим данное направление работы можно охарактеризовать как двустороннее: сочетающее теорию и практику, язык и культуру в местном и глобальном контексте.

Фольклор и традиции становятся этнолингвистическими объектами междисциплинарного изучения, что позволяет рассматривать их с различных точек зрения: географической, исторической, этнографической, культурно-языковой, лингвистической и даже литературной; при этом непосредственную реальность и окружающую среду следует рассматривать как отправную точку. Это придает предмету значительную дополнительную ценность.

Фольклор подразумевает обращение к традиции, в первую очередь к нашей собственной, чтобы понять ее, сохранить, возродить или обновить.

Фольклор заложен в нас самих и в том, что мы есть, в языке, на котором мы говорим, в том, что мы думаем, во что играем или что любим. Фольклор — это песни, которые нам пели и которые мы поем; это кухня наших бабушек и дедушек или поездки в деревню летом. Фольклор описывает пространство, в котором мы живем, а также нематериальное пространство наших убеждений, мечтаний и страхов. Фольклор — это то, как мы проводим свое свободное время.

Двигаясь в этом направлении, в этом году я предлагаю новый культурологический (этнолингвистический) проект, объединяющий одновременно, с одной стороны, письменную

языковую практику (на иностранном языке) и виртуальный языковой обмен и, с другой стороны, культурологическую практику, которая будет развиваться одновременно в виртуальном режиме в двух странах — в Испании и России — и в двух университетских центрах — в Мадридском университете Комплутенсе (Испания) и Московском университете дружбы народов (Россия). Со стороны РУДН руководство проектом будет осуществляться профессором Чесноковой О.С.

Актуальная концепция досуга, более развитая и окончательно оформленная в современном обществе, сегодня получила широкое распространение и стала просто еще одним потребительским товаром. В обществах с незначительной или отсутствующей индустриализацией, в прошлые времена, также существовали моменты отсутствия работы, моменты отдыха, когда простые виды деятельности, включающие объединение и сотрудничество, осуществлялись в малых группах или коллективно.

Это события, которые в основном отмечаются в близком семейном кругу — рождение, брак, смерть, а также события, значимые для всего сообщества — приход весны или смена времен года, посев и другие сельскохозяйственные работы, забой скота и т.д.

Этот международный междисциплинарный проект включает в себя следующее шаги.

В каждом университете/стране будет выбрана группа из 4-5 студентов, которые должны выбрать в общей сложности 6-8 мероприятий/событий/фестивалей/праздников традиционного характера. В описании праздника или торжественного события должна войти следующая информация: социальная группа участников события; место празднования, время года или конкретная дата (в зависимости от события); цель обряда, в честь чего/кого празднуется или кому/чему посвещено; эстетическое сопровождение — музыка, инструменты, танцы, игры,

реквизит — так как каждый внешний элемент играет роль, выходящую за рамки простого аккомпанемента; подробное описание самого действия.

Преподаватели-кураторы отвечают за организацию и контроль создания цифровых рабочих листов, их корректировку, обеспечивают их последующий обмен между группами участников. Таким образом, все группы будут работать со всеми рабочими листами. Каждый участник будет готовить материал и писать на иностранном языке, а его участник-партнер из другой страны будет исправлять и дополнять полученный рабочий лист.

На заключительном этапе, после заполнения рабочих листов, их обмена и исправления, студенты должны написать небольшое итоговое эссе, в котором будет проведено небольшое сравнительно-сопоставительное исследование мероприятий/ событий/фестивалей/праздников в обеих странах и, возможно, будут определены и описаны этнические и культурные универсалии.

Основной целью проекта является создание корпуса событий, фестивалей/праздников традиционного характера (религиозных и светских), которые сохраняются на протяжении длительного времени как в России, так и в Испании, и которые студенты воспринимают как актуальные и активно празднуемые. То есть, речь идет о трансгенерационном подходе, поскольку отбор учебного материала будет осуществляться самими студентами в их собственной культурной и временной перспективе, основанной на опыте, приобретенном через общение поколений в семейном кругу и в социальной жизни вне его.

Для этого каждая рабочая группа должна будет подготовить электронные рабочие листы на иностранном языке для последующего обмена и корректировки, а также познакомиться и проанализировать корпус, полученный из университета-партнера.

Анализ корпуса может провести нас к устанавлению универсалий этнического и культурологического характера, которые имеют отношение, например, к отмечанию рождения, смерти, связаны с природными циклами, с укреплением личных и общественных отношений и т.д.

Безусловно будет интересно проанализировать сам список празников, выбранных студентами для последующего подробного рассмотрения. Этот выбор может быть симптоматичным и весьма показательным с трансгенерационной точки зрения, а также с точки зрения сопоставления различных культур.

Предполагается, что, как правило, студенты выбирают для анализа мероприятия типичного молодежного досуга или известные календарные праздники, но для успешного осуществления данного проекта было бы желательно, чтобы большая часть участников включила в свое исследование также мероприятия или праздники, менее известные широкой публике, как например, семейные или локальные.

А что если окажется, что, несмотря на географическое расстояние между двумя изучаемыми культурами, между ними существуют скрытые, но прочные узы единения, родовые точки слияния?

Подтверждение или опровержение данной гипотезы является одной из главных целей проекта; а современные технологии позволяют нам реализовать на практике этот этнографический культурологический проект взаимного познания через рекреационную сторону нашей жизни, через наши праздники и празднования памятных дат, одновременно разделяя виртуальное время и пространство и обеспечивая взаимное познавание наших привычек и нашей культуры через досуг и свободное время глазами молодежи обеих стран.

Литература

Кайда, Л.Г. Эстетический императив интермедиального текста. М.: Флинта-Наука, 2016. 128 с.

Пропп, В.Я. Поэтика фольклора. М.: Лабиринт, 1988. 352 с.

Montero Pozo, J. y Jerez García, O. The teaching Itinerary as a Resource for Development of Communication Competences: Design of a bilingual App // La competencia lingüística en la comunicación: visiones multidisciplinares y transversalidad, José Vicente Salido López y Pedro V. Salido López (Coord.), Universidad de Castilla-La Mancha 2019, C. 199-207.

Pérez de Sánchez, A.G. y Rodríguez Pizzinato, L.A. La salida de campo: una manera de enseñar y aprender geografía // Geoenseñanza, 2006 (2). T. 11, C. 229-234.

A Comparative Study on the Concept "Modesty" in Chinese and Russian Cultures

Han J.

(Russia, Moscow)

1. Introduction

Modesty is a virtue of the human society, and it has been studied by many scholars for a long time. The initial study of modesty was mainly focused on what modesty is and why modesty is a virtue. Many researchers also explored modesty from different approaches, such as, linguistics, pragmatics, philosophy, psychology, sociology and so on. However, few scholars pay much attention to modesty from the perspective of culture, especially from the perspective of cross-cultural communication. Modesty is not only a virtue, a behavior, but also a way of showing politeness and communicating with others, so it is closely related to culture. In this paper, we will explain the different understandings of the same concept "modesty" in Russian and Chinese cultures and reveal the deep reasons for it. What's more, we will pay attention to the second personal

pronouns of Russian ("вы / ты") and Chinese (" 你/ 您"), which are significant manifestations of the prevailing concept of modesty in these two countries.

2. The Analysis of the Concept “Modesty” in Russian and Chinese

Languages and Cultures

There is a very close link between the life of a society and the lexicon of the language spoken by it. The same concept and the same lexicon may have different meanings in different societies. The concept of modesty exists in both Russian (“Скромность”) and Chinese (“谦虚”, qian xu), but their meanings and connotations are not the same.

2.1 The Meaning of the Concept “Modesty” in Russian and Chinese Language

According to Wikipedia, the word “скромность” is the ability to control yourself and keep cool. Modesty refers to the limitations of a person's character and lifestyle,which are manifested in: controlling one's own needs; Indifference to luxury; Not advocating authority, not infatuated with domination, not eager to show their own; Pay attention to etiquette, pay attention to decency, pay attention to the degree of interaction with others.

According to the Hanyu Dictionary(汉语字典), the Chinese word “谦虚” has two meanings: 1. modest, not exaggerating oneself’s ability or value, not conceited, not reckless, not pushy; 2. Make modest remarks.

2.2 The Concept “Modesty” and Different Cultures: Confucianism and the

Orthodox Eastern Church (a branch of Christianity)

In China, the formation of the concept of modesty in Chinese culture is closely relative to Confucianism. In China the feudal system lasted for more than two thousand years and

Confucianism represented by Confucius was in a dominated position. Confucianism is regarded as the basic form and content of Chinese feudal culture. "Ritual" (礼, Li) is one of the main concepts of Confucianism. "Li" specifies the difference levels between social members and requires each member to speak and act according to their own social status. In China, social structure is based on the pattern of difference sequence and the society is considered group and others as the main orientation. People's words and deeds must be consistent with the expectations of society and groups, maintaining a harmonious social relationship. Therefore, Chinese people advocate "self denigration" and "modest" behavior.

When it comes to Russia, the concept of modesty is closely related to Russian religion, Christianity (the Orthodox Eastern Church). Russian people believe that God is modest and the son of God with humble quality will get the grace of God. In Christian, people are encouraged to be "modest", leading to wisdom and greatness: "modesty is a divine virtue", and "pride is an evil created by the devil".

3. Honorifics and the Concept of “Modesty”

3.1 Honorifics

One of the linguistic manifestations of the value of modesty is honorific. Both grammatical verbal suffixes and lexical substitutions can be recruited for markinghonorifics. And different address forms, are closely related to culture and pragmatics, are one of the typical examples of lexical substitutions for honorifics. Address form is a linguistic phenomenon in both Russian and Chinese. A typical example of changing address form in Russian and Chinese is their second personal pronouns — "вы / ты" and "你/您".

3.2 The usage of second personal pronouns in Russian and Chinese

The Russian second personal pronoun has the singular form "ты" (you) and the plural form "вы" (you). According to “the Russian dictionary” (С.И. Ожегов), The definition of "ты" is: singular second personal pronoun, used to address the other party (a person, mostly a close person), and the definition of "вы" is: plural second personal pronoun, used to address several people; and a form of respectful address for a person.

There are four factors that influence the choice of Russian people (Н.И.Формановская, 2006: 79):

а) degree of familiarity between both sides of the conversation;

б) formal or informal conversation;

в) the nature of the relationship between both sides of the conversation;

г) equality or inequality of the roles of the two parties in the conversation.

These four aspects combine to form a complex pattern of causality, which determines Russian people’s choice of address forms.

The second personal pronouns used in modern Chinese are 你 and 您 in the singular and 你们 in the plural. In Chinese, 你 (ni, you) is a neutral word, which can be used regardless of the interlocutor’s age or gender, while 您(nin,you) is usually used when meeting someone older than you or above you in society. According to “The Modern Chinese Dictionary”, 你: personal pronoun, address the interlocutor (one person); anyone, used in general terms. 您: personal pronoun, with respect.

3.3 Similarities and Differences of the Second Personal Pronouns in Two Languages

Through the comparison we can find that there are some common features between the Chinese personal pronoun "你/您" and the Russian personal pronoun "вы / ты": 1.

Both "вы" and " 您" contain the meaning of respect; 2. Both "ты" and " 你" contain intimate meaning; 3. Both "вы / ты" and "你/您" are affected by age, status, occasion and other factors. However, in the actual communication process, there are a lot of differences between "вы / ты" and "你/您":1. Different meanings are included in these two words: " 您" has only one meaning, while "вы" has two meanings — "you" (one person) and "you" (more than one person); 2. The structure of the two languages is different: Due to the influence of the grammatical structure of Russian language, when the personal pronoun is "вы", the verbs used in the following will also be changed (add grammatical suffix: -ете, -ите, etc.). In Chinese, however, there is no need to change the verb; 3. "вы" and "您" have different rates of use. In Russia, people are more likely to choose "вы" rather than "ты". However, in China, people are more likely to use "你" in daily life. Therefore, the rate of using honorific address form in Russian is higher than in Chinese, and this difference is particularly obvious in verbal communication between two strangers; 4. Whether there is an obvious transition phenomenon: In Russia, in order to express the relationship between the two sides has become close, one of the communication parties will transform "вы" into "ты" when addressing the interlocutor. However, there isn't the same phenomenon in China.

4. The Comparative Analysis of Results of Questionnaires

In order to test the importance of the concept of "modesty" in Chinese and Russian culture and to confirm the situation of the use of the second personal pronoun between Chinese and Russian

people, two questionnaires were prepared (one in Chinese and the other one in Russian). We have received 51 answers from the questionnaire in Chinese version, and 43 answers from the questionnaire in Russian version.

Responses to both questionnaires showed a high degree of recognition for the concept of modesty: 98% of Chinese respondents and 97.7% of Russian respondents agreed that it was necessary to be modest/have modest words. However, on some specific questions, we can also see some differences between Russian respondents and Chinese respondents. For example, when it comes to the use of honorific, 69.8% of Russian respondents think they fully know how to use honorific (we take the example of “ты” and “вы”), while only 23.5 percent of Chinese respondents think they fully know how to use honorific (“你” and “您”). At the same time, we also notice that there are differences in occasions where the honorific is used: only 45.1% of Chinese respondents choose to use honorific when meeting strangers, while 90.7% of Russian respondents choose to use honorific in the same occasion. In terms of culture, 74.4% of Russian respondents think modesty is an important quality in Russian culture, while 96.1% of Chinese respondents think modesty is a core word in Chinese culture.

Conclusion

Through the study, we can find that the concept of modesty is a traditional virtue in both China and Russia. However, people's understanding and the specific form of expression of this concept differ from each other between the two countries. Honorific is the linguistic manifestation of the concept of modesty. Honorifics exist in both Chinese and Russian languages. In this paper, we specifically analyzed the secondpersonal pronouns in these two languages and the value of modest they reflected. Through the analysis, we can grasp the similarities and differences of the second personal pronouns in these two languages, which is helpful for us to understand the

specific connotations of the concept of modesty in the Chinese and Russian cultures, and to have a deeper understanding of the cultures and values of the two countries.

References

[1]Wierzbicka, Anna. Understanding Cultures Through Their Key Words. New York: Oxford. 1997.

[2]WANG Shanshan, ZHAO Chunqiu. The difference between Chinese and western concept of

“modesty”[J]. Journal of Liaoning Technical University(Social Science Edition), 2015, 17(5): 544-547.

[3] Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002.

[4]Кошманова О.В. Ценностная характеристика концепта «скромность» в русской,

американской и иранской лингвокультурах // Язык, перевод и межкультурная коммуникация :

материалы регион.науч.конф. 13–14 окт. 2005 г. Астрахань: Астрах. ун-т, 2005.

[5]Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Изв. АН. Сер. литературы и языка. Т. 52. № 1.

1993.

[6]Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Яз. рус.

культуры, 1997.

[7]崔宏. “你/您”和人名作为俄语称呼语的使用[D].内蒙古大学,2011.

[8]席宏丽. 俄语称呼语的文化—语用研究[D].内蒙古师范大学,2016.

[9]康佳萍. 跨文化视角下英汉“谦虚”的研究[D].燕山大学,2014.

Использование песенного материала для формирования франкоязычной лингвистической компетенции при обучении французскому языку в рамках использования компетентностного подхода на этапе основного общего образования

Черкасова А.М.

(Россия, Москва)

Прежде чем использовать то или иное средство обучения, преподаватель задает себе вопрос " Чему, зачем и как учить?", поэтому включение высокоэффективных средств в процесс обучения иностранному языку для формирования иноязычной коммуникативной компетенции (ИКК) необходимо в рамках компетентностного подхода при создании «диалога культур» — родной и иноязычной на этапе основного общего образования. Поиск таких способов и приемов обучения стали предметом пристального внимания многих ученых, методистов и преподавателей.

Еще до нашей эры музыка считалась средством борьбы с негативными эмоциями и улучшения эмоционального равновесия. Древнегреческий философ и математик — Пифагор упоминал о целебных свойствах музыки. В Древнем Египте одним из методов лечения людей было прослушивание музыки во время катания на лодке по Нилу.

Российский писатель и психолог В. Леви описывает песню, как сильнейший психологический побудитель, способный воздействовать на чувства и эмоции школьников. [Леви 1966: 37]

По мнению Е.П. Кабковой, данное средство способствует достижению воспитательной цели обучения (повышению мотивации к учебе, личностному развитию и гармонизации внутреннего мира учащихся и повышение интереса к изучению иностранного языка). [Кабкова 2009].

Г.А. Китайгородская трактует психотерапевтическое действие песни на эмоционально-положительную ритуальность занятий. Данное свойство песенного материала трактуется как инструмент, позволяющий обучающимся почувствовать себя более свободными в общении, преодолеть языковой барьер [Китайгородская 1986: 38-39].

Таким образом, песни способствуют созданию психологического комфорта на уроке, активизации процесса обучения и снятия психологических препятствий. Они помогают разгрузить сознание учащихся, снять негативные эмоции, создать благоприятную дружественную атмосферу общения на уроке и тем самым ослабить языковой барьер, возникающий у них на этапе активизации коммуникации на иностранном языке.

С учетом формирования всех компетенций, входящих в ИКК, использование песенного материала наиболее актуально в обучении иностранному языку. Лингвистическая компетенция является ключевой в составе ИКК и включает в себя следующие аспекты: лексический, грамматический, фонологический и семантический. Данная компетенция формируется на песенном материале следующим образом.

Лексическая и семантическая компетенции

Песни являются эффективным средством формирования лексических рецептивных и продуктивных навыков. Семантизация лексических единиц происходит с помощью беспереводного способа.

Преимуществом выбора песенного материала является то, что зачастую за основу может браться различный контекст, соответствующий целям и условиям обучения, уровню владения иностранным языком и возрасту учащихся, что благоприятно сказывается на быстрой активизации единиц языка и расширении словарного запаса, а также на формировании семантической компетенции.

Песни могут использоваться для введения, тренировки и закрепления лексических единиц (ЛЕ) в устной и письменной речи, что способствует «экономии времени» на проведение каждого из данных этапов.

Еще одним способом работы с песенным материалом, может быть использование видеоролика или клипа — для графической опоры. В данном случае семантизация ЛЕ осуществляется на основе средства зрительной наглядности. Подобный вид деятельности расширяет возможности усвоения нового материала, способствует развитию мотивации учащихся и характеризуется динамикой и эмоциональностью введения новой информации.

Грамматическая компетенция

Грамматическая компетенция на песенном материале формируется через синтаксические особенности текста песни (определенный порядок слов в предложении, управление глаголов, изменение существительных и прилагательных). Стоит заметить, что при выборе данного средства запоминается не механическое формулирование правил, а их наглядное применение [Гебель 2009: 28–31]. Таким образом, благодаря многократному применению «речевого образца» материал для изучения доводится до автоматизма с помощью имплицитного подхода. Кроме того, песенный материал может служить основой для создания учебно-речевых ситуаций для совершенствования грамматических навыков аудирования, говорения, письма.

Г.М. Чернова в своем пособии "Уроки французского языка — секреты успеха" [Чернова 2002: 123] предлагает изучать грамматику с помощью «коммуникативной методики», имеющей функциональную и ситуативную основу. «Грамматические явления изучаются и усваиваются не как формы и структуры, а как средства выражения определенных мыслей, коммуникативных намерений. В грамматических упражнениях создаются ситуативные

условия для мотивированного употребления изучаемых языковых явлений».

Фонологическая компетенция

Песни способствуют совершенствованию навыков иноязычного произношения, развитию музыкального слуха.

Научно доказано, что музыкальный слух, слуховое внимание и слуховой контроль находятся в тесной взаимосвязи с развитием артикуляционного аппарата. Песни с частыми повторами способствуют автоматизации фонологической компетенции.

Нами была разработана система заданий для формирования лингвистической компетенции во всех ее аспектах и на 3-х уровнях, выделенных французскими методистами: лингвистическом, паралингвистическом и экстралингвистическом. Данная система заданий включает такие этапы, как: ознакомление, активизация и автоматизация языкового материала и направлена на обучение французскому языку на уровне основного общего образования.

Таким образом, выбор преподавателем песенного материала, как средства обучения, способствует решению комплекса учебных задач (практической, образовательной, развивающей и воспитательной) и методических проблем (проблема массовости обучения ИЯ, индивидуализация обучения, активность и самостоятельность учащихся во время занятий, дидактический принцип слуховой наглядности с опорой на речевой образец, обучение аудированию), наиболее результативно влияет на эмоциональную и чувственную среду класса.

Литература

Гебель, С. Ф. *Использование песни на уроке иностранного языка* / Иностранные языки в школе. — 2009. — № 5. — с. 28–31.

Кабкова Е. П. *Педагогические технологии в дополнительном художественном образовании детей: методическое пособие* /

Ермолинская Е. А. и др.; под ред. Е. П. Кабковой. — М.: Просвещение, 2009. — 171 с.
Китайгородская, Г. А. *Методика интенсивного обучения иностранным языкам [Текст]* / Г. А. Китайгородская. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Высшая шк., 1986. — с. 38-40.
Леви, В. *Вопросы психобиологии музыки* / В. Леви // Советская музыка. — 1966. — №8. — с. 37-43.
Чернова, Г. М. *Урок французского языка: секреты успеха: книга для учителя* / Г. М. Чернова. — М.: Просвещение, 2007. — 108 с.

Академическое письмо: способы номинализации автора

Шейпак С.А.

(Россия, Москва)

Академическое письмо как самостоятельная дисциплинарная область была «экспортирована» в Россию в 2011 г., когда для подготовки бакалавров, обучавшихся в рамках совместной программы ВШЭ, появился созданный по американской модели первый центр академического письма [Squires 2018]. В англоязычном мире академическое письмо как область прикладной лингвистики стало формироваться с 1960-ые гг. Это был ответ преподавателей-практиков, столкнувшихся с задачей обучения языку специальности *(English for science and technology — EST*) англоязычных студентов, в первую очередь в области фундаментальных и точных наук [Johns 2013]. В 1980-90-ые гг. преподаватели, работавшие в данной области, расширяют область своей деятельности, обозначая ее как *Английский в академических целях* (*English for academic purposes — EAP*). Отныне академическое письмо рассматривается не только как сфера развития накопленного педагогического опыта, но и как активно развивающуюся область научных исследований. Потребность в преобразованиях была связана с

необходимостью дать возможность иностранным студентам, поступавшим в англоязычные университеты, получить профессиональную подготовку. Таким образом, основной акцент в содержании курсов академического письма был сделан на лексике, грамматике и стилистических особенностях языка научной коммуникации.

Новый перелом в данной области происходит в начале 2000-х гг., когда под давлением системы университетских рейтингов формируются институциональные механизмы, оценивающие эффективность работы научных сотрудников в зависимости от их публикаций в рейтинговых журналах, что часто становится эквивалентом англоязычных журналов [Curry, Lillis 2019]. Тогда внутри широкой области академического письма выделяется письмо в публикационных целях (*English for Research Publication Purposes — ERPP*). Оно развивается, в первую очередь, как область прикладных исследований сначала лишь в рамках одного основного подхода — академической грамотности. Основная задача эмпирических исследований — разработка и анализ эффективности курсов письма в публикационных целях, которые помогут авторам — неносителям английского языка подготовить к публикации статью в англоязычном журнале. Регионы, для которых проводились исследования, разнообразны: Аргентина, Китай, Мексика. Их объединяла оппозиция, характеризовавшая, авторов, аффилированных с университетами этих стран. Будучи неносителями английского языка (*Non-Native English Speaking — NNES author*), авторы противопоставлялись авторам — носителям (*Native English Speaking — NES author*). В основе оппозиции лежало предположение о том, что именно языковой разрыв определяет трудности авторов — неносителей при подготовке публикации на английском языке. Следуя логике, ранее заложенной в разработку содержания курсов академического письма для студентов, исследования фокусировались на лексических,

грамматических, стилистических ошибках авторов — неносителей, которые рассматривались исходя из представлений о норме научной письменной речи. Исследования, выполненные в рамках контрастивной риторики, предпринимали попытку обосновать ошибки интерференцией с родным языком автора.

На рубеже веков внутри области академического письма начинает звучать критика, целью которой было сделать видимыми властные отношения и отношения доминирования, неявным образом существующие в образовательных дискурсивных практиках. Развитие критического направления академического письма (*CEAP*), заостряющего внимание исследователей на проблеме языкового неравенства, закрепленного в оппозиции носитель — неноситель, сделало неприемлемым такую категоризацию авторов. Важным аргументом для поиска их нового наименования стали результаты исследований, анализировавших замечания рецензентов на рукописи авторов неносителей английского языка. Наиболее частые причины отказа были связаны не с языковыми ошибками, но лежали на более глубоких уровнях, в частности методологии исследования и аргументированности авторской позиции в тексте.

В результате, на смену оппозиции носитель — неноситель приходит обозначение многоязычного автора (*multilingual author),* которое видимым образом стирает неравенство между носителем и неносителем. Многоязычный автор — это ученый, который в своей профессиональной и публикационной деятельности использует два или более языков. Однако та невидимая, но часто непреодолимая грань, стоящая на пути к публикации в высокорейтинговом англоязычном журнале автора — неносителя, сохраняется в фокусе исследований. В них обсуждались лишь публикационные трудности авторов — неносителей английского языка. Парадоксальным

результатом подобного нарушения равновесия между авторами становится тема маргинализации позиции автора — носителя английского языка, обоснованная отсутствием на протяжении более, чем десятилетия исследований, посвященных его публикационным трудностям.

Сторонники развития академической грамотности отказались от попыток объяснить трудности автора исходя из идеи языкового разрыва. Ключевым условием для публикации исследования в международном англоязычном журнале они назвали социализацию многоязычного автора в международном сообществе. Трудности социализации автора в академии рассматривались сквозь призму его изолированного положения. Социальная изоляция в глобальном академическом сообществе моделировалась сторонниками этой теории в равной степени для носителей и неносителей английского языка. В силу экономических и/или институциональных причин ограниченный доступ к дорогостоящим технологиям и источникам научной информации ставил их в одинаково невыгодное положение академической изоляции. В результате, публикация в рейтинговом журнале для обоих ставилась в зависимость от их способности встроиться в социальные практики, существующие в глобальном академическом сообществе.

Новый поворот в социополитическом контексте при обсуждении проблем публикационного письма наступает в тот момент, когда сторонники идеи социализации стали активно доказывать, что основные препятствия на пути к публикации в рейтинговом журнале равным образом для носителей и неносителей английского языка лежит в области методологии, аргументативных стратегий и академического стиля. Если первые два аргумента очевидным образом уравнивают позиции носителей и неносителей, то в отношении третьего аргумента исследователи в области публикационного письма разделились на два лагеря. Сторонники академической грамотности считают, что

начинающих авторов — носителей английского языка необходимо учить публикационному письму, поскольку владение академическим стилем ни в одной культуре не является врожденным. У англоязычных выпускников университетов еще не сформированы умения, которые позволят им публиковаться в рейтиновых журналах в процессе подготовки диссертации, а для защиты им необходимы публикации. Публикационные трудности носителей и неносителей отличаются лишь в силу временных и финансовых затрат на подготовку публикации, которые значительно возрастают для последних, особенно если они вынуждены прибегать к услугам академических брокеров.

Противники идеи относительного равенства перед публикацией в высокорейтинговом журнале авторов носителей и неносителей аргументируют свою позицию тем, что в глобальном академическом сообществе статус английского как *lingua franca* приводит к ситуации языкового доминирования англоязычных высокорейтинговых журналов. Таким образом, на авторов — неносителей оказывается двойное давление: институциональное, вынуждающее их публиковаться на английском, и языковое, вынуждающее публиковаться на неродном языке. Сторонники критического прагматизма обозначают статус таких авторов как авторов, публикующихся на английском как дополнительном языке (*English as an Additional Language — EAL author*). Они стремятся опубликовать результаты своих исследований в журналах, издающихся в англофонных центрах из глобальной полу/ппериферии. К глобальной полу/периферии, может принадлежать и англоязычный автор, если он институционально не аффилирован с крупным англофонным университетом. Оппозиция англофонного центра и глобальной полу/периферии является ключевой для сторонников критического прагматизма. В рамках данного

подхода основанной эмпирический материал исследований сначала представляли интервью *EAL* авторов, в которых они выражали свое отношение к институциональной необходимости публиковаться на английском. Затем исследовательские вопросы стали давать авторам возможность рассказать о своем публикационном опыте и трудностях при подготовке англоязычной публикации.

Вывод, который можно сделать из обзора публикационного опыта авторов, пишущих на английском как дополнительном языке, подтверждает аргументы сторонников академической грамотности. Основные трудности авторов, препятствующие публикации на английском, не являются языковыми. Успех публикации определяется умением автора вступить в диалог с журналом как с сообществом, существующим на пересечении дисциплинарных и дискурсивных практик. Возможность такого диалога, безусловно, зависит от уровня владения английским языком, однако далеко выходит за рамки языковой компетенции автора. Возможность публикации зависит от его способности понять не формулируемые явным образом правила публикационной игры и подготовить к публикации текст, имплицитно обращенный к редакторам и рецензентам.

Литература

Squires, A. (2018). Writing Centers and Academic Professionalization in the Russian Federation In: M. Rajakumar (ed.), *Western Higher Education in Global Contexts*. London: Lexington Books. 1–22.

Johns, A. M. (2013). The history of English for specific purposes research. In: B. Paltridge, S. Starfield (eds.), *The handbook of English for specific purposes*. Oxford: John Wiley & Sons, 5–30.

Curry, M. J., & Lillis, T. (2019). Unpacking the lore on multilingual scholars publishing in English: A discussion paper. *Publications*, *7*(2), 1-14.

The cognitive and corpus-based analysis of the political concept

Sadiq T.A. Shelash, Peredrienko T.Yu.

(Russia, Chelyabinsk)

Scientific and technological progress, globalization and other social and political events are the reasons for the creation of new words to denote the latest notions, which have a tendency to become concepts. V.I. Karasik characterizes concepts as mental formations that are meaningful, conscious fragments of people's experience [Karasik 2004: 59]. Concepts are usually formed around the most significant notions and kept in memory as some 'quanta of knowledge' [Stepanov 2007]. All of them have the verbalization in language as the lexical system quickly reacts to the processes occurring in the life of a society.

The political life of the nation is the most eventful because individuals and groups of people seek to satisfy their interests and the interests of their country. Politics largely regulates the public consciousness as it is determined not only by cultural, economic and historical factors but psychological as well. Political life can proceed in a calm rhythm, but it can undergo major changes. It is exactly the sphere where a lot of new notions appear to reflect changes in public life. One of the neologisms that was coined at the second decade of the 21st century and became widespread very quickly was concept *Brexit*.

The paper aims to study and describe the role of this political concept. To achieve the goal, the following tasks are set:

to describe origin and the semantic content of the concept by conducting lexicographic analysis;

to explore the value of the concept for the societies by observing the frequency of use and making collocation analysis of corpora data;

to define the adaptation of the neologism in language by examining the paradigm of the concept name and its usage in word formation.

According to the etymological dictionary, the word *Brexit* appeared in 2012 as a compounding of *Britain + exit* to mean 'withdrawal of the United Kingdom from the European Union' [Online Etymology Dictionary]. The popularity and frequency of usage of this political term was so great that in 2016 Collins Dictionary recognized it to be 'the word of the year' and Oxford English Dictionary officially added the entry of this word [Collins Dictionary, Oxford English Dictionary]. Later the word was added to some other dictionaries.

The study of the dictionary entries present the core content of *Brexit*. This political concept is described as '*the departure of the United Kingdom from the European Union'; 'an exit (= act of leaving) by the United Kingdom from the European Union (short for 'British exit')'; 'the withdrawal of the United Kingdom from the European Union'* [Collins Dictionary, Oxford English Dictionary, Cambridge Dictionary].

All the definitions are synonymous since in each of them the word with the seme '*leaving*' is used: *departure — 'an act of leaving a place', exit — 'an act of leaving especially of an actor from the stage'; withdrawal — 'an act of leaving or moving'* [Oxford English Dictionary]. This means that the process is tend to be firm with one way path.

However, not all the dictionaries include the entry of the word *Brexit*. For example, there is still no dictionary entry of the studied word in such dictionaries as Longman Dictionary, Marriam-Webster Dictionary, Chambers Dictionary and others.

In order to determine the value of the concept for the societies the corpus-based analysis is used. The attitude towards *Brexit* is expressed through the collocations and through the frequency of concept usage as well, showing its relevance for culture representatives.

For the analysis, data from the NOW corpus (https://www.english-corpora.org/now) are used. The choice of the Corpus is dictated by its relevance and the size as it contains 13.6 billion words of data from web-based newspapers and magazines from 2010 to the present time. NOW registers 697,856 collocations of the concept Brexit. The analysis show that the most of them are neutral (79%) when the concept collocates with pronouns (*our, his/her their*), articles, prepositions (*of, on, after, for, to*) and numerals (*2016, 2nd*). *Brexit* performs a neutral defining function in collocations that name the realities of that political event (*Brexit negotiations, Brexit referendum, Brexit debate, Brexit process, Brexit campaign, Brexit vote* and other).

10% of all collocations are with a positive assessment of the concept which is expressed by the adjectives *soft/softer, new, possible: Once popular soft Brexit is now so far from the agenda; The new Brexit seems to be: Don't mention the war; a shift to a softer Brexit will also help to create some additional positive momentum for the euro-zone economy*. The positive assessment is also expressed in the collocation *Brexit supporter*: *As a Brexit supporter, Lord Wolfson said he expects the current Government to act faster*.

The negative assessment of the concept is created by the adjectives *hard, disorderly*: *That's just one reason the UK Government's hard Brexit will be so dangerous to Scotland*; *The geographical diversity is important since a disorderly Brexit could see the value of sterling fall once again* by the verbs *stop, delay*: *The Northern Ireland Protocol's original aim was to stop Brexit*; *Some are now openly advocating a second referendum and extending article 50 to delay Brexit;* by preposition *against*: *Scots voted heavily against Brexit in 2016*. The negative *Brexit* assessment is also expressed in sentences with the negative particle *no*: *A no-deal Brexit would be a major national crisis* and in sentences with the oppositional conjunction *but: But Brexit made matters worse.* The negative assessment can

be given to the concept when it collocates with the noun having negative connotation: *Brexit divorce, Brexit crisis, Brexit fears and others*.

The means of expressing a negative assessment are more varied, which is explained by the saturation of emotions when something is denied. However, the collocations with the neutral assessment prevail, which can be explained by the fact that the event is new, incomprehensible and unexplored.

Corpus NOW can also be used to determine the popularity of the political concept through the frequency usage over the years. The data are presented in Tables 1.

Table 1. Frequency usage of Brexit (by years)

SECTION	ALL	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
FREQ	697856	9	17	15	17	68	697	106600	124904	118667	241228	78139	27495
WORDS (M)	13600	244.1	304.8	371.3	401.5	429.4	512.5	1,531.3	1,746.5	1,569.1	1,987.5	2,607.8	1,924.4
PER MIL	51.31	0.04	0.06	0.04	0.04	0.16	1.36	69.61	71.52	75.63	121.37	29.96	14.29
SEE ALL SUB-SECTIONS AT ONCE													

The concept *Brexit* appeared at the very beginning of the last decade and at that period it was not very popular. The frequency of its usage (AF:106600, RF:69.61 PER MIL) raised dramatically in the year of the referendum (2016) and when the word was added into the Oxford English Dictionary. Further, there was a constant increase up to 2019 in the frequency of usage of the concept up to (AF:241228, RF:121.37 PER MIL) because this period was the climax of dealing with the exit of the United Kingdom from the European Union. Further, the frequency of *Brexit* usage sharply decreases due to the less interest in this event and the emergence of problems that have come to the fore in terms of their importance.

However, we should not underestimate the importance of the political concept for the English language. *Brexit* adapted in the language so well that it participated in the creation of a number of other neologisms (100+). The most productive ways of word formation are compounding and affixation. Compounding occurs by patterns: N+N (*Brexit-credit; Brexit-era; Brexit-supporter, month-Brexit*); Adj+N (*hard-Brexit*), N+Adj (*Brexit-ready, Brexit-sensitive, Brexit-free*), Prep+N (*after-Brexit, off-Brexit*), N+V (*Brexit-vote*). Affixation is used in the formation of the following neologisms: *Brexity, Brexitism, Brexiternity, pro-Brexit, post-Brexit, ex-Brexit, half-Brexit* and others.

So, *Brexit* is an important concept not only for British society but for the whole world because it is related to global event that became a concern of Europe for a period of time. Frequent media coverage of the UK European Union membership referendum has led to widespread use of the word *Brexit* in Great Britain and outside its borders. *Brexit* has already been recorded by a number of dictionaries providing synonymous definitions, which confirms the formation of the core of the concept. *Brexit* has the high frequency of usage, actively participates in word-formation processes and is estimated mostly neutrally by the culture representatives.

References

Karasik V. I. Language circle: personality, concept, discourse. M: Gnosis, 2004.

Stepanov Yu.S. Concepts: A Thin Film of Civilization. M: Languages of Slavic Cultures, 2007.

Online Etymology Dictionary // https://www.etymonline.com

Collins Dictionary // https://www.collinsdictionary.com

Oxford English Dictionary // https://www.oxfordlearnersdictionaries.com

Cambridge Dictionary // https://dictionary.cambridge.org

Проблемы фиксации иноязычного онима в русском и албанском языках

Шехи Э., Карабулатова И.С.

(Россия, Москва)

Аспект практической транскрипции имен собственных (ИС) в русско-албанской межкультурной коммуникации видится нам актуальным и важным, поскольку страны поддерживают интенсивные культурные связи в области туризма и образования. Албания является одним из актуальных туристических направлений для россиян. В то же время албанские студенты учатся в российских вузах благодаря специально выделенным квотам в рамках межгосударственного сотрудничества. Хотя в европейской геополитике албанцы считаются провокационным фактором дестабилизации из-за интенсивных миграционных процессов, войны в Косово и особенностями национального характера [Пономарева, 2018].

Однако, как показывает анализ, албанско-русская проблематика передачи ИС отсутствует даже в самых последних справочниках, которые посвящены вопросам передачи слов в кириллице, латинице и отдельно в русском языке.

В русском языкознании, как было обнаружено нами в ходе аналитического скрининга классических работ и современных исследований, большинство ученых склонялись к отдельным аспектам переводческой тематики, например, к проблемам инвариантивности в русской традиции написания и произношения. При этом вопрос фиксации имен собственных носит до сих пор открытый и дискуссионный характер, обнаруживая варианты в СМИ. Например, суси или суши, «Мицубиси» или «Мицубиши», Эштон Катчер или Эштон Кучер, Ким Бэсинджер или Ким

Бейсингер? Аналогичные проблемы мы обнаруживаем и при передаче албанских номинативов.

Между тем вопросы передачи онимов и слов, обладающих высоким лингвострановедческим потенциалом, достаточно сложны, поскольку имеют некоторые щепетильные моменты передачи слов в русском языке кириллицей или произносительно, исходя из существующих правил русского правописания. В связи с этим мы говорим о поликодовости онимов в современном языковом пространстве СМИ [Шехи и др., 2020].

Примечательно, что албанская лингвистика, к сожалению, пока не проводит исследования в таком ключе. Вместе с тем нельзя не признать, что в Албании активно используется единый государственный стандарт для передачи кириллических слов на латинице системы ICAO.

Однако в последнее время албанские исследователи стали уделять внимание вопросам влияния английского языка на систему албанского правописания [Karo, 2011], подчеркивая, что вследствие глобализации и агрессивного вторжения английского языка албанский язык претерпевает значительные трансформации, утрачивая национальную специфику.

В русском языке также разработан подобного рода стандарт при передаче латиницы на кириллицу: «ГОСТ 7.79–2000. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Правила транслитерации кирилловского письма латинским алфавитом», принятый в 2002 г. Таким образом, большинство работ носят общий характер и не способны вполне осветить частные вопросы албанско-русской и русско-албанской взаимной практической транскрипции.

Кроме того, в последнее время имеют место масштабные глобализационные процессы, цель которых — перенесение в сеть Интернет всех наименований географического и государственного порядка, причем с их

доступностью на любом языке, которым пользуется тот или иной посетитель. Отсюда возникает необходимость разработки точного машинного перевода, а также то, каким образом в него можно заложить программы практической транскрипции, которая бы, с одной стороны, учитывала различные особенности обоих языков, а, с другой стороны, могла производить большое количество транслитераций за небольшое количество времени.

Передача заимствованных ИС в русском и албанском языке апеллирует к двум основным способам. Первый способ базируется на транслитерации, что подразумевает практически прямую передачу имени по буквам русского алфавита, например: Shehi — Шехи, Arjeta — Аржета вместо Арьета; Erjola –, Эрджола вместо Эрьола, либо Эрёла.

При этом фиксация албанских ИС базируется на транскрипции в родном языке, транслитерация встречается гораздо реже (например, Konstandini). Для передачи русских онимов в албанском языке переводчики обращаются и к транслитерации, и к транскрипции на основе латиницы: Ольга Петровна Рыжова — Olga Petrovna Rizhovna (Ollga Pjetrovna Rrizhovna).

Итак, второй известный способ базируется на транскрипции, которая передает имя по звукам в соответствие с нормами языка оригинала, как мы также можем видеть из примеров.

Мы согласны с мнением Е. В. Тереховой, что транслитерация в настоящее время малопродуктивна [Терехова, 2008], поскольку все языки стараются максимально точно передать звучание имени, и поэтому переводчики обращаются чаще всего к транскрипции как надежного способу адекватного произношения оригинального имени. Имя — это визитная карточка любого субъекта или объекта, поэтому обладатели имен относятся трепетно к фиксации своего имени в языке.

В связи с этим широко проводятся исследования по машинной транскрипции. Такие как: «Обзор методов машинной транскрипции» В. К. Логачевой, продемонстрировавшей продуктивную систему обучения программ практической транскрипции, которые позволяют с высокой степенью точности отразить необходимый фонетический и орфографический образ переводимого слова [Логачева, 2012]. В своей работе она показала, что существующие на данный момент компьютерные технологии позволяют прежде всего сформировать звуковой образ слова при помощи звукового синтеза речи, а уже на основе этого образа создавать орфографическое написание. Сегодня есть необходимость использования специализированных программ при формальной транскрипции, которые бы создавали более приемлемый с лингвистической и логической точек зрения облик переводимого слова.

Ключевой аспект в современной переводной ономастике — это процесс адаптации иноязычных онимов и заимствованных эквивалентов из других языков. Например: miss (англ. Miss мисс); first leidi (англ. first lady первая леди); Arjeta: Арьета, Аржета, Arieta/ Arjeta; Çitozi: Chitosi — Читози; Jezim: Джезим/ Езим, Ezim, Zhezim; Shehi: Шехи, Shekhi; Arjana: Арьяна, Арджана, Aryana; Konstandini: Констандини, Константин, Konstantin; Spresë: Шпреса, Шпресса, Спреза, Спреса, Шпреза, Shpressa, Shpreza, Shpresa; Adjim: Аджим, Азим, Ажим, Ajim, Adzhim, Azim и т. д. Как мы можем видеть, если ИС написано на русском языке, то в переводческой русско-английской практике используется не запись оригинального имени в латинице, а транскрипция, исходя из правил фиксации русских имен.

Сложности адекватной передачи албанских ИС обусловлен тем, что сама история Албании служит яркой иллюстрацией тесного взаимодействия разных племен, народов, этносов на протяжении тысячелетий. В связи с тем албанский этнос сформировался из конгломерата

этноконфессиональных слоев албанского языческого, христианского православного, христианского католического, мусульманского суннитского миров, то это внесло существенное многообразие в состав албанского именника. Вместе с тем некоторые имена имеют сложившееся написание в русском языке, типа: Константин, Азим, Лоренс (Lorenc/ Lorenk — алб), что при записи албанских имен в русских документах и литературе мы можем встретить как в исходной албанской форме, так и в форме, принятой в русской орфографии.

Мы считаем, что из-за этого также происходит инвариативность и путаница, что существенно затрудняет работу с метрическими данными и может, в свою очередь, создать ненужные сложности в юридическом плане между функционирующими в русско-албанском коммуникативном пространстве иностранными и родными именами собственными и словами.

Литература

Kapo Irena Pata. English language influence in the 21st century Albania and English loans in the Albanian language// Problems of education in the 21stcentury. — Volume 33. — 2011. — P. 41– 49.

Логачева В. К. Обзор методов машинной практической транскрипции // Новые информационные технологии в автоматизированных системах. 2012. №15. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-metodov-mashinnoy-prakticheskoy-transkriptsii. дата обращения: 10.05.2021.

Пономарева, Е.Г. Албанский фактор дестабилизации Западных Балкан: сценарный подход // Вестник МГИМО. — 2018. — № 2 (59). — С. 99–124.

Терехова, Е. В. Что в имени тебе моём? (трудности перевода имен собственных) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2008. №6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/chto-v-imeni-tebe-moyom-trudnosti-perevoda-imen-sobstvennyh (дата обращения: 02.09.2021).

Шехи, Э., Карабулатова, И.С., Ниязова, Г. М., Хуонг, Т.Т. Специфика поликодовых новостных текстов о COVID-19 с включением имен собственных (ИС) в электронном социально-политическом

дискурсе в мифолингвистическом аспекте: на материале разноструктурных языков // Вопросы современной лингвистики и изучения иностранных языков в эпоху искусственного интеллекта. Сборник научных трудов Международного научного форума, посвященного Всемирному дню науки за мир и развитие. Под ред. С. А. Каскабасова, Н. Г. Валеевой. — Москва: РУДН. — 2020. — С. 179–188.

Проблемы языковой и социокультурной адаптации детей мигрантов в Японии

Шипилова М.А.

(Россия, Москва)

Образ моноэтнической Японии (単一民族国家 *танъицу миндзоку кокка*) утвердился в сознании многих на уровне мифа. Однако усилившиеся в конце XX и первой четверти XXI века процессы глобализации и интернационализации, а также изменение внутренней демографической, социально-экономической и политической обстановки стимулировали включение Японии в глобальные и региональные миграционные процессы. Если в 1979 году доля мигрантов в общей численности населения составляла 0,67%, то в 2018 этот показатель впервые за всю историю превысил 2%. Конечно, до сих пор 98% населения — это японцы, представители титульной нации. В действительности же данная цифра включает не только народ Ямато (собственно японцев), но и жителей южных островов Рюкю, народ айну и некоторые другие коренные народы Японии, а также натурализованных иностранцев и детей от смешанных браков, имеющих японское гражданство. Это уже дало ряду исследователей повод для опровержения мифа о гомогенности Японии [Murphy-Shigematsu 1993; Weiner 2009; Yamamoto 2015]. Оставшиеся 2% — иностранцы, преимущественно граждане Китая (0,6%), корейцы (0,3%),

представители других стран — Вьетнама, Филиппин, Бразилии, Непала, Индонезии.

Вместе с увеличением численности мигрантов, многие из которых приезжают в страну по рабочим визам, увеличивается и численность детей мигрантов. В 2020 году их было уже более 300 тысяч — в основном это рождённые и выросшие в Японии мигранты во втором или даже третьем поколении или дети от смешанных браков, а также дети иностранцев, работающих или длительно проживающих в Японии. Учитывая высокие темпы старения и сокращения численности японского населения, а также возрастную структуру иммиграции в Японии, можно предположить, что иностранцы составят не менее 10-15% новоиспечённых взрослых уже в этом десятилетии.

Описанная динамика указывает на необходимость изучения особенностей процессов социокультурной адаптации детей мигрантов в современном японском обществе. Социокультурная адаптация подразумевает освоение ценностей, норм и стандартов поведения принимающего общества, овладение языком этнического большинства, паритетное общение и взаимодействие с местным населением [Южанин 2007: 75]. От успешной адаптации зависит не только дальнейшее развитие личности ребёнка-мигранта, но и стабильность, процветание японского общества, в котором он будет жить бок о бок с японцами.

Однако между детьми мигрантов и детьми японцев, как, собственно, и между родителями первых и вторых, существуют внешние, культурные и структурные различия — начиная от уровня владения языком и религиозной принадлежности и заканчивая финансовым положением и составом семьи, — которые могут становиться препятствиями на пути к адаптации.

Преимущественно сложности, с которыми сталкиваются дети мигрантов в процессе социокультурной адаптации, связаны с учреждениями системы дошкольного,

школьного или высшего образования, которые являются основными институтами социализации ребёнка. В заявлениях официальных лиц, а также исследованиях социологов, педагогов и культурологов упоминаются три основных проблемы: недостаточно широкий охват детей мигрантов национальной системой образования, низкий уровень перехода учащихся на следующие ступени обучения и высокие показатели отсева [Tokunaga 2018: 2].

По данным Министерства образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии (MEXT), в 2019 году из 124,000 детей-иностранцев в возрасте от 6 до 15 лет примерно 16% не посещали учебные заведения. Согласно японской Конституции, Основному закону об образовании и ряду других нормативных актов, первые девять классов школы являются обязательными. Однако это обязательство касается лишь 国民 *кокумин* — граждан Японии — и не затрагивает детей мигрантов, которые не имеют японского гражданства. Как следствие — в отличие от японских граждан, чьи дети числятся в национальном реестре, семьи мигрантов не получают уведомлений о записи их детей в общеобразовательные учреждения. Им необходимо самостоятельно обратиться в местные органы власти, чтобы получить нужную информацию. Этот процесс может осложняться недостаточным знанием родителями ребёнка японского языка или непосредственно процедур, связанных с поступлением в учебные заведения. Особенно часто с этой проблемой сталкиваются дети из семей, в которых ни один из родителей не является японцем.

На показатели перехода и отсева среди детей мигрантов оказывают влияние как субъективные факторы (уровень владения японским языком, индивидуальные особенности ребёнка, его готовность и способность приспособиться к местной культуре и образу жизни, семейные обстоятельства), так и внешние, в частности, особенности японской системы школьного образования и японского общества в целом.

Лингвистическая компетенция. Обучение в японских школах проводится на японском языке, что исключает из образовательного процесса тех детей, которые не владеют японским языком в достаточной степени. По данным исследования MEXT за 2018 год, 40,755 детей с иностранным гражданством и 10,371 ребёнок с японским гражданством нуждались в языковой поддержке.

Лингвокультурная компетенция. В японской школьной культуре, построенной на идеях однородности, сплочённости и единства, критикуется яркое проявление индивидуальности. Быть непохожим на других, выделяться внешне или высказывать собственное мнение, отличное от мнения большинства и таким образом нарушающее гармонию в коллективе, зачастую означает превратиться в объект насмешек, ненависти или открытого физического насилия. Травля учеников средней и старшей школы (いじめ *идзимэ*) является одной из наиболее серьёзных проблем японского социума.

Финансовое положение семьи. По приблизительным оценкам, до 50% детей-мигрантов не могут успешно сдать вступительные экзамены в среднюю или старшую школу и ВУЗы из-за плохого знания языка и недостаточного уровня подготовки. Чтобы победить в войне за место в учебном заведении, родители отправляют детей на дополнительные курсы (塾 *дзюку*). Ежегодно стоимость *дзюку* в начальной школе составляет от 53 до 253 тысяч йен, в средней школе — от 153 до 203 тысяч йен, в старшей школе — от 107 до 129 тысяч йен, причём стоимость курсов повышается по мере приближения к выпускному году. Такие курсы, которые посещают большинство японских школьников, зачастую становятся непосильным бременем для детей из иммигрантских семей с низким уровнем дохода, особенно из семей с одним кормильцем. В результате дети мигрантов бросают школу и идут по стопам родителей, становясь

работниками низкой или, в лучшем случае, средней квалификации. Часть учеников перестаёт ходить на занятия по иным семейным обстоятельствам, например, если им приходиться подрабатывать, чтобы обеспечить семье более высокий уровень дохода, или выполнять работу по дому, например, заботиться о младших братьях и сёстрах.

Особенности японской системы образования и японского общества. В Японии приоритет всегда отдавался ассимиляционной политике, а разнообразие (*diversity*) и мультикультурный подход (*multicultural education*) никогда не были присущи системе образования, как и другим социальным институтам. В японских школах не поощряется индивидуальный подход к ученикам, нет специальных программ для отстающих либо, наоборот, одарённых детей. Таким образом, у детей мигрантов, отставших от программы, не остаётся шансов без посторонней помощи нагнать своих сверстников. Актуальным в этой связи остаётся и вопрос сопоставимости японских и иностранных школьных программ.

В дополнение к этому, система японского школьного образования подразумевает не только передачу знаний по гуманитарным и естественным наукам, но и фактически учит жить в японском обществе. В начальной и средней школе есть предмет, именуемый «Моральным воспитанием», на который в первые шесть лет обучения отводится в 3 раза больше учебных часов, чем на изучение иностранного языка. Цель «морального воспитания» — привить детям определённые модели поведения и сформировать «японское отношение» к окружающему миру. Дети мигрантов же, будучи воспитанными в инокультурной среде, нередко продолжают следовать другим моделям поведения — как в социальном взаимодействии, так и в процессе обучения, — что может становиться причиной отчуждения и дискомфорта.

Дети, не посещавшие школу вовсе или не сумевшие перейти на более высоки ступени обучения, в дальнейшем так и остаются не интегрированы в общество: по данным переписи населения за 2015 год, по меньшей мере 7,7% иностранцев в возрасте от 15 до 19 лет не ходили в школу и не были трудоустроены. Этот показатель в 2 раза хуже, чем у их японских сверстников.

Органичное включение иностранцев в жизнь японского общества — важный, но непростой и длительный процесс, который в первую очередь требует корректировки существующей системы образования и широкой разъяснительной работы, повышения осведомлённости среди местного населения с тем, чтобы люди стали толерантными и более открытыми. Большую роль в этом должны сыграть органы местного самоуправления, НГО и НКО, волонтёры, школы и учителя, которые уже имеют опыт работы с детьми иммигрантов, родители детей-иностранцев и диаспоральные сообщества.

Литература

Южанин М. А. О социокультурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу //Социологические исследования. — 2007. — №. 5. — С. 70-77.

Murphy-Shigematsu S. Multiethnic Japan and the monoethnic myth //Melus. — 1993. — Т. 18. — №. 4. — С. 63-80.

Tokunaga T. Possibilities and constraints of immigrant students in the Japanese educational system. — Background paper for the 2019 Global Education Monitoring Report, UNESCO, 2018: 1-16.

Weiner M. (ed.). Japan's minorities: the illusion of homogeneity. — Taylor & Francis, 2009. — Т. 38.

Yamamoto K. The Myth of Nihonjinron, Homogeneity of Japan and its Influence on the Society. — CERS Working Paper 2015: 1–6. https://cers.leeds.ac.uk/wp-content/uploads/sites/97/2016/04/The-myth-of-%E2%80%9CNihonjinron%E2%80%9D-homogeneity-of-Japan-and-its-influence-on-the-society-Kana-Yamamoto.pdf, 2015.

Средний класс как крылатая языковая единица в Рунете

Шкуран О.В.
(Луганск, ЛНР)

Постановка проблемы

Современное медиапространство ориентировано на массовую коммуникацию и продуцирование мыслей, идей, опыта в личностное хранилище каждого человека. Такое лингвистическое поле разнообразного базиса информации обуславливает речемыслительную деятельность всего социума, формирует иерархию культурных ценностей целого народа.

Как известно, язык не только передает информацию, но и воздействует на личность, формирует ее, изменяя в лучшую или в худшую сторону, вмешивается в нашу картину мира, а, следовательно, опосредованно на ценностные приоритеты человека. Тем самым язык из категории чисто лингвистической превращается в реальную общественно-политическую силу и становится культурологической категорией.

Одной из сложных языковых единиц (ЯЕ), содержащих в себе многоуровневую структуру является *средний класс*, иллюстрирующая понятийный, ценностный и образный компоненты и относящаяся к потенциальным называться крылатой единицей. При выборе ЯЕ мы руководствовались тем, что семантика устойчивой единицы Рунета *средний класс* представлена различными формами вербализации с нестабильной актуализацией в Рунете.

Цель статьи — выявить представление лексикографических, когнитивных свойств языковой единицы *средний класс*, проявляющихся в закономерностях его функционирования; определить основные тенденции

рассмотрения и понимания ее как крылатой языковой единицы, входящей в активный словарный запас современной русской культурно-языковой личности.

В соответствии с целями данной работы использовались функционально-семантический метод, описательный метод синхронного лексикологического анализа материала, контекстуальный анализ.

Результаты исследования и их обсуждение

«Словарь современного русского литературного языка АН СССР Институт русского языка» иллюстрирует дефиниции лексемы *средний*: 1) ʻнаходящийся, расположенный в середине, между двумя лицами, предметами и т.п.; равноудаленный от краев, концов чего-либоʼ; 2) ʻпромежуточный по своим свойствам, признакам между двумя крайними, противоположными свойствами, признакамиʼ; 3) ʻни хороший, ни плохой; посредственныйʼ; 4) ʻполучаемый делением суммы нескольких величин на их количество; обычный, нормальный для группы каких-либо явленийʼ [ССРЛЯ, 1963: 641 — 642].

«Толковый словарь русского языка конца XX ст.» (ТСРЯ) иллюстрирует два тождественных значения исследуемой языковой единицы — ʻсредний классʼ (ʻсовокупность социальных групп, объединяющая людей со средним достатком: учителей, врачей, рабочих и т.д.ʼ) [ТСРЯ 1998: 296] = средний слой [ТСРЯ 1998: 609] (ʻэто слой людей разного, не наивысшего, но всегда приличного, приличествующего человеку и гражданину общества достаткаʼ) [ТСРЯ 1998: 592]. Высшим слоем называют ʻлиц, входящих в органы государственного и местного управления, начальство, администрация; центральные органы управления государствомʼ [ТСРЯ 1998: 147]. Высший слой чаще называется лексемой *олигарх* 1) 'в античности и средневековье: лицо, принадлежавшее к правящей группе,

являвшееся членом олигархического правительства'; 2) 'представитель крупного монополистического капитала' [МАС 1999: 615].

Как видим, синкретичность адъектива *средний* позволяет нам рассматривать его как в лексикографическом, так и в функциональном аспектах, признанном наиболее продуктивным, поскольку является инструментом коммуникации среди людей, содержит информационную значимость и фиксирует интеллектуальные и духовные конструкты своего времени.

Стремительное поглощение информационного пространства Рунета привело к созданию особой виртуальной среды, образованной совокупностью множества медиапотоков. Всё это не могло не сказаться на процессах производства и распространения устойчивого выражения *средний класс*, на особенностях языковых изменений в формировании полноценной языковой русскости.

Современный медийный контент, по словам А. С. Макаровой, отличается особой культурной коннотацией, которую адресат способен или должен уметь идентифицировать [Макарова 2019: 274], потому что он является непосредственным свидетелем времени и формирует языковой вкус эпохи. По мнению О.В. Ломакиной, создание особо популярных единиц Рунета претендует на право называться крылатыми единицами [Ломакина 2017: 248]. А такие критерии, как широкая употребительность, оценочность, сверхсловность и др. дают право на регулярность употребления в письменной речи пользователей Рунета.

В отчёте Мирового банка сообщается, что к *среднему классу* мирового уровня причисляют тех, кто может приобретать товары высокого качества, зарубежные машины, путешествовать, а также иметь возможность пользоваться услугами международного уровня, в том числе и высшее образование.

Контент с названием «Ходор» представляет комментарии по поводу статуса *среднего класса* в России, которое оживилось после проведенной Прямой линии В. Путина, где Президент России определил численность представителей среднего класса. Приведем несколько примеров комментариев в данном контенте: участник диалога с ник-неймом *Злой дед* провоцирует гомерический смех своими впечатлениями: *Сегодня с утра шиканул. Вышел в сельпо за хлебушком и кефиром, а пакет забыл. А когда Тоньке, продавщице, небрежно бросил пакет, почувствовал себя Олигархом. И она с уважением на меня посмотрела… **Средний класс** пришел. Бабка не узнала бы — Транжира* (647 лайков, 188 комментариев) [Ходор: URL]. Следующие пользователи определяет так статус среднего класса: *В России, если носки не штопаные и без дырок, — значит **средний класс**; Это не может не напомнить (про средний класс) протокол собрания работников урюпинской гостиницы «Восход», которые общим голосованием признали себя пятизвездочным отелем; — А ты правда средний класс? Скажи что-нибудь **по-среднеклассовски**. — Выручай карта Пятерочки, кэшбек по кредитке, дошик по акции; Мы все средний класс оказывается. Средний — это пресмыкающиеся или насекомые?* и др. [Ответ на пост 70% россиян — средний класс: URL].

Соцсети пестрят синонимическим рядом к выражению *средний класс,* заменяя его лексемами грубой эмоционально-стилистической коннотации *бомжи, бомжары, нищеброды* и др.

Представим несколько примеров амбивалентных медиатекстов, состоящих из двух частей — подписи слогана и иконической части (рисунок, фотография), которые формируют в медиапространстве новые смыслы.

Рис. 1

Иконическая часть представлена двумя фиолетового и оливкового цвета избирательными урнами с надписью: «Средний класс», «VIP», с ними соответственно стоящие скромно одетый, слегка не бритый, избиратель с сумкой и дорого одетый, в солнцезащитных очках, в самоуверенной позе, облокотившись об урну, олигарх. В данном тексте произошла импликация компонентного состава выражения, семантика искажена, планомерно разворачиваются бинарная метафора *средний класс — это бедный класс* и гипербола *Олигарх — хозяин жизни*, которые формируют иронический подтекст, используя классический прием совмещения несовместимого и преувеличения.

Рис. 2

Медиатекст состоит из двух иконических частей, разделенных с надписью *средний класс*. Внизу на деньгах стоит состоятельный человек, оперев одну ногу на стопку увеличенных монет золотого цвета, смотрит вверх на силуэты людей, стоящих в брючных костюмах. Фон картинки однотонно голубой. Речь идет об основной массе людей, относящихся к среднему классу, но зависящему от того, кто руководит денежными потоками и кто управляет государством.

Рис. 3

В третьем трансформере-медиатексте на фоне фотографии двух представителей среднего класса, сидящих на лавке во время обеденного перерыва с бутербродом, кефиром и газетой в руках, приведена реплика*: Вот не пойму, мы низший слой* ***среднего класса*** *или средний слой низшего*. От инварианта сохранился базовый компонент 'промежуточный', текст использует отрицательную частицу *не* и союз *или*, на которые падает логическое ударение. Крылатое выражение приобретает семантику ‘средний слой населения не осознает себя таковым’, а продуктовый подбор из кефира и бутерброда ностальгирует за советским периодом обеденных перерывов трудового класса, не отходя далеко от рабочего места и придерживаясь диетического рациона.

Выводы. Рассматривая данный текстовый материал в качестве универсальной вербальной формы сохранения и отражения культурного опыта, можно не только разъяснить национально-культурную специфику мировосприятия, но и проследить изменения в развитии общественного мнения и в речи русского человека среднего класса. Многообразие ставит человека в ситуации выбора семантики языковой

единицы *средний клас*с, которая приобретает статус крылатого выражения. Несомненно, она является компонентом языка медиапространства; на понятийную, ценностную и образную составляющую влияет уровень формата медиатекста, уровень языковых средств и уровень содержания [Шкуран 2020: 70–71]. Крылатое выражение манифестировано В. Путиным, а администраторы контентов вносят деструкцию в сознание русской языковой личности. Медиапространство позиционирует крылатое выражение *средний класс* как ложный сакрализатор, который приобретает следующую семантику 'представитель общества, материальные доходы которого не соответствуют его профессиональной занятости, зависящие от олигархического сообщества и жаждущие лучшего материального благополучия'. Несомненно, финансовая составляющая жизни человека играет важную роль, но культурно-духовная жизнь и современный язык определяют будущее всего народа. Средний класс — это мощная интеллектуальная, образовательная, духовная сила русского народа.

Литература

Ломакина О.В. Роль крылатики в интернет-дискурсе: к постановке проблемы // III Фирсовские чтения. Лингвистика в XXI веке: Междисциплинарные парадигмы: материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции. Москва, 14–15 ноября 2017 г. Москва: РУДН. 2017. С. 247–254.

Макарова А. С. Реализация трансформационного и креативного потенциала крылатики в медиадискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. № 2. С. 273–278.

Шкуран О.В. Сакральная жертва как крылатая языковая единица в лексико-фразеологическом пространстве «русскости» // Научно-теоретический журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке». Серия «Культурно-языковая личность». Хабаровск. 2020. Т.5. № 65. С.60 — 71.

Ответ на пост 70% россиян — средний класс. Электронный ресурс: https:// Putin.tass.ru (дата обращения: 24.08.2021)
Ходор. Электронный ресурс: https://hodor.lol/post/191943/ (дата обращения: 24.08.2021)

Использованные источники

МАС — Малый академический словарь русского языка. В 4-х томах / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Изд-во «Русский язык», «Полиграфресурсы». 1999. 2 т. 736 с.
ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка АН СССР Институт русского языка / под ред. Л.И. Балахоновой, Л.А. Войновой. Изд-во АН СССР Москва-Ленинград. 1963. 14 т. 1390 с.
ТСРЯ — Толковый словарь русского языка конца XX ст. Языковые изменения. Под ред. Г.Н. Скляревской. Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. Изд-во «Фолио-Экспресс», 1998. 700 с.

Новые тенденции в языке СМИ: речевые ошибки или особые приемы? (на примере испанского языка)

Яковлева В.В., Верещинская Ю.В.

(Россия, Москва)

За последние несколько лет язык СМИ претерпел существенные изменения, которые можно наблюдать во всех жанрах и форматах медиатекста и во многих видах телевизионных и радиопрограмм, не посвященных преимущественно развлекательной сфере и рекламной индустрии. Эти изменения связаны не только с глубоким проникновением языка социальных сетей во все сферы коммуникации, включая информационные и аналитические жанры журналистики (как часто в новостных программах цитируются высказывания политических деятелей, опубликованные ими в Твиттере!), но и с очевидным общим

падением грамотности, а также с тем фактом, что зачастую ведущими теле и радиопрограмм становятся люди, ставшие популярными на ином (не журналистском) поприще и привносящие в язык медиатекста элементы, характерные для их профессиональной коммуникации.

Подобные процессы происходят во многих языках и вызывают у лингвистов живейший интерес. Однако среди исследователей языка, деятелей культуры и искусства, политиков, работников системы образования растет беспокойство по поводу таких неоднозначных элементов, появляющихся в современном испанском языке. Так, испанский лингвист С. Фернандес-Прьето выражает озабоченность тем фактом, что испанский язык, который имеет такую богатую историю и который насчитывает такое огромное количество говорящих на нем, в современном состоянии изобилует речевыми ошибками и характеризуется невежеством его носителей [S. Fernández-Prieto, 2013: 11]. С другой стороны, поражает, насколько быстро входит в употребление меткое выражение, подобранное журналистом осознанно или по ошибке. С. Фернандес-Прьето приводит в пример беседу с работником сельского хозяйства, который подробно рассказывал об артезианских скважинах (pozo artesiano): репортер в ответной реплике использовал выражение pozo cartesiano (источник картезианства), и с этого момента интервьюируемый стал говорить именно так: pozo cartesiano. Автор считает, что подобные явления отражают силу воздействия (но и ответственности!) слова, исходящего от СМИ [S. Fernández-Prieto, 2013: 13]. Не единичны случаи появления оговорок, когда журналист работает в прямом эфире или репортаж ведется в условиях быстрой смены событий и необходимости комментировать их так же быстро. Такие ошибки простительны, поскольку объясняются обстоятельствами их совершения.

Однако источником речевых ошибок, появляющихся в медиапространстве и подхватываемых реципиентом, могут

стать также и участники многочисленных ток-шоу, приобретающих все большую популярность. В этих программах можно наблюдать элементы, характерные для разговорной речи, просторечья, зачастую жаргонную или бранную лексику. Подобные сниженные элементы отражают явление коллоквиализации языка, часто используемое в информационных или аналитических жанрах для расширения аудитории и привлечения новых слушателей, зрителей, читателей.

Среди очевидных речевых ошибок, обнаруженных в теле и радиопрограммах, а также в печатной прессе, можно выделить следующие группы:

1) Лексические ошибки, связанные с неправильным употреблением или незнанием некоторых терминов, фразеологических единиц, крылатых выражений, исторических событий или личностей:

Известная актриса вспоминает недавно скончавшегося коллегу: “Era un gran actor, pero se ponía hecho un *obelisco* cuando se enfadaba” — ошибка основана на том, что говорящий путает слово «обелиск» с названием мифического существа василиска, ставшим компонентом фразеологизма hecho un basilisco, отчего складывается совершенно иной образ.

Ведущая утренней информационно-развлекательной телепрограммы утверждает: “Los cerezos son muy *alérgicos* en primavera”, не делая различия между alérgico и alergénico (аллергический и аллергенный).

В одном из радиоэфиров ведущий комментирует особенности испанского характера: “Los españoles somos *convulsivos* por la naturaleza, primero actuamos y después pensamos”. Под convulsivos имелось в виду impulsivos.

2) Ошибки в согласовании глагольных форм:

“Luego hablaremos de otros problemas que *hubieron*”.
“También en aquellas inundaciones *hubieron* muchos

animales muertos" — неправильное употребление глагола haber в безличной форме.
"La mayor parte *murieron* en el metro". "La gente *estaban* muy afectados en la concentración" — нарушение согласования подлежащего, выраженного собирательным существительным, и сказуемого.
"El entrenador ha convocado a veintiún *jugador*". "Más noticias cuando *son* la una de la terde" — ошибки в согласовании существительного и глагола с числительным uno (один).

3) Ошибки при указании рода существительного:

"No quedan más que 600 ejemplares de *este* ave".
"Es *el* mejor agua que he probado".
"En 1941 los Estados Unidos utilizaron *el nuevo* arma de excepcional potencia".

4) Ошибки при образовании форм множественного числа существительных или прилагательных:

"Siete personas han muerto por bombardeos *israelís*" вместо israelíes.
"Los pisos *pilotos* apenas tienen visitantes aunque es de fin de semana" вместо pisos piloto.
"No importa, *cualquiera* que sean las circunstancias, no admito insultos personales" вместо cualesquiera.

5) Избыточное использование предлогов и, напротив, их опущение:

"El portavoz ha negado *de que* ha habido este proceso de negociación".
"Les puedo asegurar *de que* todo está riquísimo".
"Yo supe *de que* estaba muy mal desde el jueves".
"Estamos encantados _ que hayas venido".
"Tenemos que avisar a los clientes _que tengan cuidado al alquilar un coche".

Однако следует отличать речевые ошибки от таких явлений как, например, намеренное использование

феминитивов, поскольку феминитивы выполняют некую социальную функцию: они отражают тенденцию в обществе к гендерному равенству. В испанском языке наряду с формами, традиционно используемыми в мужском роде (ellos), появляются не только формы с окончанием женского рода (ellas), но также и формы, оканчивающиеся на –es и тем самым нивелирующие обозначение гендерной принадлежности лица (elles).

В апреле 2021 года министр по вопросам гендерного равенства Ирене Монтеро в своей речи в рамках предвыборной кампании обратилась к избирателям, используя все три формы обозначения рода и прибегла к этому приему десять раз за пятнадцать минут выступления: “Buenas tardes a todos y a todas, y a todes”, “ser escuchados, escuchadas y escuchades”, “hay un niño, una niña, un niñe”.

Бывший председатель правительства Испании Мариано Рахой обвиняет нынешние власти страны в чрезмерной политизации языка посредством включения в речь таких слов как todes, hijes и др. и расценивает это как усиленную пропаганду.

В июне 2021 второй заместитель председателя правительства Испании Иоланда Диас предложила при наименовании понятия родина отказаться от термина patria (отечество), поскольку он напоминает о тяжелом историческом прошлом страны, и заменить его термином matria («матчество»), поскольку государство должно относиться одинаково бережно ко всем своим гражданам как мать к своим детям.

Использование политиками подобных приемов А. Грихельмо считает искусной манипуляцией общественным сознанием с целью привлечения новых сторонников и избирателей [A. Grijelmo].

Медиапространство оказывает значительное влияние на сознание людей и культуру языка в целом, поэтому, когда язык СМИ далек от нормы, сложно добиться высокого

уровня речевой культуры общества. Задача журналиста состоит в том, чтобы, обращаясь к широкой, разнообразной аудитории, создать такой медиатекст, который сформирует правильный речевой массив.

Литература

Серпикова М. Язык и стиль СМИ. М.: РУТ МИИТ, 2017.

Fernández-Prieto S. Palabras al aire. Madrid, 2013.

Grijelmo A. Propuesta de acuerdo sobre el lenguaje inclusivo. Barcelona, 2019.

Grijelmo A. Buenos días a todos, a todas y a todes. El País, 23-04-2021. https://elpais.com/ideas/2021-04-23/buenos-dias-a-todos-a-todas-y-a-todes.html дата обращения 23.07.2021

СОДЕРЖАНИЕ

Алексахин А.Н. Звукобуквенный стандарт слова китайского языка путунхуа как эпохальное событие в истории развития китайской цивилизации 3

Аль-Авад А.Р. Слово «Творитель» в арабском химическом дискурсе 5

Alchaabawi S., Balandina E.S. The Role of Pronouns in Olympic Games Discourse 2020: Corpus Assisted Critical Discourse Analysis 11

Антонова Е.Н., Ершов В.И. Прагматические мотивы устойчивых языковых структур в лингвопоэтике 16

Анумян К.С., Карабулатова И.С. Портрет армянского мигранта в стране приема: эмотивно-коммуникативный аспект 22

Балабанова Т.Н., Балабанов В.Б. Лексические особенности дидактического дискурса (на материале формулировок учебных заданий по немецкому языку как иностранному) 27

Балан Е.Г. Закон о демократической памяти в дискурсе испаноязычных СМИ 33

Банкова Л.Л. Способы обозначения кратных чисел в древнекитайском языке 37

Безкоровайная Г.Т., Гишкаева Л.Г. Тематическая группа *титулы знати/nobility titles* в английском и русском языках в словарях и текстах художественных произведений XIX века 41

Bekoeva I.D. Representation of the onyms in social communication and different ways of conveying their meanings in target languages 48

Белов В.А. Когнитивные механизмы семантической адаптации заимствований в русском языке 52

Бредис М.А. Отражение ценностных установок в паремиях тюркских народов Саяно-Алтая (на примере тувинских и хакасских пословиц о скупцах на евразийском паремиологическом фоне)..... 58

Валуйцева И.И. Оптика дискурса о будущем 64

Василенко Е.Н. Соотношение конфликтного и интолерантного типов дискурса 68

Васюков А.Д. Региональный язык: опыт лингвистического активизма в Кашубии 72

Викулова Л.Г., Герасимова С.А., Серебренникова Е.Ф. Миграция как контекст идентификационных установок в медийном пространстве .. 78

Воронцова Г.Н. Концепты ДОБРО и ЗЛО в текстах русских народных сказок..... 85

Воропаев Н.Н. Слово и фразеологизм в китайском языке: лингвокультурологические и аксиологические аспекты 92

Габриелова Е.В., Максименко О.И. Динамика процессов миграции: дискуссия в Twitter 99

Гарсия-Каселес К. Краткий анализ переводческих трансформаций поэтического произведения Габриэлы Мистраль «Печальный бог» в переводе Л. Кириллиной 105

Глазанова Е.В., Руднева Е.А. Как россияне понимают текст информированного согласия на медицинское вмешательство 112

Глуханько Л.В. О понятиях «афоризация» и «афористичность» в связи с развитием теоретической афористики как лингвистической дисциплины..... 119

Говорова Л.А. Влияние категории рода на восприятие мира носителями языка (на материале испанского языка) . 123

Golyakevich N.D. About Variations in Translation the Gerund from Russian into English in the Belles-Lettres 128

Горбачева Ю.В. Концепт «Война» в современном медиадискурсе Донбасса 133

Gromyko V.D., Pavlina S.Yu. The Representation of Flirtation in British and American Fiction from the Functional Pragmatic Perspective 139

Губич П.А. Вводные упражнения на занятиях по английскому языку в высшей школе 144

Гумма О.А. Negative Nancy vs Positive Polly: о проблеме отбора и методике преподавания устойчивых выражений с именем собственным в современном английском языке . 150

Гуревич Т.М. Юмор в контексте диалога культур 156

Давтянц И.И. К вопросу о роли лексических прагматических маркеров в формировании образа «чужого» в период пандемии коронавируса (на материале американских СМИ) 162

Джиоева В.П. Проблемы передачи реалий общественно-политической жизни в переводе 168

Дружков Я.М. Сохранение идиостиля поэта в условиях эмиграции (на примере произведений Мануэля Альтолагирре) 173

Духовная Т.В. Функции многоязычия в кино 177

Евграфова Ю.А. Симулякр в экранном тексте: вербальный и невербальный уровни 183

Ерастова Д.А., Серикова И.А. Идиоматика: лингвокультурологические и психолингвистические аспекты 185

Ermolenko A.Yu. Localization of foreign films by transferring the expressiveness of the movie titles (based on the material of English and Russian languages) 188

Желтухина М.Р. Коммуникативные стратегии современного миграционного медиадискурса: проблемы и перспективы 193

Журавлева Е.В. Когда спит койот и зачем слушать сову: заметки о мексиканской фразеологии 199

Зверева Е.В. Восприятие неологических процессов в лексическом поле концептосферы «COVID-19» носителями испанского и французского языков в условиях коммуникативных ситуаций публицистического дискурса и дискурса соцсетей..... 204

Ivanishsheva O.N., Liang M. The Image of a Horse in Russian and Chinese Proverbs and Sayings 211

Иванов Е.Е. Метод синхронической дифференциации общего с другими языками vs. национального компонентов пословичного фонда языка..... 216

Игнатенко А.В., Дорофеева Е.А. Коммуникативные приёмы как часть психолингвистических тактик в политическом дискурсе..... 222

Илмаз-Леденева Т.О. Коммуникативные стратегии и тактики движения против гендерного неравенства в социальной сети Instagram 228

Ильина Н.Ю., Келехсаева А.А. Лексико-семантическая группа «Традиционная одежда» в нигерийском варианте английского языка 234

Kameh Khosh N. Communicative Styles and Politeness Strategies of Response to Thanking in British and Persian Family Setting..... 241

Карпинская Н.В. Соматический код русских фразеологизмов с компонентом бок 246

Катермина В.В. Английский неологический дискурс в зеркале глобализации 252

Кирюхина Л.В. Трактовка категории 静字 цзинцзы в грамматике Ма Цзяньчжуна 258
Klimut K.O. Language of the Modern News Discourse 265
Ковригина А.И. Лингводидактический аспект дискурсивного анализа испанского газетного заголовка 270
Kolar K. The Relativity of Politeness: A Multicultural View on Email Communication 276
Комкова Н.И. Поморский язык как источник фраземикона Б.В. Шергина 282
Корнев В.А., Дедова О.М. Роль переводчика как интерпретатора речевой ситуации 288
Кошелева И.Н. Обучение грамматике английского языка: студентоцентрированный подход 294
Kunecová Z., Kačmárová A. Treating a Lingua-Culture-Specific Grammar Pattern in English, Slovak, and German 300
Курьянович А.В., Серебренникова Е.А. Концептосфера русского учебно-языковедческого текста: к постановке проблемы 312
Лаврова Н.А. Межъязыковая омонимия в болгарских, русских и английских устойчивых выражениях как результат дивергентного языкового развития 318
Левина О.М. К вопросу об идентификации речевой манипуляции при обучении студентов языкового вуза межкультурному медиаобщению..... 324
Lemerle K.S. The Influence of Positive Emotions and Thoughts on Learning English as a Second Language..... 330
Лентовская А.В. Сопоставительное исследование дискурсивных формул в преподавании русского языка как иностранного 336
Липириди С.Х. Новая лексика туристического дискурса как отражение социокультурных трансформаций эпохи глобализации 342

Литвинова А.В. Различия в реализации речевого акта Отказ в американской и русской коммуникативных культурах (на примерах отказа на просьбу о помощи) 348

Лутфуллина Г.Ф. Прагматические особенности обозначения лица в татарском языке..... 352

Маевский В.М. Признаки и свойства имплицитной коммуникации, используемой в Интернет-дискурсе 356

Макарова А.С. Тематические доминанты православной медиапроповеди: к постановке проблемы 362

Malakhova V.L. Advantages of Functional Transformation Method as Applied to Analysis of Sense Formation 368

Мартыненко И.А. Репрезентация реалий Нового Света в микротопонимии Испании..... 374

Машкова Л.А. Об особенностях функционирования фразеологических единиц в британском медиадискурсе 379

Мусохранова М.Б. Архитектоника языка медицины..... 385

Наумова К.М. Представление об индивидуальности (个性 gèxìng) в китайской лингвокультуре (по корпусным данным) 391

Нелюбова Н.Ю., Финская Т.Е. *Война* как компонент аксиологической диады *мир/война* и ее представление во французских пословицах 394

Nivina I.V. Syntactic Parallelism in Literary Text (from the Perspective of the Relationship between Poetry and Prose) 402

Никифорова С.А. Некоторые особенности выражения эмоциональности в разговорном испанском языке Венесуэлы (Карибский район) 407

Ниязова Г.М. Эксплицитные и имплицитные политические высказывания вопросно-ответной формы в современном медиадискурсе 413

Павлина С.Ю. Стратегии восприятия иноязычных образных фразеологизмов: опыт эмпирического исследования 418

Парамонова Д.В. Вербальные особенности медиатрансляции образа российской оппозиции в американских, британских и испанских СМИ..... 424

Петрушевская Ю.А. Учебно-методическое обеспечение преподавания английского языка как основного иностранного для специальности «Романо-германская филология» в Республике Беларусь..... 431

Пономаренко Е.Б. Особенности перевода фразеологизмов в политическом дискурсе (на материале выступлений В.В. Путина) 437

Протасова Н.А. О роли учебных стратегий в преподавании грамматики иностранного языка..... 443

Рингевич В.В. Структура лексикона языковой личности (художественный дискурс)..... 448

Рокотянская М.М. Языковые средства отражения проблем миграции в современной англоязычной и испаноязычной прессе..... 454

Руднева Е.А. Проявление *эйблизма* в публичных текстах (на примере табличек о местах для инвалидов) 458

Смирнова Е.В. Метаязык фламенко как отражение языковой картины мира испанцев 464

Сокол В.В. Гендерный аспект языковой игры в юмористическом дискурсе (синтаксический уровень) 469

Соколова А.Ю., Гавриленко Н.Г. Латинский язык в медицинском вузе: использование личностноориентированной системной иерархической модели преподавания 473

Сорокина Е.М. Российско-китайский диалог в области культуры в условиях глобальной эпидемии 480

Сувандии Н.Д., Кужугет Ш.Ю., Ламажаа Ч.К. Проблема перевода концептов культуры на другой язык (на примере тувинских концептов культуры)..... 484

Сяо Д., Карабулатова И.С. Образ старости в китайской и русской картинах мира 487

Теплякова А.Д. Русскоязычные крылатые слова в современном белорусском литературном языке 493

Федюкина Е.С. Некоторые особенности дискурса пандемии в испанском языке..... 498

Фернандес Буэно А. Междисциплинарый подход к обучению иностранным языкам (по материалам международного культурологического проекта «Русские и испанские традиции и обычаи в цифровом ключе») 503

Han J. A Comparative Study on the Concept “Modesty” in Chinese and Russian Cultures 509

Черкасова А.М. Использование песенного материала для формирования франкоязычной лингвистической компетенции при обучении французскому языку в рамках использования компетентностного подхода на этапе основного общего образования..... 516

Шейпак С.А. Академическое письмо: способы номинализации автора 520

Sadiq T.A. Shelash, Peredrienko T.Yu. The Cognitive and Corpus-based Analysis of the Political Concept..... 526

Шехи Э., Карабулатова И.С. Проблемы фиксации иноязычного онима в русском и албанском языках..... 531

Шипилова М.А. Проблемы языковой и социокультурной адаптации детей мигрантов в Японии . 536

Шкуран О.В. *Средний класс* как крылатая языковая единица в Рунете..... 542

Яковлева В.В., Верещинская Ю.В. Новые тенденции в языке СМИ: речевые ошибки или особые приемы? (на примере испанского языка) 550

Научное издание

V ФИРСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

СОВРЕМЕННЫЕ ЯЗЫКИ, КОММУНИКАЦИЯ И МИГРАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Издание подготовлено в авторской редакции

Технический редактор *Е.В. Попова*
Компьютерная верстка *А.А. Борзенкова*
Дизайн обложки *А.А. Борзенкова*

Подписано в печать 28.12.2021. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 33,02. Тираж 150 экз. Заказ 1441.

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3 Тел.: 8 (495)
955-08-74. E-mail: publishing@rudn.ru

Для заметок

Для заметок